

А. А. Празиускас

**Этнос,
политика
и государство
в современной
ИНДИИ**

Академия наук СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Институт востоковедения

А. А. Празиускас

**Этнос,
политика
и государство
в современной
ИНДИИ**

Москва
«НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
1990

Ответственный редактор
Н. А. СИМОНИЯ

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения АН СССР*

Празаускас А. А.
П68 Этнос, политика и государство в современной
Индии.— М.: Наука. Главная редакция восточной
литературы, 1990.— 304 с.
ISBN 5-02-016908-0

Автор рассматривает взаимодействие этнического фактора и политической системы в Индии с XVIII в. до наших дней, анализирует противоборство различных течений в освободительном движении и их влияние на процессы межэтнической интеграции, изменения государственно-политической структуры независимой Индии в результате межэтнических конфликтов в Пенджабе, Ассаме и других районах, взаимодействие центростремительных и центробежных тенденций в стране.

П 0804000000-117
013(02)-90 164-90

ББК 66.5(5Ид) + 63.3(5Ид)

Научное издание

Празаускас Альгимантас Аугустинович
ЭТНОС, ПОЛИТИКА И ГОСУДАРСТВО
В СОВРЕМЕННОЙ ИНДИИ

Редактор Ж. Д. Смирнская. Младший редактор О. П. Вечерина.
Художник Ю. Н. Зеленков. Художественный редактор Б. Л. Резников.
Технический редактор Г. А. Никитина. Корректор Е. В. Карюкина.

ИБ № 16212

Сдано в набор 09.11.89. Подписано к печати 10.05.90. А-01603. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 19,0. Усл. кр.-отт. 19,38. Уч.-изд. л. 21,85. Тираж 1250 экз. Изд. № 6886. Зак. № 707. Цена 3 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы,
103051, Москва К-51. Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143. Открытое шоссе, 28

ISBN 5-02-016908-0

© Институт востоковедения
АН СССР, 1990
© А. А. Празаускас, 1990

Проблемы этнонационального развития, регулирования межэтнических отношений и упрочения национально-государственного единства занимают одно из центральных мест в общественной и политической жизни большинства стран современного Востока. Это тривиальное наблюдение подтверждается хроникой событий последних десятилетий во всех полиэтничных странах Востока от Марокко до Филиппин и едва ли нуждается в доказательствах. Для углубленного исследования процессов, происходящих в восточных обществах, гораздо важнее вскрыть механизм воздействия этнонациональных факторов на динамику политической системы, т. е. политический процесс, и ее отдельные компоненты (государство, партийную систему, социально-политические нормы, политическое сознание, политическую культуру), а также на характер политического режима как функциональную сторону политической системы. Иными словами, речь идет о выявлении путей и степени воздействия фактора этнической гетерогенности на социально-политическое развитие освободившихся стран.

Не менее существенно раскрыть и другую сторону этой проблемы — воздействие политической системы и ее отдельных подсистем на этнонациональное развитие. Ибо совершенно очевидно, что политика, проводимая государством в сфере национальных (межэтнических) отношений, пути и формы осуществления программ «строительства нации» и «национальной интеграции», характер режима, политическая борьба и другие политические факторы в той или иной мере оказывают влияние на ход и направление этнических процессов, стимулируя либо сдерживая развитие этнического или гражданско-политического самосознания, процессы этнической консолидации, ассимиляции, межэтнической интеграции и др. Хотя этнические процессы обладают собственной динамикой и своими закономерностями развития, их конкретное проявление, а зачастую и основные тенденции в современных условиях производны от общего процесса социально-политического развития полиэтничного общества.

С точки зрения анализа взаимодействия этнической ситуации и политической системы Индия представляет особый интерес. Эта страна обладает более сложным этническим составом населения, чем любое другое государство Старого Света, и заметно выделяется по абсолютным этнодемографическим показателям: пять крупнейших народов Индии насчитывают более 50 млн. человек каждый, примерно столько же имеют числен-

ность от 10 до 35 млн. человек, при этом ни одна из этнических общностей не составляет абсолютного большинства населения. Эти особенности этнодемографической структуры и уровень развития крупнейших народов Индии исключают возможность доминирования одного этноса над остальными и обуславливают необходимость взаимной аккомодации интересов различных этносоциальных сил как предпосылку сохранения и упрочения национально-государственного единства Индии. В условиях политического режима, который в целом можно квалифицировать как буржуазно-демократический (авторитарные черты выступают, как правило, в чрезвычайных ситуациях), подобная аккомодация достигается путем острой и открытой политической борьбы, электоральных баталий, массовых движений, а на периферии политической системы — путем нейтрализации сепаратистских тенденций разнообразными, в том числе политическими, средствами. Причины, ход этносоциальных движений и конфликтов, их воздействие на политическую систему общества прослеживаются на примере Индии гораздо более четко, чем сходные процессы в большинстве восточных стран, и это, с учетом индийской специфики, позволяет глубже вскрыть особенности этнонационального развития полиэтнических стран. Не менее важно и то обстоятельство, что в Индии представлены и активно участвуют в политической жизни этнические общности всех типов, обнаруживаются все возможные типы этнодемографической и этносоциальной ситуации, а также этносоциальных движений. В этом смысле Индию можно рассматривать как гигантскую лабораторию субконтинентального масштаба, в которой воспроизводятся и «проигрываются» практически все основные варианты этнополитического процесса (естественно, за исключением таких путей, как этноцид, массовые репрессии, депортация больших групп населения, нередко практикуемые авторитарными режимами).

Из сказанного никоим образом не следует, что наблюдаемые в Индии этнополитические процессы имеют всеобщий характер и отражают некие общие закономерности, действующие во все времена и во всех аналогичных ситуациях. В наиболее общем плане специфика современной Индии заключается в особом, эклектическом соединении традиционного и современного, дуализме социальных и, в меньшей степени, социально-политических структур. Монополистический капитализм и буржуазно-демократические институты, имеющие относительно широкую и достаточную прочную социальную базу, сосуществуют с кастовой системой, проявляющей особую живучесть, неграмотностью $\frac{2}{3}$ населения, средневековыми суевериями и отсталостью масс. Синтез традиционного и современного проявляется преимущественно во взаимодействии соответствующих структур и институтов, их взаимной адаптации и готовности к сосуществованию; возникающие же вследствие синтеза новые институты, структуры и движения (например, реформация индуизма) оказываются,

как правило, недолговечными и в конечном счете поглощаются дуалистической системой.

Отмеченная особенность имеет прямое отношение к вопросу о специфике этнических процессов, наблюдаемых в Индии. Любой социальный институт — это в конечном счете определенная группа людей, осознающих свою общность. В традиционном обществе основными социальными группами являются большая семья, клан, каста, религиозно-общинная группа (в районах с поликонфессиональным составом населения), община, локальная группа, объединяющая население нескольких соседних деревень. Членство в этих группах определяет структуру самоидентификации индивида и пределы его социального кругозора. Осознание своей этнической принадлежности характерно прежде всего для населения этноконтрастных зон (периферии этноареала, городов) и практически полностью отсутствует в «глубинке» этноареалов. Иными словами, этническое самосознание не является обязательным компонентом структуры самоидентификации в традиционном обществе. Оно возникает по мере расширения социального кругозора в процессе модернизации, под воздействием средств массовой информации, политических факторов, роста географической мобильности и представляет собой такой же новый элемент структуры самоидентификации, как и социально-классовая (в отличие от кастовой) и гражданско-политическая идентичность (осознание принадлежности к индийской «нации»). Многомерность социального пространства и его резкое расширение в процессе модернизации, изменение (интенсификация либо ослабление) старых и возникновение новых социальных связей определяет не только сложность структуры самоидентификации, но и многие существенные ее особенности. К таким особенностям можно отнести подвижность и неустойчивость, проявляющиеся в том, что под воздействием разнообразных факторов (социальных, политических, идеологических, экономических и др.) в отдельные промежутки времени и в конкретных ситуациях ведущим может выступить любой компонент: кастовый, конфессиональный, этнический, социально-классовый, гражданско-политический и т. д. Этим объясняются — на уровне социальной психологии — неожиданные подъемы и такие же резкие спады различных социальных, в том числе этносоциальных, движений, непредсказуемость политического, включая электоральное, поведения. В конечном счете такие перепады ведут к институциональным изменениям в политической системе и через нее — в этнополитической ситуации, в свою очередь оказывающей воздействие на пути и формы развития этнического самосознания.

Синхронность, своеобразная чересполосность дифференциации и интеграции в социальных, в том числе этнических, процессах придают глубокую специфику эволюции полиэтнического индийского общества и определяют особенности его основных социальных блоков (этносов, классов, не говоря уже о кас-

тах) и их отличие от аналогичных «классических», в основе своей европейских социальных образований. Этой специфике уделяется значительное внимание в последующих главах.

Своеобразие этнической ситуации, обусловленное внутренней структурой консолидирующихся этносов, с одной стороны, и тенденцией к общеиндийской интеграции — с другой, осложняет выделение основного объекта данного исследования — этноса, или этнической общности. Согласно дефиниции академика Ю. В. Бромлея, этнос — это «исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этнониме)» [Бромлей, 1983, с. 57—58].

В современной Индии всеми или большинством указанных признаков обладают такие разнорядковые социальные общности, как конфессиональные, кастовые, локальные, социокультурные, диалектные группы, и в то же время среди этносов, обычно относимых к категории сложившихся наций, имеются группы, не обладающие этническим сознанием, а нередко и противопоставляющие себя остальной части данного этноса. Наиболее типичны этнические общности, состоящие, с одной стороны, из консолидирующегося ядра и примыкающих этнографических общностей, близких к нему по социокультурным параметрам, но не обладающих четко выраженным этническим самосознанием, с другой — из квазиэтнических (этноконфессиональных, этнокастовых) групп. Подобные аморфные образования, включающие различные автономные социокультурные блоки, могут консолидироваться в этносоциальные общности либо разделиться в будущем на несколько этносов под воздействием политических, социально-экономических и прочих факторов. И пока направление этнопроцессов не обозначилось достаточно четко, проведение жесткой грани между этносом и другими типами территориальных социальных образований едва ли возможно.

Ввиду структурной нерасчлененности разноплановых социокультурных параметров и соответствующей ей зыбкой структуры самоидентификации в конкретных условиях Индии, как и многих других полиэтнических стран Азии и Африки, крайне сложно выделить привычные для советской науки типы этнических общностей: племена, народности, нации. Синхронность процессов общественного развития, воздействие средств массовой информации, политических факторов, распространение образования, внутриэтнические социальные сдвиги не только ведут к стиранию различий между этносами различного таксономического уровня, но и нередко порождают парадоксальное на первый взгляд явление: вчерашнее племя неотличимо от на-

ции, а те общности, которые традиционно причислялись к числу сложившихся наций, оказываются при более тщательном изучении весьма рыхлыми образованиями и включают значительные сегменты, не ведающие о своей «национальной» принадлежности.

Непригодны для определения типов современных этнических общностей и социокультурные критерии (общность культуры и уровень ее развития, распространение грамотности и т. п.), и тем более социально-политические (в первую очередь особенности политической культуры и группового политического поведения). Эти обстоятельства и, главное, отсутствие прямой связи между типом этноса и его способностью выступать в качестве субъекта политического действия побудили автора настоящей работы отказаться от использования в данной работе понятий «племя», «народность», «нация» в качестве терминов, за исключением тех немногочисленных случаев, когда речь идет об изолированных отсталых племенах. Понятия «этнос», «этническая общность», «народ» используются в работе в качестве синонимов, «этническая группа» — для обозначения малочисленных этносов и частей этноса, расселенных за пределами своей этнической территории (этноареала).

В разъяснении нуждается использование терминов «этнонациональное» и «этносоциальное». Первый из них употребляется в сочетаниях (этнонациональное развитие, этнонациональные факторы) и подчеркивает современный характер происходящих процессов («этническое» относится ко всем эпохам), их универсальность, не зависящую от представлений о стадийных различиях; существенно также, что понятие «этнонациональное» соединяет привычную для нас терминологию с комплексом представлений, связанных с «нацией-государством» (отсюда «строительство нации», «национальная интеграция»), широко распространенных в полиэтнических развивающихся странах. Второй термин — «этносоциальное» — акцентирует социальный аспект этнических явлений и в таких сочетаниях, как «этносоциальные конфликты», «этносоциальные движения», подчеркивает, что речь идет не об этносе в целом, а об отдельных социальных группах, участвующих в движениях или в конфликтах (подробнее см. [Празаускас, 1984; 1986, с. 33—40]).

С учетом вышесказанного объектом исследования в данной работе являются этнические и квазиэтнические общности, выступающие как субъекты политического действия, направленного на достижение групповых целей: самоуправления, изменения территориально-административного деления, признания языков, определенных прав и привилегий за автохтонным населением и т. п. Тема исследования обуславливает выбор рассматриваемых ситуаций и хронологические рамки работы. В книге дан анализ преимущественно тех процессов и событий, в которых центральное место занимает этнонациональная проблематика и которые оказывают воздействие на политическую систему, вос-

ходящую к колониальному периоду. В то же время полностью ограничиться «горячими точками» и поворотными моментами (Пенджаб, Северо-Восточная Индия, реорганизация штатов) означало бы отказаться от попытки ответить на вопрос о том, почему в других районах этнонациональные факторы не играют заметной роли в политической жизни или же возникают неожиданные всплески локального национализма (Андхра-Прадеш).

Хронологически работа охватывает период с момента установления британского колониального господства до второй половины 80-х годов нынешнего века. Относительно развернутая характеристика колониального периода в рамках исследуемой темы объясняется тем, что на этот период приходится становление и развитие капитализма и соответствующих общественных отношений, ускорение процессов этнонационального развития и общеиндийской интеграции, формирование основ политической системы, путей и форм политической мобилизации. В условиях британского колониального господства сложился дуализм традиционных и современных социальных структур, обозначились контуры современной этнической ситуации и основные направления этнопроцессов, сформировались главные узлы межэтнических противоречий современной Индии. Колониальные корни современной этнополитической ситуации и преемственность социально-политического развития Индии определяют необходимость пространного экскурса в новую и новейшую историю.

Взаимодействие этнонациональных факторов и политической системы представляет собой чрезвычайно сложный процесс, охватывающий практически все стороны жизни общества. Это особенно относится к переходным, комбинированным восточным обществам, для которых характерна нерасчлененность социальных структур, взаимное наложение разнопорядковых структурообразующих элементов, взаимодействие и синтез традиционных и современных институтов, установок, норм. Поэтому составить общую картину этнонационального аспекта общественного развития можно лишь при условии междисциплинарного подхода, т. е. использования результатов исследования историков, этнографов, политологов, государствоведов, социологов, филологов. Такое комплексное исследование возможно, если речь идет об этнополитических проблемах небольшого района или отдельного этноса, и не случайно ежегодно в разных странах, главным образом в самой Индии, публикуется значительное число так называемых «региональных исследований». Трудности многократно возрастают при подготовке обобщающей работы: разнообразие проблематики, неповторимый характер каждой конкретной ситуации, огромный объем фактического материала, расхождения во мнениях специалистов, изучающих одну и ту же проблему, сама скоротечность современных событий, новые тенденции и факты — все это даже в сжатом виде может найти отражение лишь в рамках многотомного компендиума. Альтернативой подобной работе может быть исто-

рико-политологическое исследование главных особенностей и основных тенденций этнополитического развития Индии, подготовленного с учетом современного уровня индоведения.

Об Индии написано очень много, и даже беглая характеристика использованной автором литературы в несколько раз увеличила бы объем Введения. Отдавая должное иностранным и индийским исследователям, индийской статистике и прессе, автор широко использовал работы советских ученых. Прежде всего это работы А. М. Дьякова, Ю. В. Ганковского и В. И. Казакова по этнонациональным проблемам субконтинента, Б. И. Ключева и В. А. Чернышева по социолингвистике, Г. В. Сдасюк по экономической географии штатов, Л. П. Ульяновой и М. М. Сайфулина по вопросам государства и права. При освещении проблем истории Индии, освободительного движения и идеологии неопенимую помощь оказали работы Л. Б. Алаева, Г. М. Бонгард-Левина, Т. Ф. Девяткиной, Э. Н. Комарова, Г. Г. Котовского, А. Д. Литмана, О. В. Мартышина, О. В. Мезенцевой, Л. Р. Полонской, Р. Б. Рыбакова, В. И. Павлова, Г. К. Широкова, А. И. Чичерова, Л. И. Рейснера. При анализе теоретических вопросов автор обращался к работам С. А. Арутюнова, Ю. В. Бромлея, Г. Ф. Кима, М. В. Крюкова, Н. А. Симония.

В связи с выходом в свет монографий по национально-языковым проблемам Индии [Ключев, 1978], деятельности левodemократических правительств в отдельных штатах Индии [Нилов, 1972, 1987], вопросам экономической интеграции и другим проблемам в данной работе эти вопросы специально не рассматриваются. Автор будет считать свою задачу выполненной, если книга поможет широкому кругу читателей составить себе представление о социально-политических аспектах этнонациональных проблем великой дружественной страны и окажется небесполезной для специалистов-востоковедов.

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ КОЛОНИАЛЬНОЙ ИНДИИ

Глава I

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Пути и формы общеиндийской интеграции в доколониальный период

Южная Азия выделяется этнографами в качестве одной из историко-этнографических провинций, под которыми подразумеваются обширные регионы, населенные различными народами, обладающими сходными чертами материальной и духовной культуры. В этом смысле Южная Азия, за исключением отдельных периферийных районов, достаточно четко отличается от соседних историко-этнографических провинций на востоке и на западе и уже в древние времена обладала определенным культурным единством. Представления о единстве Индии закрепились введением в научный оборот таких понятий, как «древняя Индия», «средневековая Индия», «древнеиндийская культура», «индийская цивилизация», и других выражений, обычно применяемых к отдельным странам. А Индия не была единой вплоть до нового времени. У древних жителей субконтинента в лучшем случае были крайне смутные представления о своей общности и даже отсутствовал термин для обозначения своей «страны», если не считать мифологического понятия Джамбудвипа, обозначавшего главный из семи мировых континентов, и двух других крайне неопределенных терминов — Бхаратаварша («Страна бхаратов» на севере полуострова) и Арьяварта («Страна ариев», в любом случае не включавшая центральную и южную часть субконтинента); своим нынешним названием Индия обязана грекам, которые произвели его от названия реки Инд (Индос, *перс.* Хинду от местного названия Синдху).

Многочисленные народы не имели общего названия и никогда не входили в состав единой субконтинентальной империи. Великие империи Маурья, Гупта и Великих Моголов, объединявшие значительную часть Индостанского полуострова, были лишь эпизодами в истории субконтинента: периоды их расцвета и взлета продолжались не более одного-двух веков, а затем на смену им приходили десятки небольших государств, почти по-

стоянные войны, смены династий, возвышения и падения царств местного значения. Народы современной Индии оказались впервые за всю историю подчиненными единой власти лишь в результате установления британского колониального господства. Только с того времени начинается их общая история и закладывается основа для формирования социально-политического единства и формирования общности, которую можно назвать индийским народом. «В добританский период Индия не представляла собой целого в политическом отношении и ее территории не были четко разграничены в соответствии с какой-либо определенной структурой политического и административного деления, с которой индийцы познакомились позднее», — писал индийский государствовед Дхирендранатх Сен [Сен Д., 1960, с. 268].

Этническая карта Индостана видоизменялась по мере продвижения индоариев в южном и восточном направлениях, начавшегося в XIII—XII вв. до н. э. (подробнее см. [Бонгард-Левин, Ильин, 1969, с. 118—131]). В последовавшие две тысячи лет они расселились на обширной территории Индо-Гангской низменности от Аравийского моря на западе до Бенгальского залива на востоке. Длительное взаимодействие с автохтонным населением, главным образом дравидами и мундами, с одной стороны, имело следствием синтез культур и формирование общиндийской цивилизации, с другой стороны, оно усиливало этническую дивергенцию индоарийской общности и постепенно вело к формированию на периферии индоарийского этноареала целой группы близкородственных народностей: синдхов, маратхов, гуджаратцев, бенгальцев, ория и др. Сохранению их культурной общности содействовало объединение Северной Индии в составе древних средневековых империй, а длительные периоды раздробленности и вторжения извне (греков, парфян, саков, эфталитов, тюрков и др.) заметно осложняли процессы интеграции и способствовали усилению региональных различий. Процессы этнического и социокультурного развития более обособленно протекали на юге субконтинента (государства Чола, Пандья, Сатаваханов, Вакатаков и др.), где дравидийские народы, прежде всего тамилы, уже в древности обладали развитой самобытной культурой.

К началу II тысячелетия н. э. основные современные народы («хиндустанцы», маратхи, телугу, бенгальцы, андхра и др.) уже обитали в пределах своих нынешних ареалов и находились на стадии этнической консолидации, о чем свидетельствует, в частности, появление в XI—XIV вв. оригинальных произведений, переводов с санскрита и надписей как на индоарийских языках (гуджарати, маратхи, ория, бенгали и др.), так и на дравидийских, отделившихся от тамильского, — телугу и каннада. Развитие культуры и языков различных этносов проходило под сильным воздействием санскритской традиции, которая формировалась издревле в пределах Индии из арийских (священные

тексты вед, санскрит) и автохтонных, преимущественно дравидийских (почти весь пантеон индуизма), компонентов. Древняя литература, включавшая веды, эпические поэмы «Махабхарата» и «Рамаяна», пураны, известные религиозно-философские трактаты, была той основой, на которой возникали и развивались литературы на языках большинства крупных народов и которая определяла единство литератур Индии с момента их возникновения. Зафиксированная в литературных памятниках духовная культура древней и средневековой Индии, общие нормы, представления и система ценностей обусловили и формирование общей элитарной политической культуры. Она составляла относительно единую систему, отличную от культуры народной, сохранявшей свои локальные особенности.

Проблема соотношения и взаимодействия этих двух традиций имеет ключевое значение для выявления степени социокультурного единства Индии. Общеиндийская традиция постоянно обогащалась — как путем саморазвития, так и усваивая отдельные элементы малой традиции и затем распространяя их в трансформированном виде по всему субконтиненту. Насколько глубоким и всеобъемлющим был этот процесс, показывает возникновение и эволюция индуизма, выступавшего основой общеиндийской традиции: сохранив от ведической религии священные тексты (веды) и принцип кастового деления общества, индуизм формировался как синтез арийских и автохтонных, преимущественно дравидийских, представлений и культов. Два крупнейших направления индуизма — шиваизм и вишнуизм — сложились соответственно среди доарийских и арийских этносов. К концу I тысячелетия н. э. шиваизм и вишнуизм распространились по территории всего субконтинента (подробнее см. [Бонгард-Левин, 1980, с. 269—298]).

Механизм взаимодействия и взаимопроникновения общеиндийского и локального в культуре страны исследован пока лишь в общих чертах. Сравнительно хорошо известно, каким образом приобщались к общеиндийской культуре династии правителей неиндуированных княжеств и государств, которые включались в кастовую систему, сочиняя при помощи приглашенных брахманов фиктивные генеалогии и выполняя важнейшие предписания индуизма. Значительно сложнее проследить по источникам приобщение к великой традиции основной массы населения. Теория санскритизации, т. е. включение периферийных групп в кастовую систему индуизма, предложенная в 50-е годы индийским социологом М. Н. Сринивасом [Сринивас, 1952, 1955], раскрывает механизм индуизации племен в колониальном и современном индийском обществе, однако ее применение к иной исторической эпохе, к отдаленному прошлому может существенно исказить картину общественных процессов. С уверенностью можно говорить лишь о том, что отдельные этносы или их сегменты включались в состав кастовой системы обычно в качестве низших каст, что подтверждается почти полным отсутст-

вием средних каст и малочисленностью высших на юге Индии, в то время как на севере именно средние земледельческие и торговые касты составляют большую часть населения.

Исследование «географии» (территориального распространения) и социологии традиций показало, что многие стороны индуизма как цивилизации нельзя отнести ни к малой традиции индийской деревни, ни к великой традиции брахманской модели; более того, эти две традиции редко соприкасаются непосредственно: например, местные мифы не проникали непосредственно в священную санскритскую литературу, а брахманы едва ли могли пытаться индуизировать племенную деревню чтением санскритских гимнов. «Встреча великой и малой традиции происходила, как правило, через институты и носителей региональной традиции» [Г. Кульке, Д. Ротермунд, 1985а, с. XXI]. Храмы местного или регионального значения выполняли роль связующего звена между культом локальных божеств и богов индуистского пантеона, между локальными мифами и санскритской литературой (эпос, пураны), и из этих храмов видоизмененная традиция распространялась через паломников в соседних, а нередко и в более отдаленных областях.

Великая общиндийская традиция, как верно заметил немецкий исследователь А. Вецлер, была первоначально традицией региональной, и любая «надрегиональная» традиция представляет собой не что иное, как «результат исторического развития, выражающегося в распространении на всей территории Индии „региональной“ по происхождению традиции». Потенциально любая местная традиция могла стать «надрегиональной», но не исключаются случаи, когда после периода распространения по всей Индии такая традиция изживает себя либо вновь превращается в региональную и тем самым становится достоянием определенного этноса или локальной группы [Вецлер, 1985, с. 2, 4].

Роль региональной традиции не исчерпывается функцией посредничества, ибо она приобретает собственную динамику, вырабатывает региональный культ, стили искусства, литературу, которые не сводятся к отражению великой и малой традиции [Кульке, Ротермунд, 1985а, с. XXI]. Географические рамки региональной традиции в средние века сближались с этнолингвистическими рубежами, что особенно отчетливо проявилось в период движения бхакти, вызвавшего бурный всплеск литературного творчества на языках различных народов. Однако полного совмещения языка и региональной традиции нигде не произошло. Это было обусловлено в значительной мере особенностями взаимодействия региональной, общиндийской и малой традиций: нередко значение важнейших региональных центров и мест паломничества далеко выходило за пределы лингвистического ареала (границы которого к тому же не были и не могли быть четкими); в других случаях взаимодействие распространялось лишь на отдельные его части; наконец, в отдельных

местностях соотношение региональной и малой традиции варьировалось, вплоть до сохранения не затронутых индуизацией анклавов. Поэтому формирование региональных традиций при нечеткости этнических рубежей и неустойчивости политических границ, о существовании которых вообще можно говорить очень условно, отнюдь не было идентичным становлению регионов как этнокультурных провинций.

Чтобы выявить соотношение местных и общендийских компонентов в культуре локальных групп, необходимо выяснить, какими путями и каналами происходило их взаимодействие. Главную роль в распространении общендийской традиции играли брахманы, которые первоначально проникали в неиндуизированные районы отшельниками-аскетами или приглашались правителями в качестве священников, наставников, советников. К середине I тысячелетия н. э. под покровительством правителей строились индуистские храмы, привлекавшие многочисленных паломников, создавались целые брахманские поселения. Паломники, посещая крупнейшие храмы, разбросанные по разным районам Индии, «слушали, учились, учили, доставляли известия и в особенности новые произведения из области религиозной, научной и придворной литературы во все уголки страны. Этим они не только воспрепятствовали — по крайней мере если говорить о „великой традиции“ — дивергентному развитию в отдаленных друг от друга областях: они сыграли определенную роль в становлении „великой традиции“, т. е. всего знания и всех сочинений, которые благодаря их посредничеству стали общендийским достоянием» [Штитенкрон, 1985, с. 28].

Особое значение для распространения общендийской традиции на периферии имело создание брахманских поселений. Судя по имеющимся надписям, уже в первые века н. э. были широко распространены различные формы дарений: земля для основания брахманских деревень (аграхар), налог с деревень, водоемов, источников, золота, коров и т. д. Особенно щедро одаривали брахманов основатели новых династий, нуждавшиеся в легитимизации своего правления и услугах образованных советников. Оказавшись в новых местах, брахманы, с одной стороны, стремились распространить среди населения брахманские традиции, с другой стороны, пытались увязать местную, региональную традицию с великой традицией и включить ее в санскритскую ученость, поскольку лишь таким путем они могли упрочить свой статус и влияние в новом окружении.

Теоретически брахманы были носителями одной (и, видимо, единственно возможной) общендийской традиции — ведической, составляющей основу индуизма. Созданные в Северной Индии веды неравномерно и в разное время распространились в остальных частях субконтинента. На юге Индии значительно ранее других появились брахманы тайттирия (одно из направлений Яджурведы) и джайминия (Самавед), лишь к XI в. здесь стали известны все четыре веды. Однако важно отметить,

что за пределами Северной Индии, в районах современного Тамилнада, Кералы, Ассама из четырех вед сравнительно хорошо известными стали в основном отдельные части Яджурведы, носители которой даже в середине нынешнего века составляли, например, 50% керальских брахманов. Западногерманский ученый М. Витцель, исследовавший распространение ведических текстов, выделяет в Индии три крупных региона: северный, центральный (от Гуджарата до Ориссы) и южный [Витцель, 1985, с. 38—47]. С учетом других особенностей культуры можно обнаружить иную конфигурацию и численность подобных крупных регионов и выделить наряду с упомянутыми также западный и восточный регионы.

В итоге южноазиатскую историко-этнографическую провинцию можно представить в виде четырехъярусной структуры, включающей народную культуру (с подразделениями на кастовые субкультуры), традиционную культуру этнических и квазиэтнических общностей (этноконфессиональных, этнодиалектных и пр. групп), культурную традицию крупных регионов и общеиндийскую культуру. Каждое звено этой структуры обладало динамикой собственного развития и испытывало на себе прямое или косвенное воздействие остальных «ярусов», а это, в свою очередь, определяло сложность и чрезвычайное многообразие процессов социокультурного развития, которые не исчерпывались взаимодействием тенденций общеиндийской интеграции и формирования культур отдельных народов.

В процессе интеграции и нивелировки социокультурных различий как составной части этнической консолидации ключевую роль играют города. В отличие от сельских общин, для которых при натуральном хозяйстве характерна высокая степень экономической автаркии, город не может существовать иначе, как за счет сельскохозяйственной продукции, производимой в прилегающих районах, и, следовательно, без устойчивого механизма получения этой продукции. А это предполагает определенную форму интеграции.

В литературе по социологии города, начиная с М. Вебера, чаще всего выделяются три механизма присвоения городом сельскохозяйственного продукта: политический, экономический, религиозный. Соответственно и методом присвоения может выступать внеэкономическое принуждение, экономический интерес со стороны деревни, религиозное убеждение. «В противоположность деревне города должны религиозными, политическими или экономическими средствами контролировать или даже подчинять окружающую область. По мере роста города эта область должна увеличиваться и появляется вероятность возникновения в пределах обширной территории общих культурных, экономических и социальных структур, своеобразных блоков социальной эволюции», — пишет западногерманский исследователь Якоб Рёзель [Рёзель, 1985, с. 150].

Степень социокультурной интеграции подобных блоков зависит от многих факторов, прежде всего от особенностей социальной структуры, конфессионального и этнического состава города и сельского хинтерланда, а также от соотношения численности городского и сельского населения. Ощутимую роль в процессах этнической интеграции города выполняют лишь в том случае, если они являются центрами региональной культуры, а не чуждыми анклавами, связанными с окружающими районами только экономически.

В плане социокультурной интеграции, по крайней мере в средневековой Индии (а некоторые авторы считают, что это происходило повсеместно на ранних стадиях урбанизации), наиболее заметна роль сакральных городов, религиозных центров. В сакральных городах, точнее, храмах происходили синтез местных традиций, верований и культов, их включение в более сложную и более универсальную мифологическую модель. Например, в храмовом комплексе Джаганнатха в Пури (Орисса) имеются изображения более ста богов, часть которых, согласно легендам, либо сами пришли, либо были доставлены в храм и были включены в пантеон. Расширение пантеона индуистских богов подобным образом характерно для многих, в особенности крупных, храмов. Оно содействовало преодолению различий между локальными культами, их поглощению индуистским комплексом.

В периоды расцвета региональных государств величие правивших династий оформлялось в идеологической сфере возросшим значением придворных культов, в особенности Шивы и Вишну, восходивших нередко к местным божествам. В XI—XIII вв. в Кхаджурахо, Танджоре, Удайпуре, Бхубанешваре, Пури, Конараке и других местах строились монументальные храмы, которые обслуживались многочисленным штатом священников и чиновников, стекавшихся с территории всего государства. На содержание крупнейших храмов, становившихся центрами паломничества, правители дарили землю и деревни, разбросанные по всей империи. В сущности, храмы представляли собой дополнительную сеть, служившую опорой власти правителя, проводником его прямого политического и ритуального влияния [Кульке Г., 1985, с. 106].

В средние века храмы играли важную роль в процессе этнической интеграции. По праздникам сюда стекались многие тысячи верующих из ближайшей округи и из отдаленных районов, и общение содействовало расширению горизонта, осознанию присутствующими не только религиозной, но и этнической общности. Немаловажную роль при этом играло то обстоятельство, что отдаленные друг от друга храмы нередко составляли единый метафизический комплекс: пять крупных шиваитских храмов в Южной Индии символизировали пять стихий, в Ориссе крупнейшие храмы объединялись культом пяти главных божеств и т. д.

С социологической точки зрения начиная с периода средневековья и вплоть до новейшего времени храм выполнял функции института, обеспечивавшего максимальную массовость, частоту и регулярность общения. Храмы действовали постоянно: ежедневно, утром и вечером, здесь совершался обряд поклонения божеству (пуджа), почти на каждый день приходился один из праздников (утсава) месячного или годового цикла, причем многие праздники (более десятка) продолжались до десяти дней. По существу, храм был единственным местом, где регулярно собирались большие массы людей и где различия в социальном и ритуальном статусе временно отодвигались на второй план. Доступность храма для всех основных групп индусского населения облегчалась обилием храмов: например, в пределах современного Тамилнада только важных и известных храмов насчитывается около 10,5 тыс., т. е. один храм на 12 кв. км (расстояние между храмами составляет в среднем менее 4 километров). Необходимо, правда, отметить, что вследствие мусульманских завоеваний и разрушения многих индуистских храмов они не играли столь важной роли за пределами Южной Индии, и «во многих отношениях индуистский храм это, в сущности, южноиндийский институт» [Аппадурай, 1981, с. 8]. На юге, особенно в Тамилнаде, роль храмов в формировании определенных форм солидарности на почве этнической общности облегчалась тем, что при совершении обрядов и ритуалов в возрастающей степени использовался тамильский язык, заметно потеснивший санскрит.

Если роль сакральных городов в социокультурной интеграции — как общендийской, так и региональной — не вызывает сомнений, то вопрос о воздействии городов как торговых и промышленных центров на процессы интеграции в средневековой Индии представляется более сложным. Экономические связи между городом и деревней носили преимущественно односторонний характер, еще более ограниченными они были между отдельными городами. Как отмечала К. З. Ашрафян, «преобразующие потенции индийского и европейского городов оказались неадекватными: город Индии не смог сообщить общественному развитию страны того динамизма, который придал этому процессу в передовых странах Европы западный город» [Ашрафян, 1983, с. 191]. С одной стороны, индийский город в целом воспроизводил социально-кастовую структуру кастового общества: «территории каст в городах представляли городские кварталы, что приводило обычно к совпадению кастовых и квартальных общин» [Ашрафян, 1983, с. 70], т. е. в социальном отношении для индийского города была характерна гораздо большая фрагментарность по сравнению с городами Европы и многих стран Азии. С другой стороны, по крайней мере в Северной и отчасти Центральной Индии со времен мусульманских завоеваний города (Дели, Агра, Лахор, Хайдарабад и др.) в значительной степени приобрели чуждый индусам исламизированный облик,

в результате чего их воздействие на основную, сельскую массу населения было заметно слабее, чем влияние сакральных городов (Бенареса, Хардвара, Пури).

В целом воздействие индуизма на ход этнических процессов было весьма неоднозначным. Как и любая другая религия, индуизм способствовал распространению среди различных этносов единых элементов мировоззрения и системы ценностей, установлению меж- и внутриэтнических коммуникационных связей, формированию общих или, по крайней мере, сходных черт социального устройства и материальной культуры как в масштабах субконтинента, так и в пределах отдельных этноареалов, где складывались различные варианты региональных традиций. С другой стороны, возможности индуизма как интегрирующей системы имели свои пределы и в целом были значительно уже по сравнению с монотеистическими религиями — христианством и исламом. Свойственный индуизму политеизм облегчал включение в структуру индуизма локальных культов и божеств, обеспечивал сохранение существенных региональных и местных различий и создавал идеальные условия для возникновения и существования бесконечного множества направлений, сект и культов. Следствием были многообразие и аморфность, не имеющие параллелей в истории христианства и ислама. Терпимость и сегментация индуизма в значительной мере ослабляли его интегрирующие функции в процессе этнической консолидации отдельных народов.

Если эти особенности индуизма имели двойственные последствия для хода этнических процессов, то его социальная организация явно создавала препятствия для этнической консолидации. Кастовая система представляет собой предельно возможную сегментацию общества, разделяя его на эндогамные группы, занимающие четко обозначенное и освященное религией место в кастовой иерархии. Определенная мобильность — как групповая, так и отчасти индивидуальная — при этом не исключается полностью, но ограничивается лишь соседними ступенями иерархии, прямые контакты между верхними этажами (брахманскими и кшатрийскими кастами) и неприкасаемыми полностью исключаются. Кастовой стратификации соответствует социально-кастовый тип самоидентификации, затрудняющий становление групповой солидарности на основе общности культуры, языка, территории. В соответствии с великой традицией брахманской учености такие формы солидарности, включая и любые проявления этнического самосознания, противостоят самой сути индуизма, так как рождение индивида в той или иной касте определяется законом кармы (предопределения) и степенью его продвижения к мокше — окончательному освобождению от земных пут. Отсюда, согласно ортодоксальной точке зрения, следует, что брахманы (точнее, брахманские касты) независимо от их этнической принадлежности составляют одну группу, кшатрии — другую и т. д.

Действительность никогда полностью не соответствовала этой жесткой модели. «Взаимодействия каст в сфере экономики было недостаточно для сохранения целостности крайне гетерогенного в этнокультурном отношении общинного коллектива, тем более что в нем с самого начала развивались эксплуататорские отношения и нарастали центробежные силы», — отмечает в этой связи А. А. Куценков. Отсюда важность общинных праздников и ритуала, «в котором каждая группа выполняет свои специфические функции как органическая часть сакрального целого» [Куценков, 1983, с. 57—58].

Система отношений в рамках сельской общины и отсутствие эффективных внутрикастовых связей за пределами округа неизбежно вели к осознанию определенной групповой общности на территориальной основе, а в условиях вражеских нашествий и стихийных бедствий также к проявлению общинной солидарности. Как упоминалось выше, в средневековый период заметна тенденция к формированию этнорегиональных общностей, обладавших своими отличительными чертами и признаками. Происходило это в рамках индуизма, но вопреки его основополагающим постулатам. Не случайно процессы этнической консолидации происходили быстрее у тех общностей, у которых кастовая система не получила законченной формы: тамилы, маратхов, андхра, бенгальцев, ассамцев. Важно также отметить, что ускорение этнической консолидации было взаимосвязано с отрицанием кастовой системы и массовым протестом против привилегированного положения высших каст (движение бхакти, некоторые индуистские секты).

Процессы этнической консолидации в значительной степени сдерживались социально-политическими факторами. Империи и княжества средневекового периода представляли собой государственные объединения раннефеодального типа. Американский историк Б. Стейн (вслед за африканистом А. У. Саутхоллом) назвал их «сегментарными государствами», состоящими из большого числа местных, автономных центров власти — сегментов. При определенных условиях один из этих сегментов возвышается и пытается подчинить соседние сегменты. Власть доминирующего ядра абсолютна лишь в пределах центрального сегмента и постепенно сходит на нет по мере удаления от него, превращаясь постепенно в «ритуальную гегемонию», или номинальное верховенство над периферийными сегментами, правители которых в любой удобный момент могут либо переориентироваться на другую пирамиду власти, либо стремиться к установлению собственной гегемонии над более слабыми соседними сегментами. «Региональные империи» не были централизованными государствами с иерархической территориально-административной структурой, контролируемой центральной бюрократией. Так, в государстве Чолов (IX—XIII вв.) «центр осуществлял своего рода отдаленный и косвенный контроль и регулировал полномочия местных чиновников», но это не дает основа-

ний говорить о правлении централизованной бюрократической монархии [Куппурам, 1982, с. 161—162].

Аморфность и рыхлость раннесредневекового государства в сочетании с неопределенностью и подвижностью его границ, отсутствие стабильных и регулярных связей (в особенности административных) при общей неразвитости коммуникаций создавали ситуацию, в которой формирование этнического самосознания в пределах ареала этноса как объективной категории было крайне затруднено. Население этноконтактных зон, несомненно, осознавало свое отличие от соседей, говоривших на ином языке, но не могло иметь представления о своей социокультурной общности и связях за пределами округа, тем более за пределами «сегмента». Самый мобильный элемент общества (паломники, странствующие аскеты) и более информированная правящая верхушка были, безусловно, лучше осведомлены, но актуального значения эта информация для них не имела, тем более что эти группы были в большей степени, чем масса населения, ориентированы на великую традицию общендийской цивилизации.

Определенный интерес для понимания хода этнических процессов в «региональных империях» представляет предложенная западногерманским индологом Г. Кульке «модель концентрической интеграции». Согласно этой концепции, развитие государственности шло хронологически от княжества через царство до империи (чему соответствуют и титулы правителей: раджа, махараджа и махараджадхираджа), а географически — от так называемого ядра к периферии и далее, охватывая первоначально независимых соседей (саманта) за пределами периферийной зоны [Кульке Г., 1985, с. 86].

Формирование царств как вторая фаза развития государственности сопровождалось интенсификацией и выдвиганием на первый план отношений с периферийными зонами и соседними областями, отделенными от ядра массивами джунглей, горными цепями и населенными во многих случаях неиндуизированными племенами (атавираджья — «лесные царства» многих надписей VI в. в Центральной Индии и Ориссе). Экспансия в периферию, обусловленная приростом населения в ядре и поисками путей во внешний мир, стала центральной задачей правителей. За поселенцами в аннексированные области следовали брахманы, форпосты которых возникали и ранее по приглашению местных вождей. Местные правители сохраняли свое высокое положение, но превращались в зависимых соседей — самантов. Наличие «круга зависимых князей» (самантачакра) на периферии царства стало обязательным атрибутом сильного средневекового государства. Саманты оставались на своих землях в качестве автономных правителей, а их зависимость выражалась в основном в периодических посещениях царского двора, отправке дочерей в гарем сюзерена и в упоминании сюзерена в дарственных надписях. Наиболее лояльные из них получали титул ма-

хасаманта (великого саманта), высокие должности при дворе и тем самым повышали свой социальный и ритуальный статус. Со временем статус саманта получали и высшие должностные лица бюрократии, в первую очередь губернаторы провинций (упарика). «Самантаизация» в отдельных случаях повлекла за собой ослабление центральной власти, но обычно имела своим следствием создание политических и экономических предпосылок для возникновения «региональных империй» [Кульке Г., 1985, с. 97—98]. Создание царств положило начало интеграции изолированных локальных центров в экономическом, культурно-религиозном, социальном и политическом отношении.

В «региональных империях» эта тенденция к интеграции заметно усилилась: произошло заметное расширение центральной области путем слияния нескольких бывших ядер, столицы были перенесены в их центральную часть, расширился центральный аппарат. Заметно усилилась интеграция периферийных зон, где располагались гарнизоны и осуществлялся набор в войско империи, а владения зоны самантачакра постепенно превращались в провинции и округа под управлением чиновников центрального аппарата.

Для анализа хода этнических процессов ключевое значение имеет вопрос о различии между объективностью региональной традиции и осознанием ее регионального, местного характера жителями данного региона и/или «внешними» наблюдателями, например представителями великой традиции. Судя по результатам филологических исследований, местные отличия и специфика в большей степени осознавались паломниками, брахманами и другими представителями санскритской общиндийской учености; об этом свидетельствует постоянно фигурирующий в литературе термин дешадхарма, обозначающий специфические, типичные для определенной местности обычаи и нормы. Например, в тексте «Гирванаванманджари», написанном в начале XVIII в. неким Дхундираджей, отмечается, что бенгальские брахманы живут согласно смрити (устной традиции), но не изучают вед и, что еще хуже, потребляют в пищу рыбу, в Андхре брахманы пахут землю, среди жителей Карнатаки существует дурной обычай принимать пищу, не совершив предварительно омовения, в Дравиде и Керале все женщины ходят с обнаженной грудью, в Гурджаре пьют воду из кожаных мешков, жители севера едят мясо и т. д.

Представления о дурачара — «дурных обычаях» жителей разных районов Индии свидетельствуют о наличии определенных этнических стереотипов, зафиксированных также в более ранних дхармашастрах и даже в ведах. Исследовавший эту проблему А. Вецлер приходит к выводу, что по крайней мере в отдельных случаях отклонения от общиндийской дхармы не только осознавались носителями местной, региональной традиции, но и способствовали формированию этноцентрических представлений [Вецлер, 1985, с. 16—17]. С этим утверждением

можно согласиться, но с оговоркой, что этнические различия осознавались лишь немногими представителями этнических общностей и предположительно жителями районов, расположенных на стыке различных этноареалов.

В средние века одним из главных препятствий этнической консолидации было распространение ислама и мусульманское завоевание большей части субконтинента. С момента первых вторжений в Индию мусульмане проявляли исключительное религиозное рвение и нетерпимость.

Обращение в ислам значительной части населения, периодические гонения на индусов, разрушение их храмов (особенно в Северной Индии), распространение среди элит персидского языка и возникновение существенных социокультурных различий внутри этнических общностей выдвинуло в качестве важной детерминанты самоидентификации конфессиональную принадлежность, а в некоторых случаях (в Пенджабе, Бенгалии, ряде районов Северной Индии) повлекло за собой этническую дезинтеграцию. Осознание собственного отличия было особенно характерно для мусульман. «Мнение, что мусульмане в Индии — это прежде всего мусульмане и лишь затем индийцы, сохранилось в мусульманской общине с момента появления ислама в Индии», — полагает индийский исследователь К. Ч. Чаудхри [Чаудхри, 1978, с. 157].

Хотя мусульманские династии правили в Северной Индии более шести столетий, мусульманская верхушка не была ассимилирована местным населением. Более того, на службу в верхних эшелонах административного аппарата привлекались преимущественно переселившиеся из других стран мусульмане, прежде всего персы и афганцы, и лишь около трети составляли местные мусульмане и немногочисленные раджпуты. К середине XIX в. свита номинального императора состояла в основном из иностранцев [Кулкарни В. Б., 1964, с. 24]. Основатель династии Асаф Джахов в Хайдарабаде был выходцем из Средней Азии, поселившимся в Индии в период правления Аурангзеба, наваб-визирь Ауда Саадат Хан был месопотамским арабом. Аурангzeb, по свидетельству Франсуа Бернье, служившего врачом при дворе, оставался иностранцем по происхождению и обычаям и чувствовал себя почти как во враждебной стране.

Индусское большинство, в свою очередь, воспринимало мусульман, согласно установкам кастового общества, как особую группу, стоявшую вне кастовой системы. Арабский путешественник Ибн Баттута отмечал, что на Малабарском побережье «неверные» не пускают мусульман в свои дома, а если иногда угощают мусульман, то после этого посуду либо разбивают, либо отдают мусульманам.

Все же определенное сближение между исламом и индуизмом было неизбежным. Собственно завоеватели составляли лишь относительно немногочисленную элитарную прослойку. Большинство индийских мусульман были индусами, обращенными

ми в ислам. Наиболее просвещенные правители проводили политику религиозной терпимости, а император Акбар (1556—1605) даже предпринял попытку создать универсальную веру дин илахи («божественную веру»), соединившую элементы ислама, индуизма и христианства [Лэмб, 1966, с. 46]. Применительно к Северной Индии определенно можно говорить о синтезе мусульманской и индусской культур, получившем наиболее полное выражение в формировании литературного языка урду, близкого к разговорным формам хиндустани, обогащенного многочисленными заимствованиями из персидского, арабского и тюркских языков. Однако в целом эта тенденция не смогла преодолеть привнесенной исламом культурной дихотомии на всех ярусах социокультурной системы — от народной культуры до комплекса общендийских культурных традиций.

Положение усугублялось тем, что с XIII в. мусульманская культура была культурой правителей Северной Индии и обладала более высоким социальным престижем в этой обширной области, издревле выполнявшей функции ядра общендийской интеграции. Санскритская традиция, лишенная официального покровительства и зачастую гонимая, в значительной степени «завяла» и постепенно уступала место неоднородной, преимущественно мусульманской, региональной культуре, во многих отношениях противостоявшей общендийским культурным традициям. Снижение главенствующей роли Северной Индии в процессе общендийской социокультурной интеграции, сопровождавшееся тенденциями этнокультурной дивергенции (Пенджаб, Кашмир, Митхила и др. районы), заметно усилило различия между Севером и Югом субконтинента. Общим итогом этих процессов, несмотря на то что империя Великих Моголов на несколько веков политически объединила большую часть субконтинента, было ослабление общендийской культурной традиции как основы индийской цивилизации и формирование предпосылок для этнической консолидации отдельных народов вследствие наметившегося сближения региональных культурных традиций с народной культурой.

Таким образом, реконструкция этнической ситуации в средневековой Индии позволяет считать основной чертой этого периода весьма медленное формирование этнических общностей, их крайнюю аморфность, сегментарную структуру — при зачатках этнического самосознания. На большей части полуострова, особенно на обширной Индо-Гангской низменности, формирование этнических общностей сдерживалось конфессиональными различиями между индусами и мусульманами, которые лишь отчасти стирались в городах вследствие синтеза различных культур (сложение языка урду, архитектура).

Индуизм как религия подавляющего большинства населения субконтинента, трансформируя и абсорбируя элементы региональных культур, создавал основу для общендийской культуры, которая в значительной степени оставалась элитарной, и

одновременно для такой важной специфической особенности социальной структуры, как кастовая система; сама эта система выражала и закрепляла социокультурную иерархию, расчленяла лингвистические общности на многочисленные эндогамные сегменты. Как и любой другой религии, индуизму присуща интегративная функция, но в гораздо меньшей степени, чем христианству или исламу на сопоставимых стадиях исторического развития. Политеизм, обилие сект и направлений, а также возникновение кастовых субкультур заметно снижали эффективность индуизма как фактора социокультурной интеграции. Отсутствие главы всей религиозной общины, наподобие папы римского или халифа, практически лишало индуизм политических функций в пределах его конфессионального ареала, организованной территориальной экспансии, завоевательных походов — во имя веры или сплочения в борьбе против неиндусов, — сопоставимых с крестовыми походами и не столь уж редкими для истории христианства целенаправленными и организованными действиями против язычников и мусульман.

Ввиду отсутствия церкви и формальной организации в индусском мире никогда остро не возникал вопрос о соотношении светской и духовной власти. Если в Европе противостояние между римско-католической церковью и светскими правителями и последовавшая реформация сыграли очень важную роль в формировании концепции суверенного светского национально-го государства и этнического самосознания широких масс населения, то в Индии эпизодические трения между брахманами и другими кастами вплоть до новейшего времени не перерастали в серьезную социально-политическую проблему и не оказывали трансформирующего воздействия на самоидентификацию основных социальных групп общества.

В целом общий уровень социально-экономического развития, противоречивое воздействие индуизма и неустойчивость политических рубежей наряду с другими факторами определили сегментированный характер этнических общностей и низкую степень их консолидации, сопоставимую накануне колониального завоевания Индии с уровнем этнического развития народов Европы конца первого тысячелетия новой эры.

Противоречия колониальной интеграции

Завоевание Индии британскими колонизаторами, завершенное к середине XIX в. присоединением Ассама на востоке и Синда и Пенджаба на западе, положило начало глубокой и необратимой трансформации индийского общества и определило основные направления этносоциальных процессов. Характеризуя последствия установления британского колониального господства, К. Маркс писал: «Англии предстоит выполнить в Индии двойную миссию — разрушительную и созидательную, — с одной

стороны, уничтожить старое азиатское общество, а с другой стороны, заложить материальную основу западного общества в Азии» [Маркс, Энгельс, т. 9, с. 225]. Эти строки были написаны в 1853 г., однако и в настоящий момент, спустя сорок лет после провозглашения независимости Индии, реальные итоги колониального господства, включая его воздействие на этнонациональные процессы, остаются предметом полемики среди исследователей.

Часть авторов, в особенности английских, продолжая традиции апологетики колониализма, считает заслугой британских колонизаторов модернизацию индийского общества, создание единого индийского государства и демократической формы правления. Полемизуя с этим направлением, большинство историков-марксистов уделяло основное внимание разоблачению колониализма, показу колониальной эксплуатации и ограбления Индии, фактически отрицая все то исторически прогрессивное, что несло Индии навязанное извне капиталистическое развитие. В последние два десятилетия появился целый ряд добротных документированных работ индийских и западных (преимущественно американских и западногерманских) исследователей, в которых предприняты попытки показать сложный и противоречивый характер процессов, происходивших в Индии в новое время, и дать объективную оценку этого периода, определившего многие существенные особенности социально-политического развития независимой Индии.

Исторически колониальное завоевание — это столкновение и, позже, antagonистический симбиоз двух общественно-экономических формаций. Подчинение гигантской феодальной страны интересам развивавшегося английского капитализма не исчерпывалось созданием оккупационного режима и механическим перенесением в колонию современных институтов контроля и подавления. Колониально-зависимое общество представляет собой особый тип общества с присущими ему специфическими закономерностями развития. «Колониальная модернизация охватила не только индийскую экономику, но и сферы социальной, политической, административной и культурной жизни. Целый мир был потерян, и возник новый социальный каркас, который был stagnирующим и загнивающим с самого начала», — пишет индийский историк Бипан Чандра [Чандра Б., 1979, с. 5]. По его мнению, трансформация колониально-зависимого общества происходит в рамках особой — колониальной — модели развития, наиболее адекватно отражающей специфику общественного процесса в колониальных странах. К понятию колониальной модели близка предложенная Н. А. Симония концепция колониального синтеза [Симония, 1975].

В правовом отношении важнейшим признаком колониального государства является отсутствие суверенитета, а главной экономической функцией — выплата «колониальной дани». Все остальные функции колониального государства (обеспечение

внешней безопасности, поддержание мира и порядка, хозяйственно-организационная, идейно-воспитательная и др.) подчинены задачам колониальной эксплуатации и играют вспомогательную роль.

Установление британского колониального господства нанесло огромный ущерб экономическому развитию Индии. К концу колониального периода Индия по некоторым показателям экономического развития достигает уровня развитых стран: по орошаемой площади Индия занимала первое место в мире, по протяженности железных дорог — второе, по объему внешней торговли — шестое. Однако в целом Индия не вышла на стадию индустриализации, поскольку колониальные власти всячески препятствовали развитию машиностроения и других современных отраслей промышленности.

Формирование капиталистического уклада в экономике и соответствующие сдвиги в социальной структуре заметно усиливали гетерогенный, комбинированный характер индийского общества. Вследствие ускоренного развития прибрежных районов и некоторых внутренних провинций (Пенджаб, отчасти Ассам) заметно углубились различия в уровне экономического развития отдельных областей, еще больше увеличилась пропасть между современным вестернизированным городом и патриархальной деревней, сохранявшей почти нетронутым свой традиционный облик. В то же время происходившие социально-экономические сдвиги объективно создавали предпосылки для ускорения процессов общендийской интеграции вследствие развития межрайонных связей, коммуникаций, роста объема внутренней торговли. Разнонаправленность и противоречивый характер этих тенденций социально-экономического развития обусловили важность политических и других надстроечных факторов в процессах этносоциального развития Индии в колониальный период.

С момента завоевания Индии англичанами ключевое значение для процессов этнонационального развития имело территориальное и политическое объединение Индии. «Политическое объединение Индии, отличающееся большей консолидацией и охватывающее более обширную территорию, чем когда-либо при Великих Моголах, было первой предпосылкой ее возрождения», — отмечал К. Маркс [Маркс, Энгельс, т. 9, с. 225]. В XVIII в. на субконтиненте явно не было достаточно мощного политического образования, способного сознательно поставить и решить задачу создания единой империи. По словам индийского историка, англичане установили свое господство в момент, «когда страна шла к анархии, и спасли ее от ужасающего бедствия дезинтеграции» [Кулкарни В. Б., 1964, с. 77]. Империя Великих Моголов быстро разваливалась, а ее соперники и потенциальные преемники (маратхский союз княжеств, Майсур, Хайдарабад, Ауд, Бенгалия, а в начале XIX в. — государство сикхов) не представляли собой качественно новой силы обще-

индийского масштаба, отличной от феодальных государств средневековья.

В ходе завоевания Индии англичане максимально использовали в своих интересах вражду между правителями различных государств и княжеств, но применительно к тому периоду едва ли есть основания говорить о преднамеренном разжигании межэтнической розни. Империя создавалась без учета этнических различий, и новые «приобретения» обычно включались в состав уже существовавших административных единиц. Так к владениям Ост-Индской компании в Бенгалии была постепенно присоединена территория Бихара, Ориссы, Ассама и горных племен Северо-Восточной Индии. Мадрасская провинция включала этноареалы четырех крупных народов (тамилов, малаяли, андра, каннада), Бомбейская — трех (маратхов, гуджаратцев, каннада). Создавая крупные полиэтнические провинции, колониальные власти руководствовались прежде всего административными соображениями «удобства управления», не придавая значения языковым и культурным различиям.

Политика колонизаторов резко изменилась после восстания 1857—1859 гг. Хотя «мятеж» в целом носил локальный характер, он показал непрочность положения англичан в Индии и побудил взять на вооружение принцип разделения и противопоставления друг другу различных этнических и конфессиональных групп населения. Губернатор Бомбея лорд М. Эльфинстоун с предельной ясностью объявил об этом в 1859 г.: „*Divide et impere*“ („Разделяй и властвуй“) был древнеримским девизом, и он же должен быть нашим лозунгом» [Датт, 1943, с. 98]. В другом случае он пояснял: «Численность и физическая сила туземцев совершенно очевидно несоизмеримы с нашими. Наша сила заключается в недостатке энергии и раздорах среди наших противников» [Кинкейд, Параснис, 1931, с. 438].

На практике эта политика осуществлялась путем выборочной дискриминации одних групп и патерналистского, покровительственного отношения к другим, с использованием сложившихся традиций, связей и установок. Например, при наборе в армию — важную опору колониального режима — предпочтение отдавалось пенджабцам, маратхам, гуркхам (непальцам), гархвальцам, пуштунам, которые в силу конкретных исторических условий в XVIII—XIX вв. в большей степени проявили свои воинские качества, чем, например, бихарцы, бенгальцы, ория или ассамцы [Бхатиа, 1977, с. 88—89]. По аналогичным причинам на государственной службе преобладали представители отдельных народов (в особенности бенгальцы и тамилы) и определенных каст.

Колониальные власти в ряде случаев сознательно пытались воспрепятствовать этнической консолидации крупных народов. В 1903 г. вице-король лорд Керзон отверг предложение о присоединении маратхиязычного Бера к Бомбейской провинции, пояснив при этом: «Чего мы меньше всего хотим — так это кон-

солидировать махраттскую (т. е. маратхскую. — А. П.) расу. Мы и без этого достаточно слышим о Шиваджи». Берар был передан в ведение Центральных провинций (совр. Мадхья-Прадеш), в языковом отношении составлявших часть пояса хинди.

Сходными соображениями было продиктовано решение вице-короля Индии лорда Керзона о разделе Бенгальской провинции, включавшей Бихар и Ориссу. По словам секретаря внутренних дел, «единая Бенгалия — это сила, разделенная Бенгалия будет двигаться в разные стороны» [Махаджан, 1979, с. 175].

Неудачная попытка раздела Бенгалии, вызвавшая подъем освободительного движения, вынудила колониализм в известной мере пересмотреть свое отношение к движениям за создание национальных провинций. Вместе с воссоединением Бенгалии из ее состава была выделена провинция Бихар и Орисса, которая впоследствии, в 1936 г., была разделена на две однонациональные провинции. После этой реорганизации территория Британской Индии делилась на 11 губернаторских и четыре комиссарских провинций. Среди этих пятнадцати крупнейших административных единиц пять были полиэтничными: Бомбей (маратхи, гуджаратцы, каннада), Мадрас (тамилов — 40%, телугу — 37,5%, малаялам — 7,9%), Центральные провинции и Берар (носители хинди — 56%, маратхи — 31%, гонди — 7%), Ассам (бенгальцы — 43%, ассамцы — 21%, остальные — носители хинди, ория, горные народности и непальцы), Северо-Западная пограничная провинция (пуштуны, белуджи).

Таким образом, в пределах Британской Индии уже в колониальный период, несмотря на попытки британских правителей «разделять и властвовать», в целом явно обозначилась тенденция к формированию этнически гомогенных провинций. Однако картина существенно менялась с учетом того, что 1,5 млн. кв. км, или 45% территории субконтинента, занимали княжества, в которых проживало около 23% населения. Среди шестисот княжеств более половины (319) составляли крохотные поместья и джагиры, дарованные англичанами отдельным феодалам, общей площадью всего 11 тыс. кв. км, и было около сотни автономных государственных образований: Хайдарабад (214 тыс. кв. км, население 16,3 млн. человек в 1941 г.), Майсур (76 тыс. кв. км, 7,3 млн. человек), Траванкор (20 тыс. кв. км, 6 млн. человек) и менее крупные — Джамму и Кашмир, Гвалиор, Барода, Джодхпур, Рева, Индор, Джаора, Кочин, Патияла, Бахавалпур, Удайпур, Биканер — с населением от 1 до 4 млн. человек.

Формально княжества обладали полной внутренней автономией, так как их территория не входила в состав Британской Индии, жители не являлись британскими подданными, а наиболее крупные княжества даже выпускали собственные денежные знаки и имели свою почтовую службу. Отношения княжеств с колониальной администрацией строились на основе концепции

верховенства королевской власти, т. е. общих и частных прав британской короны, ограничивавших суверенитет княжеств [Паниккар, 1943, с. 22]. Индийский автор Хари Шарма, в 1947 г. занимавший пост министра иностранных и политических дел в княжестве Патияла, писал в этой связи: «Верховенство несомненно установило на практике экономическое и политическое единство между Британской Индией и индийскими княжествами, особенно в сфере экономики, и в той мере, в какой этого требовали имперские интересы, сплотило страну в многоставное и интегрированное целое. В то же время оно предотвратило объединение Индии, вбив клин между двумя частями страны» [Шарма Х., 1978, с. XI—XII].

Отношения властей Британской Индии с княжествами оформлялись так называемыми субсидиарными соглашениями, предусматривавшими содержание колониальных войск на территории княжеств за счет их правителей в целях обеспечения безопасности княжеств. «Ни глава княжества, ни его правительство никак не могли контролировать субсидируемые войска, предназначенные исключительно для того, чтобы держать их в повиновении. Кроме того, он не имел права поддерживать какие-либо внешние связи или прямые отношения с другими князьями» [Кулкарни В. Б., 1964, с. 152].

Колониальные власти при необходимости вмешивались во внутренние дела княжеств, смещали их правителей, аннексировали под предлогом «дурного правления» (Качар в 1832 г., Кург в 1834 г. и др.). Англичанам принадлежало более 90% общей протяженности железнодорожных путей, построенных в княжествах [Ранадиве, 1950, с. 111]. Княжества постепенно интегрировались в колониальную систему хозяйства, превращаясь в рынок сбыта товаров английского производства.

Сам факт сохранения княжеств выглядит парадоксальным, поскольку вне сферы непосредственной колониальной эксплуатации осталась почти половина территории субконтинента с населением более ста миллионов человек, т. е. в несколько раз больше, чем, например, население британских колониальных владений в Африке. Более того, с течением времени число княжеств возрастало по мере признания отдельных феодалов правителями за те или иные заслуги, а в некоторых случаях даже восстанавливались крупные княжества (Майсур в 1881 г. — после 50-летнего английского правления).

Поворотным моментом в политике колонизаторов в отношении княжеств было восстание 1857—1859 гг. Хотя его масштабы не вышли за пределы Северной Индии, оно показало непрочность положения колонизаторов и тем самым необходимость в верных союзниках, каковыми проявили себя в этой ситуации многие князья. Англичане отказались от дальнейших аннексий (закон 1858 г.), к 1864 г. официально признавали около 70 княжеств, а к концу колониального периода — около 600.

Вынужденное идти на уступки освободительному движению (законы об управлении Индией 1919 и 1935 гг.), британское правительство открыто пыталось усилить политическую роль князей. В 1921 г. была создана Палата князей, в которую вошли правители княжеств. Законом 1935 г. об управлении Индией предусматривалось, что княжества, которые фактически обладали статусом доминионов Британского содружества, должны стать составными частями федеративного устройства Индии. Это должно было заметно ослабить единство Индии.

Сохранение княжеств в течение всего колониального периода было одним из главных факторов, тормозивших процесс этнической консолидации отдельных народов Индии. Крупные этноареалы оказывались не только разделенными границами провинций Британской Индии, но и раздробленными на большое число автономных и полуавтономных территорий: в Пенджабе таких княжеств было 45 (среди них лишь два крупных — Патяла и Бахавалпур — с населением 1,9 и 1,3 млн. человек соответственно), в Раджпутане — 23 (в том числе Джодхпур, Удайпур и Биканер, численность населения которых составляла от 1 до 2,5 млн. человек), в Ориссе — 26, в Чхаттисгархе — 16, на Декане — 17, в этноареале небольшого этноса кхаси — 25 и т. д. Как правило, в княжествах сохранялась более архаичная, по сравнению с провинциями Британской Индии, социальная структура, доминировало обычное право; за редким исключением (Траванкор, Кочин, Майсур), они были крайне отсталыми. В последние полвека колониального правления, когда в стране развернулась освободительная борьба, население княжеств не участвовало в антиколониальном движении и оказалось относительно слабо затронутым процессом общендийской социально-политической интеграции.

Наряду с искусственным разделением субконтинента на провинции и княжества английские колонизаторы проводили особую политику в отношении малых народов. Так называемые племенные районы, по существу, превращались в резервации, находившиеся под косвенным правлением колониальной администрации. Если в доколониальный период племена подвергались индуистской аккультурации и ассимиляции соседними крупными народами и постепенно включались в их состав (обычно на правах одной из низших каст), то политика англичан в ряде районов, особенно вдоль границ колонии, приостановила и в ряде случаев повернула вспять этот процесс.

Единые принципы управления племенными районами были сформулированы в Законе об управлении Индией 1870 г. и специальном Законе 1874 г. Согласно этим законам вводилась категория зарегистрированного (т. е. занесенного в специальный список) дистрикта. Таковыми были объявлены Ассам, Аджмер-Мервар, Кург, Андаманские о-ва, Читтагонгские горы, Сантальские парганы, Чхотанагпур, Ангул-Мачал (Бенгалия) и ряд округов Пенджаба. По второму закону в список вошли

племенные районы президентств Бомбей, Мадрас, Центральных, Соединенных провинций и Центральноиндийского агентства. Суть выделения зарегистрированных дистриктов заключалась в том, что этой мерой юридически оформлялась и систематизировалась сложившаяся практика исключения племенных районов из сферы действия законов, применявшихся на территории Британской Индии. В Северо-Восточной Индии были введены категории «внутренней линии» (1873 г.) и «пограничных зон» (1880 г.). «Внутренняя линия» отделяла от остальной части колонии районы «политического контроля», куда доступ жителям колонии был закрыт; британские чиновники в основном следили лишь за тем, чтобы племена этих районов воздерживались от враждебных действий (в основном набегов с целью грабежа) по отношению к соседним районам Британской Индии. К концу колониального периода за «внутренней линией» оказались все горные районы Ассама, за исключением округов, составляющих современный штат Мегхалая (подробнее см. [Празаускас, 1981а, с. 50—55]).

Политика изоляции племен, особенно пограничных, была обусловлена, вопреки распространенной точке зрения, не столько стремлением колонизаторов оградить их от влияния национально-освободительного движения, сколько более практически соображениями поддержания «мира и спокойствия». Племена населяли преимущественно труднодоступные, отдаленные районы, не представлявшие экономического интереса для англичан. В то же время резкий рост аграрной перенаселенности вследствие разорения местных ремесел и общего роста населения неизбежно вел к тому, что в племенные районы хлынул поток безземельных мигрантов, которые разными путями прибирали к своим рукам земли племен. В результате возникали острые конфликты, мятежи, восстания, подавление которых было связано с дополнительными расходами. Политика изоляции племен и малых народов была направлена соответственно на предотвращение межэтнических конфликтов и поддержание порядка.

Следствия этой политики для процессов интеграции и ассимиляции были различными в зависимости от географических, социокультурных и других факторов. Она заметно не задержала процесс индуистской аккультурации бхиллов, санталов и некоторых других этносов, дисперсно расселенных в пределах этноареалов более крупных и развитых народов. В полной мере ее следствия проявились в пограничных районах, особенно тех, которые ранее не входили в состав индийских государств. Так, малые народы Северо-Восточной Индии — в первую очередь нага и мизо — постепенно консолидировались в этнические общности, не испытав на себе общеиндийского влияния и даже противопоставляя себя «жителям равнин», т. е. остальным индийцам. Отчужденности этих этносов от остальной части страны содействовало также распространение среди них христиан-

ства, отрицательное отношение к кастовой системе, традиционная предубежденность против индусов, типичными представителями которых они считали мелких лавочников и ростовщиков. Вследствие патерналистской политики колонизаторов модернизированной племенная элита до конца колониального периода сохраняла лояльность британскому правлению и недоверие к «жителям равнин» и освободительному движению.

Для целей колониальной политики наиболее перспективным было использование конфессиональных различий. «Из всех различий ни одно не было столь глубоким и прочным в историческом контексте Индии, как различие между индусами и мусульманами, представлявшими собой две отдельные общины», — отмечает индийский исследователь [Дас М. Н., 1978, с. 260]. Интенсивность религиозных чувств и их приоритет перед этническим самосознанием отмечали также многие индийские политические и общественные деятели, в том числе Неру [Неру, 1955б, с. 413], историки и социологи.

С момента колониального завоевания Индии англичане по очевидным причинам покровительствовали христианам, однако это не имело важных политических последствий ввиду немногочисленности христиан. Мусульмане же составляли четверть населения Британской Индии, а в некоторых провинциях (Бенгалии, Пенджабе, Синде, Белуджистане, Северо-Западной пограничной провинции — СЗПП) — более половины; весьма высок был удельный вес мусульман в городах, особенно в Северной Индии.

В период с начала колониальных завоеваний до последней четверти XIX в. колонизаторы стремились использовать в качестве союзников преимущественно индусских феодалов и представителей отдельных каст. Отношения колониальных властей с мусульманской верхушкой в течение длительного времени оставались враждебными, так как завоевание большей части территории Индии означало ликвидацию мусульманского господства, и именно бывшие мусульманские правители, феодалы, чиновники представляли в глазах колонизаторов основную силу, способную бросить вызов чужеземному господству. Это в известной мере подтвердилось антиколониальными выступлениями мусульманской части населения (движения ахмадие, ваххабитов, восстание 1857—1859 гг.). В отличие от индусов мусульманская верхушка, в силу религиозной предубежденности и чувства ущемленности, не проявляла интереса к западной системе образования, замкнулась в себе и не пыталась соперничать с индусами, которые заполняли низшие звенья в колониальной администрации и системе просвещения, занимались торговлей, ростовщичеством, получали юридическое и медицинское образование.

Рост недовольства индийской, преимущественно индусской по конфессиональной принадлежности, интеллигенции и формирование индийского национализма были главными причинами,

побудившими колонизаторов изменить свое отношение к мусульманской верхушке.

Первым среди представителей колониальной администрации на опасность самоизоляции и отставания мусульман указал генеральный директор статистической службы У. У. Хантер. В книге «Индийские мусульмане» (1872 г.) он призвал «воспитывать магометанскую молодежь согласно нашим собственным планам» [Хантер, 1872, с. 214]. Сходные мысли развил Джон Стрэчи в 1888 г.: «Существование бок о бок этих двух враждебных вероучений — один из опорных пунктов наших политических позиций в Индии. Верхние классы магометан для нас уже являются источником силы, а не слабости, и последовательная разумная политика могла бы, я уверен, превратить их в сильных и важных сторонников нашей власти. Они составляют небольшое, но энергичное меньшинство, политические интересы которого идентичны с нашими интересами, которое ни при каких вообразимых обстоятельствах не отдаст предпочтения индусскому доминированию перед нашей властью» [Стрэчи, 1888, с. 225].

Важнейшими компонентами политики противопоставления двух общин были поощрение европейского образования среди мусульман, опыты административно-территориальной реорганизации и создание отдельных избирательных курий для индусов и мусульман. Особо следует отметить создание современных мусульманских учебных заведений.

«Дав согласие на создание колледжа в Алигархе, поддержав начинание Сайид Ахмад-хана, англичане рассчитывали через мусульманскую элиту, получившую европейское образование в этом колледже, держать всю общину в своем подчинении, надеялись обеспечить преданность мусульман английским властям, использовать их в борьбе против набиравшего силу антиимпериалистического движения» [Пруссакова, 1983, с. 174—175]. Хотя эти ожидания оправдались не полностью, все же в целом колледж, преобразованный в 1921 г. в Алигархский мусульманский университет, сыграл важную роль в разжигании коммуналлизма и формировании мусульманского сепаратизма. Главное, пересмотр отношения колонизаторов к мусульманам побудил многих представителей мусульманской верхушки изменить свое отношение к колониальным властям и убедил их в целесообразности сотрудничества. В мусульманском просветительстве конца XIX в. отчетливо обозначились лояльное отношение к колониальному режиму и тенденция противопоставить мусульманскую общину индусскому большинству населения.

В начале 80-х годов колонизаторы предприняли первые попытки политической институционализации конфессиональных различий. В 1882 г. Закон о муниципальных советах зарезервировал определенное число мест для представителей мусульманской группы. В 1883 г. появились предложения о создании в Индии двух «правительств» — мусульманского и индусского,

подчиненных верховной власти Великобритании [Стефенс, 1964, с. 85].

Раздел Бенгалии и его последствия достаточно широко освещены в общих работах по истории Индии, и в этой связи важно лишь отметить, что верхушка бенгальских мусульман с энтузиазмом восприняла решение о создании отдельной мусульманской провинции, а большинство мусульман Восточной Бенгалии было против движения свадеши и бойкота иностранных товаров, поддержали кампанию против воссоздания единой Бенгалии [Дас М. Н., 1978, с. 275—276]. Хотя раздел Бенгалии был серьезным просчетом английских властей, связанные с ним события содействовали распространению сепаратистских настроений среди значительной части мусульманского лидерства и положили начало процессу политической мобилизации мусульман, заметно обострили отношения между двумя общинами. Главное, среди мусульман распространилось представление о возможности создания в Индии мусульманских провинций, что стало особо актуально по мере предоставления провинциям ограниченной автономии. Мусульманская община положительно восприняла решение колониальных властей о создании в 1935 г. провинции Синд (подробнее см. [Агеев, 1986, с. 34—40]).

Курс на создание отдельных избирательных курий для мусульман был обусловлен тем, что в большинстве провинций мусульмане составляли меньшинство населения. Впервые принцип отдельного представительства мусульманской общины был применен в 1882 г. при формировании муниципальных советов и получил дальнейшее развитие в Законе об индийских советах 1909 г., известном под названием реформ Морли-Минто. Вынужденные пойти на уступки под давлением развернувшегося в 1905—1908 гг. освободительного движения, колониальные власти несколько расширили существовавшие с 1861 г. имперский и провинциальные советы и объявили примерно половину мест выборными. Выборные места, в свою очередь, распределялись среди определенных категорий избирателей: землевладельцев, мусульман, торговцев и др. Это искусственно обостряло противоречия между мусульманской и индусской верхушкой и перенесло общинно-религиозный конфликт в сферу политики.

Закон 1909 г. легализовал коммунализм и послужил прецедентом как для колониальных властей, так и для отдельных этноконфессиональных меньшинств. В последовавших двух реформах управления Индией (законы 1919 и 1935 гг.) принципы общинного представительства получили дальнейшее развитие. По Закону об управлении Индией 1919 г. в двухпалатной центральной легислатуре представительство мусульман было существенно увеличено (11 из 34 выборных мест в Государственном совете и 30 из 103 в центральном Законодательном собрании). В законодательных собраниях провинций из общего числа 690 выборных мест за мусульманами резервировалось 177, англо-индийцам выделялось 10, индийским христианам — 5, сикхам — 8.

Коммуналистский принцип формирования законодательных советов и расширение состава электората (с 33 тыс. по закону 1909 г. до 5,2 млн. человек в 1919 г. и до 14% населения в 1935 г.) создавали предпосылки для расширения социальной базы коммуналистских партий и организаций.

Система резервирования мест и введения избирательных курий по общинно-религиозному признаку явно была направлена на раскол верхушки индийского общества, его политически активных слоев путем институционализации коммунализма. Как будет показано ниже (гл. 2 и 3), эта тактика стала одним из главных факторов, определивших этнополитическую ситуацию в период с начала XX в. до провозглашения независимости Индии и Пакистана.

Мнения исследователей о роли англичан в разжигании общинно-религиозной вражды резко расходятся. Лидеры освободительного движения, стремившиеся объединить индусов и мусульман в общей борьбе против колонизаторов, неизменно заявляли, что коммунализм — это следствие политики колониализма. Например, М. К. Ганди писал в 1925 г., что «нет никаких доказательств враждебности между индусами и мусульманами до установления британского правления» [Ганди М. К., 1963, с. 6—7]. Большинство зарубежных исследователей склонны считать, что англичане использовали в своих целях существовавшие индусско-мусульманские противоречия. Американский историк А. Г. Мерриам считает, что «британский колониализм поощрял коммунализм по крайней мере тремя путями: официальной политикой „divide et impera“, введением законодательства об отдельных электоратах по религиозному признаку, введением западных ценностей, которые стимулировали культурное возрождение как индусов, так и, позже, мусульман» [Мерриам, 1980, с. 17].

Возникновение индусского и мусульманского коммунализма вследствие перенесения конфессиональных различий в сферу политики сопровождалось формированием соответствующих разновидностей религиозного национализма, и противоборство между ними усилило дивергентные тенденции как в отдельных этноареалах (Бенгалии, Пенджабе, Соединенных провинциях и др.), так и в масштабах всей Индии. Хотя в целом политический процесс, главным стержнем которого была борьба за независимость, в конечном счете определялся разнообразными факторами и обладал собственной динамикой, колониализм во многих отношениях устанавливал «правила игры» и тем самым определял особенности и главные направления политического развития (новые социально-политические нормы, законы, формы политической мобилизации).

Особого внимания заслуживает Закон об управлении Индией 1935 г., так как в нем были сформулированы основополагающие принципы индийского федерализма и методы решения проблем этнонациональных отношений, впоследствии с некото-

рыми изменениями включенные в конституцию независимой Индии.

Важнейшим аспектом реорганизации управления Индией в 1935 г. был переход от унитарного государственного устройства к федеративному. Закон четко определил полномочия центрального и провинциальных правительств как в законодательной сфере, так и в распределении источников доходов. К компетенции центрального правительства было отнесено 59 вопросов общиндийского значения, провинций — 54 вопроса. В третий список, нехарактерный для конституций других федераций, было включено 36 вопросов, отнесенных к совместной, или конкурирующей, компетенции центра и провинций.

По этому закону намечалось создание двухпалатного федерального законодательного органа и одно- либо двухпалатных legislatures в провинциях Британской Индии.

Предусматривалось, что верхняя палата федеральной legislatures — совет штатов будет состоять из 260 членов, в том числе 156 представителей избираемых населением британских провинций и 104 представителей княжеств. Число представителей провинций в этой палате предусматривалось приблизительно пропорциональным численности населения: по 20 от Бенгалии, Мадраса и Соединенных провинций (СП), по 16 от Бомбея, Бихара и Пенджаба, 8 от Центральных провинций (ЦП) — Берара, по 5 от Ассама, Ориссы, СЗПП и Синда, по одному от Белуджистана, Дели, Адждмера-Мервара и Курга. Как и по закону 1919 г., места делились на общие (всего 75) и зарезервированные — за мусульманами (49), европейцами (7), зарегистрированными кастами (6), женщинами (6), сикхами (4), англо-индийцами (1), индийскими христианами (2).

Нижняя палата — Федеральное собрание должна была состоять из 375 членов, из которых 250 выбирались косвенно (провинциальными legislatures), а остальные представлялись княжествами. При этом также намечалось соблюдение принципа пропорционального представительства провинций и отдельных общин.

Таким образом, из раздела о федеративном устройстве («Федеральной схемы») закона 1935 г. явно следовало, что, во-первых, самоуправления, близкого к статусу доминиона, Индия не получала и, во-вторых, что в намечавшейся индийской федерации большую роль должны играть наиболее консервативные элементы индийского общества: князья, общинно-религиозная верхушка, крупные помещики и землевладельцы. Однако федеральная структура не была создана из-за отрицательного отношения князей и в связи с началом мировой войны, и индийские представители практически не участвовали в правительстве Индии.

В целом Закон об управлении Индией 1935 г. стал важным этапом в развитии индийской государственности. Сформулированные в нем принципы провинциальной автономии, разделения

полномочий между центром и субъектами федерации по трем спискам (центральной, провинциальной и конкурирующей компетенции), резервирования мест за отдельными, отсталыми группами населения, обширные полномочия губернаторов, мажоритарная избирательная система и ряд других особенностей с некоторыми изменениями были воспроизведены в конституции независимой Индии и легли в основу индийского федерализма. Тем самым закон 1935 г. во многом определил пути и формы социально-политической интеграции в масштабах страны, разделение сфер провинциальной и общендийской политики и механизм их взаимодействия.

В процессе колониальной интеграции важную роль играли такие факторы, как унификация права, развитие транспорта и коммуникаций, формирование бюрократического аппарата, просвещение и образование.

«Англия сделала все от нее зависящее для того, чтобы максимально ограничить сферу применения индусского права (равным образом и мусульманского и иных систем права, имевшихся в стране) и силой внедрить английское право», — отмечает В. П. Мозолин [Мозолин, 1979, с. 23]. В стране фактически сложились две правовые системы: английская территориальная система права и личные правовые системы, в первую очередь индусское право. Последнее, так же как и мусульманское право, сохраняло многие традиционные черты, но испытало на себе сильное воздействие английского права: основными источниками индусского права стали английские законы и судебные прецеденты, вытеснив полностью древние классические источники (подробнее см. [Мозолин, 1979, с. 24—25]). Существенным новшеством для традиционного индийского права было введение принципа равенства всех граждан перед законом, подрывавшего один из главных столбов иерархичного кастового общества. Введение английского территориального права расчищало путь для формирования и укрепления новых форм групповой солидарности на территориальной основе (в пределах этноареала, провинции, всей Индии), усвоения массовым сознанием принципов не только юридического, но и политического равенства как необходимой предпосылки для успешного функционирования буржуазно-демократической системы.

Ключевую роль в общендийской интеграции играли железные дороги, строительство которых велось чрезвычайно быстрыми темпами: их протяженность составляла в 1869 г. 4255 миль (около 6,7 тыс. км), в 1885 г. — 10 832 мили, 1905 г. — 28 054 мили (около 45 тыс. км), 1920 г. — 37 029 миль (53,9 тыс. км) [Дас М. Н., 1978, с. 174—176]. Бурное расширение железнодорожной сети имело противоречивые последствия. С одной стороны, облегчая приток дешевых английских товаров во все уголки Индии, они ускоряли разрушение местного ремесла и кустарной промышленности, служили средством колониальной эксплуатации. С другой стороны, они содействовали развитию

и углублению экономической интеграции и специализации отдельных районов, развитию капитализма, выравниванию цен. Железнодорожные магистрали пересекали территорию княжеств, формально не включенных в состав Британской Индии, и тем самым создали предпосылки для их интеграции в рамках единого государства. Железные дороги «оказали неоценимую услугу в преодолении больших индийских расстояний и становлении национального сознания», отмечает индийский исследователь В. Б. Кулкарни [Кулкарни В. Б., 1964, с. 91].

К 1910 г. общая протяженность железнодорожной сети в Индии была в десять раз больше, чем в Китае, и сравнительно небольшая часть деревень находилась на расстоянии больше 30—40 км от ближайшей железнодорожной станции. В те же годы быстрыми темпами шло строительство шоссейных дорог, общая протяженность которых достигла около 320 тыс. км, в том числе около 88 тыс. км дорог с твердым покрытием [Чаудхари, 1973, т. 1, с. 334]. Развивались и другие виды коммуникаций (телеграф, телефонная связь).

В целом по уровню развития транспорта и коммуникаций (включая почтовую, телеграфную и телефонную связь) Индия далеко опережала остальные страны Азии, за исключением Японии и отдельных урбанизированных анклавов наподобие Гонконга. Возникновение единой и высокоразвитой для того времени системы коммуникаций было мощным объединяющим фактором и лишало реального смысла политическое деление на провинции Британской Индии и княжества. Главным недостатком коммуникационной системы, созданной в Индии англичанами, была ее неравномерность: периферийные горные районы вдоль тибетской границы вплоть до конца колониального периода оставались труднодоступными и, по существу, не были включены в субконтинентальную систему коммуникаций.

За годы колониального господства в Индии были заложены основы современного государства с разветвленным аппаратом управления и контроля, который в период после первой мировой войны постепенно переходил в руки индийцев. В Индийской гражданской службе, составившей верхний эшелон бюрократии, к 1929 г. был 241 индеец из 1122 чиновников, в 1939 г. — 540 из 1299, в том числе 21 из 70 в центральном секретариате [Вудрафф, 1963, т. 2, с. 363, 365]. Индийцы занимали все средние и низшие звенья административного аппарата, за исключением отдельных руководящих должностей, которые начали переходить к ним лишь к концу колониального периода. Индийские политические деятели получили определенный опыт управления по мере проведения административных реформ и расширения полномочий законодательных и исполнительных органов провинций Британской Индии. В профессиональной армии, численность которой во второй половине XIX в. составляла четверть миллиона человек, индийцы составляли 80%; за годы второй мировой войны в ее состав было завербовано 2,6 млн. ин-

дийцев, а число офицеров среди них возросло с 396 до 8340 человек [Кулкарни В. Б., 1964, с. 150].

«Индианизация» государственного аппарата осуществлялась в ходе упорной борьбы, массового освободительного движения. Она не была целенаправленной попыткой подготовить индийцев к самоуправлению, как впоследствии утверждали многие английские политические деятели и индологи. Однако здесь важны не причины этого процесса, а его конечный результат: к концу колониального периода в Индии сложился аппарат, который оказался достаточно подготовленным и мощным для того, чтобы не только обеспечить единство Индии, но и завершить процесс государственно-политической интеграции.

Ускорению социально-политического и этнонационального развития содействовало введение современной системы просвещения и образования. В период XVI—XVIII вв. западное образование в Индии распространялось преимущественно усилиями католических (португальских, французских) и протестантских (датских, английских, американских и др.) миссий, открывших ряд школ и колледжей в различных районах Индии. В миссионерских школах обучение велось обычно на западных языках, а основными предметами были основы христианской религии, математика, география, история, местный язык. В первой половине XIX в. по указанию британского правительства (хартия 1813 г.) Британская Ост-Индская компания открыла значительное число светских школ (в том числе и женских) и колледжей, наладила выпуск учебников на индийских языках. К концу колониального периода (1941/42 г.) число начальных школ достигло 181,9 тыс., а всего в стране обучалось 15,7 млн. человек [Иербук, 1944—1945, с. 362].

В колониальный период рост грамотности был в целом весьма медленным: в 1891 г. грамотных было 4%, в 1931 г. — 9,5%, в 1941 г. — 12%. Среди провинций Британской Индии по уровню грамотности выделялся Бомбей, где в 1941 г. среди мужчин грамотность достигла 30% (среди женщин — 9%), Бенгалия (16%) и Пенджаб (13%). В ряде провинций к концу колониального периода предпринимались попытки введения обязательного начального образования [Иербук, 1944—1945, с. 36].

Через школы, прессу, книги и в непосредственном общении колониальная администрация воспитывала индийцев в духе лояльности к Великобритании. Излюбленными темами английских чиновников было установление мира и порядка, современные технические и научные знания, справедливость, процветание, прогресс, защита меньшинств и многое другое. После длительного периода грабительских войн и набегов, деспотического правления и беззакония эти аргументы для значительной части элитарных группировок воспринимались как истинные. Дети из состоятельных семей воспитывались в атмосфере, причудливо сочетавшей в их представлении английскую и индийскую символику, культуру. «Я не помню, когда я узнал, точно так же,

как я не помню времени, когда я не знал имена королевы Виктории, принца Альберта, Наполеона, Шекспира и Рафаэля. Следующий ряд, включавший Милтона, Берке, Уоррена Хейстингса, Веллингтона, короля Эдварда VII и королевы Александры, также берет свое происхождение в туманном прошлом», — писал в своих воспоминаниях писатель Нирад Чаудхури [Чаудхури, 1973, с. 101]. В школах индийские дети больше узнавали об истории Великобритании, чем об истории Индии, изучение литературы включало Шекспира и Гомера, которые воспринимались как европейские эквиваленты Вальмики и «Рамаяны». Популярными героями среди индийских школьников были английские военачальники, а «воинская мощь Великобритании воспринималась как поровну разделенная между Англией и Индией» [Чаудхури, 1973, с. 103, 107].

Обращая внимание на эту сторону системы просвещения и образования, индийский автор писал, что ее цель «состояла в том, чтобы индийская молодежь из средних классов осознала славу и величие Британии и чтобы подготовить из них компетентных слуг иностранной бюрократии» [Шелванкар, 1940, с. 55].

Побочным, но чрезвычайно важным результатом установления английского колониального господства было распространение научных знаний и передовых идей того времени. Еще в период правления британской Ост-Индской компании были открыты первые колледжи: Санскритский колледж в Бенаресе (1791 г.), Индуистский колледж в Калькутте (1817 г.), колледж Эльфинстона в Бомбее (1828 г.) и др. С середины 30-х годов XIX в. колониальная администрация после продолжительных дискуссий между «ориенталистами» и «западниками» приняла окончательное решение о распространении западного образования. Открытые в 1857 г. университеты в Калькутте, Бомбее и Мадрасе были организованы по образцу Лондонского университета — в них изучались современные науки и преподавание велось на английском языке. В 1941/42 г. в стране действовало 15 университетов и 431 колледж, в которых обучалось 152,8 тыс. студентов [Иербук, 1944—1945, с. 363], и по абсолютной численности учащихся в вузах Индия опережала многие развитые страны. Через университеты, колледжи, прессу элитарные слои индийского общества впервые получили доступ к современным научным знаниям, знакомились с идеями европейских философов, просветителей, представлениями о свободе, равенстве. «Западная система оказала большую услугу Индии, способствуя ее национальному единству и знакомству с мировыми проблемами. Английский язык стал лингва франка ее интеллектуалов, среди которых начали формироваться более глубокое осознание единства своего народа и новые идеалы и амбиции, касающиеся их родины» [Кулкарни В. Б., 1964, с. 83]. Главное — это то, что знания, идеи, политические проблемы благодаря развитию просвещения и образования перестали быть монополией микро-

скопического меньшинства и стали достоянием сотен тысяч, а позже и миллионов людей.

Этому содействовало быстрое развитие средств массовой информации. В начале XIX в. христианские миссии и колониальные власти начали выпускать свои периодические издания. К 1905 г. число периодических изданий составило 1359 названий общим тиражом около 2 млн. экземпляров [Бэрриер, 1974, с. 9]. До начала нынешнего века тиражи редко превышали несколько десятков тысяч экземпляров, стоили газеты дорого, и каждый номер подолгу ходил из рук в руки; можно предполагать, что круг читателей составлял 20—30 млн. человек.

Отношение колониальных властей к местной прессе менялось в зависимости от политической ситуации. В моменты подъема освободительного движения власти прибегали к конфискации отдельных выпусков, и за период 1907—1947 гг. было конфисковано около 8—10 тыс. выпусков [Бэрриер, 1974, с. 160]. Издателей подвергали краткосрочному заключению и штрафам. Некоторые газеты пользовались поддержкой колониальной администрации, закупавшей значительную часть тиража для бесплатного распространения в деревнях [Бэрриер, 1974, с. 43].

Индийская пресса достаточно полно отражала многообразие политических течений и направлений, так как свою периодику имели практически все основные политические группировки — от наиболее радикальных до самых консервативных. Выполняя функции форума по обмену мнениями и орудия пропаганды, периодика как основное средство массовой информации способствовала становлению и развитию всех основных форм групповой солидарности: общендийской, этнической, общинно-религиозной, классовой и др. При этом порождались как противоречия межгруппового характера (что неизбежно придавало им политический характер), так и внутренние конфликты в связи со становлением новых форм самоидентификации индивида с различными группами «большого общества». Это, в свою очередь, существенно осложняло весь процесс социально-политического развития и порождало для колониальных властей новые трудности в управлении страной. Высокопоставленный чиновник в 1907 г. был вынужден признать: «Мы завалены массой разнообразнейшего материала, как плохо ориентированного, так и откровенно подстрекательского, сам объем которого, не говоря уже о его хаотическом характере, делает его неуправляемым... эта масса материала уже вышла из-под нашего контроля» [Бэрриер, 1974, с. 161].

Периодика была не только главным источником информации, но и важным средством политической мобилизации. Выполняя эти функции, она ускорила процесс формирования современных литературных языков, их сближения с разговорной речью. Уже в начале XX в. на урду выходило 338 изданий, на гуджарати, маратхи, тамильском, хинди и малаяли — 50—100, на каннада, телугу, синдхи, пенджаби — 10—30, на ория, кхаси,

санскрите, персидском и ассамском — 1—5 [Бэрриер, 1974, с. 10]. К концу колониального периода общее число изданий заметно возросло, они начали выходить на ряде других языков, включая языки племен и малых народностей, многие из которых ранее были бесписьменными.

Средства печатной массовой информации охватывали преимущественно городское население, где процент грамотности был в несколько раз выше, чем в деревне. Радиовещание как источник информации не играло заметной роли вплоть до середины 40-х годов. С 1927 г. в Бомбее и в Калькутте действовали радиостанции небольшой мощности. Колониальные власти приступили к осуществлению широкой программы развития радио в конце 30-х годов. В тот период были установлены радиопередатчики мощностью 5—10 кВт в Дели, Бомбее, Лакнау, Мадрасе, Калькутте, Тричинополи, Пешаваре. Относительно высокая стоимость радиоприемников, а в сельской местности отсутствие электроэнергии делали радио недоступным для масс населения. Тем не менее по развитию радиовещания Индия опережала большинство стран Азии.

Центральная служба радиовещания в 1947 г. передавала бюллетени новостей на английском языке (304 часа в течение года), хиндустани (242 часа), тамильском, телугу, маратхи, гуджарати (по 183 часа) и каннада (23 часа) [Индия, Пакистан, 1948, с. 661]. В целом радиовещание стало подлинным средством массовой информации лишь в годы независимого развития Индии.

* * *

Подводя итог анализу колониального периода с точки зрения этнических проблем Индии, следует отметить, что англичане в большей степени использовали в своей политике конфессиональные, локальные социокультурные и социальные различия, чем противоречия межэтнического характера. Для целей колониальной политики и повседневного управления на первом этапе (до последней трети XIX в.) более значимыми были прямые локальные конфликты, а в последовавший период — индусско-мусульманская рознь, которую они разжигали на общендийской арене. Использование этнонациональных противоречий как эффективного политического орудия возможно лишь на гораздо более высокой стадии социальной и политической мобилизации отдельных этносов, т. е. при наличии локально-националистических массовых партий и организаций и противостояния этносоциальных элит в масштабах колониального государства. Этнополитическая ситуация в Британской Индии и общность задач освободительной борьбы исключали возможность противопоставления этнотерриториальных общностей, и центральное место в политике «разделяй и властвуй» занимали общинно-религиозные различия, которые лишь в отдельных слу-

чаях (Бенгалия, Пенджаб, Синд) отчасти имели территориальную основу.

Колониальный тип интеграции коренным образом отличается от национально-государственной интеграции в независимых странах: если в последнем случае стратегической задачей политики интеграции является создание сплоченного социально-политического организма и сильного государства («нации» по принятой в развивающихся странах терминологии), то колониальная интеграция обязательно предполагает сохранение внутренней конфликтности, затрудняющей достижение суверенитета, и наличие внешней силы — метрополии для обеспечения единства колониального государства. Внутренняя противоречивость колониальной модели развития и интеграции как ее составной части в конечном счете подрывает саму основу колониального правления. «Осуществив политическое объединение страны и освободив таким образом новые динамические силы, которые не только думали о единой Индии, но и стремились к ее освобождению, английское правительство попыталось расколоть то самое единство, которое оно помогло создать», — писал Джавахарлал Неру [Неру, 1955б, с. 353].

Во всех сферах — хозяйственной, социальной, политической, административной, идеологической — колониализм выступал одновременно как консервирующая, разрушающая и созидательная сила и порождал противоречия, неразрешимые в условиях чужеземного господства. Усиление формационной разнотипности и социальной гетерогенности оказывало непосредственное воздействие на развитие полиэтнического общества и его отдельных компонентов (этносов), чрезвычайно затрудняло и усложняло процесс социально-политической интеграции и формирование в покоренной стране единого социального макроорганизма, включающего всех индийцев, обостряло старые и порождало новые формы противоречий в индийском обществе. Эта черта имманентно присуща колониальной модели развития и является существенным элементом социально-политического содержания колониализма. В то же время колониализм привнес новый, качественно более высокий по сравнению с минувшим историческим периодом тип интеграции, которая, во-первых, охватила все сферы жизни общества и, во-вторых, проходила в стабильных условиях в течение относительно длительного периода. Присущие колониальному типу внутренняя противоречивость и двойственность при этом сохранялись, но объединительные, интегрирующие тенденции выступали как доминирующие.

В хозяйственной сфере тенденции к дезинтеграции, обусловленные усилением неравномерности экономического развития отдельных районов и отраслевых диспропорций, явно уступали процессу экономической интеграции вследствие развития производительных сил, формирования общего рынка, развития коммуникаций и межрайонных связей в рамках субконтинента. В области политики колониальный синтез обусловил формирование

высокоцентрализованного государства с мощным разветвленным аппаратом и унификацию управления и, главное, возникновение общендийского освободительного движения как важнейшей социально-политической силы, противостоявшей империализму. В социальной сфере, невзирая на усиление социокультурной гетерогенности (образование вестернизированного слоя внутри отдельных этносов), в колониальный период консолидировались слои и элитарные группы, занимавшие, независимо от их этнической принадлежности, сходное положение в социально-политической структуре, обладавшие западным образованием (включая знание английского языка как средства межэтнического общения), сходной системой ценностей и установок. Эти слои и группы были заинтересованы в сохранении единства и углублении интеграции. Наконец, в области идеологии доминирующее положение занял сформировавшийся в колониальный период общендийский национализм, в достаточно полной мере отражавший характер и степень социально-политической интеграции индийского общества.

Для политического развития Индии в колониальный период ключевое значение имела также эволюция политической культуры. Вследствие колониальной модернизации элитарная политическая культура — преимущественно мусульманская на севере и индуистская в Южной Индии — испытала на себе заметное влияние западной политической культуры, заимствовала у нее ряд важнейших элементов: представления о свободе личности, равенстве перед законом и правовом государстве, многие социально-политические нормы, институт политической партии как средства выражения и защиты групповых интересов, использование средств массовой информации для целей политической мобилизации, отчасти даже язык (английский). С одной стороны, формирование этой новой политической культуры путем синтеза традиционных и современных элементов ускорило и углубляло процессы общендийской социально-политической интеграции, с другой — усиливало дихотомию между элитарной общендийской и региональными массовыми политическими культурами, в большей степени сохранявшими традиционные элементы и локальные особенности. Дальнейший ход интеграционных, политических и этнополитических процессов во многом зависел от того, в какой мере и на какой основе преодолевалась эта дихотомия.

Глава 2

ЗАРОЖДЕНИЕ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИНДИЙСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Зарождение индийского национализма

Понятие «индийский национализм» прочно вошло в индийскую научную и публицистическую литературу, о его истории написаны сотни книг. В широком смысле он отождествляется с идеологией индийского освободительного движения, в узком смысле используется как синоним индийского патриотизма и противопоставляется локальному национализму отдельных народов Индии (бенгальскому, тамильскому, ассамскому и т. д.), который, в свою очередь, обозначается такими терминами, как «регионализм», «лингвизм», «идентичность», иногда — «субнационализм», «сепаратизм» и т. п.

В принятом в нашей науке словарном значении национализм — это «буржуазная и мелкобуржуазная идеология и политика в национальном вопросе», основанные на представлениях о национальном превосходстве и национальной исключительности, трактовке нации как высшей внеисторической и надклассовой формы общности [СЭС, с. 878]. Согласно более развернутому определению национализм — это «противостоящие пролетарскому интернационализму психология, идеология, политика и социальная практика обособления своей социально-этнической общности, враждебного отношения к другим общностям, проявляющиеся в различных исторических разновидностях, отвечающие в конечном счете интересам эксплуататорских классов и ведущие к ослаблению трудящихся масс в борьбе со своими классовыми врагами» [Современное революционное движение, с. 86]. С точки зрения авторов этого определения, сущность любой разновидности национализма заключается «в извращении и абсолютизации национального момента теми или иными эксплуататорскими классами или социальными группами»; известное методологическое указание В. И. Ленина об общедемократическом содержании национализма угнетенной нации¹ интер-

¹ «В каждом буржуазном национализме угнетенной нации есть общедемократическое содержание *против* угнетения, и это-то содержание мы, *безусловно*, поддерживаем, строго выделяя стремление к своей национальной исключительности, борясь с стремлением польского буржуа давить еврея и т. д. и т. д.» [Ленин. т. 25, с. 275—276].

претируется как «прогрессивность демократических элементов содержания, а не прогрессивность собственно национализма» [Современное революционное движение, с. 84]. Иными словами, «собственно национализм» всегда реакционен, но может включать «прогрессивные демократические элементы».

Едва ли такой подход уместен при анализе национализма угнетенных народов. «Господствующим идеологическим течением в большинстве стран Азии и Африки как в период национально-освободительной борьбы, так и после завоевания независимости был и остается национализм», — справедливо отмечал А. Д. Литман [Современный национализм, с. 8]. Национализм служил идеологическим обоснованием освободительного движения и тем самым имел ярко выраженную антиимпериалистическую направленность, а в полиэтнических странах, каковых на Востоке большинство, он неизбежно включал существенные элементы интернационализма, представление о равенстве и единстве всех покоренных народов. Главная цель проходившего под лозунгами национализма освободительного движения — достижение независимости — соответствовала интересам основных классов и социальных слоев колониального общества, включая трудящиеся массы, едва ли возможно утверждать, что она была лишь «демократическим элементом». Скорее наоборот, национализм угнетенных народов в целом был прогрессивным, но включал при этом и такие компоненты и течения, которые с определенной точки зрения можно квалифицировать как реакционные². «Несомненно, — писал Г. Ф. Ким, — что в Азии в целом, где в тот период разворачивался процесс национального пробуждения, буржуазный национализм, обращенный своим острием против империалистического угнетения, имел исторически прогрессивный характер» [Ким, 1986, с. 26].

Основой формировавшегося индийского национализма было противопоставление индийцев чужеземным завоевателям. «Первейшим и основным стремлением для всякой поработанной страны должно быть стремление к национальному освобождению. Это было вдвойне справедливо в отношении Индии с ее острым ощущением своей индивидуальности и своего прошлого наследия», — писал Дж. Неру [Неру, 1955б, с. 50]. В условиях

² Имеющиеся расхождения в определении понятия «национализм» создали немалую путаницу в наиболее массовых словарях, которые сходятся только в том, что он представляет собой буржуазную и мелкобуржуазную идеологию и политику. «Советский энциклопедический словарь» добавляет, что в «национализме угнетенных наций есть как общедемократическое содержание, так и реакционная сторона, выражающая интересы и идеологию эксплуататорской верхушки» [СЭС, с. 878]. «Словарь иностранных слов» указывает, что «от национализма следует отличать справедливое и исторически-прогрессивное стремление к национальной независимости угнетенных и колониальных народов, борющихся за национальное освобождение и самоопределение» [СИС, с. 337]. И лишь в словаре С. И. Ожегова находим: «2. в поработанных и зависимых странах — движение, направленное на борьбу против империализма, за национальную независимость» [Ожегов, 1981, с. 350].

полиэтнического, поликонфессионального, разделенного кастовыми перегородками и не имевшего традиции общей государственности общества это противопоставление выступало единственным общим знаменателем индийского национализма и определяло его неразрывную взаимосвязь с освободительным движением народов Индии.

В то же время антитеза «мы — они» при всей ее очевидности в конкретных исторических условиях Индии не могла возникнуть как стихийная реакция на установление английского господства. Индийское общество как определенная социально-политическая целостность (т. е. «общество» в социологическом смысле термина) начало формироваться лишь после колониального завоевания, и этот процесс сопровождался как сближением различных социальных (в том числе этносоциальных) сегментов, так и обострением противоречий между ними. Отражение этих двух тенденций в сфере идеологии определило сложный, многоплановый характер индийского национализма, наличие в нем противоборствующих течений и взаимоисключающих установок. Это, в свою очередь, чрезвычайно осложняло выработку единой концепции индийского национализма, которая могла бы в упрощенном виде — в доходчивых представлениях и лозунгах — стать достоянием масс и ускорить формирование индийского самосознания как важного элемента массового сознания.

Национализм в Индии, как и в других странах Востока, складывался по мере зарождения капиталистических производственных отношений и формирования местной буржуазии. Едва ли правомерно рассматривать в качестве первого этапа национализма или его разновидности так называемый добуржуазный или феодальный национализм — термин, в котором эклектически соединены явления, относящиеся к разным формациям. Характерное для феодального общества деление на сословия крайне затрудняет формирование устойчивой групповой солидарности на почве этнической общности, между тем как национализм, выступая идеологическим оформлением общенациональной солидарности, хотя бы внешне декларирует единство этноса и тем самым отрицает правомерность сословного деления. Более того, принцип эндогамии феодального сословия действовал применительно лишь к «народу» и никак не препятствовал заключению междинастийных браков, столь характерных для благородных сословий Востока и Запада.

Своеобразный космополитизм феодального сословия проявлялся также в усвоении «иностранной» культуры, нередко включая и язык. Такой космополитизм, преломляясь через сферу политики (территориальные сделки нередко были следствием междинастийных браков), выступал одним из факторов, тормозивших процессы этнической консолидации, а следовательно — формирования этнического самосознания и национализма. «Национальное» самосознание феодальных элит XVIII—

XIX вв. не выходило за рамки этноцентризма, который определяется как «склонность воспринимать все жизненные явления с позиций „своей“ этнической группы, рассматриваемой как эталон, т. е. при известном ее предпочтении» [Бромлей, 1983, с. 184]. Он проявлялся у феодального сословия чаще всего в периоды вражеских вторжений, принимая острую форму в тех случаях, когда участников конфликта разделяли глубокие социокультурные, цивилизованные различия. Представляется, что правы те исследователи, которые квалифицируют добуржуазные движения, нацеленные на полное изгнание чужеземцев и базировавшиеся на этноцентристском восприятии мира, как антифоринизм (Т. Сигеки, Н. А. Симония), а не «феодальный национализм». «Как капитализм, вырастая из феодализма и складываясь из элементов распада последнего, представляет собой качественно новое явление, так и национализм... представляет и по своей тенденции, и в конечном итоге отрицание антифоринизма» и «открывает дорогу новой социальной общности», — пишет Н. А. Симония [Современный национализм, с. 179—180].

В Индии антифоринизм был следствием цивилизационных различий между индийцами и завоевателями-англичанами, различий, усугублявшихся всепроникающим влиянием индуизма на индийцев, с одной стороны, и осознанием превосходства европейской цивилизации и христианской веры со стороны англичан. Колониальное завоевание и последовавшие попытки распространения христианства воспринимались в Индии как серьезнейшая опасность привычному образу жизни, культуре и религии и вызвали враждебное отношение со стороны самых разнообразных групп населения Индии. Калькуттская газета «Хинду пэтриот» отмечала в 1857 г.: «В настоящий момент у всех туземцев, за исключением небольшого круга в Бенгалии, посвященного в таинства европейской цивилизации, сложилось убеждение, что британское правительство преследует цель уничтожить религию туземных рас и обратить их в христианство. Об этом говорят даже женщины и дети. Это заблуждение может показаться нелепым для наших читателей, но оно тем не менее преобладает» [Махаджан, 1979, с. 54—55].

Как и в других странах Востока, антифоринизм зачастую становился идейной платформой наиболее консервативных феодальных элементов, мусульманской и индульской ортодоксии, в их попытках восстановить свое господство и влияние. Крупнейшей вспышкой антифоринизма было восстание 1857 г., проходившее под призывами убивать чужаков и лозунгами восстановления былого величия Моголов [Чаудхри К. Ч., 1978, с. 3]. После подавления восстания латентный антифоринизм заметно усилился, и не случайно У. С. Блант с категоричностью журналиста в 1884 г. утверждал: «... я твердо убежден, что в случае нового мятежа каждый мужчина, женщина и ребенок, магометанин и индус, присоединится к нему» [Блант, 1909, с. 165].

Однако в целом антифоринизм по ряду причин не стал основой формировавшегося индийского национализма. Проводя политику подавления и противопоставления отдельных этноконфессиональных и кастовых групп, колонизаторы добились нейтрализации и даже лояльности со стороны отдельных групп феодалов, в первую очередь князей, а также значительной части населения, воспринявшей установление колониального режима как избавление от мусульманского господства, грабительских набегов маратхов и бесчинств многочисленных банд, возникавших в условиях упадка централизованных государств. Соединение антифоринизма отдельных этнических общностей в единое общендийское течение исключалось сохранением межэтнических противоречий, конфессиональных различий, отсутствием необходимой коммуникационной инфраструктуры, объединяющей изолированные сельские общины. В ряде случаев, особенно в период завоевания Индии, единое выступление против англичан было невозможным из-за междоусобных войн и конфликтов, происходивших как в масштабах субконтинента, так и в пределах номинально единых государств.

Антифоринизм функционален как защитная реакция, однако при столкновении старого и нового он выступает как консервативная, по сути своей иррациональная установка. Огульное отрицание всего чужеземного и защита уходящих в прошлое порядков были свойственны преимущественно индусской и мусульманской ортодоксии, мусульманской аристократии и служилой знати, лишившихся своего привилегированного положения. При всей своей антипатии к колонизаторам эти элитарные группы оказались неспособными преодолеть разделявшие их традиционные противоречия и выработать прогрессивную идеологию, способную объединить основные социальные силы колониального общества.

Основоположниками индийского национализма стали бенгальские просветители первой половины XIX в., прежде всего Раммохан Рой и не столь знаменитые Г. В. Дерозию, И. Гупта, К. Сен, А. Датта, клан Тагоров и другие представители калькуттской интеллигенции. Наступление колониализма вглубь и вширь, знакомство с европейской мыслью и проповедь христианства стали главными причинами, вызвавшими брожение умов и возникновение индийского просветительства (подробнее см. [Полонская, Паевская, 1973; Комаров, 1981; Рыбаков, 1981]). «Получившие английское образование интеллигенты и чиновники образовали, по существу, новый класс, впоследствии появившийся во всех частях Индии, класс, находившийся под влиянием западной мысли и обычаев и в значительной мере оторванный от народных масс», — писал Дж. Неру [Неру, 1955б, с. 341].

Бенгальские просветители внесли большой вклад в развитие бенгальской культуры, развитие языка, журналистики, однако они не делали различия между Бенгалией и Индией, выступали от имени всех индийцев. Они считали, что Индия — единая

страна, и, сравнивая ее население с другими народами, в сущности, первыми выдвинули концепцию единой нации, которую они называли индийской либо индусской, используя вслед за английскими авторами эти понятия в качестве синонимов.

Пытаясь утвердить принципы рационализма и гуманизма, Р. Рой во многом предопределил основные черты индийского национализма. Его реформаторская деятельность (создание общества Брахмо самадж, кампания против обычая сати — саможжения вдов и др.) была направлена на искоренение обычаев, ритуалов и взглядов, не совместимых с гуманизмом и разумом. Он стремился сделать индуизм, во многих отношениях определявший весь образ жизни подавляющего большинства индийцев, более респектабельным и не столь уязвимым для обвинений в дикости и варварстве, о чем постоянно говорили христианские миссионеры и английские авторы.

Его попытки реформации индуизма были также продиктованы стремлением преодолеть внутренние перегородки, разделявшие индийское общество на бесконечное множество сегментов, пробудить осознание общности и чувство патриотизма. «Индусы в целом более суеверны и забиты, как в выполнении своих религиозных ритуалов, так и в своих повседневных делах, чем остальные известные нации на земле... С сожалением должен сказать, что современная система религии индусов малопригодна для отстаивания их политического интереса. Кастовые различия, вводя бесчисленные деления и подразделения между ними, полностью лишили их патриотического чувства, а обилие религиозных ритуалов и церемоний и правил (ритуальной) чистоты не позволяет им предпринять любое трудное дело... Я думаю, что их религия нуждается в определенных изменениях, хотя бы для их собственной политической выгоды и социального комфорта», — писал Р. Рой (цит. по [Хеймсат, 1964, с. 11]).

Отрицательное отношение к кастовой системе, естественно, не могло иметь практических социальных последствий (по крайней мере за пределами малочисленных, узкоэлитарных групп Брахмо самадж), но оно оказало влияние на установки образованных индийцев тем, что содействовало расширению представления о «своей» группе, отрицанию роли внутренних различий в ритуальном статусе как необходимой предпосылки для осознания своей принадлежности к более широкой индийской общности. Проповедь религиозного универсализма, интерпретация индуизма как развитой и глубоко самобытной философской системы, ничем не уступающей христианству, выражала стремление к самоутверждению индийцев перед завоевателями, к восстановлению чувства собственного достоинства и стала одним из первых симптомов национального пробуждения.

К былому величию, «золотому веку» как источнику силы в своих патриотических стихах («Индии — моей родной стране» и др.) обращались уже Г. Л. В. Дерозии (1809—1831), И. Гупта (1811—1859); оно стало одной из главных тем в творчестве

литераторов последующих лет как в Бенгалии, так и в других районах Индии. Использование достижений общендийской культуры в качестве символов уже в период формирования идеологии национализма определило его надэтнический, общендийский характер и отодвинуло на второй план различия между отдельными народами.

Просветители того периода создали основу историко-культурной символики индийского национализма, центральное место в которой заняли представления о древности индийской цивилизации, ее особой духовности, «золотом веке» Индии, ее великих достижениях в области философии, науки. Для этих целей они использовали труды и суждения европейских ученых-индологов. Благодаря усилиям Уильяма Джоунса (1746—1794), Чарльза Уилкинса (1750—1836), Г. Т. Коулбрука (1765—1836), Г. Г. Уилсона и других индологов в Европе стали известны «Бхагавадгита», веды, упанишады, образцы классической литературы Индии. В период расцвета немецкого романтизма индийская философия и литература вызвали оживленный интерес и восторженные оценки немецких философов — Иоганна Фихте, Артура Шопенгауэра, в конце века — Фридриха Ницше. В Индии работу в этой области поощрял генерал-губернатор Уоррен Хейстингс, написавший хвалебное предисловие к английскому переводу «Бхагавадгиты» и выступивший инициатором создания Азиатского общества Бенгалии — первого крупного индологического центра в мире (1784 г.).

Патриотизм ранних просветителей причудливо сочетался с лояльным отношением к колониальным властям. Р. Рой приветствовал победы англичан над маратхами, высказывался за то, чтобы «благо британского правления продлилось на века» [Рой, 1928, т. 1, с. 222], и следующим образом объяснял свою позицию: «Я питал величайшее отвращение к британской власти, но вскоре сделался терпимым к европейцам... начал понимать, что их правление, хотя и является чужеземным игом, должно быстро и решительно привести к улучшению условий жизни местного населения» (цит. по [Полонская, Паевская, 1973, с. 171]). Они много писали об упадке тогдашней Индии, видели негативные стороны колониального правления (Рой первым заговорил об утечке богатства из Индии), но предполагали, что эти стороны менее значительны, чем положительные долгосрочные последствия начавшейся модернизации общества.

В отличие от антифоринизма, присущего значительной части населения Индии, зарождавшийся национализм был идеологией узких элитарных группировок и оставался таковой вплоть до конца XIX в. Эту новую элиту объединяла общая система ценностей, сходное положение в колониальной социально-политической структуре, вера в разум, науку и «благо» колониального правления, надежды на доступ к управлению страной путем переговоров с Англией и неподдельная убежденность в том, что они представляют интересы и волю всех индийцев. Возник-

новение острых противоречий и антагонизмов среди отдельных этнических и кастовых групп этого слоя исключалось тем, что они занимали сходное положение в колониальной социально-политической структуре, не имели доступа к власти, и в частности к принятию решений, касавшихся распределения благ и ресурсов. Политическое бесправие этих групп способствовало становлению и росту их солидарности, выдвижению требований об участии в управлении страной. «... Я крайне огорчен, часто наблюдая, как правительство принимает законы и постановления, не советуясь со своими индийскими подданными и явно не понимая их чувств...» — писал Р. Рой [Сорсиз, с. 587].

Индийские националисты XIX в. не пытались соединить свой национализм с антифоринизмом основной массы населения и традиционной феодальной верхушки, отвергавшей все чужеземное, враждебной идеям просветительства. По своей идеологии и политической направленности индийский национализм XIX в. не отражал настроений ни масс, ни формировавшихся новых средних слоев (мелких служащих, торговцев, предпринимателей), которые в тот период были весьма далеки от политики. «Элитарный национализм» индийских просветителей этого периода был продуктом и следствием второго этапа колониальной модернизации, когда после периода сугубо экономических отношений и почти полной социальной отчужденности между колонизаторами и подчиненной страной начинается этап колониального синтеза как в экономике, так и в социокультурной сфере. В индийском просветительстве, как одним из главных проявлений начавшегося колониального синтеза, центральное место занимала проблема соотношения западных и индийских компонентов, их взаимодействия (отсюда реформаторское течение) и отличий. Прочность местных культурных традиций, антагонизм и расовые различия между правящими и подчиненными делали невозможным приятие тотальной вестернизации как варианта модернизации и в то же время обусловили формирование представлений о «национальном единстве» Индии и соответствующей историко-культурной символики.

Первые поиски индийской идентичности и конструирование символики формировавшегося индийского национализма, характерные для деятельности просветителей первой половины XIX в., оставались бы сугубо философскими спекуляциями, если бы колониальная действительность ежедневно не воспроизводила реально осязаемых противоречий между колонизаторами и образованной прослойкой, возникшей в результате колониальной модернизации. Вера в «благо» британского правления для этих групп населения подрывалась прежде всего полным отсутствием политических прав и откровенным расизмом колонизаторов. Американский этносоциолог П. Л. ван ден Берге отмечает, что «расизм по преимуществу является идеологией колониализма» [Ван ден Берге, 1981, с. 86], что особенно верно применительно к английскому колониализму. Джавахарлал Не-

ру впоследствии писал в этой связи: «... мы в Индии узнали расизм во всех его формах с самого начала английского владычества. Вся идеология этого владычества была идеологией „народа господ“ и господствующей расы... Эта мысль не была завуалирована; она была провозглашена властями в недвусмысленных выражениях» [Неру, 1955б, с. 349]. Поясняя, что речь шла именно о расизме, а не о противоположности между правящей группой и подчиненным населением, он разъяснял: «Расизм в Индии означает не столько противопоставление англичан индийцам, сколько противопоставление всего европейского всему азиатскому. В Индии каждый европеец, будь он немец, или поляк, или румын, автоматически причисляется к правящей расе» [Неру, 1955б, с. 313].

Вера в превосходство белой расы, стереотипные представления о неполноценности индийцев, основными свойствами которых считались лживость, лень, хитрость, отсутствие положительных моральных качеств, разделялись большинством чиновников, многими миссионерами, авторами популярных и научных работ по истории и культуре Индии. Факт расовой дискриминации отмечали многие английские авторы и политические деятели того периода, а современные индийские исследователи рассматривают его как одну из главных причин возникновения индийского национализма.

Высокомерие английских должностных лиц и нежелание англичан установить отношения партнерства с образованными и лояльными представителями местных элит, традиционно занимавшими высокое положение в индийском обществе, рассматривалось индийцами как проявление расовой дискриминации, и борьба против расизма сыграла важную роль в формировании индийского национализма.

Первым открытым выступлением против дискриминации была кампания против Закона о суде присяжных 1826 г., по которому предусматривалось, что в случае привлечения к суду христиан суд присяжных должен состоять исключительно из христиан. Фактически закон лишал индусов и мусульман права судить не только европейцев, но и индийских христиан и был воспринят образованными индийцами в Калькутте, Бомбее и в Мадрасе как оскорбление. По инициативе Р. Роя парламенту Великобритании была направлена петиция, которую подписали также представители мусульманской общины, с просьбой отменить этот закон. Сходную петицию от имени общин индусов, мусульман и парсов направили юристы Бомбея. В результате обсуждения в парламенте в законопроект была внесена в 1832 г. поправка.

Важным результатом борьбы против закона 1826 г. явилось признание равенства европейцев и индийцев при назначении на службу Компании в законе 1833 г. В ст. 87 этого закона говорилось, что «никому из уроженцев этих территорий... не будет отказано в праве на любое место, должность или занятие толь-

ко по причине религии, места рождения, происхождения, цвета или любой из них» [Банерджи А. Ч., 1961, с. 244]. «Хотя декларация (закон 1833 г. — А. П.) в течение последовавших лет осталась лишь формальной бумагой, она служила прочной основой для всех движений индийских националистов против расовой дискриминации в последовавшие десятилетия», — отмечает индийский исследователь Н. С. Бос [Бос Н. С., 1981, с. 34]. Формальное признание равенства не изменило, однако, реального положения, так как никаких шагов для устранения дискриминации предпринято не было: индийцы по-прежнему занимали лишь низшие административные посты, не включались в состав советов при губернаторах провинций и не обладали равными правами перед судом. Более того, сохранял силу закон 1793 г., по которому лишь англичане могли занимать посты с жалованием более 800 ф. ст. в год. Введение системы конкурсных экзаменов на занятие должностей (1853 г.) также не изменило положения, так как конкурс проводился в Англии, предполагал свободное знание английского языка и (для принятых) стажировку в Англии в течение одного года — условия, неприемлемые для большинства индусов, которые не могли полностью игнорировать кастовые нормы и запреты на заморские поездки.

После упразднения британской Ост-Индской компании в 1858 г. положение существенно не изменилось, хотя в официальной декларации был провозглашен принцип равенства всех подданных Британской империи перед законом и при найме на службу. В Индийской гражданской службе, созданной в 1859 г., лишь десять лет спустя появился первый индеец (среди 883 чиновников, составлявших верхушку бюрократического аппарата), в 1879 г. их стало 7, в 1889 г. — 12 (из 896) [Вудрафф, 1963, с. 363].

Еще более жесткой была дискриминация в армии. Для индийцев были совершенно недоступны офицерские звания: до 1918 г. индеец не мог достигнуть более высокого звания, чем рисалдар-майор или субедар-майор, фактически равных званию сержанта. Чтобы избежать назначения индийских офицеров, командующих англичанами, до 1940 г. в армии осуществлялась сегрегация: индийские офицеры назначались командующими лишь в «туземные» части и подразделения [Кулкарни В. Б., 1964, с. 146].

Отношения между индийцами и колонизаторами заметно осложнялись по мере численного роста образованной прослойки среди индийцев, многие представители которой по образованности и деловым качествам зачастую превосходили чиновников колониальной администрации. Одновременно возрастала замкнутость английской общины в Индии. К концу XIX в. ее обособленность заметно увеличилась, и она не испытывала необходимости в неофициальных социальных контактах с местным населением. Кроме того, улучшение сообщения с Англией,

особенно после открытия Суэцкого канала, содействовало упрочению связей англичан со своей родиной и определенной их ориентации. Во всех больших городах возникло английское «общество», которое рассматривало себя как «высший свет», жило в кругу своих интересов и предрассудков, всячески подчеркивало свое господствующее, привилегированное положение.

Отчужденность английской общины от местного населения, сохранение дистанции было обусловлено самой сущностью колониального господства и сложившейся социально-политической системы, однако первым и важнейшим внешним, формальным признаком деления на «господ» и «подчиненных», безошибочно определявшим место человека, был цвет кожи. Сложившиеся стереотипные представления англичан об индийцах и индийцев об англичанах приводили к тому, что расовые различия занимали центральное место, автоматически возводя конфессиональные, социокультурные барьеры. Бесчинства отдельных англичан, факты избиения ими и унижения индийцев к этому времени стали наиболее популярным сюжетом газет на местных языках. Конкретные конфликтные ситуации, проявления несправедливости на бытовом уровне действовали сильнее на общественное сознание, чем рассуждения на экономические и политические темы³. Особенно это было характерно для бенгальской прессы. Стремясь положить конец публикации подобной информации, власти в 1878 г. приняли Закон о прессе на местных языках, которым запрещалась публикация «подстрекательских» материалов.

Расовый антагонизм с особой остротой проявился в 1883 г. в связи с законопроектом Ильберта, предусматривавшим внесение поправки в уголовный кодекс 1872 г., по которому судьи индийцы были не вправе рассматривать дела европейцев. Законопроект вызвал бурю протеста со стороны английской общины. В ответ на кампанию английской общины политические и общественные индийские организации единодушно выступили в поддержку законопроекта. В Калькутте они проявили особую солидарность: меморандум подписали представители всех основных индусских и мусульманских организаций. В конечном счете законопроект был одобрен с существенными поправками, которые частично удовлетворили английскую общину, но вызвали разочарование и недовольство у индийских лидеров и прессы.

Конфликт из-за законопроекта Ильберта имел, как отмечает Н. С. Бос, принципиальное значение: «Для индийцев основным вопросом была отмена расовой дискриминации во всех сферах британско-индийской администрации, главное — спра-

³ В 1877 г. широкую известность получило «дело Фуллера» — английского адвоката из Агры: его слуга скончался вследствие удара в живот, а на суде Фуллеру был вынесен символический приговор — штраф в размере 30 рупий [Бос Н. С., 1981, с. 137]. Такие случаи были отнюдь не редкими.

ведливое и беспристрастное отправление правосудия без расовой окраски. С этой агитацией связывался целый ряд других вопросов — индианизация администрации, устранение препятствий для допуска индийцев в верхние эшелоны гражданской службы и перспектива повышения строго по заслугам и опыту» [Бос Н. С., 1981, с. 206].

Последовательная политика расовой дискриминации и сегрегации, проводившаяся в течение жизни нескольких поколений, наложила сильный отпечаток на массовое сознание, привив индийцам страх перед англичанами. «Нормальная реакция неискушенного сельского жителя при виде англичанина — это бежать сломя голову... Среди нашего народа преобладало отношение иррационального и неискоренимого раболепия и такой же иррациональной и непреодолимой ненависти, т. е. антифоринизма», — писал в своих мемуарах Нирад Чаудхури [Чаудхури, 1973, с. 118—119]. Это двойственное отношение индийцев к англичанам стало существенной чертой социальной психологии масс; оно легло в основу популярных литературных сюжетов (Банкима Чондро Чаттерджи, Премчанда и др.).

Политика расовой дискриминации и сегрегации сыграла роль одного из главных факторов, обусловивших возникновение индийского национализма и его существенные особенности. Несмотря на этническую пестроту и поликонфессиональный состав населения Индии, здесь начинает складываться общендийский национализм с характерными признаками буржуазного национализма угнетенной нации. «Проблема юридического равенства... действовала как цементирующая сила в зарождении индийского национализма. Это был вопрос, по которому не было конфликта интересов между различными религиозными и этническими группами», — отмечает Н. С. Бос, специально исследовавший роль расизма в формировании национализма в Индии [Бос Н. С., 1981, с. 221]. Отодвигая на второй план этнические, конфессиональные, кастовые различия, расовая дискриминация в большей степени, чем любой другой отдельный фактор, определила осознание индийской общности и формирование представлений об «индийской нации» среди образованной части населения.

Протест против расовой дискриминации и требования равенства в 70-е годы XIX в. занимают центральное место в идеологии индийского национализма и становятся платформой для первых организованных выступлений против дискриминационной политики английских колонизаторов. Эти выступления положили начало освободительному движению, ускорили процесс формирования общендийских политических организаций, вели к пересмотру отношения к колониальному режиму. В этот период индийские общественные деятели начинают высказывать мысль о том, что дискриминация имманентно присуща колониальному правлению, они критически пересматривают представления о «благах» чужеземного господства. Исследование ими

этого круга проблем заложило основу для нового направления индийского национализма — так называемого экономического национализма.

«Экономический национализм» — это комплекс представлений об ущербности колониального господства для экономического развития Индии. Возникновение подобных представлений начиная с 80-х годов означало радикальный пересмотр сущности колониального правления, с которым многие представители модернизированной элиты связывали ранее большие ожидания. «Они были ослеплены первоначальным воздействием на Индию, оказанным Великобританией — самой развитой страной современного мира. Для них установление законности и порядка и централизованной администрации, пришедших на смену почти полной политической анархии XVIII—начала XIX в., распространение современного образования и через его посредство — западной демократической мысли и просвещения, введение свободы слова и печати, социальной свободы и, предположительно, объединение народа Индии в одну национальность, распространение по всей стране чувства принадлежности к единой общности, зарождение новой политической жизни — все это следовало за установлением британского раджа и было, таким образом, его достижениями, предвещавшими наступавший рассвет. В экономической сфере их привлекала перспектива быстрого промышленного развития», — пишет Бипан Чандра в фундаментальном исследовании «Экономический национализм» [Чандра Б., 1966, с. 737].

Представления о благотворности британского правления существовали относительно длительное время. Очевидные факты, свидетельствовавшие о дезорганизации экономической жизни и ухудшении положения в стране, связывались индийскими лидерами не с самой сущностью колониального порядка, а с просчетами новых правителей Индии, с непониманием ими индийской ситуации и объяснялись непреднамеренными ошибками.

Мысль о том, что эксплуатация Индии колонизаторами является закономерным результатом системы, а не корыстных устремлений представителей колониальной администрации, впервые высказал Дадабхай Наороджи (1825—1917). Отдельные аспекты этой проблемы разрабатывали также М. Г. Ранаде, Р. Ч. Датт, Г. В. Джоши, П. Ч. Рай, Д. Е. Вача, Г. К. Гокхале, Г. Субраманийя Айер, М. М. Малавийя, Сурендранатх Банерджи. Эта плеяда экономистов и общественных деятелей в своих публикациях в основном вскрыла политэкономическую сущность колониального правления и детально проанализировала его экономические аспекты: причины нищеты, утечку богатства, неравноправный обмен, политику цен и т. д. Многие из разработанных ими проблем были доступны пониманию лишь узкого круга образованных лиц и предпринимателей и не оказали заметного влияния на формирование идеологии зарождавшегося национально-освободительного движения. Однако две

темы — нищета Индии и утечка богатства — были усвоены массовым сознанием и стали важной составной частью индийского национализма.

Поводом для изучения причин бедности и нищеты послужил голод в Ориссе в 1865—1866 гг. и в ряде других районов Индии. Д. Наороджи уже в 1870—1871 гг. пришел к выводу о том, что Индия не производит достаточного количества продовольствия для удовлетворения своих нужд, и писал о постоянном обнищании и истощении страны. В 1873 г. он первым подсчитал доход на душу населения — 20 рупий на 1867—1868 г. [Чандра Б., 1966, с. 16]. Это стало веским и чрезвычайно популярным аргументом, опровергавшим утверждения колониальных властей о «процветании» Индии. К концу века доход на душу населения в Индии оценивался в 2 ф. ст. в год, в то время как в Великобритании он составлял 41, США — 27,2, Франции — 25,7, Испании — 13,8, Австрии — 16,3, России — 9,9, Турции — 4 ф. ст. Д. Наороджи писал в этой связи, что по сравнению с Индией даже «самая угнетенная и дурно управляемая страна — Россия предстает как воплощение процветания» [Чандра Б., 1966, с. 19]. С момента выхода книги Д. Наороджи «Нищета Индии» (1876 г.) проблема бедности широко обсуждалась как «великая проблема Индии», «вопрос вопросов». Проблема нищеты, голода, постоянно фигурировала в газетах того времени (например, в таких, как «Амрита базар патрика», «Махратта», издаваемых на индийских языках), подробно освещалась в двухтомной «Экономической истории Индии», опубликованной Р. Ч. Даттом в 1901—1903 гг., в многочисленных статьях и брошюрах.

Главной причиной обнищания Индии Д. Наороджи и другие деятели того периода считали утечку богатства, т. е., в сущности, колониальное ограбление. По подсчетам Д. Наороджи, в 1870—1872 гг. эта утечка составляла 27,4 млн. ф. ст. в год и возрастала быстрыми темпами (в 30-е годы XIX в. — 5,3 млн., а в 60-е — 17,3 млн. ф. ст. в год); Г. В. Джоши оценивал ее в 60—70 млн. ф. ст. в первые годы XX в. и считал, что после вычета необходимого продукта она составляет около $\frac{1}{3}$ национального дохода [Чандра Б., 1966, с. 662]. Индийские экономисты того периода пришли к ясному выводу, что утечка богатства тормозит экономическое развитие Индии, является одной из главных причин бедности и в то же время способствует быстрой индустриализации Великобритании.

Выявление эксплуатации как сущности колониализма было поворотным моментом в развитии идеологии национализма и национально-освободительного движения, так как этим была обоснована и вскрыта несовместимость интересов колонии и метрополии, рассеяны иллюзии относительно «справедливого правления» и «процветания» Индии. Д. Наороджи, признанный теоретик «утечки», по мере исследования этой проблемы эволюционировал от умеренных до радикалов: уже в 1885 г. он вы-

сказался за передачу управления в руки индийцев, а позже заявлял, что в случае, «если нынешнее материальное и моральное разрушение будет продолжаться, неизбежно произойдут великие потрясения, которые либо приведут к еще большему подавлению Индии под железной пятой деспотизма, либо к уничтожению разрушающей руки и власти» [Сорсиз, с. 673].

Подводя итог развития этого направления идеологии индийского национализма, Бипан Чандра справедливо отмечает: «В целом теория утечки была революционной по своей сути, она поставила на центральное место вопрос о политической власти, и ее принятие не только выявило подспудный политический конфликт между Великобританией и Индией, но и привело к выводу о недопустимости господства первой над второй... Теория утечки содействовала тому, что на место политической пассивности приходило политическое действие. Она была легкодоступна пониманию масс, даже крестьян, и заняла важное место в националистической пропаганде» [Чандра Б., 1966, с. 706—707]. Аналогичное мнение высказывает другой индийский исследователь: «„Утечка“ приобрела почти гипнотический эффект как символ несправедливости британского правления во всех его проявлениях. Она выражала все многообразие индийских горестей» [Чандра С., 1975, с. 119].

Разоблачая колониализм как виновника бедственного положения основной массы населения, идеологи «экономического национализма» могли с успехом апеллировать ко всем индийцам, так как в наиболее общем плане эта проблема одинаково касалась всех слоев и групп населения, независимо от социальных, этнических и прочих различий. В этом ее положительное значение как фактора, ускорившего процесс формирования антиколониального фронта. В то же время вывод о колониальной эксплуатации Индии при всей его доходчивости и очевидности не стал массовым лозунгом и обсуждался преимущественно в тех кругах, которые не только не страдали от бедности и утечки богатства, но и в ряде случаев разбогатели вследствие того, что стали партнерами колонизаторов по эксплуатации Индии. Даже сам основоположник индийского «экономического национализма» Дадабхай Наороджи принадлежал к общине парсов, в те времена доминировавшей в экономической, политической и культурной жизни Бомбея.

Идеологи «экономического национализма» были сторонниками и поборниками быстрого развития капитализма в Индии и разоблачали колониализм исключительно с этих позиций. Во второй половине XIX в. индийская буржуазия быстро формировалась как класс, интересы которого начали расходиться с интересами метрополии. Идея об эксплуатации Индии циркулировала в виде резолюций, меморандумов, газетных передовиц, брошюр, т. е. в рамках существовавших в то время форм политической деятельности. Концепции «экономического национализма» содействовали самоидентификации формирующейся ин-

дийской буржуазии и образованной части населения. Но при всей своей простоте и ясности в конце XIX в. они еще не стали составной частью социальной психологии масс: этому препятствовали глубокая социальная пропасть между просвещенными группами и народом и то обстоятельство, что для масс населения образ эксплуататора ассоциировался не с английскими чиновниками, с которыми они сталкивались крайне редко, а со своими соотечественниками-землевладельцами, ростовщиками, мелкими служащими. Подобно тому как проблема дискриминации отражала главным образом притязания образованной бенгальской элиты на места в колониальном аппарате управления, так и «экономический национализм», зародившийся в предпринимательских кругах Бомбея, был прежде всего идеологией складывавшейся индийской промышленной буржуазии, развитие которой тормозилось выплатой колониальной дани и общей экономической политикой колонизаторов (подробнее см. [Павлов, 1958]).

Индусский национализм

Главным изъяном идеологии индийского национализма, определившим его узкоэлитарную социальную базу, было двойственное отношение к колониальному господству. Выступая против дискриминации и колониального ограбления страны, индийские просветители XIX в. в то же время считали английское правление полезным и сохраняли к нему лояльное отношение. Идеализируя славное прошлое Индии и подчеркивая особую духовность индийской цивилизации, они отдавали должное достижениям западной науки, техники, социального строя и политической мысли. Идея синтеза, гармонического сочетания индийской духовности и технических достижений Запада, традиционных морально-этических ценностей и либеральных принципов буржуазной демократии, занимавшая центральное место в представлениях индийских просветителей и ранних реформаторов, в известной мере затушевывала антагонистические противоречия между колонией и метрополией, снимала остроту антитезы «мы — они» и в конечном счете осложняла формирование индийской идентичности как важного компонента общественного сознания.

«Неясность относительно того, насколько можно следовать примеру Запада, беспокоила многих индийцев почти целое столетие и ставила некоторых из них перед неразрешимыми психологическими дилеммами. Стремление одновременно придерживаться своих ценностей и чуждого образа жизни было чревато болезненными последствиями и вело к нарушению традиционного порядка... Возврат к традиционным интеллектуальным источникам, хотя и частичный для большинства националистов, стимулировал усилия реформаторов в поиске подтверждений

своим доктринам в традиционных шастрах и священных текстах», — отмечал Ч. Г. Хеймсат [Хеймсат, 1964, с. 24]. Реабилитация индуизма, утвердившего свою репутацию как философского учения, и утверждение традиционных ценностей были обусловлены не субъективными устремлениями националистов и реформаторов, а прежде всего численным ростом новых средних слоев (буржуазии, интеллигенции), пополнявшихся путем интенсивного притока представителей средних каст (каястха, банья, марвари, маратха и др.).

Во второй половине XIX в. этот процесс уже не ограничивался Калькуттой и Бомбеем, а охватил многие города в провинциях Британской Индии. Грамотные, но далеко не столь образованные, как бхадралок (благородное светское общество) Калькутты, современные по роду своей деятельности, но традиционные и провинциальные по своим взглядам, эти группы наиболее полно отражали идейный облик пробуждавшейся Индии и определили известный откат, усиление умеренно-консервативных течений в сфере идеологии. Р. Б. Рыбаков отмечает, что в XIX в. «в индуизме был создан комплекс буржуазных представлений, который сначала практически противопоставлялся ортодоксальной религии, а затем постепенно был поглощен системой в целом и занял в ней определенное место, сосуществуя с комплексом традиционных представлений на правах одного из пластов религиозной идеологии» [Рыбаков, 1981, с. 87]. В целом то же самое произошло с элитарным секуляристским национализмом, который начиная с 70-х годов XIX в. постепенно оттесняется на второй план национализмом с религиозной окраской, более адекватно выражавшим установки средних слоев, т. е. интеллигенции, мелкой и средней буржуазии. Тесно переплетаясь и зачастую сливаясь с последовавшим этапом буржуазной реформации индуизма, который, по Р. Б. Рыбакову, датируется концом XIX—началом XX в. [Рыбаков, 1981, с. 88], это направление националистической идеологии трансформируется в так называемый индуистский национализм.

Возникновение индуистского национализма означало прежде всего появление новой концепции индийской нации. Бенгалец Набагопал Митра, основавший в 1867 г. организацию Хинду мела (с целью проведения ежегодных индуистских праздников), писал в 1872 г.: «Индуистская национальность не ограничена Бенгалией. Она включает всех вдоль и поперек Хиндустана, у кого индуистские имена и кто исповедует индуистскую веру... Индуизм суждено стать религиозной нацией» (цит. по [Поддар, 1977, с. 19]).

Выдвижение конфессиональной принадлежности в качестве основополагающего признака нации придавало этому понятию гораздо более конкретный характер, усиливало противопоставление большинства населения Индии чужеземным завоевателям, акцентируя социокультурные различия в дополнение к расовым и социально-политическим. Этнические различия при

этом отбрасывались как несущественные и тем самым намечалась тенденция противодействия развитию локального национализма отдельных народов Индии. В то же время концепция индульской нации явно не включала мусульман, христиан, последователей анимистических культов, т. е. именно те конфессиональные меньшинства, по отношению к которым английский колониализм в этот период проводил политику покровительства.

Зарождение агрессивного, наступательного индуизма связано с деятельностью Даянанды Сарасвати (1824—1883) и основанного им в 1875 г. общества Арья самадж. Ключевое место в учении Сарасвати и его последователей занимала идея единобожия и призыв возвращения к принципам, сформулированным в ведах. Веда рассматривалась им как божественное откровение, содержащее всю мудрость и научные знания, которые человечество получило от бога в момент созидания. Даянанда считал, что индуизм был той спланированной силой, которая обеспечила сохранение Индии и индийской цивилизации в условиях вражеских нашествий и длительного правления чужеземных династий. Арьясамаджисты воспевали величие древней единой Арьяварты (Индии), создавали идеализированный образ «золотого века» в прошлом и призывали к возрождению Индии. Идея единства Индии, основанного на общности древней религии и культуры, заняла центральное место в этом течении индийского национализма.

Концепция индульской нации была логическим следствием сложившихся в XIX в. представлений об истории Индии, которую индийские и европейские авторы вслед за Дж. Миллем делили на три периода: индульский, мусульманский и британский. Индульский период рассматривался как «золотой век», вершина индийской или даже мировой цивилизации, упадок которой был следствием установления чужеземного мусульманского господства, подорвавшего могущество Индии и подготовившего почву для ее колониального завоевания Англией [Тхапар, Мукхиа, Чандра, 1969, с. 4—7]. История средних веков трактовалась прежде всего как противоборство индуизма и ислама, борьба индульской Индии против мусульманских захватчиков. При таком подходе националистическое мифотворчество вслед за представлениями о «золотом веке», особой духовности индийской цивилизации и исключительности Индии дополнялось героической тематикой — фигурами Рана Пратапа, Шиваджи, гуру Гобинда Сингха и других «великих борцов» против Могольской империи. «Эти героические мифы, — справедливо отмечает Бипан Чандра, — подтверждали теорию двух наций как основу коммуналистского подхода. Героические мифы были политическим творчеством и поэтому должны отвечать требованиям политической целесообразности» [Чандра Б., 1969, с. 58—59].

Образы мифологизированных героев обладали большой притягательной силой, оказывали сильное эмоциональное воздействие, опровергали утверждение англичан об отсутствии у индий-

цев свободолюбия. Кроме того, коммунализм предоставлял возможность «чувствовать себя националистами, не выступая против империализма» [Чандра Б., 1969, с. 48, 56]. Следует добавить, что подобный национализм, направленный против меньшинств, выполняет важную компенсаторскую функцию и весьма характерен для интеллигенции и буржуазии покоренных стран.

Сарасвати сознательно расширил древнее понятие Арьяварты — означавшее первоначально лишь населенную индоариями Северную Индию, — применив его для обозначения всего субконтинента, и популяризировал его именно в таком смысле. На рубеже XIX—XX вв. в отделениях Арья самаджа, главным образом в Пенджабе и в Соединенных провинциях, числилось около ста тысяч человек, и это общество стало наиболее массовой организацией того периода. Оно развернуло активную пропагандистскую деятельность.

«Национализм „Арья самадж“, — пишет Р. Б. Рыбаков, — с самого начала приобрел чисто индусскую окраску; это был не индийский, а „индусский национализм“... антимусульманство стало одной из типичнейших черт „Арья самадж“» [Рыбаков, 1981, с. 65—66]. Прославляя индуизм, Сарасвати и его последователи, в отличие от просветителей первой половины XIX в., не признавали религиозного универсализма и выступали с острыми нападка́ми против ислама, христианства, буддизма, джайнизма, отдельных индуистских сект и философии веданты [Хеймса́т, 1964, с. 125]. Не довольствуясь критикой различных вероучений, арьясамаджисты развернули активную кампанию за возврат в лоно индуизма индийских мусульман и христиан (движение шуддхи, «очищения»). Для пропаганды своих взглядов общество Арья самадж открыло большое число учебных заведений и школ в различных районах Индии.

Крупнейшей фигурой среди религиозных националистов был свами Вивекананда (1863—1902), последователь блаженного мистика Рамакришны (1836—1886). За свою короткую жизнь Вивекананда стал легендарной фигурой в Индии и получил широкую известность на Западе, прежде всего благодаря своим публичным выступлениям (1893—1897) и деятельности основанной им Миссии Рамакришны (подробнее см. [Комаров, 1965; Костюченко, 1977; Рыбаков, 1981]).

Активный пропагандист индуизма как универсальной религии, крупнейший интерпретатор веданты, Вивекананда верил в особую духовную миссию Индии в современном мире, в то, что духовность Индии в конце концов одержит победу над материализмом Запада. Как и его предшественники, Вивекананда считал, что основой индийского национализма является религия, которая выступала в качестве главного принципа истории Индии. Но в то же время он проповедовал культ силы. «Мы как нация потеряли свою индивидуальность, и в этом причина всех несчастий Индии, — писал он. — Мы должны вернуть нации уте-

рянную индивидуальность и поднять массы. Индусы, магометане, христиане — все подавляли их. И сила, которая поднимет их, должна исходить изнутри, от ортодоксальных индусов» [Вивекананда, 1933, т. 1, с. 306—307]. Пробуждение масс, сила и религия — эти три компонента составляли каркас концепции национализма Вивекананды.

В отличие от Р. Роя, Д. Наороджи и других либеральных мыслителей у Вивекананды не было никаких комплексов по поводу отсталости Индии или недостатков индуизма. Скорее наоборот, он постоянно говорил об Индии как надежде всего человечества, о ее спасательной миссии. «Завоевание всего мира Индией, и никак не меньше — вот великий идеал перед нами, и каждый должен быть готовым к этому. Все мы должны быть готовы к этому и напрягать все свои силы для этого. Пусть иностранцы приходят и наводняют страну своими армиями — это не важно. Вставай, Индия, и покори мир своей духовностью», — говорил Вивекананда в одном из своих выступлений перед индийскими студентами.

Необходимость особой духовной миссии Индии он обосновывал тем, что материализм Запада ведет к новым и новым конфликтам и создал взрывоопасную обстановку во всем мире, разрядить которую можно только распространением на Западе индийской мудрости, философии и религии [Вивекананда, 1964, т. 3, с. 276—277]. Вивекананда резко осуждал подражание Западу в нравах, обычаях, одежде. Особый гнев у него вызывало то обстоятельство, что индийцы нередко перенимали оценки, которые давали индийскому обществу иностранцы, и на этой почве осуждали политеизм, кастовую систему и другие явления индийской жизни [Вивекананда, 1964, т. 4, с. 408—413].

Ревайвалистские движения, основанные Сарасвати и Вивеканандой, ознаменовали поворот в развитии индийского национализма. «Для молодых разочарованных индусов эта доктрина была своевременной и вдохновляющей. С одной стороны, она полностью и безоговорочно давала религиозную санкцию их политическим и экономическим жалобам, с другой — позволяла им отказаться от обычного обращения к учению Берка и Милля и вместо этого обратиться непосредственно к индуизму. Эта самоуверенная воинственность, основанная на всем том, что было героического и великолепного в прошлом Индии, породила новую школу политиков, которые называли себя воинственными националистами или экстремистами. Они заменили викторианский либерализм умеренных религиозным патриотизмом своей собственной страны», — пишет индийский исследователь К. Ч. Чаудхри [Чаудхри, 1978, с. 16].

К концу XIX в. религиозный индусский национализм становится основным течением индийского национализма. Идея Сарасвати, Вивекананды и других мыслителей в тот период распространялись в основном среди мелкой и средней, главным образом городской, буржуазии, но еще не оказывали заметного

воздействия на массовое сознание основной части населения. Идеологи радикального национализма маратх Бал Гангадхар Тилак (1856—1920), пенджабец Лала Ладжпат Рай (1865—1928) и бенгалец Бипан Чандра Пал (1858—1932) стремились придать индийскому национализму политическую антибританскую направленность путем соединения историко-героической символики и собственной интерпретации индуизма с латентным антифоринизмом масс.

Особое место среди этих деятелей занимает Тилак, основавший в 1916 г. Лигу самоуправления, издатель двух радикально-националистических газет («Кесари» на маратхском и «Махратта» на английском языках), крупнейший лидер освободительного движения до прихода М. К. Ганди. Следуя традиции «пророков индусского национализма», Б. Г. Тилак доказывал древность индийской культуры.

Религию он считал «элементом национальности» и доказывал, что в ведические времена Индия была «единой великой нацией». Он призывал консолидировать все многообразные секты в могучую индусскую нацию [Варма, 1980, с. 208]. Тилак утверждал, что во многих отношениях индуизм стоит выше остальных религий, и высказывался за проповедь индуизма во всем мире. В своем комментарии к «Бхагавадгите» — «Гита рахасья» он доказывал, что главное в индуизме — не созерцательное, пассивное отношение к жизни, а энергичная деятельность. Нередко Тилак выступал с позиций религиозной ортодоксальности, о чем свидетельствует его кампания против закона 1891 г. о повышении брачного возраста с 10 до 12 лет, защита кастовой системы. Систему каст он сравнивал с цехами средневековой Европы и утверждал, что она способствовала сохранению технических навыков, поддержанию социальных норм и может играть функциональную роль в современном обществе. Высказывался Тилак и против межкастовых браков. По своим религиозным взглядам Тилак, несмотря на свое юридическое образование, был консерватором.

Национализм Тилака был тесно связан с религиозным ревайвализмом. Он утверждал: «Подлинный националист стремится строить на старом фундаменте. Реформы, пренебрегающие старым, неприемлемы для него в качестве конструктивной работы... Мы не хотим англоизировать наши институты и денационализировать их во имя социальных и политических реформ» [Варма, 1980, с. 225].

Тилак принадлежал к радикальному крылу лидеров ИНК — так называемым экстремистам — и выступал за решительную борьбу за самоуправление (вопроса о полной независимости он не ставил), особенно в период после раздела Бенгалии. За публикацию «подстрекательских» статей в «Кесари» он был приговорен к шести годам тюремного заключения и приобрел ореол мученика. Уже при жизни Тилак обожествлялся в Махараштре и был харизматическим лидером общеиндийского масштаба.

«Гита рахасья», написанная Тилаком в период заключения в Мандалае, считается библией индийского национализма, вдохновлявшей борцов за свободу, в особенности молодежь. Впервые эта книга была издана на маратхи в 1915 г., переведена на все основные языки Индии и пользовалась неизменным успехом. Тилак не случайно взялся за написание объемистого комментария и новый перевод «Гиты»: эта книга, входящая в состав «Махабхараты», является одним из главных сочинений индуизма. В прошлом на нее писали комментарии крупнейшие мыслители Индии Шанкара, Рамануджа, Мадхва, Баллабха, Нимбаркар.

Тилак считал, что главное содержание «Гиты» — это карма-йога, служение богу действием. Отсюда он делает вывод о том, что активный путь (карма-йога) выше отшельничества (*саньяса*), созерцания, абстрактного знания. Среди традиционных путей освобождения (*мокши*) — *джняна*, *бхакти*, *карма* — Тилак выделяет последний как наиболее действенный метод. Доктрина активного служения, выполнения своего долга перед богом трактуется им как активное участие в борьбе против колониализма.

Бипан Чандра Пал (1858—1932), один из видных бенгальских лидеров освободительного движения, рассматривал исторический процесс как проявление божественной воли, а Кришну считал душой Индии. По словам Б. Ч. Пала, именно Кришна намечал объединение Индии «в могучее, благоустроенное федеративное целое» и был поэтому «первым и величайшим создателем империи не только в Индии, но и во всей мировой истории» [Пал, 1911, с. 103]. Пал считал нацию проявлением космического *вират пуруша* (мировой души) и рассматривал ее как единый организм, обладающий коллективным сознанием.

Действие божественной воли в истории делало невозможным, по мнению Пала, отделение религии от политики, ибо политика — это часть «науки о спасении» [Пал, 1910, с. 47]. Пал считал, что лишь в будущей свободной Индии могут быть осуществлены, ввиду особого характера индийцев, принципы «божественной демократии, недоступной европейцам». Активный участник движения свадеши, после 1910 г. Пал начал отходить от активного участия в освободительном движении и высказывать мнение о совместимости интересов Индии и Великобритании. Он считал, что семья, племя, раса, нации уже выполнили свои функции исторического синтеза и на повестку дня встает вопрос о новых, более высоких формах общности. Таковой могла бы быть «Имперская федерация», состоящая из свободных и равных партнеров (Великобритании, Индии, Ирландии, Египта, доминионов), т. е. нечто наподобие содружества [Пал, 1911, с. 26].

Близким по взглядам к Тилаку был Ауробиндо Гхош (1872—1950), который за четыре года политической деятельности (1905—1910) приобрел репутацию главы бенгальских экстремистов. Впоследствии он создал оригинальную религиозно-

философскую систему и вполне в соответствии с древнеиндийскими представлениями о стадиях жизни закончил жизнь совершенным йогом. С 1910 г. Ауробиндо безвыездно жил в Пондишери и не принимал участия в политической деятельности.

Ауробиндо считается одним из ведущих теоретиков индуcского национализма. Он ставил одной из своих задач создать синтез политической философии, включающей веданту, индийскую «духовность» и западные политические концепции, секуляризм и материализм.

Сочетая идеи древнеиндийской философии и Гегеля, Гхош рассматривал историю как самопроявления *брахмана*, абсолюта и отдельных его манифестаций (например, Французская революция и бенгальский национализм — это манифестации богини Кали). Гхош определял национализм как «страстное стремление к реализации божественного единства в нации, единство, при котором все индивиды, какими бы разнообразными и внешне неравными ни были их политические, социальные или экономические функции, на самом деле и в основе едины и равны» [Варма, 1980, с. 305].

Ауробиндо Гхош первым среди индийских мыслителей создал философию истории — идеалистическую систему, включающую концепцию абсолютной реальности веданты, гегельянскую рационализацию противоречий, идею сверхчеловека, восходящую к Ницше, мистифицированную силу Кали, заимствованную из тантризма, и т. п. Его концепция национализма составляет часть этой системы. Обновление нации должно произойти на основе великих ценностей индийской цивилизации: дхармы (при этом он различает временную и переменчивую дхарму индивида, касты, варны, эпохи и постоянную и неизменную *санатана-дхарму*), *тапасья* (возрождение), джнянам (знание) и *шакти* (сила, энергия). С его точки зрения, национализм — это стадия в политическом развитии человечества, так как в будущем восторжествует единство всего человечества. «Национализм — это религия, которая исходит от бога; национализм — это вера, которой нужно жить. Национализм несокрушим, поскольку в нем проявляется сила бога» [Сорсиз, с. 728—729].

Представление о нации как конфессиональной общности с начала XX в. стало весьма популярным в Индии. Среди идеологов индуcского национализма наряду с экстремистами были известные умеренные лидеры (Э. Безант, М. М. Малавия), революционеры, представители ортодоксальных индуcских кругов.

Энни Безант (1847—1933) в своих многочисленных публикациях и выступлениях пропагандировала идею единой индийской нации, существовавшей, по ее мнению, с древнейших времен. Понятие нации Э. Безант толковала сугубо идеалистически, рассматривая нацию как «частицу бога», «искру божественного огня». Основой единства индийской нации она считала индуизм: «Религия — это связующая сила, и Индия была связана воедино религией гораздо более продолжительное время,

чем любая другая нация мира; поэтому Индия — самая старая из живых наций» (цит. по [Варма, 1980, с. 64]). Особый акцент Э. Безант делала на духовном, религиозном характере индийской нации и призывала отказываться от «политических амбиций», от «политического величия» [Безант, 1942, с. 41], при-сущего скорее Великобритании. Это послужило поводом для некоторых индийских исследователей квалифицировать ее как «невооруженного империалиста» и объяснить ее участие в освободительном движении стремлением удержать Индию в составе Британской империи.

Наиболее влиятельной организацией индусских коммуналистов в межвоенный период была Хинду маха сабха («Великий союз индусов») — ХМС, а ведущим теоретиком индусского национализма — известный борец за независимость Индии и политический деятель Винайк Дамодар Саваркар (1883—1966). Сторонник тактики индивидуального террора и вооруженной борьбы за независимость, Саваркар был причастен к убийству английского чиновника в Насике и в 1910 г. приговорен к пятидесятилетнему тюремному заключению. По состоянию здоровья он был освобожден досрочно (в 1934 г.) и вышел из тюрьмы с ореолом мученика за свободу. Саваркар возглавлял ХМС, написал ряд работ, в которых обосновывал концепцию индусской нации и индусского государства (подробнее см. [Мезенцева, 1985, с. 59—85]). Для него характерны высокопарные фразы, пафос, обращение не к разуму, а к чувствам читателей, что нередко затрудняет восприятие смысла основных постулатов его теории⁴.

В своих теоретических построениях Саваркар не ограничивался распространенными понятиями «индус» и «индуизм» и ввел два новых: «хиндутва» и «хиндудом». Хиндутва, или «индуистичность», применяется им для обозначения специфических черт индусского образа жизни, культуры, права, общественных и политических институтов. Хиндудом — это «индусский мир», обладающий, по мнению Саваркара, «религиозным, культурным, историческим, расовым, лингвистическим единством», «гомогенная общность», отличающаяся от всех неиндусских общностей. Этот индусский мир он отождествляет с «индусской нацией» и уже в 1937 г. на сессии ХМС открыто провозглашал тезис о том, что в Индии существуют две нации — индусская и мусульманская.

⁴ Вот, например, его определение понятия «индус»: «Индусом зовется тот, кто смотрит на территорию, протянувшуюся от Инда до морей, как на землю предков, тот, в чьих жилах течет кровь этой расы, тот, чьи предки жили на берегах семи рек. Индус тот, кто облагораживает все, что он встречает на своем пути, кто наследует культуру расы, которая проявила себя в классическом санскрите, в общей истории, искусстве, архитектуре, законах и установлениях, ритуалах и церемониях, обрядах и таинствах, торжествах и празднествах. Индус — тот, кто считает эту землю священной, землей мудрецов и учителей, землей паломничества и благочестия» (цит. по [Мезенцева, 1985, с. 62]).

Соответственно и будущую независимую Индию Саваркар представлял себе как государство индусов (Хинду раштра). «Для индусов независимость Индостана приобретает смысл лишь тогда, когда утвердится их хиндутва — религиозное, расовое и культурное единство. Мы не должны бороться и умирать за сварадж, если он будет достигнут за счет нашей хиндутвы» (цит. по [Мезенцева, 1985, с. 74]). Иными словами, речь шла о создании теократического индусского государства, в котором права религиозных меньшинств были бы существенно ограничены.

Саваркар был чрезвычайно последователен в своих взглядах. «Возрождение индусов, индуизация политики и милитаризация хиндудома было девизом всей его жизни» [Чаудхри К. Ч., 1978, с. 141]. Ради торжества хиндутвы, создания гомогенного индусского общества он шел гораздо дальше реформаторов индуизма и даже Махатмы Ганди, призывая «вырвать с корнем» кастовую систему, отменить такие запреты индуизма, как забой коров и потребление в пищу мяса, подвергая сомнению авторитет вед и т. п. В этом отношении позиция Саваркара неожиданным образом совпадала со взглядами сторонников секуляризма.

Идеи Саваркара не оказали сильного воздействия на крестьянские массы, но были взяты на вооружение индусскими коммуналистскими организациями и партиями: Раштрия сваямсевак сангх — РСС (Национальный союз добровольцев), массовая военизированная организация, Хинду раштра дал (Партия индусского государства) — военизированная молодежная организация, Джан сангх на раннем этапе ее деятельности и др. Резюмируя роль В. Д. Саваркара, О. В. Мезенцева пишет: «Полностью отрицая наличие общих целей у индусов и мусульман, Саваркар тем самым направлял патриотизм первых в сторону, противоположную от действительных задач. Применительно к индусской общине обращение к религии выполняло роль интегрирующего фактора, а в плане же перспектив политического развития Индии акцентирование обособленности выступало дезинтегрирующим фактором. В установившемся к первой половине XX в. социально-психологическом климате страны мысль о тождественности религиозной и национальной принадлежности получила отчетливое реакционное звучание» [Мезенцева, 1985, с. 74].

Важно отметить, что концепция индусской нации как центральный компонент идеологии воинствующего индусского коммунализма усилила опасения религиозных, а в отдельных случаях и этнических групп за свою судьбу в независимой Индии и тем самым содействовала расколу антиколониального движения и росту сепаратистских тенденций. Особенно это относится к мусульманскому сепаратизму, принявшему форму движения за образование Пакистана. В известной мере сходные реакции она вызывала среди сикхов, англо-индийцев, христианизирован-

ных народов Северо-Восточной Индии (нага, мизо, кхаси, га-ро). Английские колониальные власти всячески содействовали сепаратизму меньшинств, однако главная ответственность за всплеск общинно-религиозного сепаратизма в последнее десятилетие колониального господства ложится на индусский коммунизм, который не только обладал потенциально широкой социальной базой и организационной структурой, но и повел активное наступление против меньшинств, не встречая серьезного сопротивления со стороны лидеров освободительного движения.

Индусский национализм был не только идеологией. Он трансформировался в движение, которое обладало относительно широкой массовой базой в ряде городов, особенно в Бенгалии, Махараштре и в Северной Индии, либо составлял заметное течение в периоды подъема антиколониального движения. Смерть Тилака в 1920 г. и переход руководства освободительным движением в руки М. К. Ганди и Джавахарлала Неру в значительной степени ослабили влияние крайнего течения индусского национализма, выступавшего за создание индусского теократического государства. Но в целом определенная нейтрализация его была результатом компромисса между коммунизмом и секуляризмом.

Несмотря на существенные расхождения между взглядами отдельных его идеологов, индусский национализм представлял собой достаточно цельную концепцию. Ведущие идеологи этого течения отождествляли понятия родины и бога, подчеркивая, что Индия — это манифестация божества. «Я — Индия, Я — Шанкара, Я — Шива», — писал известный пенджабский проповедник свами Раматиртха (1873—1906). Сходные идеи высказывали Вивекананда, Б. Ч. Пал, Ауробиндо Гхош. Особенно популярным это представление стало среди индусов Бенгалии, где агрессивная, кровожадная богиня — многорукая Кали — стала синонимом Матери-Индии. Обоожествление своей страны, совмещение понятия Индии и божества определило появление постулата о том, что борьба за свободу Индии — это религиозный долг каждого индуса, так как первейшая обязанность верующего состоит в активном служении богу, выполнении требований дхармы.

Подобное представление, близкое к исламской идее джихада, получило широкое хождение благодаря усилиям Тилака и его интерпретации «Бхагавадгиты». Оно означало неразрывную связь между религией и политикой и полное отождествление национализма и религии. «Я уже не говорю о том, что национализм — это убеждение, религия, вера; я утверждаю, что для нас санатана дхарма (ортодоксальный индуизм. — А. П.) и есть национализм. Индусская нация родилась с санатана дхармой, движется и растет вместе с ней... И если санатана дхарма может погибнуть, она погибнет вместе с ней», — писал А. Гхош (цит. по [Чаудхри, 1978, с. 50]). Наиболее последова-

тельные сторонники этих концепций делали отсюда вывод о необходимости превращения Индии в теократическое государство (Саваркар) и обращения религиозных меньшинств в индуизм. Они предприняли конкретные действия по созданию боевой организации индусских добровольцев (РСС).

Таким образом, в первые десятилетия XX в. четко обозначается тенденция к отождествлению индуизма и национализма. Крупнейшие мыслители (Вивекананда, Тилак, Ауробиндо Гхош) были реформаторами лишь постольку, поскольку они выступали с реинтерпретацией, новым толкованием религии в соответствии с потребностями освободительного движения. Однако в условиях поликонфессиональной страны обращение к религиозным символам было естественным и понятным лишь для последователей данной религии, т. е. индуизма, и соответствовало интересам определенной конфессиональной группы — индусской. Отождествляя индийский патриотизм с комплексом представлений, связанных с индуизмом, идеологи этого течения содействовали расширению социальной базы националистической идеологии, создали идейные предпосылки для вовлечения масс в освободительное движение (что было в полной мере реализовано М. К. Ганди) и тем самым способствовали расширению антиимпериалистической борьбы. В последовавший период, когда освободительное движение возглавил М. К. Ганди, это принесло определенные тактические победы, вынудив колонизаторов пойти на определенные уступки. Однако в более длительной перспективе совмещение религии и политики оказалось ущербным для освободительного движения, так как по мере усиления этого течения становилось невозможным создание единого антиколониального фронта, включающего все сегменты поликонфессионального, полиэтнического общества, выхолащивалось социально-классовое содержание освободительной борьбы.

Мусульманский национализм

Установление британского колониального господства в Индии не только сопровождалось смещением мусульманских династий, но и вело к утере мусульманами их привилегированного положения вплоть до полного их исключения из административного аппарата (особенно после замены в 1835 г. персидского языка английским в сфере администрации), недопущения к воинской службе, лишения доходов. С точки зрения правоправных мусульман, Индия превращалась в *дар-аль-харб* — страну врагов. Соответственно священным долгом каждого мусульманина было принять участие в джихаде, священной войне против неверных. «Когда неверные захватывают мусульманскую страну и жители ее или соседних округов не могут изгнать их или сохранить разумную надежду на это, когда власть неверных усиливается настолько, что они могут отменять или сохра-

нять предписания ислама по своему пожеланию, и никто не в силах получать доходы страны без разрешения неверных, и народ не живет в прежней безопасности, политически такая страна — это дар-уль-харб (страна врага)», — писал известный индийский мусульманский богослов и реформатор Шах Абдул Азиз (1745—1823) в начале XIX в. (цит. по [Малик, 1963, с. 153]). Под лозунгами джихада в первой половине XIX в. в Индии неоднократно проходили крестьянские восстания: секты бохра в Бомбейском президентстве в 1810 г., движение ваххабитов⁵, которое было возглавлено Сайидом Ахмадом Барелви (1786—1831), и др. Провозгласив себя халифом, Сайид Ахмад обратился с призывом к правителям Кабула, Бухары, Герата, Хайдарабада, Бахавалпура и других мусульманских государств принять участие в джихаде против англичан и восстановить дар-ал-ислам в Индии. Сайиду Ахмаду удалось организовать небольшую пуштунскую конфедерацию на северо-западе страны, однако его попытки бросить вызов государству сикхов привели к ее распаду, а сам халиф был убит в одном из боев с сикхами. Благодаря тому что ваххабиты создали свои организации по всей Северной Индии, движение на этом не закончилось и выливалось в восстания в Бенгалии и Бихаре.

Мусульманское население Северной Индии было в большей степени, чем индусы, вовлечено в восстание 1857 г. — первое (и единственное) относительно широкое восстание против колонизаторов. Из-за нескрываемого антифоринизма мусульманской верхушки, в течение многих веков правившей большей частью Индии, англичане относились к мусульманам с особым недоверием, видели в них главный источник опасности своему правлению и подвергали их более жесткой дискриминации, чем индусов. «За первые 75 лет британского правления в Бенгалии мусульманские верхние и средние классы либо исчезли, либо были отодвинуты вниз новыми индусскими верхними классами, которые сформировались в результате политики англичан» [Малик, 1963, с. 146].

Мусульмане, в отличие от индусов (в особенности банья и марвари) и парсов составлявшие меньшинство в крупнейших торговых центрах Британской Индии, следуя запрету Корана заниматься ростовщичеством, были не в состоянии воспользоваться открывшимися возможностями обогащения. Государственная служба после замены персидского языка английским в качестве официального для них практически была закрыта, а мусульманские ортодоксы призывали своих единоверцев сторониться английских школ и колледжей. Среди новой индийской интеллигенции, состоявшей из преподавателей, врачей, адвокатов, журналистов и служащих колониального аппарата, мусуль-

⁵ Название «ваххабиты» закрепил в литературе У. У. Хантер, который считал, что Сайид Ахмад Шахид был последователем арабского реформатора Мухаммеда Абдула Ваххаба (1703—1787), по примеру которого он стремился восстановить мусульманскую империю в Индии [Хантер, 1872, с. 61].

ман в XIX в. было крайне мало. Положение во внутренних районах Северной и Центральной Индии, где мусульмане составляли значительную часть или большинство населения, начало меняться значительно позже, чем в прибрежных районах. Лишь в 60—80-е годы здесь начинают формироваться мусульманская буржуазия и новая мусульманская интеллигенция [Полонская, Паевская, 1973, с. 183].

Поражение восстания 1857—1859 гг., консолидация колониального режима, быстрая модернизация верхушки индусской общины и дальнейшее ухудшение положения бывшей мусульманской знати были главными причинами, побудившими мусульманских идеологов пересмотреть свое отношение к британскому правлению. В 1870 г. Магометанское литературное общество Калькутты опубликовало брошюру, в которой доказывало, что Индия в условиях колониального правления остается «страной ислама» (естественно, доказательства носили в высшей степени схоластический характер). В следующем году от идеи джихада отмежевались шииты, мотивируя свое заключение тем, что первым и главным условием для объявления джихада является присутствие и разрешение имама — божественного апостола, который еще не явился [Хантер, 1872, с. 117—145].

Просветительство началось среди индийских мусульман на несколько десятилетий позже, чем у индусов. С самого начала оно содержало идеи особых интересов мусульманской общины и ее отличий от индусов. Если для индусской интеллигенции не существовало противоречия между этнической, конфессиональной и общеиндийской идентичностью, которые в условиях чужеземного правления скорее взаимодополняли друг друга, то психологические проблемы мусульман в поисках собственной идентичности были более трудными. Единственной общей чертой было скорее отсутствие устойчивых форм групповой солидарности и соответственно теоретическая возможность социально-политической мобилизации на основе любой формы идентичности. На практике возможность выбора определялась политическими факторами (политика колониальных властей), социальными (противоречия между индусской и мусульманской буржуазией, индусской эксплуататорской прослойкой и мусульманскими крестьянами) и социокультурными, а также индусской окраской пробуждения Индии.

«Сочинения, отражавшие дух ревайвализма (индусского. — А. П.)... не могли служить утешением для мусульманского интеллигента, который видел в индусском ревайвализме движение, направленное против его общины. Он пришел к выводу, что, если Индия когда-либо станет независимой, это будет Индия, в которой будут господствовать индусы, а члены его общины не будут иметь никакого голоса в управлении делами... Это сдержанное, отрицательное (со стороны индусов. — А. П.) отношение к исламу побудило мусульман к мобилизации на соответствующем общинном уровне», — пишет индийский историк-

марксист С. Чаудхари [Чаудхари, 1973, т. 1, с. 497]. Это определило возрастание роли интегративной функции ислама и стремление мусульманских идеологов использовать религиозные чувства, представления и установки масс верующих для формирования групповой солидарности.

Среди индийских мусульман, как и среди индусов, сформировались различные идейные течения. Индийский исследователь Мойн Шакир выделяет среди них панисламизм, «конструктивный ревайализм», «синтезированный национализм», сепаратистский мусульманский национализм, «неоревайалистский ренессанс» [Шакир, 1970]. Л. Р. Полонская и Е. В. Паевская в движении за реформацию ислама в XIX в. выделяют несколько течений, но отмечают, что в общественных взглядах основателей этих направлений было много общего: они «ратовали за сближение ислама с современными науками, за просвещение мусульман, за открытие школ и расширение сферы применения языка урду, за участие мусульман в торговле, за создание собственной промышленности и т. п.» [Полонская, Паевская, 1973, с. 183—184]. Основным препятствием на пути реализации этих благих намерений во всех ситуациях оказывались индусы. Это обстоятельство наряду с изменением отношения колониальных властей к мусульманам в 70-е годы XIX в. во многом предопределило антииндусскую направленность мусульманского просветительства и предотвратило формирование в нем влиятельного секуляристского течения.

Крупнейший просветитель и либеральный мыслитель XIX в. Сайид Ахмад-хан (1817—1898), инициатор создания Переводческого общества (1864 г.), Алигархского колледжа (1877 г.), Мусульманской конференции по просвещению (1886 г.), активно призывал мусульман стремиться к получению светского образования и усвоению достижений европейской культуры, но при этом оставался противником последовательной секуляризации общественной жизни. Идеи обособленности мусульманской общины Сайид Ахмад-хан активно проводил и в своей политической деятельности. Он доказывал неприемлемость для Индии демократических принципов правления, поскольку «при такой форме правления, которая зависит от большинства, необходимо, чтобы население не различалось по таким признакам, как национальность, религия, образ жизни, обычаи, нравы, культура, исторические традиции... Лишь при условии такой гомогенности представительное правительство может функционировать или быть полезным. Когда же это условие отсутствует, об этом не стоит даже и думать» [Сорсиз, с. 746]. Сайид Ахмад-хан утверждал, что в Индии имеются две нации — индусская и мусульманская, интересы которых несовместимы, и поэтому лишь британское правление может обеспечить мир в Индии.

Подчеркивая гетерогенный характер индийского общества, Сайид Ахмад-хан тем самым отвергал концепции как единой индийской, так и индусской нации. В то же время он считал,

что конфессиональные различия более существенны, чем этнолингвистические, и был склонен рассматривать начавшееся политическое пробуждение Индии сквозь призму индусско-мусульманских отношений. По этой причине Ахмад-хан призывал своих единоверцев держаться в стороне от деятельности Индийского национального конгресса, выдвинул и отстоял принцип раздела электората по религиозному признаку и общинного представительства в муниципальных советах, созданных в 1882 г. [Стефенс, 1964, с. 85].

Взгляды Сайида Ахмад-хана оказали большое влияние на мусульманское просветительство, центром которого стал Алигархский мусульманский колледж, позже (в 1921 г.) преобразованный в университет. Идеи обособленности мусульман пропагандировались Магометанским литературным обществом Калькутты (основано в 1863 г.), Центральной национальной магометанской ассоциацией (1877 г.), имевшей свои отделения во всех крупных городах Индии, и другими мусульманскими организациями. Видный просветитель Амир Али (1848—1928) одним из первых высказал мысль о необходимости создать мусульманскую политическую организацию с целью укрепления солидарности среди мусульман.

Социально-политическая дифференциация по конфессиональному признаку приобрела четкие очертания в начале XX в. Раздел Бенгалии, индусско-мусульманские столкновения в период движения свадеши и введение отдельных избирательных курий для мусульман послужили эффективным катализатором, ускорившим трансформацию латентного социоконфессионального антагонизма в открытый политический конфликт, который в последовавший период — в основном в форме соперничества между Индийским национальным конгрессом и созданной в 1906 г. Мусульманской лигой — приобрел собственную динамику и ускорил процесс политической мобилизации мусульман. К концу первого десятилетия мусульманские идеологи (в частности, упомянутый Амир Али) в ответ на концепцию индусской нации выдвигают тезис о мусульманской нации, и «мусульманский национализм» формируется как идеологическое и политическое течение.

Сильное воздействие на формирование концепции «мусульманской нации» оказали идеи панисламизма, которые активно пропагандировались в Индии такими видными деятелями, как маулана Мухамед Али (1878—1931). Он считал, что религия является основой национализма, и отстаивал планы создания теократического государства на основе «культурного федерализма» различных религий [Шакир, 1970, с. 78—84].

Наиболее веский вклад в разработку и популяризацию концепции мусульманской нации внес выдающийся поэт Мухаммад Икбал (1873—1938). Обладая европейским образованием, полученным в Англии и Германии, глубоким знанием ислама и персидской классической литературы, Икбал был не только

крупнейшим поэтом, но и философом, мыслителем, выражавшим в поэтической форме чаяния и мечты относительно широких слоев мусульманской общины.

Икбал последовательно выступал против светских концепций национализма и высказывал опасения по поводу его роста в Индии. С его точки зрения, индийцы не были единой нацией, так как ислам и национализм несовместимы в стране, где мусульмане являются меньшинством. «Индия, — писал он, — это Азия в миниатюре, Индия — это континент, где отдельные группы людей принадлежат к различным расам, говорят на различных языках и исповедуют различные религии» [Дуррани, 1946, с. 156]. По его мнению, в Индии противостоящими силами были не индийцы и колонизаторы, а большинство, выступающее под флагом индийского национализма, и меньшинства [Сорсиз, с. 761].

Икбал утверждал, что 70 млн. индийских мусульман отличаются «гораздо более высокой степенью гомогенности, чем любой другой народ в Индии», и представляют собой «единственную группу, которую можно обоснованно квалифицировать как нацию в современном смысле этого слова» [Дуррани, 1946, с. 156, 169]. Эту точку зрения он высказал на сессии Мусульманской лиги в 1930 г., т. е. через несколько лет после создания ХМС, РСС и выхода в свет основополагающих работ В. Д. Саваркара. Поэтому есть основания считать, что идея создания индусского теократического государства и кампания шуддхи могли быть причинами, побудившими Икбала выступить с идеей создания некоей «мусульманской Индии» — либо в виде автономных провинций, либо как самостоятельное государство. «Я хотел бы увидеть, чтобы Пенджаб, Северо-Западная пограничная провинция, Синд и Белуджистан были объединены в один штат. Самоуправление внутри Британской империи или вне ее, образование единого Северо-Западного индийского мусульманского штата представляется мне как судьба мусульман, по крайней мере в Северо-Западной Индии» [Сорсиз, с. 767].

Установка на создание отдельного мусульманского государства или автономной провинции «в конечном счете отражала интересы мусульманских групп буржуазии, заинтересованных не только в защите от колониальной эксплуатации, но и в укреплении своих позиций перед лицом индусской буржуазии» [Полонская, Девяткина, 1984, с. 144]. Однако эта идея обладала большой притягательной силой не только для буржуазии, но и для более широких слоев мусульманской общины: создание отдельного государства или самоуправляющихся провинций открыло бы для образованных мусульман широкий доступ к государственной службе, крестьяне могли надеяться на улучшение своего положения в результате устранения индусских землевладельцев, ростовщиков, торговцев и чиновников.

«Доверчивые мусульмане, естественно, становились жертвой соблазнительных иллюзий, поддерживавшихся их привилегиро-

ванными единоверцами. По сравнению с реакционной, но боевой программой возрождения ислама, выдвигавшейся Мусульманской лигой, мистический, но негативный культ, который осуществляло руководство Конгресса, оказался сырой петардой, а так называемые мусульмане-националисты (сторонники Конгресса. — А. П.), предоставленные самим себе в мире, где царил беспорядок и неуверенность, были изолированы от мусульманских масс», — писал в этой связи Д. Сен [Сен, 1960, с. 274].

Идея Икбала о создании отдельного мусульманского государства или самоуправляющихся провинций в составе общиндского объединения вскоре (в 1933 г.) была конкретизирована индийским студентом Кембриджского университета Чаудхури Рахматом Али, предложившим название «Пакистан», составленное из первых букв в названиях провинций с мусульманским большинством и заодно означавшее «страна чистых», т. е. правоверных, в отличие от населенной «неверными» Индии. Отождествив понятие конфессиональной общности с нацией, а затем увязав нацию с определенной территорией, мусульманские идеологи трансформировали коммунализм в национализм в рамках тех понятий и категорий, которые в тот период были наиболее распространены в Индии, так как понятия мусульманской, или пакистанской, нации, индусской и индийской были однотипными, в равной мере уязвимыми или убедительными.

Политические концепции крупнейшего мусульманского поэта оказали большое воздействие на мусульманскую интеллигенцию, углубили расхождения между индусскими и мусульманскими элитарными группировками и «создали интеллектуальный климат, в котором идея Пакистана могла произрастать и осуществляться» [Малик Х., 1963, с. 241]. Они стали идеологическим обоснованием мусульманского сепаратизма, представлявшего собой ответную реакцию на индусский национализм, особенно на его крайние формы (Арья самадж, Хинду махасабха, РСС, деятельность В. Д. Саваркара). Дж. Неру писал: «... в индийском национализме господствовали индусы, и он носил оттенок индуизма. Поэтому в умах мусульман возникло противоречие; многие примкнули к этому национализму, пытаясь направить его в нужную им сторону; многие сочувствовали ему, но тем не менее не участвовали в движении, колебались; а многие другие начали склоняться к сепаратизму, путь к которому был подготовлен для них поэзией и философией Икбала» [Неру, 1955б, с. 377].

Мусульманский коммунализм и сепаратизм усиливались по мере развертывания освободительного движения, расширения самоуправления и выдвижения на первый план вопроса о конечных целях антиколониальной борьбы — устройстве будущей независимой Индии. С точки зрения лидеров меньшинств, демократия означала не что иное, как правление индусского большинства и безраздельное господство индусской буржуазии в политической и экономической жизни страны. При сложившемся в

колониальный период соотношении социально-политических сил эти опасения отнюдь не были необоснованными предположениями или выражением узкогрупповых интересов наиболее консервативных и ортодоксальных групп мусульманской конфессиональной общности.

Концепция «мусульманской нации» и лозунги ее самоопределения были таким же закономерным и неизбежным результатом в процессе политической мобилизации полиэтничного и поликонфессионального общества в освободительной борьбе, как и концепция «индусской нации». Обе концепции были итогом поисков такой идейной платформы, которая позволила бы обеспечить максимально широкую поддержку и массовую социальную базу буржуазных по своему характеру социально-политических движений, которые в конкретных условиях колониальной Индии (в отличие от ряда французских и португальских колоний) не переросли в общую революционную борьбу против колониализма.

Секуляристский национализм и гандизм

Доктрина «двух наций», сформированная индусскими и мусульманскими идеологами, занимала важное место в политической борьбе на заключительном этапе английского колониального господства в Индии, однако основные течения освободительного движения (буржуазно-националистическое, левонационалистическое и др.) достаточно последовательно придерживались принципов секуляристского общиндийского национализма. Намеченные в общих чертах просветителями первой половины XIX в. (Р. Рой), дополненные изысканиями индийских общественных деятелей и развитые теоретиками «экономического национализма», эти принципы стали национальной платформой ведущей политической организации — Индийского национального конгресса — и близких к нему группировок.

Идеологи и последователи секуляристского национализма зачастую расходились в оценке роли и важности языковых, культурных, конфессиональных различий, но все они разделяли главный тезис индийского национализма — представление о единой индийской нации. В качестве основных признаков нации они считали общность исторических судеб, территории, культуры, политическое единство, т. е. тот же набор, которые использовали и сторонники концепции «двух наций». Это совпадение не случайно: и те и другие сознательно игнорировали этнолингвистические различия и само понятие этнической общности, предпочитали оперировать такими понятиями, как индийская, мусульманская, индусская культура, образ жизни и т. п., допускавшими любую интерпретацию. Основное различие заключалось в оценке роли религии: идеологи доктрины «двух наций» считали главным признаком нации религию, а основой будуще-

го устройства независимого государства — теократические принципы индуизма (Рама Раджья — «царство Рамы», «божье царство») или нормы ислама (т. е. шариата); секуляристы же отвергали значение религии и как признака нации, и как основы будущего социально-политического устройства.

Наиболее полная, на наш взгляд, модель индийского секуляристского национализма периода освободительного движения была предложена канадским ученым индийского происхождения М. Л. Хандой. Этот исследователь выделяет в индийском национализме в качестве «основных таксономических элементов» три компонента: а) исторические корни, б) видение будущей Индии, в) средства достижения цели. Среди исторических корней он выделяет представления о единстве Индии как характерной черте интерпретации истории субконтинента и секуляризм, т. е. малозначимость религиозных различий и отсутствие религиозно-общинных конфликтов в истории Индии. Видение будущей Индии включает продолжение исторических корней (субконтинентальное единство, т. е. концепцию нации-государства, и секуляризм) и новое современное содержание: политическую демократию как продолжение борьбы за свободу, экономическое развитие как условие для преодоления бедности, социальную справедливость. Средства, служащие внедрению секуляристского национализма, согласно Ханде, включают ненасильственную политическую борьбу, демократическое участие масс, взаимодействие различных элементов с целью формирования единого фронта, создание системы образования — собственных учебных заведений и обеспечение политического участия [Ханда, 1983, с. 56—57].

Таким образом, согласно этой модели индийский национализм в наиболее общей, доступной пониманию неграмотных масс населения форме включал предельно простые, но емкие по содержанию представления о единой секуляристской Индии в прошлом и будущем, выражал стремление создать условия для политической демократии, экономического развития и социальной справедливости, используя для достижения этих целей мирные методы массовой борьбы, тактику единого фронта, просвещение и воспитание.

Эта интерпретация представляет собой некую идеальную модель индийского национализма периода освободительной борьбы. Однако она недостаточно полно отражает его многообразие, обусловленное тем, что антиколониальное движение и его основная политическая организация — Индийский национальный конгресс — представляли собой весьма пеструю и относительно неустойчивую коалицию разнообразных социально-политических сил и группировок. Многие деятели Конгресса были ортодоксальными индусами и даже активно участвовали в деятельности Хинду махасабхи (М. М. Малавия), некоторые высказывались за неразрывность религии и политики (Тилак), другие разделяли панисламистские идеи (А. К. Азад); в самой

партии достаточно четким было деление на буржуазно-либеральные и революционно-демократические группировки. А это неизбежно влекло за собой идейную разношерстность и существенные расхождения относительно концепций индийского национализма.

Индусская окраска освободительного движения, использование религиозных лозунгов в антиколониальной борьбе и отождествление индуизма и национализма вызывали беспокойство у многих видных деятелей. Одним из первых против привнесения религии в политику высказался Мотилал Неру в 1907 г. Он утверждал, что религия «создает искусственные барьеры между людьми и препятствует развитию здоровой и кооперативной национальной жизни». «Не довольствуясь реакционным влиянием на социальные вопросы, она вторглась в сферу политики и экономики и затрагивает все стороны нашей жизни. Ее связь с политикой не принесла добра ни одной из сторон: религия деградировала, а политика погрязла в трясине. Единственное средство — полное отделение одного от другого», — говорил М. Неру в 1907 г. [Варма, 1980, с. 465]. «Тенденция к освобождению передовой общественной мысли от религиозных облачений начала давать себя знать перед первой мировой войной. Тогда раздались голоса, призывавшие отбросить рассуждения о „духовности“ как обскурантистские и уводящие от действительных нужд страны», — отмечает Э. Н. Комаров [Комаров, 1973, с. 30].

Секуляристские, прогрессивные течения в индийском национализме заметно усилились после первой мировой войны под влиянием идей Октябрьской революции в России и революционного подъема в ряде стран Европы и Азии. Знакомство с марксизмом и социалистическими идеями на фоне происходивших в мире событий побуждало руководителей освободительного движения пересмотреть концепции национализма, отбросить традиционные консервативные представления, препятствовавшие расширению антиколониального движения. Однако за этим не последовало целенаправленного наступления на коммунализм, на теории индусской и мусульманской «наций». Как справедливо отмечал Б. Чандра, секуляристские лидеры «ошибочно предполагали, что национальное самосознание уже проникло в общество, как в странах Запада, и их задача заключалась лишь в том, чтобы направить его в русло борьбы. Поэтому их борьба против коммунализма в основном сводилась к заявлениям о том, что коммунализм антинационален; а это не оказывало никакого воздействия на тех, кто еще не стал националистами» [Чандра Б., 1969, с. 43—44].

Наиболее цельная и законченная концепция индийского национализма периода освободительного движения была разработана Джавахарлалом Неру. О мировоззрении Неру опубликовано много работ, в том числе и на русском языке, оно нашло отражение в таких хорошо известных советскому читателю книгах Неру, как «Открытие Индии», «Автобиография», «Взгляд на

всемирную историю», в сборниках его выступлений. Поэтому здесь можно ограничиться лишь краткой характеристикой вклада Неру в формирование светского индийского национализма.

Неру первым среди лидеров освободительного движения подошел к национализму как историческому явлению и пытался понять его суть и роль в развитии общества. Он четко проводил различие между агрессивным национализмом колониальных держав, рассматривая его как проявление империализма, и национализмом в колониальных странах, где, по его мнению, национализм был «главной движущей силой» освободительной борьбы [Неру, 1955а, с. 287].

В национализме угнетенных наций Неру видел не только положительные черты: он предупреждал о возможности перерастания «оборонительного» национализма в шовинизм, его способности превратиться в разъединяющую силу в полиэтничных, многонациональных странах, его узость, стремление превозносить историческое прошлое и культуру исключительно своей страны, что было особенно свойственно индусскому национализму. Неру увязал возникновение национализма с формированием буржуазии и в 20—30-е годы был склонен рассматривать его с классовых позиций как движение «среднего класса», стремился совместить его с интернационализмом и социализмом. В своей «Автобиографии» он писал: «...национализм в собственном смысле слова казался мне определенно узкой и недостаточной доктриной. Политическая свобода, независимость, без сомнения, имели существенное значение, но это были только шаги в верном направлении; при отсутствии социальной свободы и социалистического строя общества и государства ни страна, ни человеческая личность не могли свободно развиваться» [Неру, 1955а, с. 185].

Естественно, Неру никогда не был марксистом, его отношение к социализму не оставалось неизменным и не исключало достаточно резких антикоммунистических заявлений. Однако для эволюции индийского национализма решающее значение имело то обстоятельство, что Неру тесно связывал национализм как движущую силу антиколониального движения с идеями социального освобождения, равенства, с задачей построения общества, в котором не будет эксплуатации человека человеком. «Его политические взгляды представляют собой один из первых образцов возникновения сравнительно разработанных и сознательно провозглашаемых социалистических концепций вполне светского, а не религиозного характера на базе не рабочего, не крестьянского, а национально-освободительного движения», — резюмирует О. В. Мартышин [Мартышин, 1981, с. 146].

Отмечая различия между отдельными народами Индии, Неру полагал, что общего между ними все же больше: «Все они имеют свои отличительные черты и в еще большей мере отмечены характерной печатью Индии... в любую известную нам историческую эпоху индеец в любой части Индии чувствовал бы

себя более или менее как дома, тогда как во всякой другой стране он чувствовал бы себя чужеземцем и посторонним» [Неру, 1955б, с. 60—61]. В отличие от идеологов религиозного национализма он не противопоставлял индусскую и мусульманскую культуру, а видел прежде всего их взаимодействие и высоко ценил вклад мусульман в культуру Индии (подробнее см. [Потабенко, 1973]).

Дж. Неру осознавал опасность, которую представляли коммуналлизм, религиозные разновидности национализма. Он был убежден, что индусский, мусульманский, сикхский «национализмы» не только не соответствуют духу времени, но и наносят ущерб индийскому национализму, борьбе за независимость. С этих позиций этнические и социокультурные различия внутри индийского общества представлялись ему несущественными и второстепенными. Отсюда нетерпимость Неру не только к различным проявлениям коммуналлизма, но и к локальному национализму, который он рассматривал как сепаратизм. «Каждому человеку (индийцу. — А. П.) нужно поставить перед собой вопрос: что я хочу сделать из Индии — единую страну, единую нацию или 10, 20 или 25 наций, раздробленное и разделенное государство, лишенное силы и стойкости, готовое распасться на куски при легчайшем ударе» [Неру, 1967—1968, т. 4, с. 12].

Знакомство с социалистическими идеями, участие в деятельности Антиимпериалистической лиги и глубокие раздумья об истории человечества и тенденциях его развития во многом определяли взгляды Неру на освободительное движение народов Индии и индийский национализм. Он был среди тех немногих деятелей (за исключением коммунистов), которые рассматривали борьбу против британских колонизаторов как составную часть общего движения угнетенных народов против империализма. Именно идея антиимпериалистического единства привела его к мысли о создании «Восточной федерации», включающей весь Индостанский полуостров, а также Бирму, Цейлон, Афганистан, Китай и, по возможности, Малайю, Таиланд и Иран [Неру, 1948, с. 327].

Оценивая эти идеи Неру, чешский исследователь Ян Пилат замечал: «Если Неру мыслил в категориях устройства всего мира, в понятиях гигантских федераций, это не были пустые фантазии. Он лишь делал определенные логические выводы из знания, что наступает пора, когда множество маленьких, изолированных национальных государств становятся устаревшей концепцией» [Пилат, 1967, с. 36].

Однако глобальный подход Неру в условиях конкретной индийской реальности имел и отрицательную сторону. Он считал, что проблема меньшинств в Индии — это искусственно созданная проблема, не имеющая социальной почвы. Логическим следствием этого подхода были его многократные высказывания о том, что в Индии противостоят лишь две силы — освободительное движение под руководством ИНК и колониализм, поль-

зующийся поддержкой «реакционных элементов» (коммуналистов, князей и др.).

Политическим выражением единства Индии со времен первой мировой войны Неру рассматривал Индийский национальный конгресс. «Позиция Конгресса была так тесно связана с делом освобождения Индии как единой нации, что все остальное отступало на задний план... В лице Конгресса индийский национализм противостоял английскому империализму», — писал он, отмечая попутно, что деятельность общинно-религиозных партий «носила агитационный характер и проводилась только спорадически, например во время предвыборной кампании» [Неру, 1955б, с. 426—427].

Взгляды Джавахарлала Неру — это не только идеология светского индийского национализма или, точнее, патриотизма. Вслед за Махатмой Ганди он был популярнейшим политическим лидером, а после достижения независимости — вождем харизматического типа, оказывавшим огромное влияние на массы. За долгие годы своей политической деятельности он обездид практически всю страну, выступая на многотысячных массовых митингах, разъясняя свое понимание единства Индии, и без преувеличения можно сказать, что десятки миллионов людей непосредственно испытывали воздействие его взглядов. Огромный ораторский опыт, понимание настроений и чаяний масс позволяли Неру донести до своих слушателей основные идеи и представления о будущей Индии. Единство страны, секуляризм, свобода и равенство всех людей — эти и некоторые другие идеи стали достоянием масс, элементом массового сознания. Эти понятия расходились с реальной действительностью и не произвели революции в социальной психологии, однако они формировали перспективу, образ будущей Индии, влияли на традиционную систему ценностей и, безусловно, способствовали осознанию принадлежности к индийской общности у десятков миллионов людей.

Национализм Неру и других лидеров освободительного движения оказал воздействие преимущественно на наиболее образованные слои индийского общества на заключительном этапе антиколониального движения, особенно в конце 30-х годов, однако по степени влияния на массовое сознание он далеко уступал гандизму.

Ганди был прежде всего политическим деятелем, а не профессиональным философом и не создал законченной, стройной философской системы. Его взгляды заметно эволюционировали; по ряду важных проблем, включая национализм, они были весьма расплывчатыми и противоречивыми (см. [Комаров, Литман, 1969; Мартышин, 1970; Хорос, 1980; Мезенцева, 1985; и др.]). Ганди сам говорил, что его взгляды не следует называть гандизмом, поскольку, по его словам, «никакого „изма“ здесь нет» [Тендулькаар, с. 67]. В то же время исследователи обоснованно показали, что мировоззрение Ганди отличается

значительной цельностью, для него характерна проповедь нескольких основополагающих идей. «На самом же деле Ганди, — как писал А. Д. Литман, — создал определенный „изм“, и о его мировоззрении с полным основанием можно говорить как о новом течении в общественно-политической мысли» [Комаров, Литман, 1969, с. 130]. В. Г. Хорос не без основания отнес гандизм к популистской идеологической традиции, распространенной в России с середины XIX в. и — позже — во многих странах Азии, Африки и Латинской Америки [Хорос, 1980, с. 137—149].

Образ Ганди как политического деятеля и мыслителя прочно ассоциируется с восточной религиозностью, окружен ореолом мистической святости. «Приверженность религии, неизменная апелляция к ее принципам и божественному авторитету составили характерную черту и специфическую особенность не только мировоззрения, но и всей общественно-политической деятельности Ганди». Его «непрестанное афиширование своей религиозности, — писал А. Д. Литман, — апелляция к принципам веры в решении жизненных проблем, теологический характер аргументации — все это в условиях Индии не могло не породить в массах представлений о „мессианском“ облике его личности, о религиозно-возрожденческой природе руководимого им движения» [Комаров, Литман, 1969, с. 133, 135]. Ганди сам неоднократно говорил, что для него борьба за независимость Индии — это осуществление на практике принципов дхармы, т. е. религии. «Моя политическая и вся остальная деятельность производны от религии», — говорил он (цит. по [Чаудхри, 1978, с. 234]).

Хотя Ганди постоянно пропагандировал религиозный универсализм, рассматривая все религии как разные пути поклонения единому богу, он был прежде всего индусом и, более того, считал себя *санатани хинду*, т. е. ортодоксальным индусом. Осуждая такие пороки индуизма, как неприкасаемость, ранние браки, затворничество женщин и др., т. е., в сущности, продолжая и активно претворяя в жизнь реформаторские идеи, Ганди в то же время проповедовал традиционные индуистские представления и идеалы: *брахмачарию* (безбрачие, воздержание), защиту коровы, идеализировал кастовую систему, а свою концепцию ненасильственных методов борьбы и *сатьяграхи* (упорства в истине) обосновывал ссылками на «Бхагавадгиту» и другие священные тексты. «Обращение к религиозной символике было для Ганди прежде всего важнейшим средством политической мобилизации масс» [Полонская, Девяткина, 1984, с. 118] и в этом смысле оправдало себя. Но отрицание гандизмом секуляризации политической жизни независимо от намерений Ганди косвенно содействовало живучести концепции двух наций, особенно среди мусульманской части населения.

Рассматривая проблему межобщинных отношений исключительно сквозь призму теологических абстракций, Ганди не смог разработать конструктивной программы борьбы против роста коммунизма и в экстремальных случаях, когда происходили

массовые столкновения, был вынужден прибегать к своему излюбленному средству — голодовке. Он явно недооценивал сложности проблемы общинно-религиозных и межэтнических отношений в Индии, утверждая, что индийцы были одной нацией и лишь вследствие политики колонизаторов она оказалась разделенной [Ганди М. К., 1944, с. 87]. «Индусско-мусульманские противоречия являются определенным, неизвестным нам путем борьбы за сварадж... Каждая община желает быть подготовленной и приспособленной к свараджу, когда он наступит... Эта борьба, сколько бы несчастий она ни приносила, служит признаком роста. Она подобна войне Белой и Алой роз. Из нее выйдет могучая нация», — оптимистически писал Ганди (цит. по [Комаров, Литман, 1969, с. 159]).

Возглавляя в течение десятилетий освободительное движение, Ганди руководствовался концепцией национализма, обращенной не столь в будущее, сколь в прошлое. Он верил в превосходство индийской цивилизации, считал, что она не имеет себе равных во всем мире, идеализировал «золотой век» Индии, связанный с правлением великих императоров. Отвергая западную цивилизацию, он утверждал: «Спасение Индии в том, чтобы забыть все, чему она научилась в течение последних пятидесяти лет» [Ганди М. К., 1922, с. 770]. Более того, он неустанно подчеркивал, что после достижения независимости Индия должна вернуться к традиционному социально-политическому устройству — к идиллии самоуправляющихся общин, не подверженных разлагающему влиянию «машинной» цивилизации, к Рама раджья — «царству Рамы», т. е. бога. Это, естественно, не теократическое индусское государство Саваркара, но и не секулярнистская концепция современного государства. Практически все основные термины гандизма (сатьяграха, ахимса, сварадж, Рама раджья и т. д.) заимствованы из индусской традиции и были чужды массовому сознанию мусульман, христиан и сикхов. Джавахарлал Неру писал в этой связи: «Гандиджи постоянно делал упор на религиозную и духовную сторону движения. Его религия не была догматической, но у него был явно религиозный подход к жизни, что оказало сильное воздействие на все движение... Подчас меня беспокоило усиление этого религиозного элемента в нашей политической жизни, наблюдавшееся как у индусов, так и у мусульман... Даже некоторые выражения Гандиджи иной раз действовали мне на нервы, как, например, его частые упоминания о Рама раджье как о золотом веке, который должен наступить вновь» [Неру, 1955а, с. 84—85].

Насколько можно судить по отдельным высказываниям Ганди, он глубоко осознавал разнообразие Индии, социокультурные различия между отдельными народами и актуальность языковых проблем. Однако в этом разнообразии он видел главным образом положительную сторону — возможность взаимного культурного обогащения всех народов, воспитания их в духе взаимной терпимости и любви. Ганди был склонен недооцени-

вать значимость реальных социально-политических сил, выступавших с платформы локального национализма, опасность центробежных тенденций. Он полагал, что возникающие на этой почве конфликты разрешимы путем моральной проповеди.

Считая своей главной задачей достижение независимости Индии, он не разработал никакой конкретной программы упрочения ее единства и ограничился отдельными рекомендациями, касавшимися конкретных вопросов. Ганди высказался за создание лингвистических провинций, т. е. этнически гомогенных штатов, и по его инициативе Индийский национальный конгресс уже в 1920 г. был реорганизован с учетом этнической гомогенности отдельных провинций и предписал использовать местные языки в повседневной деятельности партии. Через несколько месяцев после провозглашения независимости Индии Ганди призвал заменить английский язык в государственных учреждениях местными языками [Ганди М. К., 1954, с. 9]. Естественным средством межэтнического общения он считал хиндустани (с графикой деванагари и арабской, т. е. литературные формы хинди и урду), а сохранение в делопроизводстве английского языка — «культурного узурпатора» — рассматривал как позорное для Индии [Ганди М. К., 1954, с. 10].

Ганди был первым и единственным лидером, сумевшим донести свои идеи до массового сознания большинства населения Индии. «Полурелигиозный язык, к которому он прибегал, обращаясь к крестьянам-беднякам, простота и непритязательность, характеризовавшие его образ жизни, наконец, та страстность, с которой он боролся за их требования, — все это привлекало к нему этих крестьян-бедняков. Они смотрели на него как на своего спасителя, как на новое воплощение бога, пришедшего для того, чтобы избавить их от жалкой участи», — писал видный деятель коммунистического движения в Индии Е. М. Ш. Намбудирипад [Намбудирипад, 1960, с. 163]. В массовом сознании харизматическая фигура Ганди в период освободительного движения стала одним из важнейших символов индийского национализма и единства Индии.

Глава 3

НАЦИОНАЛИЗМ, КОНФЕССИОНАЛИЗМ, ПОЛИТИКА

Освободительное движение как фактор общиндийской интеграции

Формирование националистической идеологии исторически предшествует становлению наций как этносоциальных общностей, обладающих четко выраженным национальным самосознанием, которое определяется как «осознание людьми своей принадлежности к определенной социально-этнической общности, осознание положения своей нации в системе общественных, в том числе международных, отношений, понимание национальных интересов, взаимоотношений своей нации с другими социально-этническими общностями ... проявляющееся в идеях, чувствах, стремлениях» [Социальная психология, с. 222]. Очевидно, что на начальных стадиях формирования наций и полиэтнических социально-политических общностей, включенных в состав единого государства вследствие колониального завоевания, национальным сознанием обладают лишь идеологи национализма и сравнительно узкий круг их последователей. Развитие внутренних экономических связей (единого рынка), системы коммуникаций, просвещения, образования и средств массовой информации создает необходимые предпосылки, «инфраструктуру» для распространения идей национализма среди более широких слоев населения, но само по себе не является активным фактором формирования национального самосознания, так как может быть использовано и для пропаганды противоположных установок и представлений.

В Индии, как и во многих других покоренных странах, колонизаторы стремились использовать технологическую и социокультурную модернизацию для упрочения своего господства, воспитания лояльного отношения индийцев к метрополии, рекламируя «блага» своего правления во всех сферах жизни общества. В известной степени, по крайней мере до конца XIX в., они преуспели в этом, хотя контроль колониальных властей над средствами массовой информации отнюдь не был тотальным (в истории колониализма немало и таких случаев) и не воспрепятствовал возникновению целого потока националистической публицистики. Не менее важным было и то обстоятельство, что со-

циально-политические нормы, введенные в Индии англичанами, не предусматривали запретов на создание и деятельность политических партий и общественных организаций.

Становление национального самосознания связано с существенными изменениями общественного сознания, а на уровне индивида выражается в изменении структуры самондентификации, осознании своей принадлежности к этносу или надэтнической социально-политической общности. В условиях гетерогенного, разделяемого этническими, конфессиональными, кастовыми барьерами общества, при неграмотности подавляющего большинства населения националистическая идеология крайне медленно проникает в массовое сознание и оказывает на него лишь поверхностное воздействие, не затрагивая самондентификации индивида. Осознание своей принадлежности к более широкой общности формируется по мере обострения антагонизма между колонизаторами и угнетенными народами, как протест против внешнего насилия, который перерастает в борьбу за независимость.

Социальная база национализма в Индии расширялась пропорционально росту освободительного движения, по мере вовлечения в него новых социальных, в том числе этнических, групп. Как было показано в предыдущей главе, эволюция национализма в Индии не была однолинейным поступательным процессом. Она включала дифференциацию национализма на отдельные, в некоторых случаях антагонистические (индусский и мусульманский национализм) течения, оказывавшие активное воздействие на этнополитическую ситуацию в Индостане и определившие различные формы самондентификации отдельных этнических и конфессиональных групп. Этот процесс получил полное отражение в развитии политической системы колониальной Индии.

Первые политические организации (Бенгальское общество землевладельцев, основанное в 1839 г., Ассоциация Британской Индии в Калькутте, Бомбейская ассоциация и Мадрасская туземная ассоциация, возникшие в 1851—1852 гг.) представляли собой дискуссионные клубы аристократии и формировавшейся буржуазии. Политическая деятельность этих организаций сводилась к тому, что они обращались с петициями к парламенту Великобритании, пытаясь добиться отдельных изменений в системе управления, привлечения в нее индийцев, создания законодательных и исполнительных органов с участием «туземцев», т. е. представителей местных элитарных групп. Организации, постоянно афишировавшие свою лояльность колониальному режиму, не сыграли заметной роли в формировании индийского национализма, и приоритет в этой области, как было показано во 2-й главе, принадлежит просветителям первой половины века. Стремление выступать от имени «индийской нации» характерно для организаций формировавшейся буржуазии, возникших в 70-е годы. Так Лига Индии, основанная издателем влия-

тельной газеты «Амрита базар патрика» С. К. Гхошем, выдвигала требования о создании представительного правительства «индийской нации». Индийская ассоциация С. Банерджи и А. М. Боса провозглашала своей целью достижение единства всех рас (народов), индусов и мусульман и защиту интересов народа [Махаджан, 1979, с. 93]. Вслед за Калькуттой эта Ассоциация открыла свои отделения в Канпуре, Аллахабаде, Лахоре в 1883 г. и провела первую общендийскую конференцию в разгар конфликта вокруг билля Ильберта.

В 1885 г. был создан регулярный общендийский форум — Индийский национальный конгресс (ИНК), в состав которого вошли известные общественные деятели из большинства провинций Британской Индии. В первые десятилетия своего существования он, в сущности, не был политической партией, представляя собой ежегодный форум представителей различных общественных организаций. Лишь в 1899 г. был принят устав и образован Комитет Конгресса, который созывался три раза в году, и еще позже, в 1920 г., ИНК оформился в организационном отношении как современная политическая партия [Девяткина, 1970, с. 37—43].

Характеризуя деятельность конгрессистов в конце XIX—начале XX в., С. Чаудхари пишет: «Для большинства из них, если не для всех, национализм не выходил за пределы книжного знания, приобретенного из работ английских авторов. Большинство из них было занято конституционной борьбой, существенной чертой которой было искусство дебатов и красноречие. Они действовали так, как будто страна могла добиться независимости путем благонамеренных резолюций, принятых узким кругом интеллектуалов, склонных скорее к дискуссии, нежели к действию. За исключением отдельных маленьких митингов протеста, они собирались на сессию раз в году на последней неделе декабря и восхваляли ее как неделю самопожертвования» [Чаудхари, 1973, т. 2, с. 46—47].

Хотя в первые десятилетия своего существования Конгресс оставался узкой элитарной организацией преимущественно городской буржуазии и интеллигенции, он сыграл ключевую роль в сплочении и объединении всех основных политических сил страны и в развитии общендийского самосознания. Присутствие на ежегодных съездах Конгресса представителей всех провинций Британской Индии, обсуждение проблем страны, подготовка и принятие резолюций — все это независимо от реальных политических результатов углубляло осознание общендийского единства и его потенциальной силы. Внимание печати ко всему, что происходило на сессиях, способствовало росту престижа и авторитета Конгресса в глазах как его участников, так и образованной части населения всей Индии. Морально-психологическое воздействие в значительной мере усиливалось тем, что Конгресс собирался в разных городах, тем самым наглядно подчеркивая, что ареной его деятельности является вся Индия.

Создание ИНК и других политических организаций заложило основы современной политической системы, важнейшими компонентами которой советские государствоведы считают государство, политические партии, социально-политические нормы, политическое сознание и политическую культуру [Основы, 1985, с. 44—91]. В рамках колониальной политической системы Конгресс и различные ассоциации, возникшие в крупных городах Британской Индии, выполняли функции лояльной оппозиции. Лидеры ИНК неустанно подчеркивали, что «образованные классы — друзья, а не враги Англии, ее естественные союзники» (А. М. Бос), что «образованная Индия практически отождествляет себя с британским правлением, стремится увековечить его» (Р. Ч. Датт), что проблемы Индии разрешимы в рамках королевской прокламации 1858 г., которую Сурендранатх Банерджи называл «великой хартией наших прав и свобод» [Махаджан, 1979, с. 133—136]. Либеральные лидеры Конгресса (Д. Наороджи, С. Банерджи, К. Г. Гокхале, Б. Тьябджи, В. Ч. Бонерджи, М. Г. Ранаде, А. М. Бос, Р. Ч. Датт, М. М. Малавия, Ф. Мехта и др.) главной политической задачей считали привлечение индийцев к управлению, увеличению их удельного веса на верхних ярусах государственной службы, разделение исполнительной и судебной власти, развитие промышленности.

Эти требования, сформулированные в многочисленных резолюциях и петициях, отражали прежде всего классовые интересы относительно немногочисленной и политически робкой индийской буржуазии. Ее общие интересы и слабость вынуждали ее объединиться на платформе общиндийского национализма и выступать от имени «индийской нации». Проблема упрочения «национального единства», искоренения расовых (т. е. этнических) и религиозных предрассудков, воспитание патриотизма занимали поэтому важное место на ежегодных сессиях ИНК и привлекали пристальное внимание местной прессы. В связи с учреждением Конгресса одна из газет («Хинду пракаш») писала в 1885 г.: «Сам факт, что такая конференция собралась и обещает быть успешной, опровергает утверждения о том, что мы не нация. Нельзя не признать, что нам недостает многих качеств нации. Мы разделены разнообразием языков, религий и социальных обычаев, отделены друг от друга большими расстояниями, и нам недостает расовой и эмоциональной гомогенности. Тем не менее неоспоримо, что в настоящее время политически мы — одна нация или по крайней мере обладаем задатками таковой» (цит. по [Махаджан, 1979, с. 121]).

Аналогичные, хотя и более трезвые суждения об «индийской нации» высказывали лидеры Конгресса. В президентском обращении на сессии 1886 г. Раджендралал Миттер говорил: «В течение долгого времени наши отцы и мы жили лишь как индивиды или как семьи, но впредь, надеюсь, мы будем жить как нация... Мечта моей жизни состоит в том, чтобы разобщенные единицы моей расы когда-нибудь слились и объединились...

чтобы мы могли жить как нация» [Мукхерджи Х., Мукхерджи У., 1957, с. 32].

По мере роста индийской буржуазии и образованных слоев населения, усиления воздействия средств массовой информации на развитие антиколониального движения возрастающее влияние на формирование индийского национализма оказывали внешние факторы. Освобождение балканских народов, поражение итальянских войск в Абиссинии и русских — в русско-японской войне основательно подорвали миф о превосходстве белой расы и послужили мощным толчком для дальнейшего развития индийского национализма и расширения его социальной базы. Джавахарлал Неру писал в этой связи: «...победа маленькой Японии над гигантской Россией в 1904—1905 гг. ... произвела громадное впечатление на азиатские страны, в том числе на Индию, то есть на образованные слои средних классов, они стали больше верить в свои силы. Если Япония оказалась в состоянии справиться с одной из самых могущественных европейских держав, то почему этого не может Индия?... Национализм в восточных странах стал распространяться еще быстрее, и появился лозунг „Азия для азиатов“» [Неру, 1975, с. 237, 268]. Индийская пресса того времени, в особенности издания радикального направления, с восторгом писали о поражении России, выражали свою солидарность с японцами и призывали индийцев последовать их примеру. Ход рассуждений был чрезвычайно простой: «То, что сделал один азиат, могут сделать и другие... Если Япония может побить Россию, Индия с такой же легкостью может побить Англию... Сбросим англичан в море и займем наше место рядом с Японией среди великих держав мира!» — призывала «Карачи кроникл» в июне 1905 г. (цит. по [Махаджан, 1979, с. 196]).

Подобные идеи и представления были характерны не только для образованной элиты, они широко распространились среди индийских масс. «Волна возбуждения прошла по всей Северной Индии, — писал в своих мемуарах английский миссионер Ч. Ф. Эндрьюс. — Даже в отдаленных деревнях крестьяне, вечером пуская по кругу хукку, говорили о победах Японии. Один из стариков сказал мне: „Ничего подобного не было со времен мятежа“... Казалось, что возвращается былое величие Азии... появилась надежда, что дни рабства перед Западом подходят к концу и начался рассвет независимости» [Эндрьюс, 1912, с. 46]. Известный индийский писатель Нирад Чаудхури, детство которого прошло в небольшом городке Восточной Бенгалии, вспоминал: «После победы японцев мы испытывали беспредельный подъем, своеобразную уверенность перед европейцами и огромное чувство признательности и преклонения перед японцами» [Чаудхури, 1973, с. 109]. В ряде районов Индии, в том числе в Бенгалии, проводился сбор средств в фонд помощи раненым японским солдатам [Саркар, 1973, с. 28].

На участников зарождавшегося национально-освободитель-

ного движения оказали влияние также идеи русской революции 1905 г., хотя их внимание больше привлекали сообщения о террористической деятельности, нежели восстания рабочих и крестьян [Саркар, 1973, с. 29].

В глазах индийцев победа Японии развеяла миф о непобедимости великих европейских держав и резко изменила морально-психологический климат в стране. Русская революция 1905 г. и последовавший подъем революционного движения в странах Азии продемонстрировали силу и значение массовых выступлений, а предпринятый в этой ситуации раздел Бенгалии на две провинции послужил непосредственным поводом для массовых выступлений против колонизаторов в период 1905—1908 гг.

Революционный подъем 1905—1908 гг. в Индии качественно отличался от всех предыдущих антиколониальных выступлений по всем основным параметрам социально-политического движения. По своей идеологии, организованности, методам борьбы это было первое масштабное политическое выступление современного типа. 16 октября 1905 г., когда вступало в силу решение властей о разделе Бенгалии, в Калькутте состоялись первая в истории индийского национально-освободительного движения крупная организованная массовая демонстрация и митинг, на котором присутствовало около 50 тыс. человек [Новая история, с. 540]. Вслед за этим организованные выступления начались по всей Бенгалии, в Пенджабе и Махараштре, в меньшей степени — в Северной Индии и Мадраасской провинции. Хотя движение далеко не охватило всей Индии, все же оно имело общендийский характер, так как не ограничивалось одним определенным районом. Корреспондент лондонской «Таймс» писал в этой связи: «Национализм в Махараштре и в Бенгалии до сих пор едва ли означал нечто большее, чем маратхский и бенгальский национализм, каждый как отдельное течение; теперь же они слились в общий поток, который охватил большую часть Индии...» [Чирол, 1926, с. 120].

Руководство антиколониальным движением в этот период переходит в руки радикальных лидеров (Б. Ч. Пал, Ауробиндо Гхош, Л. Л. Рай, Б. Г. Тилак и др.), пользовавшихся репутацией «экстремистов» и «революционеров». В отличие от умеренных руководителей Конгресса, с которыми они вскоре порвали связи (раскол ИНК в 1907 г.), радикалы выдвинули новый программный лозунг — достижение *свараджа* («своего правления, своей власти»), под которым они понимали не статус доминиона, а полную независимость.

Движение широко использовало — наряду с обычными формами массового действия (митинги, демонстрации, пение патриотической песни «Банде матарам», написанной еще в 1882 г. Б. Ч. Чаттерджи) — новые формы борьбы — бойкот иностранных товаров и колониальных учреждений (вплоть до попыток бойкотировать учебные заведения) и замену их «отечественны-

ми» — свадеши. Идеологи движения, в отличие от либеральных лидеров Конгресса, пытались активизировать латентный антифоринизм и соединить его с индийским национализмом. «Молодому поколению следует привить сильное чувство отвращения ко всему бидеши (иностранному. — А. П.), и достигнуть этого можно, сжигая иностранные товары», — говорил Тилак на празднике Шиваджи в Калькутте в 1906 г. (цит. по [Рай, 1978, с. 10]). Лозунг свадеши стал синонимом антиколониальной борьбы того периода, получил очень широкое распространение, особенно в Бенгалии и в Махараштре. Он был доступен пониманию масс, тем более что в бойкоте английских тканей и других товаров участвовали практически все слои населения, и содействовал проникновению основополагающих идей индийского национализма в массовое сознание.

Движение свадеши, вызванное разделом Бенгалии, показало, что индийский национализм представляет собой главную политическую силу, противостоявшую колониализму. Вместе с тем оно обнаружило глубокие внутренние противоречия и слабости освободительного движения, наличие в нем центростремительных и центробежных тенденций и острых социально-классовых антагонизмов.

Движение свадеши развернулось преимущественно в городах нескольких провинций и не охватило всей Британской Индии, не говоря уже о княжествах. Поэтому на первый план выдвинулась задача расширения территориальной базы освободительной борьбы, вовлечения в нее всех крупных народов Индии. Одновременно расширение социальной базы движения, пробуждение политической активности масс (на первом этапе преимущественно средней и мелкой городской буржуазии и интеллигенции) вскрывало наличие острых социально-классовых противоречий и вызвало попытки умеренных националистов свернуть движение и пойти на компромисс с колонизаторами. Поэтому на последующих этапах освободительного движения первостепенной внутренней задачей стали поиски такой политической платформы, которая, с одной стороны, могла бы служить идейной основой для формирования максимально широкого антиколониального фронта и объединения в нем разнородных социально-политических сил, а с другой — обеспечила бы сохранение руководства в руках буржуазно-помещичьего блока (опять-таки крайне разношерстного) и предотвратила бы переращение освободительного движения в социальную революцию.

Далее, революционный подъем 1905—1908 гг. сопровождался всплеском индуэского национализма и обострением индуэско-мусульманских противоречий. «Индийский национализм в период после 1905 г. подвергся глубокому влиянию религиозного идеализма, пророком которого был шри Ауробиндо, культом — почитание матери-Индии, а священной мантрой — песня „Банде матарам“», — писал индийский исследователь [Датта, 1965, с. 31]. Образование Восточной Бенгалии как провинции с пре-

имущественно мусульманским населением в целом воспринималось мусульманами положительно и, по словам лахорской газеты «Ватан», как «подлинное благо для последователей пророка». Часть мусульман рассчитывала, что в отдельной провинции будет покончено с засильем торгово-промышленной буржуазии Калькутты, индусских чиновников и адвокатов, т. е. именно тех групп, которые были наиболее решительными противниками раздела Бенгалии. Мусульманские крестьяне надеялись, что в «своей» провинции их жизнь станет лучше.

С момента начала движения резко сократилась численность мусульман в Конгрессе (на ежегодной сессии ИНК в 1905 г. среди делегатов мусульмане составляли всего 17 из 756 человек, или около 2%). В 1906 г. при непосредственном участии колониальных властей была создана Мусульманская лига и были выдвинуты требования о выделении отдельных избирательных курий для мусульман и резервирования мест в государственном аппарате с учетом не только их удельного веса среди населения, но и «их политической значимости и ценности их вклада в дело защиты империи» [Чаудхари, 1973, т. 1, с. 563—564]. Очевидно, индийский исследователь-марксист С. Чаудхари по крайней мере отчасти прав, утверждая, что «кампания против раздела привела к отчуждению большого числа мусульман... (и) в конечном счете оказалась ущербной для общенациональных интересов» [Чаудхари, 1973, т. 1, с. 530]. Один из крупнейших индийских историков — Р. Ч. Маджумдар высказал сходную точку зрения: «Остается фактом, что даже те мусульманские политики, которые не были враждебны Конгрессу, решительно стояли за раздел» [Маджумдар Р. Ч., 1981, с. 218].

Движение свадеши сопровождалось ростом подпольных революционных организаций, особенно в Бенгалии и Махараштре [Райков, 1968, с. 17—43], серией акций индивидуального террора, прецедентом для которых отчасти послужил ряд политических убийств, имевших место в Европе в течение первого десятилетия нынешнего века. «Купаться будем в крови врага и окрасим ею Хиндустан», — призывала бенгальских революционеров газета «Джугантар» (цит. по [Махаджан, 1979, с. 232]). В Махараштре Б. Г. Тилак, оправдывая бенгальских террористов, писал: «Зло заключается в самой системе управления, и пока власти не станут объектом индивидуального террора, они не согласятся изменить систему» [Махаджан, 1979, с. 240]. Убийства и покушения в Бенгалии, Махараштре и Пенджабе и последовавшие репрессивные меры колониальных властей возрождали антифоринистские настроения и способствовали формированию враждебного отношения к колониальному режиму, стимулировали рост общендийского национализма и формирование его героической символики. Однако именно тактика заговоров и покушений создавала наибольшую сложность для сохранения контроля буржуазной коалиции над освободительным движением. По этой причине она вызывала опасения со сторо-

ны умеренных лидеров и побуждала их идти на соглашения с колониальными властями.

Этот комплекс противоречий отнюдь не был преходящей фазой, болезнью роста освободительного движения, он был имманентно присущ комбинированному (в плане этнического, конфессионального и социального состава) обществу.

Принятие Закона об управлении Индией 1909 г. и воссоединение Бенгалии в 1912 г. наглядно показали, что колониализм, столкнувшись с сильным движением, вынужден идти на существенные уступки. Репрессивные меры не смогли скрыть очевидный факт первой крупной победы освободительного движения, невзирая на то что реформы Морли—Минто вызвали разочарование и возмущение радикальных националистов. Это вселяло надежду в достижимость свараджа в минимальные сроки и служило предпосылкой для расширения освободительной борьбы.

Для последовавшего периода освободительного движения, который достиг нового пика в 1918—1922 гг. (с коротким спадом в начале 1920 г.), характерны усилия, направленные на преодоление внутренних противоречий и выработку общей платформы индийского национализма.

Война между европейскими государствами, ряд поражений английских войск и участие сотен тысяч индийцев в боевых действиях против представителей другой «белой расы» — все это было беспрецедентным явлением, окончательно развеявшим миф о мощи Великобритании и подорвавшим «моральный статус расового превосходства иноземного правления» [Чаудхари, 1973, т. 1, с. 163]. Свержение самодержавия в России, распад многонациональных Габсбургской и Османской империй, лозунги о самоопределении народов, свободе, равенстве и демократии вызвали радикальную перемену в настроениях образованных индийцев и существенные сдвиги в массовом сознании. Среди индийских политических лидеров и населения широко распространилось мнение, что именно участие Индии в войне сыграло решающую роль в ее исходе.

В период первой мировой войны резко активизировали свою деятельность революционные организации, ориентировавшиеся на свержение колониального режима путем вооруженного восстания в условиях резкого сокращения английских войск в Индии (был момент, когда их оставалось всего 15 тыс. человек) и в расчете на поддержку Германии. Хотя попытки организации восстания в Индии провалились (подробнее см. [Райков, 1968]), деятельность революционеров вызвала большой резонанс в Индии и за ее пределами (в США и Великобритании). Опасность революции была одной из главных причин, побудивших значительную часть индийской буржуазии поддержать умеренное течение в освободительном движении и финансировать деятельность Индийского национального конгресса.

С приходом М. К. Ганди эта партия превратилась из «городского клуба верхних классов» [Бречер, 1969, с. 52] в массовую

организацию и ведущую политическую силу антиколониального движения. Разработанные М. К. Ганди стратегия, тактика и методы политической борьбы в сочетании с его деятельностью как реформатора индуизма (в особенности с попытками улучшить положение неприкасаемых) создали условия для превращения освободительной борьбы в массовое движение и для широкой коалиции основных социально-политических сил. Он был единственным лидером, приемлемым для различных, в том числе и противоборствовавших группировок: для буржуазии (поскольку Ганди был против перерастания освободительного движения в революционное), индусских националистов, секуляристов, религиозных меньшинств.

Расширение массовой базы освободительного движения, особенно в период подъема антиимпериалистической борьбы в 1918—1919 гг., побудило руководство Индийского национального конгресса принять меры по расширению внутрипартийной демократии и усилению его связи с массами населения. С этой целью на конференции Конгресса, состоявшейся в 1920 г. в Нагпуре, в устав партии было включено положение о более широком использовании хиндустани и других языков в повседневной деятельности Конгресса. Согласно 5-й статье устава организационная структура ИНК была перестроена с учетом этнического состава населения отдельных районов и определен основной язык для каждой «провинции Конгресса». В отличие от существовавшего политико-административного деления этим решением выделялись провинции Мадрас, Андхра, Карнатака, Керала, Махараштра, Гуджарат, Уттал (Орисса), Бихар; Центральные провинции были разделены на две группы (этноареалы хиндустани и маратхи). Это деление не касалось княжеств и далеко не полностью соответствовало этническим границам в пределах Британской Индии. Тем не менее оно означало признание Конгрессом национальных провинций и явилось тем самым первым шагом к признанию принципа национально-территориальной автономии. Вслед за этим решением в ноябре 1921 г. в резолюции ВИКК подтверждалось, что при ведении партийных дел, заседаний и в публикациях, циркулярах и отчетах желательно, насколько это возможно, использовать хиндустани с графикой деванагари и урду, но в то же время категорически заявлялось, что на местах необходимо использовать исключительно языки соответствующих провинций [Резолюшенс, с. 2].

Учет интересов этнолокальных элит обеспечил сочетание индийского и локального национализма и усилил взаимосвязь между ними в условиях общей антиколониальной борьбы. Гораздо более сложной оказалась проблема конфессиональных различий в рамках концепции единой «индийской нации».

Воссоединение Бенгалии, которое было квалифицировано видным деятелем, редактором калькуттского «Комрида» мауланой Мохаммедом Али как «самая позорная измена в исто-

рии индийской политики» [Конгресс, с. 627], и агрессия европейских государств против Турции и Ирана в 1911 г. воспринимались многими мусульманскими руководителями в Индии как проявление антиисламизма западных, христианских держав, включая Великобританию. «Измена» колониальных властей показала тщетность попыток добиться от них благ для мусульман в ответ на лояльность и способствовала дискредитации ортодоксальных руководителей Лиги; в руководстве партии заметно ослабевают позиции консервативных феодальных элементов и возрастает влияние образованной интеллигенции, представители которой мыслили в более широких категориях. Под их влиянием Лига в 1913 г. провозглашает своей конечной целью достижение самоуправления (в составе Британской империи) и высказывается за совместные действия всех общин.

Со своей стороны руководство ИНК пошло на существенные уступки лидерам Лиги. По соглашению 1916 г., заключенному между двумя партиями в Лакхнау, ИНК признал не только выделение отдельных избирательных округов для мусульман, но и применение принципа общинного представительства в Пенджабе и Центральных провинциях, выделение для мусульман значительно большего числа мест, чем предусматривалось реформами Морли — Минто. Если по закону 1909 г. в Бенгалии и Пенджабе для мусульман резервировалось соответственно 10,7% и 25% мест в легислатурах, то по соглашению 1916 г. — соответственно 40 и 50%, в Бомбейской провинции — 33,3%, Соединенных провинциях — 30%, в Бихаре — 25%, в Мадрасе — 15%, хотя удельный вес мусульманского населения в этих провинциях был в несколько раз ниже. Кроме того, в центральной легислатуре ИНК согласился выделить для представителей мусульман $\frac{1}{3}$ мест [Малик, 1963, с. 225—226].

Эта уступка лидерам Лиги была явным отступлением руководства Конгресса от принципов секуляристского национализма и фактически означала признание мусульманского коммуналлизма как реальной социально-политической силы. Многие индийские исследователи не без основания считают, что соглашение 1916 г. (Лакхнауский пакт) было одним из факторов, содействовавших росту мусульманского сепаратизма и движения за образование Пакистана [Сеталвад, 1946, с. 287—288; Бахадур, 1954, с. 95—96]. Отступлением от принципов секуляристского национализма была также поддержка Конгрессом халифатского движения. В период первой мировой войны мусульманские ортодоксальные круги, обеспокоенные судьбой турецкого султана — халифа, предприняли попытку использовать этот вопрос для упрочения единства мусульман и ослабления проанглийских позиций Алигархской школы. Один из главных идеологов халифатского движения, Абуль Калам Азад, доказывал, что мусульмане всего мира, в том числе индийские, после начала военных действий Великобритании против Турции обязаны участвовать в джихаде против англичан. Мусульманские лидеры

вновь провозгласили Индию дар-ул-харб и призвали мусульман эмигрировать в соседний Афганистан¹. Движение, возникшее в середине 1919 г., было поддержано Конгрессом, руководство которого рассчитывало направить его в русло антиколониальной борьбы и одновременно приостановить процесс отчуждения двух общин. На короткое время (с марта 1920 г.) это в известной мере удалось: мусульмане впервые массами вступали в Индийский национальный конгресс, популярным стал лозунг «Хинду мусальман ки джай» («Да здравствуют индусы и мусульмане»), индусские свами на ступенях мечетей выступали с речами о единстве и свободе Индии.

Отмена халифата турецким правительством (1 ноября 1922 г.) положила конец этому движению. Во многих районах Индии возобновились индусско-мусульманские столкновения. Проблема халифата была сугубо религиозным вопросом и не касалась положения масс населения, она не ставила целью борьбу за демократические и экономические права мусульман. По этой причине этот подъем не мог быть использован лидерами Конгресса для внедрения в массовое сознание современных светских, демократических и антиимпериалистических идей. «В результате массы мусульман, которые активно участвовали в халифатском движении, не смогли познакомиться с современной антиимпериалистической идеологией или современными принципами политической организации, такими, как секуляризм и демократия. Вместо этого привнесение религиозных взглядов в политику и политические проблемы было узаконено и закреплено», — пишет Бипан Чандра [Чандра Б., 1979, с. 255].

Известный индийский историк Р. Ч. Маджумдар так характеризует стремление Ганди использовать проблему халифата в целях упрочения индусско-мусульманского единства и соответственно усиления общендийского национализма: «Этот аргумент несомненно шел от благородного сердца Гандиджи, но при этом не принималась во внимание сама основа национализма. Если предстоит создать нацию из различных рас или общин, то нельзя упускать из виду главного признака национальности, а именно чтобы отдельные составные части не настаивали на равных или более тесных отношениях с другими нациями, чем между собой, так как наличие такой связи будет препятствовать становлению нации. Если индийские мусульмане считают, что они ближе к мусульманам Турции или любой другой страны, абсурдно надеяться на слияние индусов и мусульман Индии в одну нацию» [Маджумдар Р. Ч., 1981, с. 153—154].

Индусско-мусульманское единство было «временным и поверхностным» [Махаджан, 1979, с. 352], оно достигалось путем

¹ А. К. Азад даже опубликовал в одной из газет Амритсара «Декрет о миграции из Индии», в котором утверждал, что «с точки зрения шарии, у мусульман Индии нет другого выбора» и «все мусульмане, которые хотят выполнить исламские обязательства, должны покинуть Индию» (полный текст см. [Малик, 1963, с. 343—344]).

соглашений на верхних эшелонах из расчета, что мусульманские лидеры затем смогут повести за собой средние классы и основную массу мусульман. Вследствие такого подхода происходило, по существу, укрепление позиций коммунализма: во-первых, коммуналистские лидеры официально признавались как выразители интересов реально существующих общин, каждая из которых имела собственную историю, собственные экономические, политические, социальные и культурные интересы; во-вторых, сделки «наверху» сводились, по существу, к защите интересов верхних и средних слоев мусульман (резервирование мест на госслужбе, в представительных органах и т. д.). Вопрос о защите прав мусульманских крестьян и рабочих никогда не ставился [Чандра Б., 1979, с. 254, 257].

Главной причиной подобной политики верхушечных сделок и недолговечности соглашений было то обстоятельство, что национально-освободительное движение в Индии по составу не только руководства, но и основной массы участников было движением верхних и средних слоев индийского общества, т. е. буржуазным. В целях политической мобилизации масс оно использовало популистские лозунги, элементы социальной утопии (гандийский социализм), но в то же время сознательно стремилось не допустить превращения антиколониального движения в движение революционное, потенциально опасное для сил, возглавлявших освободительную борьбу.

После первой мировой войны антиимпериалистическое движение приобрело в ряде районов Индии массовый характер и помимо воли руководителей Конгресса стало перерастать в классовую борьбу (крестьянские выступления в Соединенных провинциях). Участие в освободительном движении крестьянских масс способствовало распространению среди них антиимпериалистических лозунгов индийского национализма, осознанию принадлежности к «индийской нации». В то же время скоротечное расширение социальной базы освободительного движения, несмотря на временные верхушечные соглашения, неизбежно вело к поляризации социально-политических сил. Теряя контроль над движением (кровавые столкновения в Бомбее, Мадрасе, инцидент в Чаури Чаура, где толпа сожгла заживо 22 полицейских), руководство Конгресса по настоянию Ганди в феврале 1922 г. прекратило кампанию гражданского неповиновения. «Лидеры националистического движения, включая богатых землевладельцев и промышленников, опасались подлинного народного движения, которое могло превратиться в наступление против всех форм собственности, привилегий и власти, как индийских, так и британских. В 20-е годы индийские капиталисты переводили все больше и больше средств в казну Конгресса: у них были и чисто патриотические мотивы, но едва ли можно упрекать индийских миллионеров за их стремление приблизить тот день, когда их собственное национальное правительство приведет индийские тарифы в соответствие с их инте-

ресами», — пишет американский исследователь [Уоллбэнк, 1965, с. 159].

Социально-классовая ограниченность буржуазных течений индийского национализма неизбежно подрывала и без того шаткую основу общиндийской солидарности (национализма) и содействовала возобновлению общинно-религиозных антагонизмов, зачастую совпадавших с социально-экономическими противоречиями². В накаленной атмосфере объектом гнева взбудораженных масс становились лавочники, ростовщики, крупные землевладельцы, а это нередко были индусы в мусульманском окружении. Вслед за спорадическими общинно-религиозными столкновениями в разных уголках Индии на Малабарском побережье вспыхнуло восстание мусульман мопла в 1922 г. Восставшие временно захватили власть в округе и провозгласили исламское государство, перебив при этом сотни индусов, в основном лавочников и ростовщиков, и выдвинув перед ними альтернативу: принятие ислама или смерть [Чаудхари, 1973, т. 2, с. 393]. Восстание мопла положило конец сотрудничеству Конгресса и Мусульманской лиги и вызвало новую волну индусского и мусульманского коммунализма.

В период 1922—1925 гг. произошли общинно-религиозные столкновения в Амритсаре, Кохате, Панипате, Джабалпуре, Гонде, Агре, Нагпуре, Лакхнау, Калькутте и в ряде других городов. В этой обстановке активизируют свою деятельность индусские коммуналисты. В 1923 г. была создана воинствующая организация Хинду махасабха (ХМС). На конференции ХМС, проходившей под председательством видного деятеля Конгресса Ладжпата Рая в Калькутте в апреле 1925 г., была одобрена программа «самообороны» индусов и возвращения в индуизм индийцев, обращенных в ислам [Гуха А. Ч., 1982, с. 51]. В движение шуддхи («очищения») активно включились многочисленные отделения Арья самадж. Мусульмане, в свою очередь, начали движение за обращение в ислам (*танзим*), поддержанное сессией Халифатской конференции в июне 1926 г., а через несколько месяцев мусульманским фанатиком был убит свами Шраддхананда — известный конгрессист, руководивший движением шуддхи. За четыре года (1923—1926) в результате общинно-религиозных столкновений погибло около 500 человек.

Попытка преодолеть фактический раскол освободительного движения была предпринята в 1928 г. на всепартийной конференции, созванной по инициативе Конгресса с целью выработки проекта конституции Индии. Острые разногласия между пред-

² Например, в Пенджабе в 30-е годы задолженность мусульман ростовщикам (в основном из касты банья) составляла, по некоторым оценкам, 15 млрд. рупий, а выплата процента достигала 250 млн. рупий в год при общих доходах около 500 млн. рупий. В Лахоре, где мусульмане составляли половину населения города, индусам и сикхам принадлежало 85% недвижимого имущества [Чаудхари, 1973, т. 2, с. 401, 408]. Сходное положение было в Бенгалии, Синде и других районах.

ставителями Мусульманской лиги и Хинду махасабха на этой, а также последовавшей в мае новой всепартийной конференции не позволили выработать общий подход. Тем не менее был создан всепартийный комитет под председательством Мотилала Неру по подготовке проекта конституции.

Подготовленный комитетом документ (доклад Неру) предусматривал достижение статуса доминиона и федеративное государственное устройство. Авторы проекта высказались против курниальной системы выборов, ограничившись рекомендацией резервировать определенное число мест в центральной легислатуре и законодательных органах тех провинций, в которых мусульмане составляли меньшинство.

Отход Конгресса от принципов, сформулированных в пакте 1916 г., и лозунга полной независимости вызвал негодование мусульманских лидеров. Во время обсуждения доклада Неру (декабрь 1928 г.) М. А. Джинна и его сторонники предложили ряд поправок, но все они были отвергнуты большинством голосов, и мусульмане покинули конференцию.

Непосредственным следствием проекта М. Неру было обострение коммунализма. Беспрецедентная по своей представительности конференция мусульманских организаций, созванная в конце декабря 1928 г. в Дели, сформулировала политические требования, которые с небольшими изменениями стали платформой Мусульманской лиги: предоставление провинциям полной автономии при любом варианте федеративного устройства, отдельные избирательные курии, пропорциональное представительство в центральном и провинциальных правительствах и на государственной службе, выделение части общественных фондов на цели развития мусульманской культуры и др. [Гуха А. Ч., 1982, с. 130—131; Уоллбэнк, 1965, с. 185]. Вслед за конференцией 29 известных мусульманских лидеров опубликовали совместное заявление, отвергавшее проект Мотилала Неру; в Конгрессе, за исключением А. К. Азада и М. А. Ансари, не осталось известных мусульманских деятелей.

Мусульманские организации не участвовали в массовом движении гражданского неповиновения в 1930—1934 гг., хотя Конгресс на лахорской сессии в декабре 1929 г. выступил с требованием предоставления полной независимости. 26 января 1930 г. было объявлено Днем независимости, и сотни тысяч людей во всей Индии в тот день приняли клятву бороться за разрыв связей с Великобританией и достижение *пурна сварадж*, или полной независимости. На конференциях круглого стола в Лондоне (1930—1931) и на переговорах в Аллахабаде (ноябрь 1932 г.) представители мусульманских организаций продолжали отстаивать принцип отдельных избирательных курий для мусульман и в этом находили полную поддержку со стороны британских властей (заявление премьер-министра Р. Макдональда 16 августа 1932 г.). Достижению соглашения между Мусульманской лигой и Конгрессом в немалой степени препят-

ствовали и субъективные факторы: превращение ИНК в массовую организацию и размах освободительного движения отодвигали в глазах лидеров Конгресса Мусульманскую лигу на периферию политической борьбы, и это, в свою очередь, обусловило ее переход на экстремистскую платформу. На аллахабадской сессии Лиги в декабре 1930 г. Икбал впервые выдвинул идею объединения провинций с мусульманским большинством в обособленное государственное объединение, а через несколько лет — в 1933 г. — появилось название Пакистан, составленное Рахматом Али.

История возникновения Пакистана подробно освещена во многих специальных исследованиях зарубежных и советских авторов, в первую очередь в фундаментальных работах Ю. В. Ганковского и Л. Р. Полонской. Поэтому в рамках нашей темы достаточно отметить важнейшие последовавшие политические события, которые привели к разделу субконтинента и наложили неизгладимый отпечаток на процессы этнонационального развития.

До конца 30-х годов Мусульманская лига не стала массовой партией. На выборах в Центральное законодательное собрание, проведенных в 1935 г., ее кандидаты, выступавшие в качестве независимых, получили 19 мандатов, ИНК — 44, отколовшаяся от него Националистическая партия — фактически Хинду махасабха — 11 [Куплэнд, 1943, с. 9], однако и это достижение Лиги было обусловлено тем, что выборы проводились в соответствии с законом 1919 г. и в них участвовала лишь верхушка индийского общества.

Последовавшие в начале 1937 г. выборы в законодательные собрания провинций, к которым было допущено уже 34 млн. избирателей, показали, что Конгресс, имевший в своих рядах около 3 млн. членов, является доминирующей партией: конгрессисты получили 711 из общего числа 1585 мест, в пяти провинциях (Мадрасе, СП, ЦП, Бихаре и Ориссе) собрали от 56 до 75% голосов и получили абсолютное большинство мест, в Бомбейской провинции — 86 мест из 175, в Бенгалии, Ассаме и СЗПП — от 24 до 38% мест; лишь в Пенджабе и Синде за его кандидатов было подано 12—13% голосов и соответственно им досталось только 18 из 175 и 8 из 60 мест [Гуха А. Ч., 1982, с. 363]. За кандидатов Мусульманской лиги проголосовало лишь 321,7 тыс. из 7,3 млн. избирателей-мусульман, и они победили только в 123 из 482 мусульманских округов. Успех Конгресса был внушительным в абсолютных масштабах, и в особенности по сравнению с неудачами Лиги. Однако результаты выборов достаточно отчетливо показали тенденцию общинно-религиозного размежевания: в Пенджабе и Синде ИНК явно не имел массовой базы, а в Бенгалии его победа была весьма относительной (ИНК — 60 мест, Лига — 40). Главное, в мусульманских округах успешно выступило лишь 26 из 58 конгрессистов-мусульман, а 424 «мусульманских» места досталось кандидатам

от различных мусульманских партий, включая Лигу, и независимым [Куплэнд, 1943, с. 16].

Выборы показали, таким образом, не только слабость Мусульманской лиги, но и тот факт, что мусульмане явно не шли за Конгрессом. Однако это обстоятельство на фоне общего успеха осталось незамеченным и не вызвало настороженности у руководителей ИНК, расценивших исход выборов как полную поддержку Конгресса населением всей Британской Индии и продолжавших настаивать на том, что только он олицетворяет освободительное движение. Именно тогда Неру заявил, что на политической арене Индии действуют лишь две важные политические силы — англичане и Конгресс, на что Джинна ответил, что есть и третья сила — мусульмане [Маджумдар С. К., 1966, с. 163]. Следуя этой логике, центральное руководство Конгресса решительно отвергло предложение М. А. Джинны о сотрудничестве и создании коалиционных правительств с участием Лиги и настаивало на том, что мусульмане могут быть включены в состав правительств, лишь став членами Конгресса.

Позже Дж. Неру писал, что отказ образовать коалиционные правительства был «естественным и логичным решением», так как повышал дееспособность правительств в проведении политики Конгресса [Неру, 1955б, с. 397—399, 404]. Однако, по признанию многих индийских исследователей, это было серьезной ошибкой. «Отказ Конгресса создать коалиционные правительства с участием Мусульманской лиги имел очень печальные последствия. М. А. Джинна заявлял: „При первом подступе к ограниченной власти и ответственности преобладающая община ясно продемонстрировала свою установку: Хиндустан для индусов“» [Махаджан, 1979, с. 429—430]. Это признал и видный лидер Конгресса А. К. Азад, который писал в своих мемуарах, что это решение «имело самые печальные последствия»: М. А. Джинна «воспользовался положением и начал наступление, которое в конце концов привело к образованию Пакистана» [Азад, 1961, с. 235]. На неверную оценку ситуации руководством Конгресса обратили внимание многие исследователи, квалифицировав позицию ИНК как «серьезную тактическую ошибку» [Гриффитс, 1952, с. 340], которая в конечном счете привела к разделу [Мораес, 1956, с. 268; Мун, 1962, с. 15]. Известную долю истины содержит и вывод западногерманского исследователя Лёйе о том, что решение сформировать правительства и их деятельность в последовавший период означало, в сущности, что Конгресс вместо тактики внепарламентской борьбы за независимость сосредоточил свои усилия на том, чтобы вытеснить оппозиционные партии из провинциальных легислатур и правительств [Лёйе, 1981, с. 187]. Сходное мнение высказал Б. Чандра, который расценивает решение ИНК как отказ Конгресса от массовой антиимпериалистической борьбы и превращение его в парламентскую партию [Чандра Б., 1979, с. 262].

В период после 1937 г. резко усиливаются настроения в пользу создания независимого мусульманского государства. Мухаммед Икбал считал, что это — единственный путь, чтобы не допустить превращения мусульман в эксплуатируемое меньшинство. 28 марта 1937 г. он писал М. А. Джинне: «После подробительного и тщательного изучения исламского закона я пришел к выводу, что при правильном понимании и применении этой системы права по крайней мере будет обеспечено выживание для каждого. Но введение в закон исламского шариата невозможно в этой стране без создания свободного мусульманского государства или государств. В этом мое честное убеждение в течение многих лет, и я по-прежнему верю, что это — единственный путь, чтобы решить проблему хлеба для мусульман, а также обеспечить мирную Индию. Если же такая вещь невозможна в Индии, единственной альтернативой остается гражданская война, которая, в сущности, уже идет некоторое время в форме индуско-мусульманских столкновений. Я опасаюсь, что в некоторых частях страны, например в Северо-Западной Индии, может повториться Палестина...» [Пандей, 1979, с. 149]. В другом письме Джинне Икбал назвал «новую конституцию» (т. е. Закон об управлении Индией 1935 г.) с ее идеей единой индийской федерации «совершенно безнадежной» и высказался за «отдельную федерацию мусульманских провинций» на основе принципа самоопределения мусульман Северо-Западной Индии и Бенгалии [Аллана, 1967, с. 133]. Наряду с правом самоопределения в качестве аргумента в пользу создания отдельного мусульманского государства или государств Икбал ссыался на то обстоятельство, что «атеистический социализм» Неру несовместим с «изначальной чистой ислама» [Аллана, 1967, с. 131]. Позже Джинна признавал, что Икбал сыграл решающую роль, убедив его в необходимости раздела Индии [Мерриам, 1980, с. 57].

«Таким образом, — пишет американский исследователь А. Х. Мерриам, — в 1937 г. прежняя преданность Джинны делу общинного единства сошла на нет. Постоянные отпоры со стороны Конгресса, влияние Икбала, личные столкновения с Неру, Ганди и другими индускими лидерами и его собственные амбиции достижения власти содействовали перемене Джинны» [Мерриам, 1967, с. 58]. К концу 1937 г. он начал систематическое наступление против руководителей Конгресса, обвиняя их в проведении проиндуской, антимусульманской политики, особенно в провинциях, где были сформированы конгрессистские правительства, призывал мусульман к достижению солидарности и полного единства, чтобы в качестве «обученных и дисциплинированных солдат» силой отстаивать свои интересы [Аллана, 1967, с. 150—151]. Не присоединяясь публично к лозунгу создания Пакистана, Джинна в последовавшие три года стремился мобилизовать мусульман на основе декларируемой общности их интересов и, следуя примеру Ганди, превра-

тить свою партию в массовую организацию. Попытки Ганди добиться соглашения с Джинной окончились безрезультатно: Джинна упорно стоял на том, что Мусульманская лига — это единственный представитель интересов мусульман.

Аргументация Джинны в пользу существования «двух наций» — индусской и мусульманской — сводилась к тому, что ислам и индуизм — это не просто две религии, а различные социальные системы с особой философией, историей, литературой, обычаями, и подкреплялась ссылкой на политическую реальность — неизбежность господства индусского большинства над мусульманским меньшинством в будущей независимой Индии. В условиях, когда средние слои, а отчасти и массы населения пробуждались к политической жизни, это были доходчивые и понятные аргументы. В основу плана создания самостоятельного мусульманского государства была положена теория «двух наций» — индусской и мусульманской. М. А. Джинна говорил в марте 1940 г.: «... история последних двенадцати столетий не достигла единства (индусов и мусульман. — А. П.) и была в течение этих веков свидетельницей Индии, разделенной на индусскую Индию и мусульманскую Индию. Нынешнее искусственное единство Индии восходит лишь к британскому завоеванию и поддерживается британскими штыками...» [Пандей, 1979, с. 155].

Как обычно в подобных ситуациях, реальные исторические факты и длительная история мирного сосуществования двух общин в политической риторике полностью игнорировались, так как отношения между руководством МЛ и ИНК к этому времени действительно стали напряженными. На сессии Мусульманской лиги в Лахоре 24 марта 1940 г. была одобрена резолюция, призывавшая к образованию «независимых государств» мусульман Индии, а Рабочему комитету было поручено разработать проект конституции, предусматривавшей, что отдельные регионы с мусульманским населением будут наделены всеми правами, включая вопросы обороны, внешних сношений, коммуникаций и др. [Пандей, 1979, с. 154—155].

Из лидеров Конгресса только М. К. Ганди пытался опровергнуть призывы Джинны и Лахорской резолюции. Однако его аргументация (в газете «Хариджан», которую мусульмане не читали), за исключением вопроса относительно того, насколько 50 тыс. участников митинга в Лахоре выражают мнение 80 млн. мусульман, была скорее индусско-теологической: Ганди еще раз заявил, что индусы, мусульмане, парсы и христиане почитают одного бога, что Коран якобы не делает различия между мусульманами и индусами и что раздел означал бы «неистину», т. е. нечто, противоположное богу [Мерриам, 1980, с. 69—70]. Попытка Т. Б. Сапру в начале 1941 г. организовать встречу Джинны и Ганди для прямых переговоров была безуспешной, так как ни один из них не был готов сделать первый шаг. В ответ на последовавшие возражения Ганди про-

тив «вивисекции Индии» Джинна заявлял, что Индия всегда была разделенной. «Я хочу только часть, а господин Ганди хочет всю» [Мерриам, 1980, с. 75].

Важные сдвиги в расстановке политических сил в Индии произошли за годы второй мировой войны. В руководстве Конгресса решающим становился голос Неру, сформулировавшего отношение к войне с позиций секуляристского национализма и интернационализма [Патиль, 1984, с. 2]. Лидеры ИНК рассматривали войну как империалистическую и были против участия в ней индийцев, если в Индии не будет создано представительное, ответственное перед народом правительство (резолуция Рабочего комитета ИНК от 15 сентября 1939 г.). Вслед за этим, 22 октября 1939 г., заявив, что поддержка Великобритании «была бы равнозначной одобрению империалистической политики, с которой Конгресс всегда стремился покончить» [Куплэнд, 1943, с. 217—218], ИНК принял решение об отставке конгрессистских правительств в восьми провинциях — шаг, который был расценен некоторыми авторами как «донкихотский жест протеста» [Джоунс Дж., 1948, с. 63]. Мусульманская лига отметила «день спасения» от правления Конгресса и согласилась сохранять лояльность Великобритании при условии, что мусульмане сами, т. е. Лига, будут определять свое место в будущей политической системе Индии. В сущности, это означало отход Лиги от освободительного движения и возврат на ту платформу, которую она занимала в начале века: лояльность колониальному режиму и борьба против «индусского» Конгресса.

Поражение английских войск под Дюнкерком, падение Сингапура (февраль 1942 г.), оккупация японцами Бирмы (март 1942 г.) и приближение японских войск к границам Индии были восприняты многими лидерами (включая Ганди) и рядовыми индийцами как начало падения Великобритании. Отказ английского правительства пойти на уступки освободительному движению (миссия Криппса, ряд официальных заявлений) побудил Конгресс под нажимом Ганди начать в августе 1942 г. массовое движение под лозунгом «Уйдите из Индии», рассчитывая, что оно перерастет в общендийское восстание [Патиль, 1984, с. 57—58]. Ответом властей был запрет деятельности Конгресса и арест всех его лидеров, включая Ганди, и их тюремное заключение до 1944 г.

«В течение почти трех лет Конгресс был вне закона, его лидеры в тюрьме, фонды реквизированы, а организация практически разрушена. В возникшем таким образом политическом вакууме Мусульманская лига смогла создать массовую партию, успешно апеллируя к религиозным чувствам и подлинным опасениям мусульман», — резюмировал последствия этой тактики М. Бречер [Бречер, 1969, с. 143].

Руководство Мусульманской лиги отказалось поддержать решение ИНК, принятое 8 августа 1942 г., о предоставлении Ин-

дии независимости и кампании «Уйдите из Индии». Арест лидеров Конгресса предоставил Джинне и другим руководителям Мусульманской лиги удобную возможность для активной кампании по пропаганде плана независимого Пакистана и дискредитации Ганди как индусского коммуналиста. Эта пропаганда находила отклик среди значительной части мусульман и способствовала численному росту Лиги: согласно данным руководства, в 1943 г. в ней числилось 2 млн. членов [Сайид, 1968, с. 178]. Неконгрессиистские правительства Бенгалии, Синда, Ассамы, СЗПП и Пенджаба оказались под ее прямым или косвенным контролем. О росте популярности Лиги свидетельствовали ее победы на дополнительных выборах: в период 1937—1943 гг. в 47 из 61 мусульманского избирательного округа победили кандидаты Лиги и лишь в четырех — представители ИНК, баллотировавшиеся до запрета партии.

Главное, лозунг Пакистана приобрел большую популярность среди мусульман. «Пакистан стал магическим словом. Он возбуждал воображение миллионов мусульман во всей стране. Пакистан родился только тогда, когда появилось это слово. Раньше он был лишь философской идеей, теперь же стал живым голосом миллионов», — писал пакистанский историк Сайид Латиф (цит. по [Мерриам, 1980, с. 91]). Как справедливо отмечает А. Х. Мерриам, Джинна сознательно не ставил вопроса о границах будущего Пакистана, не вникал в политические, экономические и социальные импликации раздела, тем самым оставляя возможность для каждой социальной группы рассчитывать на достижение своих собственных целей: «Так, мусульманские предприниматели рассчитывали на новые рынки, где не будет соперничества со стороны индусов. Землевладельцы надеялись на сохранение системы заминдари. Интеллектуалы ожидали культурного возрождения, свободного от англичан и индусов. Для ортодоксов Пакистан обещал религиозное государство, преданное чистоте ислама. Чиновникам и бюрократам создание нового государства предлагало быстрое повышение по службе» [Мерриам, 1980, с. 91—92].

После освобождения из тюремного заключения Ганди 9—27 сентября 1944 г. провел с Джинной четырнадцать раундов переговоров, происходивших в резиденции руководителя Лиги в Бомбее. В ходе этих длительных переговоров дискуссия шла в основном вокруг одного вопроса: являются ли индийцы одной нацией или же делятся на две — индусскую и мусульманскую. И Ганди и Джинна полностью игнорировали полиэтничный, поликонфессиональный характер индийского общества — его главную отличительную черту, что неизбежно делало их аргументацию произвольной, взаимно уязвимой и исключало возможность объективной оценки ситуации и достижение компромиссного политического решения. Так, признание многонационального состава Индии и необходимости федеративного устройства как единственного решения этнополитических проблем Индии

и сохранения единства страны могло придать дискуссии более деловой характер и опровергнуть теорию «двух наций» в большей степени, чем набор весьма слабых доказательств единства индийцев, который выдвигал Ганди. Для Джинны немаловажным был также тот факт, что Ганди не занимал никакого официального поста в Конгрессе: на заключительной стадии переговоров мусульманский лидер отметил, что в случае достижения соглашения Ганди может лишь рекомендовать Конгрессу одобрить его, в то время как для Джинны — председателя Лиги — оно было бы обязательным для выполнения [Мерриам, 1980, с. 105].

Итоги переговоров были ущербными для дела единства Индии: для колониальных властей они еще раз продемонстрировали невозможность соглашения между Конгрессом и Лигой, а в глазах мусульман — способствовали росту авторитета Джинны. «Я считаю, что попытка Ганди вступить в переговоры с Джинной была серьезной политической ошибкой. Она придала новый вес Джинне, что тот позднее использовал сполна... Когда индийские мусульмане увидели, что даже Ганди величает Джинну „каид-и-азам“, они решили, что, должно быть, Джинна действительно является великим вождем», — писал в своих мемуарах А. К. Азад [Азад, 1961, с. 149—150].

Росту авторитета и влияния Мусульманской лиги среди мусульман в большой степени способствовала колониальная администрация. Начиная с конференций круглого стола в Лондоне (1930—1931) и на всех последовавших переговорах с лидерами освободительного движения в 1942, 1945—1947 гг. руководителям Лиги предоставлялась возможность выступать от имени индийских мусульман и отстаивать свои сепаратистские планы.

Выборы в Учредительное собрание, состоявшиеся зимой 1945/46 г., расценивались Джинной как референдум по вопросу о Пакистане. В ходе предвыборной кампании руководители и активисты партии в значительной степени преуспели, внушая мусульманам, что в случае установления «индусского правления» им уготовлено «порабощение» и «участь, подобная судьбе евреев в Германии» [Джинна, 1964, с. 214]. Результаты выборов показали полную поляризацию политических сил на религиозно-общинной основе: МЛ получила в законодательных собраниях провинций 427 мест, не добившись победы лишь в 14 мусульманских округах, Конгресс — 930. В итоге ИНК образовал правительства в восьми провинциях, Мусульманская лига — в двух (Синде и Бенгалии), а в Пенджабе, где Лига обладала относительным большинством, при поддержке Конгресса правительство было сформировано Юнионистской партией.

На первом заседании законодательной Ассамблеи М. А. Джинна заявил, что Индия стоит перед альтернативой: либо создание Пакистана в результате раздела, либо гражданская война [Смит, 1947, с. 169]. Руководство ИНК со своей стороны продолжало настаивать на скорейшем предоставлении

независимости, хотя этот вопрос фактически уже был решен после заявления премьер-министра Великобритании Эттли 15 марта 1946 г. Американский исследователь Т. В. Уоллбэнк в этой связи писал: «Конгресс и его лидеры с трудом осознавали, что победа над Британией уже одержана... Вместо того чтобы уделить все внимание проблеме Пакистана, Национальный конгресс продолжал тратить энергию на уже выигранное сражение и продолжал игнорировать или, по крайней мере, недооценивать острые противоречия среди индийского народа, угрожавшие миру и единству их родной страны» [Уоллбэнк, 1965, с. 216].

В сущности, после окончания второй мировой войны в условиях массовых антимпериалистических выступлений, охвативших также часть вооруженных сил, резкого сокращения английских инвестиций в экономику Индии (уже в 1943 г. они были примерно равны английским капиталовложениям в железные дороги Аргентины [Уоллбэнк, 1965, с. 219]) вопрос о независимости Индии был предрешен, и главной политической проблемой стал вопрос о единстве или разделе Индии. Решение проблемы Пакистана было возможно либо путем раздела, либо созданием такого федеративного государства, составные части которого обладали бы максимально широкой автономией. Дополнительным веским аргументом в пользу федерального решения была проблема княжеств, сохранение которых в качестве самостоятельных государств исключалось по экономическим, географическим и политическим причинам.

Миссия британского кабинета (март—июнь 1946 г.) после длительных переговоров с индийскими руководителями предложила компромиссный план, по которому Индия фактически стала бы конфедерацией, состоящей из трех групп региональных объединений, каждое из которых имело бы собственную конституцию и правительство. В период передачи власти намечалось создать временное правительство, возглавляемое вице-королем Индии, и избрать Учредительное собрание. Несмотря на колебания и оговорки, эти предложения в конце концов были приняты руководством Конгресса и Лиги. В Учредительное собрание, члены которого избирались законодательными собраниями провинций, из 292 мест, выделенных для Британской Индии, ИНК получил 203 места, Мусульманская лига — 73.

«Принятие плана миссии английского кабинета одновременно и Конгрессом и Мусульманской лигой явилось триумфальным событием в истории освободительного движения в Индии» — так оценивал это событие один из лидеров ИНК — Абул Калам Азад [Азад, 1961, с. 223]. Однако 27 июля Совет Мусульманской лиги круто изменил свою позицию и, полностью отвергнув план миссии кабинета, объявил о начале прямых действий за создание Пакистана 16 августа 1946 г. В последовавших общинно-религиозных столкновениях только в Калькутте погибло около 4700 человек, 15 тыс. было ранено и более

150 тыс. покинуло город. Волна коммунизма охватила также восточные округа Бенгалии, Бихар, а позже и Пенджаб. Ситуация в стране напоминала гражданскую войну.

Очевидно, главной причиной этих событий было стремление руководителей Мусульманской лиги любой ценой добиться создания независимого Пакистана, для чего они умело использовали для запугивания мусульман перспективу «господства индусов». Формальным поводом для отказа принять план конфедерации послужили заявления, сделанные председателем ИНК Дж. Неру 7 и 10 июля относительно того, что Конгресс согласился лишь участвовать в Учредительном собрании, а не принять план миссии и принцип региональной группировки провинций по конфессиональному признаку. Неру подчеркнул, что Конгресс считает себя вольным по своему усмотрению вносить в план миссии любые изменения [Банерджи, Бос, 1946, с. 312—315; Мозли, 1971, с. 21]. В накаленной атмосфере того периода мусульманские лидеры вполне могли истолковать это заявление как отказ будущей правящей партии (поскольку ИНК уже обладал абсолютным большинством в Учредительном собрании) предоставить любую форму самоуправления провинциям, не говоря уже о той обширной автономии, на которой настаивала Мусульманская лига. По словам А. К. Азада, выступление Неру подействовало на Джинну как взрыв бомбы и побудило руководство Мусульманской лиги принять решение о начале прямой борьбы за Пакистан [Азад, 1961, с. 228—229].

На фоне этих драматических событий 24 августа Дж. Неру по предложению вице-короля сформировал временное правительство. Мусульманская лига отказалась войти в его состав, а Джинна заклеил «фашистский Конгресс кастовых индусов и нескольких индивидуальных палачей из других общин», стремящихся к власти, «чтобы править над мусульманами при помощи британских штыков» (цит. по [Стефенс, 1964, с. 126]). Позже, в октябре, Лига согласилась участвовать в правительстве, однако это лишь обострило отношения между двумя партиями, так как руководство Лиги рассматривало правительство как «еще один фронт борьбы за Пакистан», а непримиримые разногласия между министром внутренних дел В. Пателем (ИНК) и министром финансов Лиакатом Али-ханом чрезвычайно осложняли деятельность правительства (подробнее см. [Азад, 1961, с. 243—244, 254, 263—264]). Работу Учредительного собрания, созванного в декабре 1946 г., Мусульманская лига бойкотировала. Эти обстоятельства наряду с новыми волнами индуско-мусульманских столкновений побудили руководство ИНК изменить свое отношение к разделу. В июне 1947 г. Всеиндийский комитет Конгресса большинством голосов (157 из 218) и Совет Мусульманской лиги почти единогласно высказались за раздел. В полночь с 14 на 15 августа 1947 г. закончилось правление Великобритании в Южной Азии и возникли два независимых государства — Индия и Пакистан.

Отсутствие у Индийского национального конгресса как основной силы, возглавлявшей освободительное движение, четкой программы решения общинно-религиозных и этнонациональных проблем определило непоследовательность политики Конгресса и привело к серьезным политическим просчетам. Впоследствии Дж. Неру признавал: «Нам не удалось найти решение религиозно-общинной проблемы, приемлемое для всех заинтересованных групп. На нас ложится, конечно, вина за это, и нам приходится мириться с последствиями нашей несостоятельности» [Неру, 1955б, с. 417]. Выступая против введения отдельных избирательных курий для мусульман, в 1916 г. ИНК заключил соглашение с Лигой и тем самым признал принцип общинно-религиозного представительства. Однако через несколько лет ИНК вновь отверг его. Формально выступая за секуляризм, руководство партии ради тактического успеха поддержало панисламистское халифатское движение. Конгресс не вел систематической борьбы против коммунизма и некоторые видные его лидеры, включая М. Малавию и Л. Л. Рая, активно участвовали в деятельности ХМС. В то же время в период с 30-х годов до 1946 г. ИНК не признавал Мусульманскую лигу как реальную политическую силу. Приняв план миссии британского кабинета, руководство ИНК тут же фактически отказалось от положенных в его основу принципов федерализма. Раздел Индии в конечном счете был обусловлен как внутренней слабостью и неоднородностью освободительного движения, так и рядом решений руководства ИНК, которые оказались ошибочными.

В условиях поляризации социально-политических сил эти просчеты и ошибки Конгресса способствовали росту влияния Мусульманской лиги. «Другим преимуществом Джинны было присутствие англичан. Колониальная политика раздельных электоратов, начатая реформами Морли — Минто в 1909 г., содействовала усилению коммунизма в политической жизни Индии, а отказ англичан уйти из Индии в начале 40-х годов предоставил Джинне время для консолидации своего влияния. Тем самым англичане, официально выступая против раздела, своим присутствием в конечном счете содействовали разделу», — пишет А. Х. Мерриам [Мерриам, 1980, с. 159].

Раздел Индии на основе конфессиональных различий и образование Пакистана — уникальный случай возникновения государства в новейшее время. При всех различиях между индусами и мусульманами противоречия между двумя конфессиональными макрогруппами, каждая из которых была к тому же полиэтничной, вплоть до конца 30-х годов не были столь острыми и непримиримыми, чтобы их разрешение было бы невозможным в рамках единого государства. Особенно это относится к массам индусов и мусульман, у которых чувство солидарности на основе общности религии и соответственно общинно-религиозная враждебность были выражены весьма слабо либо вообще отсутствовали. Основными силами, заинтересованными в разжи-

гании общинно-религиозной розни, были отдельные сегменты индусской и мусульманской буржуазии, ортодоксальные мусульманские круги и британский колониализм, достаточно последовательно проводившие политику, направленную на обособление мусульманской общины и внедрение в массовое сознание чувства религиозной солидарности мусульман.

Росту мусульманской солидарности и восприятию сепаратистских лозунгов в большой степени содействовали такие обстоятельства, как упрочение положения индусской буржуазии и усиление ее влияния на освободительную борьбу, деятельность индусских религиозных движений, организаций и партий (движение шуддхи, Арья самадж, Хинду махасабха, Раштрия сваям-севак сангх — РСС), соединение религии и политики в процессе разрывания антиколониального движения и политической мобилизации масс. Идеологи освободительного движения, представлявшие различные социальные силы, не смогли разработать общеприемлемой концепции политической системы независимой Индии, и в различных интерпретациях сварадж ассоциировался с господством индусов либо с «атеистическим социализмом» Неру, одинаково неприемлемыми для мусульманской элиты и средних слоев. В конечном счете раздел был неизбежным следствием противоречий между различными группами имущих классов, возглавлявших освободительное движение, и политики английских колонизаторов, нацеленной на то, чтобы предотвратить формирование единого антиколониального фронта.

Политическая борьба в Индии, основными участниками которой были английский колониализм и освободительное движение, включавшее широкий спектр разнообразных, в том числе соперничавших и враждовавших между собой, социально-политических сил, во многом предопределяла этнополитическую ситуацию в стране и так или иначе оказывала существенное воздействие на формирование структуры самоидентификации всех вовлеченных в политический процесс социальных, в том числе этнических, групп. Борьба против колонизаторов сплачивала (преимущественно в рядах ИНК) политическое лидерство отдельных этносов и усиливала тенденцию общендийской интеграции, осознание принадлежности к индийской «нации» значительной части населения. Эта тенденция в известной степени сочеталась с процессом консолидации и формирования этнического самосознания отдельных народов, так как общая борьба против колонизаторов, антиколониальная направленность локального и общендийского секуляристского национализма, провозглашение принципов равноправия всех народов в будущей независимой Индии исключали почву для возникновения противоречий между процессами этнической консолидации и общендийской интеграции.

Следует, однако, отметить, что изменения в структуре самоидентификации, связанные с осознанием как индийской, так и

этнической идентичности, были характерны прежде всего для городского населения, образованных слоев, а в массах сельского населения, как правило, были выражены весьма слабо. Джавахарлал Неру, исколесивший в ходе предвыборной кампании 1936 г. всю Индию, писал, что во многих деревнях его встречали кличем «Бхарат Мата ки джай» («Да здравствует Мать-Индия»), но в последовавших беседах жители затруднялись ответить на вопрос, что такое Индия: их участок земли, все участки в округе, в провинции или по всей Индии. «Так продолжался этот обмен вопросами и ответами, пока наконец они не начинали нетерпеливо требовать, чтобы я рассказал им обо всем этом подробно... Я пытался заставить их думать об Индии как о едином целом и хотя бы в какой-то степени думать также и о необозримом мире, частью которого мы являемся» [Неру, 1955б, с. 58—59].

В отличие от секуляристского национализма соединение религии и политики подрывало саму основу общеиндийского единства и, как правило, оказывало сдерживающее воздействие на процессы этнической консолидации, а в отдельных случаях (Пенджаб, Бенгалия) привело к этнической дезинтеграции. Как справедливо отмечает Б. С. Ерасов, по мере роста национальных движений «со всей очевидностью усиливается и противоречие между принципами религиозной и национальной интеграции» [Ерасов, 1982, с. 144]. В условиях поликонфессиональной страны это неизбежно означает, что конфессиональная принадлежность — как один из главных традиционных компонентов структуры идентичности — обладает в процессе политической мобилизации большим преимуществом перед новыми формами групповой солидарности и относительно легко отодвигает их на второй план. Это обстоятельство и благоприятная политическая конъюнктура были главными причинами, обусловившими быстрый взлет и электоральные победы Мусульманской лиги и достижение ее руководством главной цели — создания отдельного мусульманского государства. Противоборство между Лигой и Конгрессом, отражавшее поляризацию социально-политических сил по признаку конфессиональной принадлежности, в заключительное десятилетие колониального периода, когда политическое пробуждение масс достигло высшей точки, препятствовало формированию локального национализма в большинстве этноареалов и его превращению в заметную политическую силу.

Основные направления этнонационального развития: региональные особенности

Социально-политическая интеграция и противоположная ей поляризация на конфессиональной основе — это две основные тенденции, во многом определявшие этнополитическую ситуа-

цию в масштабах субконтинента. Они в большей или меньшей степени оказывали воздействие на ход этнических процессов в различных районах Индии на заключительных этапах освободительного движения, т. е. в период с начала XX в., когда началось политическое пробуждение более широких слоев населения и постепенно происходили сдвиги в массовом сознании, складывались новые формы групповой солидарности и традиционная структура самоидентификации отдельных групп населения претерпевала существенные изменения.

Однако в целом этнические процессы не исчерпывались указанными тенденциями. Развитие коммуникаций, сдвиги в социальной структуре, некоторое распространение образования и политическая борьба создавали объективные и субъективные предпосылки для пробуждения и развития этнического самосознания. На ряде языков сформировались собственная пресса, публицистическая и художественная литература, которая наряду с тенденцией к общеиндийской интеграции способствовала распространению представлений о единстве этноса, о его месте в колониальной борьбе, создавала историко-героическую символику и способствовала формированию основополагающих идей локального национализма отдельных народов. Эти процессы, отражавшие начальную стадию консолидации крупных народов в нации, отличались большим разнообразием и спецификой в каждом отдельном случае. Уровень социально-экономического развития, конфессиональный, кастовый, этнический состав, степень развития коммуникационной инфраструктуры, наличие крупных культурных центров и другие факторы определяли специфику и особенности этнополитической обстановки и направление этнических процессов в отдельных районах Индии.

Многоликость и разнообразие этих процессов, включавших нередко противоположные тенденции и сопровождавшихся обострением внутриэтнических (конфессиональных, кастовых, социально-классовых и др.) конфликтов, чрезвычайно затрудняют определение основных направлений этнического развития отдельных регионов. Но в целом в пределах допустимого упрощения в качестве основных тенденций этнического развития в колониальный период можно выделить три: 1 — этническую стагнацию, 2 — дезинтеграцию, 3 — консолидацию отдельных этнических общностей.

Этническая стагнация характерна прежде всего для Северной Индии, включавшей Центральные, Соединенные, Северо-Западные провинции, восточную часть Пенджаба и часть княжеств, т. е. пояс хинди. Этот огромный густонаселенный район, в доколониальный период выполнявший функции основного ядра общеиндийской интеграции, в результате английского завоевания Индии превратился в хинтерланд, далеко отставший от прибрежных районов по всем основным показателям социально-экономического и социокультурного развития. Процесс пробуждения Индии к политической жизни, зарождение индийского

национализма преломлялись в Северной Индии через призму общинно-религиозных отношений, оттесняя на второй план объективно существовавшие черты хиндустанской общности. Влияние новых политических и просветительских идей здесь было относительно слабым вплоть до 70-х годов XIX в., а их интерпретаторами выступали преимущественно традиционные лидеры, воспитанные в духе индусской или мусульманской ортодоксальности.

«Между индусами и мусульманами... — отмечает Брасс, — действительно существовали как объективное сходство, так и различия в языке, религии, культуре, пище, одежде, на основе которых могли возникнуть либо две отдельные, либо одна многосоставная нация» [Брасс, 1974, с. 119]. Однако по мере социальной и политической мобилизации масс религиозными лидерами проблема отношений между индусской и мусульманской общинами приобрела первостепенное значение. Большинство населения Северной Индии составляли индусы, а в Соединенных провинциях и других районах продолжала доминировать мусульманская культура. С 1837 г. по решению колониальной администрации урду был объявлен официальным языком в учреждениях и в армии, на урду выходило большинство газет и книг, он оставался литературным языком образованных индусов. Так, в 1883 г. в Северо-Западных провинциях на урду издавалось 48 газет, на хинди — 10, книг — соответственно 337 и 201; в 1896 г. на урду вышло 514 публикаций, на хинди — 230 [Лютт, 1970, с. 52]. В Соединенных провинциях практически в течение всего колониального периода мусульмане опережали индусов по степени урбанизации (в четыре раза), уровню грамотности, распространению западного образования. В большинстве школ преподавание велось на урду, а число газет на хинди лишь к 1920 г. превысило число газет на урду.

Ситуация осложнялась тем, что конфессиональные различия в Северной Индии зачастую совмещались или совпадали с социальными: значительную часть мусульман составляли ремесленники, среди индусов преобладали крестьяне; традиционной мусульманской земледельческой знати противостояли индусы — торговцы и ростовщики, а с конца XIX в. — также преимущественно индусская мелкая и средняя буржуазия. В массовом сознании индусов Северной Индии были особенно живучи воспоминания о былом мусульманском господстве, гонениях на индусов, и не случайно по мере распространения образования и усиления соперничества между двумя общинами индусы оказались особо восприимчивыми к религиозным формам национализма.

Уже в 1868 г. один из идеологов индусского возрождения, Диннатх Гангули, в качестве основных признаков национальности назвал язык и религию и утверждал, что жизнеспособность «индусской национальности» непосредственно зависит от ее способности сохранить язык хинди с графикой деванагари

[Лютт, 1970, с. 46]. С тех пор началась кампания за признание хинди официальным языком. По всей Северной Индии проводился сбор подписей под петициями, адресованными колониальной администрации, кампания сопровождалась острой полемикой между сторонниками хинди и урду, вплоть до оскорбительных выпадов³. В сущности, в конфликте по поводу языка (точнее, о графике и литературных формах хиндустани — общего разговорного языка индусов и мусульман) язык приобретал значение социокультурного маркера, символа, с которым была связана коммуналистская интерпретация (индуистская или мусульманская) истории Индии.

Следует отметить, что по степени социально-политической мобилизации мусульмане в Северной Индии, в отличие от других районов, опережали индусов: Алигархский англо-магометанский колледж, основанный в 1875 г., был главным мусульманским идеологическим центром всей Индии, помимо него действовало несколько общественных и культурных организаций, включая общество по развитию урду (Анджуман таракки-и-урду), основанное в 1903 г. Общество литературы хинди (Хинди сахитья саммелан) было создано в 1910 г., несколько раньше — в 1893 г. — Бенаресское общество по распространению деванагари (Каши нагари прачарини сабха). В кампанию по внедрению хинди, направленную против доминирующего положения урду, активно включился видный деятель Конгресса М. М. Малавия.

Колониальные власти, объективно заинтересованные в сохранении общинно-религиозной напряженности, в 1880 г. провозгласили хинди официальным языком в Бихаре, входившем в состав Бенгальской провинции, а в 1900 г. приняли решение об официальном признании графики деванагари наряду с персидской в Соединенных провинциях. Уступки индусам вызвали волну протестов со стороны мусульман. Хамид Али-хан, старый конгрессист, выпустил по этому поводу памфлет, в котором сокрушался, что «мусульманам придется блуждать среди зигзагов чуждых и ужасных букв део-нагри и проститься с языком, который напоминает нам о славе наших предков и могучих в прошлом правителях Индии» (цит. по [Лютт, 1970, с. 152—153]).

Процесс политической мобилизации индусов в целом принимал крайне консервативные формы. Вторым движением, усугубившим индусско-мусульманский раскол вслед за кампанией по внедрению хинди, была кампания в защиту коровы. Начавшись в 1877 г. с петиций к властям запретить мусульманам убой коров, кампания быстро расширялась: в 1880—1881 гг. в Агре Сарасвати основал Горакшини сабху (Общество охраны коров);

³ Сайид Ахмад-хан заявил комиссии Хантера, что «урду — это язык дворянства, а хинди — наречие деревенского люда». На это Харишчандра Бхаратенду ответил, что «урду — это язык танцовщиц и проституток» [Лютт, 1970, с. 48].

сходная организация возникла в Морадабаде. В Северо-Западных провинциях и в Пенджабе распространились многочисленные отделения Арья самадж, большую популярность приобрели бродячие проповедники вроде Шримана Свами, собиравшего средства в Мемориальный фонд коровы, и «святого» Хамса Сваруп Свами. В конце 80-х годов движение охватило всю Северную и Центральную Индию от Бенгалии до Пенджаба. Для ведения кампании средства собирались с каждой индусской семьи в городе и в деревне, фактически принудительно.

Как справедливо отмечает П. Брасс, основной причиной антагонизма между индусами и мусульманами было соперничество между элитами, борьба за административную и политическую власть и места на государственной службе; религия и язык играли роль политически функциональных символов: «Мусульманские элиты опасались за собственные привилегированные позиции в культуре и в политике в случае удовлетворения требований индусов. Религия и язык были символическими инструментами в этом, по существу политическом, конфликте» [Брасс, 1974, с. 137—138].

Коммунализм в Северной Индии резко обострился в конце 30-х годов после создания конгрессистских правительств в большинстве провинций Британской Индии, но в целом он не стал массовым явлением вплоть до конца второй мировой войны. Мусульманская лига и алигархское движение в Соединенных провинциях выражали прежде всего интересы мусульманской аристократии и образованной верхушки, и лишь на выборах 1946 г. борьба между ИНК и Лигой за влияние среди мусульман завершилась победой МЛ. С другой стороны, индусский коммунализм в значительной степени был нейтрализован с приходом к руководству Конгресса М. К. Ганди и общим подъемом освободительного движения.

Конфессиональный конфликт и противоборство между индусскими и мусульманскими лидерами эффективно предотвратили формирование представления о хиндустанской идентичности, общности хиндустанцев и затормозили формирование этнического самосознания. В отличие от большинства народов Индии среди хиндустанцев в колониальный период практически не отмечена тенденция к этнической консолидации. Изменения, происходившие в структуре самоидентификации наиболее динамичных, активно вовлеченных в политику групп, сводились к осознанию конфессиональной и/или надэтнической солидарности индийского секуляристского национализма. В последнем случае географическое понятие Хиндустана выступало как синоним Индии, особенно по мере расширения освободительного движения в Северной Индии, роста влияния Конгресса и укрепления в его руководстве (с 20—30-х годов) позиций североиндийских лидеров.

Классическим примером процесса этнической дезинтеграции под воздействием конфессиональных различий и политических

факторов можно считать этнополитическое развитие Пенджаба в колониальный период.

Пенджаб был последним крупным государством, аннексированным английскими колонизаторами к середине XIX в. после двух продолжительных войн (подробнее см. [Антонова, 1958; Кочнев, 1968; Сингх Кх., 1962; 1977]). Установление мира после длительного периода смут, начавшихся с момента смерти Ранджита Сингха (1839 г.), и войн против колонизаторов стабилизировало положение в провинции и содействовало восстановлению хозяйства. Осуществление крупномасштабных ирригационных работ, освоение целинных земель и внедрение новых культур способствовали быстрому развитию сельского хозяйства Пенджаба и превращению его в одну из самых богатых провинций Британской Индии. Несмотря на колониальную эксплуатацию, по уровню жизни во второй половине XIX в. Пенджаб заметно опережал остальные провинции. Этому в немалой степени — наряду с доходами от сельского хозяйства — способствовала вербовка пенджабских мусульман, сикхов и индусов в колониальную армию: к началу первой мировой войны среди 152,5 тыс. наемных солдат около 100 тыс. составляли пенджабцы, среди них сикхи (12% населения) — 39,6% и мусульмане — 38,2% [Лейг, 1922, с. 7, 44].

После подавления восстания 1857—1859 гг., в котором сикхи (в особенности правители княжеств) и индусы не участвовали, рассматривая его как попытку восстановления господства мусульман, англичане присоединили к Пенджабу полупустынную область Харьяну и Дели; в состав провинции также вошли районы, населенные пуштунами, белуджами и другими этническими группами. Доминирующими кастовыми группами были джаты (4,4 млн. в 1881 г., в том числе 0,9 млн. в сикхских княжествах) и раджпуты (1,7 млн.) [Иббетсон, 1883, с. 99]. Около 55% населения провинции составляли мусульмане, одну треть — индусы, 11—12% — сикхи.

Конфессиональные различия среди основной массы населения были в значительной степени номинальными. «Социальные и племенные обычаи крестьянина восточной части — будь это индус или мусульманин — индийские, в то время как на западе жители, как индусы, так и мусульмане, в большой степени, хотя и не целиком, переняли социальные и племенные обычаи Афганистана и Билочистана (т. е. Белуджистана. — А. П.). В обоих случаях эти нормы и обычаи скорее племенные или национальные, чем религиозные», — писал Д. Иббетсон [Иббетсон, 1883, с. 14]. Сикхи, как отмечал английский автор в середине XIX в., по языку и обычаям не отличались от индусов [Каннингхэм, 1849, с. 75—76], а сикхская знать только внешне придерживалась своей религии [Семенова, 1963, с. 16]: она подражала индусским князьям-раджпутам, почитала индуистских богов, корову, совершала паломничества в святыне индусские места, содержала брахманов [Сингх Кх., 1977, т. 2, с. 95].

После падения государства сикхов многие индусы, принявшие внешние атрибуты сикхизма, возвращались в лоно индуизма. Несмотря на различия в конфессиональной принадлежности, основная масса пенджабцев обладала общими элементами культуры, отличавшими их от остальных жителей Северной Индии, говорила на различных диалектах панджабского языка. Однако близость панджаби к разговорным формам хиндустани и к урду ограничивала возможности самостоятельного развития этого языка: панджаби оставался преимущественно языком крестьянских масс, в письменной форме использовался лишь ортодоксальными сикхами, а литературным языком образованных слоев был преимущественно урду.

Нечеткость конфессиональных различий и общность культуры объективно создавали предпосылки для этнической консолидации пенджабцев — крупнейшего этноса провинции. Однако культурное возрождение в Пенджабе, как и в Бенгалии, сопровождалось размежеванием отдельных конфессиональных общин. Упомянутый Д. Иббетсон уже в 1883 г. писал, что «в последние 30 лет в Пенджабе происходило великое мусульманское возрождение», затронувшее преимущественно «верхние и более образованные классы» [Иббетсон, 1883, с. 14]. Сходные процессы происходили среди индусов и сикхов. Если первые ассоциации, возникшие в 60-е годы, объединяли представителей всех основных религиозных общин, то двадцать лет спустя уже преобладали организации отдельных конфессиональных общин: 35 индусских, 22 мусульманских, 7 сикхских и лишь 8 смешанных [Черчилль, 1974, с. 72—73]. Среди индусов наибольшим влиянием пользовались отделения Арья самадж. Образованные сикхи группировались преимущественно вокруг реформаторских организаций Сингх сабха. Ведущими мусульманскими организациями были Анджуман исламиа, основанная в Лахоре в 1869 г. (отделение в Амритсаре — в 1882 г.), Анджуман химаят-и-ислам, основанная в 1884 г., и многочисленные отделения Центральной национальной магометанской ассоциации.

Индусы, среди которых значительную прослойку составляли торгово-ростовщические касты и был выше удельный вес горожан, заметно опережали мусульман по уровню образования: в 1901 г. грамотных среди индусов было 9,8%, сикхов — 8,5 и мусульман — лишь 2,6% мужского населения [Брасс, 1974, с. 302]. Половину грамотных на урду, который вплоть до конца колониального периода оставался важнейшим литературным языком в Пенджабе, составляли индусы. Большинство периодических изданий также издавалось графикой урду: в 1901 г. 135 газет из общего числа 166, в 1931 г. 375 из 579, в то время как панджабской графикой гурмуки выпускалось соответственно 5 и 56 газет, деванагари — 7 и 24 [Брасс, 1974, с. 307].

Ранние мусульманские организации в Пенджабе до 1884 г. преследовали три цели: укрепление собственной общины, увеличение удельного веса мусульман в административном аппарате

и — совместно с индусами — борьбу против колониального гнета [Бэрриер, 1971, с. 85—86]. Особенно отчетливо солидарность проявилась в кампании за принятие закона Ильберта и во время приезда в Пенджаб Сайида Ахмад-хана (1883—1884).

Однако период сотрудничества с индусами продолжался относительно недолго. Деятельность христианских миссионеров и многочисленных отделений Арья самадж вызвала ответное реформаторское движение среди мусульман, и мусульманские анджуманы сосредоточили свои усилия на возрождении и реформах ислама, уделяя большое внимание антииндусской пропаганде. Во второй половине 80-х годов в провинции неоднократно имели место столкновения между индусами и мусульманами из-за таких вопросов, как убой коров и исполнение музыки вблизи мечетей, выборы в муниципальные органы. Мусульманские организации, в первую очередь Анджуман-и-ислам и Анджуман-и-химайят-и-ислам, выступили против Индийского национального конгресса, заклеив его как «подстрекательскую индуистскую организацию арьясамаджистов», и в ответ на митинги, организованные Конгрессом, устраивали свои контрдемонстрации. Мусульманские лидеры (издатель «Панджаби ахбар» и «Реформер» мунши Шамс-уд-Дин в памфлете «Зеркало Национального конгресса», написанном в 1889 г., и Сайид Хашим-шах Бухари в брошюре 1888 г. «Мусульмане должны держаться в стороне от Национального конгресса») доказывали, ссылаясь на Сайида Ахмад-хана, что мусульманская «нация» не может иметь ничего общего с антианглийской организацией «бенгальских бабу» и что цели двух общин совершенно различны. Маулана Назур Ахмед утверждал, что, «будучи угнетенными в течение тысяч лет, индусы опустились до такого низкого уровня, что полностью потеряли представления о чести» и в отличие от мусульман «не имеют ни религии, ни литературы, ни знаний» [Бэрриер, 1971, с. 104—125].

Отчуждение между индусами и сикхами впервые началось в связи с деятельностью Арья самадж. Основатель общества Даянанда Сарасвати в книге «Сатьяртха пракаш», изданной в 1875 г., допустил ряд некорректных выпадов против сикхизма, назвав сикхских гуру *дхурта* (мошенник, обманщик, хитрец), священную книгу «Гуру грантх сахиб» — *митхья* (ложь, фальшь) и т. п. [Сингх Г., 1977, с. 326]. После приезда в Пенджаб в 1877 г. Сарасвати пытался исправить свою оплошность, всячески восхвалял сикхских гуру, обещал изъять неприемлемые для сикхов места из следующего издания своей книги и смог привлечь в Арья самадж многих сикхов, за исключением членов воинствующего ордена нихангов, руководители которого угрожали Даянанде расправой. После смерти Сарасвати идеологи Арья самадж, обрушив волну критики на индуизм, начали рассматривать сикхизм как еще более уродливое и разложившееся явление, чем индуизм, недостойное быть названным религией [Джоунс К. У., 1977, с. 335—336]. Это побудило мно-

гих видных сикхов покинуть Арья самадж и перейти в сикхскую просветительскую организацию Сингх сабха.

Однако это еще не был полный разрыв между образованными сикхами и Арья самадж, одинаково заинтересованными в том, чтобы приостановить процесс обращения индусов и сикхов в ислам и христианство. Раскол организации на радикальное и умеренное крыло и последовавшие попытки радикалов обратить в индуизм внекастовых сикхов рахтия, совершая публичный ритуал бритья бороды и острижения волос в 1900 г., были главной причиной, вызвавшей острую полемику между сикхами и индусами и ответную реакцию сикхов: отказ участвовать в движении шуддхи, возврат к традиционному сикхскому обряду крещения, устранение изображений индуистских богов из Золотого храма (1905 г.). С тех пор радикальные сикхские реформаторы сосредоточили свои усилия на популяризации представлений о сикхской идентичности и пропаганде лозунга «Мы не индусы» [Джоунс К. У., 1977].

Сходные центробежные тенденции начали проявляться во второй половине XIX в. внутри самой сикхской общины. Реформаторские движения ниранкари и намдхари (подробнее см. [Семенова, 1963, с. 17—21; Ключев, 1983]) и деятельность организации Сингх сабха содействовали пробуждению среди сикхов осознания своей идентичности и возникновению воинствующей самоуверенности [Бэрриер, 1970, с. XII]. Сикхские организации Сингх сабха в 70-е годы держались в стороне от политики, вслед за мусульманскими организациями не участвовали в деятельности Индийского национального конгресса и стремились добиться уступок, проявляя лояльность к колониальным властям. В ответ англичане всячески восхваляли достоинства «сикхской нации», оказали содействие в создании сикхского колледжа Хальсы (1893 г.). В 90-е годы понятие «сикхская нация» прочно вошло в официальную литературу. В процессе возрождения сикхизма важную роль сыграла массовая вербовка сикхов в колониальную армию: в армии соблюдалась строгая дисциплина в отношении религиозных обрядов, при каждом сикхском полке были сикхские храмы — гурдвары [Дхиллон, 1979, с. 105]. В этой связи газета «Хальса ахбар» (Лахор) писала в 1898 г., что военнослужащие-сикхи — «это единственный сохранившийся остаток сикхской общины» и без них «сикхи полностью лишились бы своей идентичности» (цит. по [Дхиллон, 1979, с. 106]).

Первой организацией, ставившей своей задачей защиту политических прав и интересов сикхов, был основанный в 1902 г. Чиф хальса диван. По типу руководства и характеру деятельности он напоминал Конгресс [Дхиллон, 1980, с. 98—99]. В период движения свадешти умеренное руководство этой организации сикхов стало объектом критики со стороны радикалов, влияние которых быстро возрастало после принятия закона о колонизации 1907 г., ущемлявшего интересы земледельцев. Хо-

тя Чиф хальса диван избегал прямого конфликта с властями, многочисленные проповедники, входившие в эту организацию, открыто выступали против колониализма [Дхиллон, 1976, с. 73].

Крупнейшим политическим движением в период до первой мировой войны была кампания против применения в отношении сикхов индуcского права наследования: несмотря на активное сопротивление индуcов, в провинции прошли сотни митингов и под петициями подписалось около 700 тыс. сикхов [Тальвар, 1968, с. 407]. В результате в 1909 г. был принят закон, отменивший применение индуcского права в отношении сикхов. Другое требование сикхов, касавшееся выделения для них отдельных избирательных курий в рамках закона 1909 г., не было удовлетворено, что вызвало острое разочарование среди умеренных лидеров. Практически в первое десятилетие XX в. начинается политическое пробуждение сикхов, популярными становятся проповеди, в которых их положение сравнивалось с преследованиями в период правления Моголов [Дхиллон, 1980, с. 104].

Росту общинно-религиозных противоречий способствовала система отдельных избирательных курий, которые в 1909 г. были выделены для мусульман, а по закону 1919 г. — для всех основных общин; в легислатуре Пенджаба за мусульманами резервировалось 51% всех мест, для индуcов — 30% и для сикхов — 17,5% [Сингх Д., 1981, с. 8].

Решающее значение для хода политической мобилизации и усиления этноконфессиональных различий в Пенджабе имели социально-политические процессы, происходившие в масштабах всей страны. Индуистская окраска освободительного движения, противоборство между индуcским и мусульманским национализмом в Пенджабе и в Бенгалии определили не только актуальность конфессионального фактора, но и основные направления политической мобилизации и как ее следствие тенденцию к дезинтеграции пенджабского этноса. Возрождение сикхизма обострило отношения сикхских организаций как с мусульманами, так и с индуcами. Особо важную роль сыграло движение за реформу гурдвар, направленное прежде всего против махантов — индуцированных настоятелей сикхских храмов (подробнее см. [Семенова, 1963]), завершившееся созданием в 1920 г. полувоензированной партии Широмани акали дал и Комитета по управлению гурдварами (Широмани гурдвара парбандхак коммитти — ШГПК). В течение четырех лет (1920—1924) в столкновениях с властями 400 сикхов было убито, около 2000 ранено и 30 тыс. арестовано; Акали дал и ШГПК были объявлены вне закона [Гулати, 1974, с. 29]. Колониальные власти даже склонялись к тому, чтобы прекратить вербовку сикхов в армию.

Параллельно с процессами политической мобилизации на конфессиональной и кастовой основе в период после первой

мировой войны начало формироваться секуляристское революционное течение, объединявшее сикхов, мусульман и индусов (партия Гхадр). Октябрьская революция в России «оказала решающее влияние на политический процесс в Индии, содействовала формированию радикальных взглядов» [Дхиллон, 1976, с. 76], а расстрел в Джалианвала-багх в 1919 г. в конечном счете привел к тому, что Пенджаб стал одним из крупнейших очагов антиколониальной борьбы в Индии. Созданная в декабре в Амритсаре Центральная сикхская лига разделяла идеи индийского национализма и приняла активное участие в кампании несотрудничества и халифатском движении. Она ставила своей главной задачей достижение свараджа всеми законными, мирными и конституционными средствами [Гулати, 1974, с. 22].

В период обострения общинно-религиозных противоречий наряду с формированием и активизацией коммуналистских партий происходил процесс политической мобилизации на социально-классовой основе. В 1923 г. при поддержке колониальных властей крупные землевладельцы — мусульмане, сикхи и индусы — создали Юнионистскую партию, которая подчеркивала свое лояльное отношение к колонизаторам и не скрывала своей антипатии к городским индусам и сикхам [Сингх Кх., 1977, т. 2, с. 225; Сингх Д., 1981, с. 7]. «Созданием Юнионистской партии британские власти сформировали институт, который не только противодействовал влиянию Конгресса и левых, но и активно сотрудничал с империалистами по вопросам, представлявшим взаимный интерес», — отмечает индийский автор [Гопал, 1977, с. 111]. Юнионистская партия доминировала на политической арене Пенджаба вплоть до конца второй мировой войны.

В период подъема освободительного движения в политическую борьбу постепенно включились и неприкасаемые. В 1925—1935 гг. в округах Джалландхар и Хошиарпур в центральном Пенджабе возникло движение Ад дхарма, идеологи которого доказывали, что они исповедуют древнейшую доарийскую веру, предшествовавшую появлению в Индии индуизма, ислама и сикхизма. Возглавляемое энергичным деятелем Мангу Рамом, в период наивысшего подъема движения оно включало до миллиона человек [Джургенсмайер, 1981, с. 157—158]. Сходное с ассоциациями зарегистрированных каст, движение Ад дхарма ставило своей целью улучшение положения неприкасаемых, и в частности выделения для них отдельных избирательных курий [Маджумдар Р. Ч., 1969, с. 1001]. Во время переписи 1931 г. около полумиллиона человек указали в качестве своей религии ад дхарма, однако позже, включившись в электоральную политику во второй половине 30-х годов (сближение с Юнионистской партией, а позже с Конгрессом), движение постепенно потеряло свою политическую окраску [Джургенсмайер, 1981, с. 178]. Наряду с общинно-религиозным размежеванием между мусульманами, индусами и сикхами движение неприкасаемых следует рассматривать как еще одну тенденцию к сегментации

пенджабского этноса в процессе модернизации и политической мобилизации.

В период между мировыми войнами различные сикхские организации принимали участие в освободительном движении, но особой активности не проявляли [Тутеджа, 1981, с. 6]. Несмотря на ряд всепартийных конференций, они были не в состоянии договориться по таким важным вопросам, как сотрудничество с ИНК, отношение к отдельным избирательным курням, раздирались внутренней фракционной борьбой. Накануне выборов 1937 г. Акали дал и ИНК заключили соглашение о распределении мест в легислатуре, но победу на выборах одержала Юнионистская партия во главе с Сикандаром Хайят-ханом, получив 96 мест из 175. Сикандар Хайят-хан включил в состав правительства Пенджаба трех мусульман, двух индусов и одного сикха; за исключением одного городского индуса, все остальные министры были сельскими джатами. Последовавшее соглашение между Сикандаром и М. А. Джинной о том, что мусульмане — члены Юнионистской партии автоматически становятся членами Мусульманской лиги (15 октября 1937 г.), вызвало недовольство среди сикхов, и Акали дал объединилась с Конгрессом. С начала второй мировой войны Акали дал поддержала вербовку сикхов в армию в надежде добиться льгот для сикхов (в частности, резервирования большего числа мест в легислатуре), что послужило поводом для Ганди высказать свое недовольство лидеру Акали дал Тара Сингху [Тутеджа, 1981, с. 16]. Несмотря на острые расхождения, непрочный альянс между ИНК и АД сохранился, так как это соответствовало тактическим соображениям обеих партий.

После запрета деятельности ИНК в 1942 г. руководство Мусульманской лиги оказывало сильное давление на Юнионистскую партию, пытаясь превратить ее в свой филиал и соответственно формально возглавить правительство Пенджаба. Однако юнионисты отказывались от формального слияния, что привело к обострению отношений между двумя партиями и переходу депутатов МЛ (число которых увеличилось с одного в 1937 г. до 20 накануне роспуска пенджабской легислатуры в 1946 г.) в лагерь оппозиции.

Поляризация политических сил на общинно-религиозной основе определила исход выборов в законодательное собрание Пенджаба в 1946 г. За кандидатов Мусульманской лиги проголосовало 75,26% мусульман, и партия получила относительное большинство мест — 73 из 175. В легислатуру были избраны 51 представитель Конгресса и 21 — Акали дал, а Юнионистская партия, набрав 26,6% голосов, провела лишь 19 членов, среди которых было только 4 мусульманина [Сингх К., 1972, с. 13—14]. Создание коалиционного правительства, включавшего представителей ИНК, Акали дал и Юнионистской партии, в этой ситуации неизбежно усиливало экстремизм Лиги и косвенно вызвало массовые общинно-религиозные столкновения. Взаим-

ная вражда индуcских и мусульманских лидеров подготовила почву для выдвижения планов раздела Пенджаба. Против раздела вплоть до последнего момента выступали лидеры Акали дал, пытавшиеся добиться создания отдельной провинции с сикхским большинством и права выбора между двумя доминионами. Однако гибель сотен сикхов от рук мусульманских фанатиков в марте 1947 г. побудила сикхских лидеров — с рядом оговорок, которые впоследствии не были учтены — согласиться на раздел за месяц до провозглашения независимости Индии.

Раздел Пенджаба особо осложнялся тем, что различные конфессиональные группы в большинстве случаев были расселены дисперсно: из 29 округов лишь в 10 мусульмане составляли более $\frac{3}{4}$ населения, еще в 7 от 50 до 75%, в 8 — от 30 до 50%, причем в последнюю группу входило большинство округов Амбалы в восточной части провинции, т. е. в пределах нынешней Харьяны. В административном центре провинции — г. Лахоре мусульмане составляли 60,05% населения, однако им принадлежало лишь 20% зарегистрированных предприятий, 3 из 90 отделений банков, 2 из 80 отделений страховых компаний, 4 из 36 полных средних школ [Сингх К., 1972, с. 21—22, 65]. С одной стороны, для Пенджаба в колониальный период была характерна относительно высокая степень экономической интеграции и развития экономических связей внутри провинции. С другой стороны, разделение труда, социально-классовая структура в городе и, в меньшей степени, в деревне в значительной мере совмещались с конфессиональными и кастовыми различиями, что дает основание говорить о формировании конфессионально-социальной стратификации.

Последнее обстоятельство, как справедливо отмечается некоторыми исследователями [Горовиц, 1985, с. 108—113], не обязательно ведет к конфликтам, так как профессиональная и — шире — хозяйственная специализация зачастую ассоциируется с этническими стереотипами и автостереотипами (например, земледельческие группы склонны рассматривать себя выше торговых независимо от имущественных различий). Успехи Юнионистской партии, возникшей в период резкого обострения индуcско-мусульманских отношений в Индии, достаточно убедительно свидетельствуют о том, что в Пенджабе конфессионально-социальная дифференциация, несмотря на активную деятельность индуcских, мусульманских и сикхских организаций, не играла определяющей роли в политическом процессе. Однако изменение соотношения политических сил на общендийской арене в период второй мировой войны коренным образом изменило положение в Пенджабе, подготовило почву для раздела провинции и пенджабской этнической общности как объективной категории. Столь резкий разрыв под воздействием внешних (т. е. внепенджабских) политических факторов оказался возможным благодаря тому, что конфессиональные различия и соперничество различных течений в индийском национализме предотвра-

тили формирование локального пенджабского национализма как идеологии и политического течения.

Процессы этнической дивергенции под воздействием конфессиональных различий и политических факторов характерны также для Бенгалии, где немногим более половины (53,4% в 1941 г.) населения составляли мусульмане, расселенные преимущественно в восточной части провинции. До английского завоевания конфессиональные различия между индусами и мусульманами не играли существенной политической роли, хотя положение двух общин не было равноправным: мусульмане преобладали среди правившей элиты, контролировали армию, администрацию и суды, индусы преобладали среди землевладельцев и торговцев. Установление британского колониального господства радикально изменило положение верхушки двух общин: за редким исключением, мусульманские правители, чиновники и военные были смещены, после введения системы постоянного обложения ускорились процессы разорения заминдаров-мусульман и перехода их земель в руки индусских торговцев и ростовщиков.

Новая образованная бенгальская элита состояла в основном из индусов, и мусульмане практически не принимали участия в «бенгальском ренессансе» конца XIX в., носившем характер индустского возрождения. Ранние мусульманские организации (Магометанское литературное общество Калькутты, основанное в 1863 г., Центральная национальная магометанская ассоциация Калькутты, основанная в 1877 г.) проповедовали идеи замкнутости и исключительности мусульманской общины, ее малочисленная верхушка, в особенности члены высшей касты ашрафи, чуждалась бенгальского языка и культуры, всячески подчеркивала свое неиндийское происхождение. По мнению индийского исследователя, к концу XIX в. образованные бенгальские мусульмане определились как отдельная социально-политическая сила [Де, 1974, с. 79]. Раскол бенгальской верхушки по конфессиональному признаку и распространение идей индийского национализма, сформулированных преимущественно бенгальскими просветителями и реформаторами, уже к началу XX в. создали труднопреодолимые преграды для формирования секуляристского бенгальского национализма и его внедрения в массовое сознание.

Важнейшим этапом в процессе поляризации социально-политических сил на конфессиональной основе стали раздел Бенгалии в 1905 г. и последовавшие за ним события: движение свадеши и деятельность революционных группировок, проходившие под индуистскими лозунгами, основание пробританской Мусульманской лиги, введение отдельных избирательных курий. Движение против раздела вызвало не столько волну локального бенгальского национализма, сколько нечто противоположное — конфронтацию двух общин и усиление взаимной враждебности, впервые охватившей значительную часть населения. Как писал

в своих мемуарах Нирад Чаудхури, в районах, где бок о бок издавна мирно проживали индусы и мусульмане, обе группы активно готовились к «самообороне», запасались огнестрельным и холодным оружием вплоть до луков и стрел. «Движение свадеши переместило враждебность из истории в современность и превратило ретроспективную ненависть в ненависть сегодняшнего дня... С конца 1906 года мы испытывали к мусульманам неприязнь нового рода, которая имела свое происхождение в современности и вела к отравлению отношений с нашими мусульманскими соседями и однокашниками» [Чаудхури, 1973, с. 239, 241].

Превращение Бенгалии в этнически гомогенную провинцию вследствие ее воссоединения и отделения Бихара и Ориссы усилило внутрибенгальские противоречия, обострив соперничество за места на государственной службе и политическое влияние. Ощутимое воздействие на индусско-мусульманские отношения оказывали общендийские политические процессы. «Преодолению антииндусских настроений (среди бенгальских мусульман.— А. П.) мешали многие стороны деятельности общендийских национально-освободительных организаций (и их филиалов в Бенгалии), среди них — и Индийского национального конгресса. Индуистская религиозная оболочка идеологии Конгресса, резкое преобладание индусов в составе его руководящих органов, огромное влияние, которое оказывали на практическую деятельность Конгресса (включая его бенгальский филиал) марварийско-гуджаратские, индусские по вероисповеданию, группировки крупной буржуазии, наконец, активная защита Конгрессом интересов крупной индусской буржуазии и заминдаров-индусов — все это отталкивало от него не только бенгальских помещиков и предпринимателей-мусульман, но и пробуждавшиеся к политической активности мусульманские массы» [Ганковский, 1967, с. 98].

В то же время этносоциальные противоречия и ослабление влияния бенгальских группировок в Конгрессе и Мусульманской лиге вызывали среди отдельных бенгальских лидеров стремление к преодолению коммуналистских тенденций и сплочению на платформе локального бенгальского национализма с целью достижения «автономии для бенгальской нации». Возникшая в 1922 г. Проджа кришок парти — ПКП (Народная крестьянская партия), которую возглавлял известный политический деятель А. К. Фазлуль Хак, выражала интересы помещиков, мелкой и средней бенгальской буржуазии, а также интеллигенции и верхушки крестьянства [Ганковский, 1967, с. 101], т. е. основных политически активных сил бенгальского этноса. Хотя ПКП в целом занимала промусульманские позиции, ее активная кампания против крупной индусской, т. е. небенгальской, буржуазии делала ее приемлемой и для части бенгальских индусов. Слабым местом ПКП как этнолокальной партии было отсутствие четкой концепции бенгальского секуляристского национа-

лизма, определившее непоследовательность ее политики и поддержку Мусульманской лиги, в расчете на достижение цели создания независимого бенгальского государства — Банг-и-ислам [Дас М. Н., 1978, с. 65].

По мере расширения всендийского освободительного движения и его раскола в Бенгалии возобладала тенденция поляризации политических сил на основе конфессиональных различий. На выборах в легислатуру провинции в январе 1937 г. ИНК получил 60 мест, независимые кандидаты-индусы — 37, Мусульманская лига — 40, независимые кандидаты-мусульмане — 41, ПКП — лишь 35 [Маджумдар Р. Ч., 1981, с. 324]. Следуя указанию центрального руководства партии формировать правительства только в тех провинциях, где ИНК располагал абсолютным большинством, бенгальское отделение Конгресса отвергло как предложение губернатора сформировать правительство, так и призыв лидера ПКП Фазлуля Хака образовать коалиционный кабинет.

Эта максималистская установка Конгресса имела крайне отрицательные последствия: образование коалиционного правительства ПКП—МЛ и последовавший в 1942 г. запрет деятельности ИНК создали благоприятные условия для резкого усиления влияния Мусульманской лиги среди бенгальских мусульман, и на выборах 1946 г. Лига получила 115 мест из 250 (ИНК — 84). Переговоры о формировании коалиционного правительства МЛ и Конгресса вновь закончились безуспешно из-за непримиримости позиций центрального руководства обеих партий, а последовавшие в августе «прямые действия» Лиги и беспрецедентные общинно-религиозные столкновения окончательно развеяли иллюзии относительно национального единства бенгальцев и планов создания независимой Бенгалии, выдвинутых в начале года видными деятелями С. Ч. Босом и Х. Ш. Сухраварди. Силы, выступавшие против этого плана, — ИНК, Хинду махасабха, Марварийская ассоциация и др. — предпочли раздел Бенгалии на две части (подробнее см. [Ганковский, 1967, с. 105—114]).

Таким образом, подспудно сохранявшаяся враждебность индусских элитарных групп к мусульманам-«завоевателям», индусская окраска формировавшегося индийского и бенгальского национализма, в котором религиозно-историческая символика занимала важное место, стремление колонизаторов использовать мусульманскую верхушку в качестве противовеса освободительному движению — все это обусловило на первом этапе (с 70-х годов XIX в. до 1906 г.) раскол индусского и мусульманского лидерства, а затем, по мере роста освободительного движения и приближения независимости, вызвало соответствующие сдвиги в массовом сознании. В сущности, при жизни одного поколения (с 1906 г. до второй половины 30-х годов) произошло глубокое размежевание внутри бенгальского этноса на основе конфессиональных различий, повернувшее вспять процесс кон-

солидации бенгальцев. Общность языка, народной культуры и экономической жизни оказалась в конечном счете недостаточной, чтобы нейтрализовать воздействие неблагоприятных политических факторов.

В отличие от Бенгалии и Пенджаба, где возобладала тенденция этнической дезинтеграции, в Южной и Северо-Восточной Индии интенсивно происходили процессы этнической консолидации. Административно-политическое деление Южной Индии, установленное колонизаторами, можно считать классическим примером претворения на практике принципа «разделяй и властвуй». Полиэтническая Мадрасская провинция включала почти всю территорию, населенную тамилами, и значительную часть остальных дравидийских народов: андра, каннада и малаяльцев. В княжестве Хайдарабад, где преобладали индусы телугу (андхра) и значительное меньшинство составляли каннада, правила мусульманская династия, насаждавшая мусульманскую культуру и язык урду. Крупные княжества Майсур (населенный каннада), Траванкур и Кочин (малаяльцы) по многим показателям социокультурного развития заметно опережали провинции Британской Индии и стали центрами этнической консолидации каннада и малаяльцев. Относительно развитой Майсур, обладавший собственным университетом, авиационным заводом и совещательной ассамблеей, рассматривался многими лидерами освободительного движения вплоть до 20-х годов как наглядное опровержение утверждений колонизаторов о неспособности индийцев управлять своей страной [Мэйнон, 1977, с. 14].

Сильное воздействие на эволюцию межэтнических отношений в регионе оказывали особенности кастовой структуры. На юге практически отсутствовали кшатрии и вайшьи, и единственная варна «дваждырожденных» была представлена брахманами (2,5—4% населения); шудры и неприкасаемые составляли подавляющее большинство населения. Хотя в процессе капиталистического развития ряд низших каст упрочил свои экономические позиции и образовал группу так называемых «передовых небрахманских каст», в Мадрасской провинции и в княжествах (за исключением Хайдарабада) доминирующее положение в административном аппарате, университетах, среди представителей современных профессий и в политической жизни занимали брахманы. Конфликт между брахманами и небрахманами в начале XX в. в значительной степени отодвинул на второй план этнические различия и принял форму соперничества между Индийским национальным конгрессом и небрахманскими организациями (Дравидийская ассоциация, Общество служения наярм, Ижавская организация социальных реформ и др.).

Крупнейшей и наиболее влиятельной среди последних стала Южноиндийская либеральная федерация, основанная в 1916 г., более известная по названию своего печатного органа как Партия справедливости (ПС). Партия справедливости вы-

ступала за солидарность дравидийских народов в борьбе против «брахманской олигархии», господства пришельцев с севера, которые для дравидов «более чужды, чем англичане» [Иршик, 1969, с. 52], получала финансовую поддержку со стороны крупных землевладельцев тамилы и андра [Крузе, 1975, с. 44]. Пропаганда антибрахманского «дравидийского национализма» широко велась в изданиях Партии справедливости — газетах на английском («Справедливость»), тамильском («Дравидан») языках и языке телугу («Андхра пракашика»), в многочисленных памфлетах и посредством массовых мероприятий.

Дравидийское движение обладало существенными чертами, сближавшими его с мусульманским национализмом. С одной стороны, его лидеры и идеологи настаивали на выделении отдельных избирательных курий для небрахманов, утверждая, что в противном случае самоуправление будет означать брахманское правление [Крузе, 1975, с. 46], и в целом выступая против возглавляемого Конгрессом освободительного движения. С другой стороны, лидеры Партии справедливости резко осуждали требования о создании лингвистических, т. е. этнически однородных, провинций, выдвигавшиеся организациями андра (Андхра махасабха) и каннада (Карнатака махасабха). Руководство Конгресса с целью расширения социальной базы партии и ослабления дравидийского движения поддержало эти требования, образовав в 1918—1920 гг. провинциальные отделения Андры и Карнатаки. В целом этнолокальные движения за создание лингвистических провинций на юге Индии в колониальный период оставались второстепенными политическими течениями, заметно уступавшими освободительной борьбе и «дравидийскому национализму». Партия справедливости возглавляла правительства в Мадрасе в 1920—1926 и 1930—1936 гг., когда ИНК бойкотировал выборы, а в 1926 и 1936 гг. на выборах победила партия Сварадж, входившая в состав Конгресса.

Наряду с Партией справедливости среди тамилы значительным влиянием пользовалось Движение самоуважения, основанное в 20-е годы видным деятелем Е. В. Рамасвами Наикером. Антибрахманизм Наикера привел его к радикальному атеизму и социализму, а после поездки в СССР он даже высказывался за «русскую форму правления». Партия справедливости и Движение самоуважения активно сотрудничали в проведении массовых кампаний против решения конгрессистского правительства Мадраса об обязательном изучении хинди в школах в 1937—1939 гг., в годы второй мировой войны активно сотрудничали с колониальными властями. В этот период Наикер выступил с планами образования отдельного доминиона Тамилнад (с 1940 г. — Дравиданад), непосредственно подчиненного госсекретарю по делам Индии, и поддержал идею создания Пакистана. «В то время как Партия справедливости выступала против светских привилегий брахманов от имени групп, лишь немногим уступавших им в этом отношении, Движение самоуваже-

ния разоблачало брахманов как представителей и миссионеров индуизма — чуждой религии, вторгшейся в Тамилнад, поработившей его народ и искажившей его культуру» [Спрэтт, 1970, с. 31].

Раскол Партии справедливости (1944 г.) на консервативную группу меньшинства, сохранившую прежнее название, и Дравида кажагам — ДК (Дравидийская ассоциация), которую возглавили радикальные лидеры Наикер и Ч. Н. Аннадураи, завершил процесс формирования региональной партии на платформе локального национализма с атеистической, точнее, антибрахманской окраской. Хотя на завершающей стадии освободительного движения эта партия не могла иметь массовой базы и в этом отношении далеко уступала Конгрессу, обращение руководства ДК к небрахманским кастам, к которым принадлежала влиятельная на юге Индии тамильская буржуазия, и возможность использовать межкастовые противоречия для пропаганды идей локального национализма создавали предпосылки для превращения Дравида кажагам в существенную силу на политической арене Мадрасской провинции. Накануне достижения независимости Индии тамильский национализм, формально не отказываясь от лозунгов общедравидийской солидарности, оформился как идеология и как политическое движение.

Пример Северо-Восточной Индии (СВИ), включающей долину Брахмапутры (современный штат Ассам) и горные районы вдоль границ с Тибетом и Бирмой, показывает, что важным фактором, ускорившим формирование этнического самосознания и идеологии локального национализма, была напряженность межэтнических отношений.

Наиболее крупный этнос этого района — ассамцы — еще в средние века консолидировался в общность, объединившую гетерогенные элементы индоарийского, тибето-бирманского и тайского происхождения (ветвь ахемов основала здесь династию, которая правила в Ассаме с 1228 г. до колониального завоевания в 1826 г.) при доминирующей роли индоарийского комплекса. Многочисленные горные этносы с точки зрения социального развития отличались чрезвычайно разнообразием: наиболее развитые из них (кхаси и близкие им джайнтия, гаро, индуизированные мейтхен) достигли стадии раннефеодальной государственности, другие (мишми, аборы, дафла, многочисленные группы нага) сохраняли достаточно ярко выраженные черты родо-племенного строя [Маретина, 1980; Праздаускас, 1981; Григорьева, 1982]. Войны, грабительские набеги, а отчасти и охота за головами (нага) на протяжении веков были характерной чертой межэтнических отношений в этой части субконтинента.

По сравнению с соседним бенгальским этноареалом долина Брахмапутры была редко заселена; колониальные власти, оценив высокий хозяйственный потенциал провинции, рассматривали Ассам как неосвоенный район и стремились направить туда

потоки мигрантов из Бенгалии. В 1874 г., когда Ассам был отделен от Бенгальского президентства и преобразован в отдельную провинцию, к нему был присоединен округ Силхет, населенный бенгальцами. В 1906—1911 гг. Ассам вместе с Восточной Бенгалией составлял единую провинцию, а затем вновь был восстановлен как провинция главного комиссара, т. е. имел более низкий статус, чем большинство провинций, управляемых губернаторами. Наряду с Силхетом в состав Ассама входили еще два округа с бенгальским населением — Качар и Гоальпара, в которых бенгальцы составляли соответственно 69,6 и 57,8%, что существенно повышало удельный вес бенгальцев в населении провинции.

Иммиграция приобрела особенно широкий масштаб во второе десятилетие XX в. К 1931 г. в долину Брахмапутры из Бенгалии переселилось около полумиллиона человек, и удельный вес бенгальцев в Ассаме (в современных границах) достиг 30,1%, или 1,7 млн. человек.

В целом приток мигрантов в Ассам был крайне неоднородным по социальному, конфессиональному и отчасти этническому составу.

Первую, наиболее раннюю и относительно немногочисленную волну мигрантов составляли образованные бенгальцы-индусы, получившие современное образование в высших учебных заведениях Калькутты. Процесс колониальной модернизации в Ассаме принял форму бенгализации: бенгальский язык был официальным языком провинции (до 1886 г.), бенгальцы монополизировали все звенья государственного аппарата, современные профессии. «Куда бы он ни повернулся, ассамец находил бенгальца в более высоком, а себя в более низком положении. Учитель — бенгалец, ученик — ассамец, врач — бенгалец, пациент — ассамец, адвокат — бенгалец, клиент — ассамец, владелец магазина — бенгалец, покупатель — ассамец, правительственный чиновник — бенгалец, проситель — ассамец» [Вейнер, 1973, с. 337]. Совпадение этнических и социальных различий создавало почву для распространения среди ассамцев антибенгальских настроений и вызревания этносоциальных конфликтов, которые начались в Ассаме уже в колониальный период.

Основную массу мигрантов первых десятилетий нынешнего века составляли крестьяне. Наличие плодородных свободных земель в долине Брахмапутры и слухи о процветании бенгальских земледельцев, переселившихся в Ассам, создали провинции репутацию «обетованной земли», привлекавшей десятки тысяч разорившихся крестьян Бенгалии. Трудолюбивые бенгальские земледельцы занимали и обрабатывали пустоши на берегах Брахмапутры, которые рассматривались ассамцами как непригодные для обработки, а впоследствии начали скупать землю у ассамских крестьян, которые разорялись вследствие тяжелых налогов в рамках системы райятвари [Гуха А., 1982, с. 206]. Это неизбежно вело к созданию предпосылок аграрных

конфликтов между ассамскими и бенгальскими землевладельцами, хотя в целом в колониальный период это противоречие не достигло особой остроты.

К концу колониального периода в Ассаме производилось $\frac{2}{3}$ индийского чая и $\frac{1}{4}$ джута, появились предприятия деревообрабатывающей промышленности, велась добыча нефти. Однако в целом по уровню промышленного развития Ассам далеко отставал от соседних провинций, а его горные округа находились в состоянии застоя. Среди предпринимателей, владельцев плантаций вообще не было ассамцев, и они составляли очень незначительную часть плантационных рабочих, которых власти вербовали в Бенгалии и в Бихаре. Ассамцы, не говоря уже о представителях малых народов, прямо не были вовлечены в процесс капиталистической трансформации, за исключением сферы товарно-денежных отношений. В сочетании с этнодемографическими сдвигами это обстоятельство сыграло ключевую роль в развитии межэтнических отношений в СВИ.

В связи с ростом аграрной перенаселенности в соседней Бенгалии колониальная администрация всячески поощряла миграцию бенгальцев в этот район, где в плодородных долинах был значительный резерв неосвоенной, но пригодной для обработки земли. К 1931 г. в дистриктах Ноугонг и Гоальпара бенгальцы составляли уже 34,4 и 54% населения, а в княжестве Трипура, населенном племенами (типпера, или трипури, реанг и др.), — 44,7%. В итоге, по данным переписи 1941 г., при общей численности населения провинции 9,6 млн. человек бенгальцы составляли 4,5 млн., ассамцы — 2,7 млн., племена — 2,4 млн.

Бенгальцы доминировали не только численно: им принадлежала часть чайных плантаций и промышленных предприятий, они преобладали на государственной службе, в системе просвещения, здравоохранения и, наряду с вездесущими марвари, в торговле. В этой ситуации в провинции сложился сложный клубок межэтнических противоречий. Засилье бенгальцев во всех сферах вызывало острое недовольство образованных ассамцев и определило антибенгальскую направленность ассамского национализма. Ярко выраженный антибенгализм был присущ многочисленным культурным организациям, которые начали возникать к концу XIX в., находил отражение в художественной литературе, а в 30-е годы нынешнего века вылился в движение Бонгал кхеада («Изгнать бенгальцев»). Воинствующий ассамский локальный национализм не имеет параллелей в других этноареалах колониальной Индии.

Среди ассамских лидеров большую озабоченность вызывало то обстоятельство, что значительную часть бенгальских иммигрантов составляли мусульмане — выходцы из восточных округов Бенгалии, бежавшие в Ассам, чтобы избавиться от тяжелого гнета заминдаров округа Майменсингх. В 1931 г. уроженцы Майменсингха, переселившиеся в ассамские округа Гоальпара, Камруп, Ноугонг и Дарранг, составляли уже $\frac{3}{4}$ бенгаль-

ских мигрантов. Колониальные власти поощряли миграцию мусульман в Ассам, преследуя свою политику определенных предпочтений по отношению к мусульманской общине; такую же политику проводило и местное правительство Ассама, в котором в период 1926—1938 гг. решающую роль играли лидеры Мусульманской лиги. Местные мусульманские руководители прямо высказывались не только за неограниченную иммиграцию, но и за отмену «внутренней линии» (т. е. за доступ для колонизации районов, населенных племенами) и «ассамской линии», запрещавшей с 1920 г. заселение мигрантами отдельных округов Ассама. «Они (мусульманские лидеры. — А. П.) считали, что они смогут закрепить свою власть в Ассаме только в случае, если процент мусульман среди населения будет увеличен и подобная демографическая революция усилит их политическое влияние. Среди местного населения также возникали опасения относительно будущего Ассама: в контексте появления лозунга о создании Пакистана в период до раздела многие индусы опасались, что при опасном росте мусульманского населения провинции будущее Ассама становится неясным», — пишет ассамский историк Г. Пхукон [Пхукон, 1984, с. 184—185].

Помимо бенгальцев определенную часть мигрантов составляли адиваси — представители племен из Бихара (мунда, санталы, ораоны) и Непала, завербованные для работы на чайных плантациях, а также марварийские и пенджабские предприниматели. Ассамцы называли всех иммигрантов бенгальцами, и постепенно этот этноним приобрел то же значение, что и слово «иностранец»: ассамские крестьяне нередко называли всех индийских иммигрантов «кола бонгал» («черный бенгалец», т. е. «черный иностранец»), а англичан — «бога бонгал» («белый бенгалец»).

Занимая доминирующие позиции во всех сферах общественной, хозяйственной и политической жизни провинции, иммигранты в лице многочисленных организаций и ассоциаций добивались закрепления своего статуса. «Если объединить умственные способности 550 тыс. бенгалиязычных индусов, богатство 20 тыс. марваров, рабочую силу 600 тысяч бихаров, аграрные навыки 550 тыс. бхатия (бенгальцев-земледельцев. — А. П.), боевой дух 3 тыс. сикхов и 140 тыс. непальцев и других переселенцев, то эти люди наверняка будут править этой страной», — говорилось в резолюции, принятой на одном из многочисленных массовых митингов, которые проводились бенгальскими лидерами в 30-е годы (цит. по [Пхукон, 1984, с. 189]).

Этнодемографические сдвиги и важность этнического фактора в процессе политической мобилизации сыграли исключительно важную роль в становлении облика ассамского национализма. После завоевания Ассама англичанами и введения системы райатвари первые выступления были направлены против колонизаторов и проявлялись в традиционной форме

райдж мел — народных собраний, массовый характер которых дал основания некоторым авторам квалифицировать их как «важный показатель роста крестьянского национализма в Ассаме» [Мисра, 1982, с. 44].

В период после первой мировой войны, когда освободительная борьба начала приобретать характер массового движения, в Ассаме явно наметились тенденции к усилению локального партикуляризма, обострению ассамско-бенгальских, индусско-мусульманских противоречий, росту антагонизма между ассамцами и горными христианизированными меньшинствами. Большинству ассамских лидеров эти местные проблемы представлялись гораздо более важными, чем перипетии освободительного движения, в котором они в любом случае могли играть лишь маргинальную роль. Обусловленная конкретной этнодемографической ситуацией и другими объективными причинами локальная ориентация ассамских лидеров, литераторов и прессы способствовала кристаллизации этнического самосознания и формированию ассамского национализма. В сущности, это был начальный этап консолидации ассамского этноса в нацию, типологически сходный с аналогичными процессами, происходившими ранее, в XIX веке, в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. Для этой стадии национальной консолидации характерны абсолютизация этногрупповых интересов, стремление противостоять межэтнической, в данном случае общендийской, интеграции и элемент локального шовинизма по отношению к меньшинствам, проживающим в пределах исконной (с точки зрения идеологов национализма) территории этноса. В конкретной ассамской ситуации эта двойственная позиция проявлялась в том, что ассамские лидеры настойчиво относились к концепциям единой индийской (или индусской) нации и в то же время выступали за форсированную ассимиляцию многочисленных меньшинств Северо-Восточной Индии, пробуждавшихся к политической жизни.

Колониальное завоевание, на которое англичанам потребовалось около пятидесяти лет (с 20-х до 70-х годов XIX в.), коренным образом изменило обстановку в горных районах Северо-Восточной Индии. Политика колонизаторов в этой части Индии определялась тем, что объектом колониальной эксплуатации здесь была в основном плодородная долина Брахмапутры, а труднодоступные, бедные природными ресурсами горные районы захватывались в основном с целью обеспечения безопасности земледельческого населения и установления «мира и порядка» в пограничных районах колонии. Кроме того, эта часть Индии представляла интерес как один из возможных путей в Тибет и внутренние районы Китая, и с этой целью в 1774—1783 гг. Компания отправила две миссии в Бутан и Тибет.

Конкретным поводом для завоевания Ассамы послужили вторжения бирманцев в ахомское государство, которые привели к англо-бирманской войне 1825 г. По условиям мирного дого-

вора 1826 г. Бирма отказалась от притязаний на княжества СВИ, и Ассам с прилегающими горными районами был аннексирован Компанией. Покорение горных племен затянулось почти до конца XIX в., однако вплоть до конца колониального периода англичане не установили полного контроля до «линии Мак-Магона», которая по Симлской конвенции 1914 г. была определена в качестве границы между британскими владениями и Тибетом, фактически независимым в тот период. В сущности, англичане не завершили политической интеграции СВИ и только в последние годы своего правления приблизились к официально провозглашенной международной границе.

В основу политики в отношении горных этносов этой части страны был положен принцип выделения племенных районов в особые зоны, на которые не распространялись законы, действовавшие на остальной части колониальных владений. Создание «нерегулируемых зон», напоминавших резервации, рассматривалось колониальными властями как наиболее эффективное и дешевое средство предотвращения конфликтов между племенами и мигрантами из других районов. Единые принципы были сформулированы в Законе об управлении Индией 1870 г., специальном законе XIV 1874 г. и других законодательных актах. По закону 1874 г. весь район был объявлен «зарегистрированным дистриктом». В 1883 г. было принято постановление о «внутренней линии», запрещавшее жителям из других районов поселяться и приобретать недвижимость в районах за этой линией — в пограничных с Тибетом дистриктах Ассама (современная союзная территория Аруначал-Прадеш), в восточной части Гор Нага; позже за «внутренней линией» оказались все горные районы Северо-Восточной Индии, за исключением Гор Кхаси, Гаро и Джайнтия, т. е. современного штата Мегхалая.

Установление «внутренней линии» эффективно изолировало горные этносы от более развитых равнинных народов (ассамцев и бенгальцев) и тем самым предотвратило возникновение острых межэтнических конфликтов. Однако ограничение межэтнических контактов одновременно препятствовало не только индустской аккультурации племен, но и их интеграции в рамках общиндийской общности, распространению и росту у горных народов общиндийского самосознания. В этой ситуации этнические процессы в СВИ имели свои, специфические особенности.

Первостепенное значение для этноинтегрирующих процессов имело установление мира. Прекращение войн и столкновений, которые здесь, в отличие от других районов Индии, раньше почти не прерывались относительно длительными мирными периодами и стабилизацией жизни, создало предпосылки для быстрого роста численности населения. В большинстве горных округов в период 1901—1951 гг. оно увеличилось в среднем в два раза. В итоге в большинстве округов, границы которых в значительной степени соответствовали контурам основных этноареа-

лов, численность и плотность населения достигли величины, необходимой для их консолидации в самостоятельные этносы (естественно, с учетом полиэтнического характера государства, так как при большей изоляции, например, на островных государствах Океании высокой степени консолидации достигают даже крайне малочисленные этносы). Стабилизация жизни и рост плотности населения содействовали расширению внутриэтнических связей среди ряда этносов — гаро, кхаси-джайнтia, нага, мизо, — территория которых составляла отдельные дистрикты, осознанию ими своей общности и отличий от других этносов. Среди лушаев (мизо) уже к началу нынешнего века в основном исчезло деление на эндогамные группы и кланы [Госвами, 1979, с. 21—22].

«Современная административная система способствовала преодолению изоляции деревень и интеграции групп населения в пределах дистрикта», — справедливо отмечает кхасский исследователь Гамлет Баре [Баре, 1974, с. 57]. Это относится в основном к отмеченным этносам, в то время как большинство племен полиэтнических округов (микиры, качари, племена княжеств Манипур и Трипура) подвергались ассимиляции со стороны более крупных этносов. Административное территориальное объединение выполняло роль этнообразующего фактора прежде всего через лидерство традиционных единиц (общин, групп деревень, мелких кхасских княжеств), которые, контактируя с колониальной администрацией и между собой, постепенно превращались в социальную группу, объединяемую общим статусом и осознанием своей общности. Через них этническое самосознание распространялось постепенно среди рядовых жителей. Традиционные вожди лушаев (мизо), некоторых племен нага, ласкары гаро, долой джайнтia, кхасские сиемы (князья) в условиях косвенного правления осуществляли власть в пределах своих владений, регулярно созывались английской администрацией на различные совещания и имели возможность общения между собой. Ограниченность их полномочий исключала возможность для образования кланов по кровнородственному признаку и содействовала формированию групповой солидарности на основе этнической близости.

Зарождение этносоциальных групп, обладавших определенной сплоченностью и самосознанием, подготовило почву для возникновения формальных ассоциаций: культурных организаций, клубов, кружков, политических партий. В первой четверти нынешнего века были созданы Джайнтia дарбар (совещательный орган, состоявший из представителей деревень джайнтia, 1900 г.), Клуб нага (1918 г.), Кхасский национальный дарбар (1923 г.). В период между мировыми войнами они превратились в политические партии, а накануне провозглашения независимости Индии уже во всех горных дистриктах, за исключением Северо-Восточной пограничной зоны (нынешний Аруначал-Прадеш), имелось по несколько различных организаций.

Это не были массовые партии, они скорее представляли собой, если пользоваться терминологией Макса Вебера, аристократические группировки (у кхаси, гаро) или политические клубы (преимущественно новой элиты нага, мизо, мейтхеев и др.).

В то же время вследствие относительно слабой социальной дифференциации, особо характерной для мизо и нага, а также для этносов небольшой численности, социальная база этих группировок была во много раз шире, чем у ИНК или Мусульманской лиги. Ускоренное и опережающее развитие политической надстройки по сравнению с архаичным социально-экономическим базисом — характерная особенность процесса общественного развития малых народов. Это обстоятельство определило также быстроту формирования этнического самосознания и каркаса националистической идеологии, впитавшей элементы трибализма, негативные стереотипы более развитых соседних народов (бенгальцев и ассамцев), отдельные положения из идеологии освободительного движения. Применительно к СВИ есть все основания говорить о том, что политические и идеологические факторы ускорили ход этнопроцессов.

Важно отметить, что политический процесс, точнее, политическая аккультурация носила в этом районе преимущественно локальный характер, не выходя за пределы дистриктов. Законы об управлении Индией 1919 и 1935 гг., ввиду того что горные округа сохраняли статус «исключенных», практически не ускорили политической мобилизации в масштабах всего Ассамы, не говоря уже о приобщении горных народов к общендийскому политическому процессу. Более того, ассамская легислатура высказывалась за отделение горных дистриктов от Ассамы и передачу их в ведение генерал-губернатора, так как управление ими было связано с дополнительными расходами. Малые народы СВИ не были втянуты и в освободительное движение. ИНК создал свою организацию в Ассаме и отделение в его административном центре Шиллонге, расположенном на территории кхаси, однако оно существовало лишь номинально и не распространило свою деятельность на горные районы. Джавахарлал Неру впоследствии отмечал в этой связи: «Мы должны помнить, что племенные жители не разделяли испытаний сотен миллионов индийцев. Наша борьба за свободу оказала некоторое влияние на племена Центральной Индии, однако пограничные районы Ассамы, например, остались почти не затронуты ею. Не только из-за недостатка инициативы с нашей стороны. Британские власти не разрешали нам ездить туда. Вот почему известия о нашем освободительном движении доходили до этих людей в виде случайных слухов...» [Неру, 1973, с. 3].

Исключительно важную роль в пробуждении массового политического сознания у горных народов этого района сыграла вторая мировая война. Северо-Восток Индии был единственным районом Индии, ставшим театром военных действий между Японией и союзниками. Кроме английских здесь были распо-

ложены также американские и китайские войска (две дивизии), общая численность которых только в Манипуре и Горах Нага составляла около 155 тыс. человек. В марте—июле 1944 г. японские войска (84 тыс. солдат и офицеров) и дивизия «Индийской национальной армии», созданной при содействии Японии за пределами Индии, блокировали Кохиму (административный центр дистрикта Горы Нага) и долину Имфала в Манипуре, но были полностью разгромлены. Мейтхеи и нага принимали непосредственное участие в борьбе против японцев, но и для остальных горных народов война означала резкое расширение политического горизонта, пробуждение интереса к мировым событиям, к вопросу о будущем Индии и своем месте в современном мире. В подобных ситуациях происходит коренная ломка традиционных представлений и установок, формируются и получают широкое распространение новые взгляды и идеи. Вторая мировая война и события, связанные с провозглашением независимости Индии, психологически подготовили горцев СВИ к активным и массовым политическим выступлениям.

Ускорению этноинтегрирующих процессов среди некоторых горных народов СВИ (кхаси, гаро, нага, мизо, некоторых племен Манипура) содействовало распространение христианства. В отличие от индусов и мусульман, религия которых представляла собой относительно развитые мировоззренческие системы, способные на адаптацию к новым условиям, традиционные верования — в основе своей анимистические — были не в состоянии конкурировать с христианством. Обращение в «западную» религию имело не только престижное значение: для получивших образование горцев оно играло важную психологическую роль, так как лишало индусов и мусульман возможности рассматривать их как дикарей и варваров. Кроме того, британские и американские миссионеры несли образование, современную медицину, отдельные новые формы общественной жизни и др.

Уже в первой половине XIX в. миссионеры создали письменности для языков горных народов (ранее ее имели лишь мейтхеи) на латинской основе, открыли первые школы. К концу колониального периода (точнее, по данным переписи 1951 г.) по уровню грамотности отдельные горные округа заметно превосходили среднеассамский (18,25%) уровень: в дистрикте Горы Лушай грамотные составляли 31,14%, в Объединенном дистрикте Горы Кхаси-Джайнтия — 19,06%, причем этот дистрикт особенно выделялся по большому удельному весу грамотных женщин. Большим контрастом являлись в этом отношении индустриализованные племена дистрикта Горы Микир и Северного Качара, где грамотные составляли всего 5,8%. Некоторые горцы, окончив местные миссионерские школы, получали высшее образование в Калькуттском университете и даже в университетах США. У большинства горных этносов к концу колониального периода сформировалось собственное духовенство, которое играло большую роль в становлении этнического самосознания.

Христианство и образование сделали горцев более восприимчивыми к новым идеям, и в конечном счете они оказались более подготовленными к участию в политических движениях, чем низшие слои кастового общества более развитых в целом районов Индии.

Локальный национализм малых народов СВИ формировался под воздействием ассамского национализма. Будучи выражением недовольства дискриминируемого меньшинства, ассамский национализм в то же время не был лишен местного шовинизма, направленного против менее развитых горных народов. Ассамские националисты, большинство которых составляли индусы, свысока смотрели на «дикие племена», которые не были приобщены к индусскому образу жизни, потребляли в пищу говядину, отличались недопустимой, с точки зрения индусов, свободой нравов; ассамских конгрессистов раздражала также проанглийская ориентация христианских лидеров племен, их пассивное отношение к освободительной борьбе. В свою очередь, горные народы с недоверием и подозрительностью относились к жителям равнины (прежде всего к бенгальцам и ассамцам), опасаясь, что в случае прихода к власти индийцев племена станут объектом безудержной эксплуатации и дискриминации.

В то же время ни общность интересов, ни общность религии (христианства) не привели — вследствие локального характера политической мобилизации — к выработке общей платформы лидерства горных народов. Объясняется это помимо отмеченной выше особенности политической мобилизации еще двумя обстоятельствами. Во-первых, горные этносы стояли на разных стадиях общественного развития: среди кхаси, например, социальная дифференциация получила значительное развитие и с доколониального периода существовали ранние государственные образования; многие же другие этносы сохраняли устойчивую родо-племенную структуру, их лидеры почти не обладали современным политическим опытом и не доверяли более искушенным, отчасти уже урбанизованным кхасским политикам. Во-вторых, такие группы, как нага, в колониальный период еще не консолидировались в этнические общности, и для их элиты первоочередной задачей оставалось преодоление собственных межплеменных разногласий и трений.

* * *

Колониальный период был очень важным этапом в истории Индии, определившим в конечном счете дальнейший путь ее социально-политического и этнонационального развития. В условиях британского господства на субконтиненте, обладавшем определенным цивилизационным единством, начался интенсивный процесс экономической интеграции, формировалась коммуникационная инфраструктура единства Индии, сложилась современная политическая система общества и определились основные

направления ее дальнейшего развития. Одним из важнейших результатов колониального периода следует считать формирование модели полиэтнического общества, т. е. комплекса принципов, регулирующих межэтнические отношения и определяющих конкретные пути упрочения национально-государственного единства. Признание политики «единства в многообразии», принципа равенства всех этнических групп, федерализма и национально-культурной автономии в рамках этой модели должны были обеспечить в дальнейшем, с одной стороны, демократическое решение национальных проблем и, с другой — укрепление национально-государственного единства. Демократическая модель полиэтнического общества предполагает открытое проявление межэтнических противоречий и противоборства между центробежными и центростремительными силами и регулирование конфликтов через механизм политики. По сравнению с авторитарной моделью она имеет то преимущество, что возникающие противоречия не замораживаются на стадии латентного конфликта, накопления «горючего материала», а так или иначе регулируются, используя имеющиеся или создавая новые механизмы саморегулирования политической системы и тем самым повышая ее адаптивные свойства и устойчивость. Существенным недостатком модели с функциональной точки зрения (т. е. ее интегративных возможностей) следует считать относительную самостоятельность, автономность политического фактора, который становится катализатором конфликтов и, более того, привносит элемент случайности (например, вследствие ошибочного политического решения) в процесс этнонационального развития.

Сильные и слабые стороны этой модели в полной мере проявились уже в колониальный период. Освободительное движение в целом добилось успеха в деле создания широкой общиндийской коалиции, преодолев прошлые антагонизмы и сплотив на антиколониальной платформе разнообразные этносоциальные силы. Тем самым оно превратилось в мощнейший фактор общиндийской социально-политической интеграции. Однако политическое противоборство и политические просчеты в заключительное десятилетие колониального периода привели к резкому обострению индусско-мусульманских противоречий, дали повод для образования Пакистана и раздела двух крупнейших народов субконтинента — бенгальцев и пенджабцев. По мере приближения независимости политические факторы (в первую очередь вопрос о власти и правовом статусе) способствовали зарождению и росту локального национализма ряда периферийных народов, слабо включенных в общее антиколониальное движение или вообще не принимавших в нем участия. Сложность и острота всех этих проблем проявилась в полной мере в условиях независимого развития.

Изучение этнополитического развития Индии колониального периода позволяет по-новому взглянуть на одну из узловых и явно недостаточно исследованных проблем новой и новейшей

истории Востока — проблему колониальной национально-государственной интеграции. Анализ основных аспектов этой проблемы позволяет прийти к заключению, что в процессе колониальной модернизации тенденция к интеграции явно преобладала над ростом локального партикуляризма, обусловленного отчасти колониальной политикой противопоставления различных этнических, конфессиональных, кастовых групп (по пресловутому принципу «разделяй и властвуй»), отчасти же объективным процессом политической мобилизации на основе общности групповых интересов. Сецессия Пакистана в момент провозглашения независимости потенциально была заложена в демократической модели полиэтнического общества и в определенном стечении политических обстоятельств. В остальном же сформировавшиеся в колониальный период центростремительные силы оказались в состоянии не только сохранить достигнутый уровень единства, но и завершить процесс территориального и политического объединения Индии. Любая оценка колониальной интеграции, не учитывающая этот итог, не может быть верной.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В НЕЗАВИСИМОЙ ИНДИИ

Глава 4

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Индия как федеративное государство

Сложившееся после провозглашения независимости Индии и закрепленное в конституции 1950 г. государственное устройство Индии определяется большинством государствоведов и политологов как федеративное, хотя термин «федерация» отсутствует в конституции. Имеющиеся расхождения в оценке индийского федерализма обусловлены как его некоторыми своеобразными чертами, о которых подробнее речь пойдет ниже, так и историей возникновения Индии как федеративного государства.

Большинство федераций нового и новейшего времени возникли вследствие договора или соглашения между суверенными правительствами об объединении, обусловленном общностью интересов, и создании общего, федерального правительства. Функции и полномочия центрального и местных правительств определялись вступавшими в федерацию суверенными членами и фиксировались в конституции создаваемого ими федеративного государства.

В Индии решение об образовании Учредительного собрания в 1946 г. с целью подготовки конституции было принято внешней властью — правительством Великобритании, а не правительствами суверенных государств — таковых на субконтиненте попросту не было. Провинции Британской Индии обладали определенной автономией (по закону 1935 г.), но полномочия провинциальных законодательных и исполнительных органов были существенно ограничены «особыми полномочиями» губернаторов, назначаемых правительством метрополии и ответственных перед генерал-губернатором Индии, а не перед легислатурами провинций. Главное, с правовой точки зрения преемником колониальной власти были не легислатуры провинций, а Учредительное собрание, которому и предстояло решить вопрос о государственном устройстве независимой Индии. Формально правом

оговаривать условия вхождения в федерацию были наделены княжества, в которых после раздела проживало 28% населения Индии. Однако с учетом географических, экономических, политических и прочих факторов правители княжеств в лучшем случае (в зависимости от географического положения) могли лишь выбирать, к которому из двух доминионов — Индии или Пакистану — им присоединиться, а не условия присоединения. Иными словами, федеративное государственное устройство вводилось в Индии не в результате договора, а по решению центрального законодательного органа — Учредительного собрания.

Решение в пользу федеративного, а не унитарного устройства было продиктовано прежде всего конкретными соображениями политической целесообразности. В период работы Учредительного собрания «федеративная форма государственного устройства Индии была в значительной степени использована для преодоления оставленной колонизаторами государственно-политической раздробленности Индостана... облегчила ликвидацию феодально-деспотических режимов княжеств и поднятие их политического и правового статуса до положения бывших провинций в рамках нового, независимого государства» [Ульянова, 1970, с. 12]. Отчасти создание федерации было обусловлено соотношением этнополитических сил в стране и в самом национально-освободительном движении и позволяло использовать уже накопленный опыт самоуправления и многие другие принципы закона 1935 г., положенного в основу конституции независимой Индии.

В то же время, после того как отпала необходимость в аккомодации Мусульманской лиги, составители конституции склонялись к созданию сильного централизованного государства. По их мнению, лишь сильная центральная власть могла обеспечить территориальную целостность, стабильность, безопасность (конфликт с Пакистаном начался уже в 1947 г.), успешное решение задач экономического и социального развития. Введенное конституцией государственное устройство квалифицировалось некоторыми юристами как «квазифедеральный союз» [Мунши, 1967, с. 1], а в одном из решений Верховного суда подчеркивалось, что конституция «не соответствует ни одному из традиционных образцов федерации».

Конституция разрабатывалась комиссиями Учредительного собрания в период после провозглашения независимости Индии, и, по существу, Учредительному собранию предстояло определить все основные черты политического строя Индии. Учредительное собрание высказалось за парламентскую форму правления вестминстерского образца, т. е. сходную с английской системой, и отвергло предложения о президентской форме правления. Не получили поддержки также предложения о провозглашении Индии индусским государством, на чем настаивали идеологи индусского национализма. Это была очень важная победа ИНК и всех демократических, секуляристских сил. По-

ложительно был решен вопрос о предоставлении избирательного права всему взрослому населению, хотя многим депутатам такое решение представлялось чреватым серьезными последствиями ввиду того, что основная масса населения была неграмотной и отсталой, и выдвигались предложения ввести образовательный ценз либо предоставить избирательное право только мужчинам.

Если вопрос о характере политического режима не вызвал острых разногласий, то в вопросе о форме государственного устройства выявились противоположные подходы. В создании централизованного государства были заинтересованы такие различные социально-политические силы, как Индийский национальный конгресс, крупный капитал (в первую очередь марварийский и гуджаратский), сторонники «индусского национализма», бюрократия, тяготевшая к порядкам колониального периода. За децентрализацию и максимально широкую автономию выступали мелкая и средняя буржуазия и интеллигенция Южной и Центральной Индии, локальные политические партии, князья. Это были основные силы, от соотношения которых зависело решение вопроса о форме государственного устройства Индии.

Значительная часть членов Учредительного собрания, указывая на опасность центробежных тенденций, роста локального национализма («регионализма», «лингвализма») и на резкие социокультурные различия, высказывались за унитарное устройство, чтобы усилить осознание индийцами принадлежности к одной нации и одной стране. Главный аргумент унитаристов состоял в том, что в случае создания федерации каждая провинция будет заботиться прежде всего о своих интересах и неизбежно возникнут трения, подрывающие единство страны. С другой стороны, руководство ИНК в течение тридцати лет выступало за федеративное государственное устройство, эта установка стала популярной среди политически сознательной части населения, провинциальных политических деятелей. С учетом этих обстоятельств Учредительное собрание высказалось за федеративное государственное устройство; централизованный характер федерации должен был предотвратить опасность усиления центробежных тенденций и обеспечить углубление социально-политической и экономической интеграции.

С проблемой упрочения единства Индии тесно был связан вопрос о введенном колониальными властями резервировании мест в законодательных органах и на государственной службе для религиозных меньшинств и различных групп населения. Авторы конституции отвергли принцип резервирования мест для религиозных групп — мусульман, сикхов, христиан — как несовместимый с принципами секуляризма. Отменялось также резервирование мест для землевладельцев, предпринимателей, женщин, «рабочих», шедшее вразрез с эгалитаристскими установками конституции. Резервирование сохранялось только при-

менительно к группам, отсталым в социально-экономическом отношении, — зарегистрированным кастам и племенам.

Конституция отражала преимущественно идеологию и установки Индийского национального конгресса, безраздельно доминировавшего в Учредительном собрании. Поэтому фактически конституция была партийным документом ИНК. Руководство ИНК в то же время стремилось к тому, чтобы в проекте конституции максимально были учтены интересы различных групп и представлены различные мнения. В комитете по подготовке проекта конституции из семи его членов двое представляли провинцию Мадрас, один был мусульманин, а председателем был назначен известный деятель, лидер неприкасаемых доктор Б. Р. Амбедкар. Проект конституции рассматривался на одиннадцати заседаниях Учредительного собрания, и дебаты заняли в общей сложности 114 дней [Радж, 1981, ч. 2, с. 14].

В известной мере конституция была компромиссным документом, отражавшим интересы определенных слоев, этносоциальных и других групп. Несомненно, традиционные, консервативные силы и монополистическая буржуазия, ко времени провозглашения независимости уже прошедшая ранние этапы формирования, оказали существенное влияние на выработку основных положений конституции. Г. Остин отмечает в этой связи: «Олигархия несомненно использовала свое влияние, чтобы достичь консенсуса... полагаясь скорее на убеждение, чем на силу, члены олигархии упрочили свою власть и престиж, привлекая оппонентов даже самого высокого уровня на свою сторону» [Остин, 1966, с. 25]. С другой стороны, как отмечал индийский государствовед Дхирендранатх Сен, в отличие от крупного капитала, после первой мировой войны превратившегося в общенациональную силу, «относительно мелкие и неорганизованные зональные и местные деловые круги не могли оказывать влияние на решения Учредительного собрания, и поэтому интересы различных зон и областей либо совершенно игнорировались, либо не были должным образом учтены» [Сен, 1960, с. 341].

Определенной уступкой крупной буржуазии и североиндийской верхушке следует считать наличие в индийском федерализме ряда унитарных черт. Все прежние планы образования федерации предусматривали максимально широкую децентрализацию, оставляя, как правило, в ведении центра лишь вопросы обороны, внешних сношений, коммуникации и эмиссии денежных знаков. По конституции 1950 г. в список исключительной компетенции центрального правительства включено 97 вопросов и остаточные, т. е. не предусмотренные в списках, полномочия. К компетенции Союза отнесено большинство вопросов общегосударственного значения: внешние сношения, оборона, гражданство, коммуникации, внешняя торговля и торговля между штатами, некоторые отрасли промышленности национального значения, виды налогов, выборы в парламент и законодательные собрания штатов и ряд других [Конституция, 1956,

с. 307—314]. К совместной компетенции Союза и штатов отнесено уголовное право, превентивное заключение, передача имущества, гражданский процесс, монополии, профсоюзы, социальное обеспечение, контроль над ценами, фабрики, электроэнергия, издание книг и газет и др. [Конституция, 1956, с. 318—322].

К компетенции штатов отнесено 66 вопросов, включая поддержание общественного порядка, полицию, местное самоуправление, образование, сельское хозяйство, налог на поземельный доход и др. Здесь сразу обращает на себя внимание то обстоятельство, что в ведении центрального правительства находятся основные источники налоговых поступлений и прочих доходов (подоходный налог, акциз, налоги на корпорации, транспорт и т. д.). Очевидно, что это предполагает полную финансовую зависимость правительства штатов от центрального правительства. Другой существенный момент заключается в том, что сельское хозяйство и все вопросы, касающиеся распоряжения земельными угодьями, переданы в компетенцию штатов. Поскольку экономика Индии в начале 50-х годов была преимущественно аграрной, это означает, что центральное правительство, по существу, отказалось от проведения единой социально-экономической политики в деревне, общендийских аграрных реформ и возможностей осуществления декларируемых Конгрессом и конституцией принципов социальной справедливости. В этом проявилось давление со стороны крупных землевладельцев на Представительное собрание — как непосредственно через своих представителей, так и опосредованно, через профессиональных политиков.

Реальная компетенция штатов несколько шире — в связи с тем что согласно сложившейся практике полномочия совместной компетенции осуществляются обычно законодательными собраниями штатов и, кроме того, им передаются некоторые полномочия союзного правительства в области экономической жизни. Однако все законопроекты легислатур по этим вопросам в обязательном порядке передаются на утверждение в парламент и вступают в силу лишь с его санкции, так же как и вопросы, находящиеся в исключительной компетенции штатов, если они затрагивают прямо или косвенно отчуждение частной собственности. Президент республики уполномочен ставить на рассмотрение Верховного суда Индии любой законопроект штата, если он считает, что этот законопроект представляет значительный интерес. Подобный выборочный контроль Союза над законодательством штатов позволяет Союзу «сосредоточить свое внимание на важных, узловых моментах законодательства штатов», «преграждать путь любым законодательным мероприятиям штата, носящим с точки зрения Союза нежелательный характер», и «фактически ставит под общий контроль Союза всю сколь угодно существенную законодательную деятельность» легислатур штатов [Ульянова, 1970, с. 31]. Таким образом, Союз наде-

лен всеми необходимыми полномочиями, чтобы эффективно защищать интересы правящей в стране коалиции социально-политических сил и обеспечивать сохранность единой политической системы в масштабах страны.

Индийский союз является федерацией прежде всего потому, что обладает ее главным признаком — наличием самоуправляющихся территориальных единиц, обладающих законодательной и исполнительной властью. Однако по ряду других существенных признаков Индия отличается от большинства «классических» федераций. Важнейшие отличия, имеющие прямое отношение к решению этнонациональных проблем, заключаются в следующем.

1) Согласно конституции (ст. 1) Индия является «союзом штатов», т. е. состоит из политико-административных единиц, наделенных автономией и механизмом самоуправления, описанным в специальном (шестом) разделе конституции; однако конституция никак не гарантирует сохранения каждого отдельного штата: парламент вправе создавать и упразднять штаты, менять их территорию и теоретически, действуя в рамках этой статьи, может сократить число штатов до двух (так как Индия должна оставаться союзом штатов) или же увеличить до любой цифры. Отсюда следует, что население штатов согласно конституции не наделено правом на самоопределение даже в рамках единого индийского государства, не говоря уже об отделении и образовании самостоятельного государства. Комментируя это положение, известный индийский государствовед М. П. Шарма писал: «Это означает, что положение штатов Индийского Союза не закреплено раз и навсегда. Отдельный штат не имеет эффективной гарантии против упразднения. Это серьезное отклонение от принципов федерации, которая предполагается в виде нерушимого союза неделимых штатов... В действительности существование отдельных штатов зависит от президента Союза и парламента. Это может серьезно отразиться на их автономии. Нельзя ожидать, чтобы штаты, над которыми постоянно висит дамоклов меч, с какой-либо степенью уверенности отстаивали свое существование и настаивали на своих правах, будучи один на один с правительством Союза» [Шарма, 1958, с. 102].

2) Наряду с обширной компетенцией центра в распределении полномочий и финансовых средств важнейшим методом в осуществлении политического контроля над штатами является институт президентского правления, предусмотренный ст. 356 конституции. Согласно этой статье, «если президент по получении доклада губернатора или иным образом приходит к убеждению, что возникла ситуация, при которой управление штатом не может осуществляться в соответствии с положениями настоящей конституции», президент может принять на себя «все или некоторые полномочия» правительства, отменить в штате действие конституции или отдельных ее статей, передать полно-

мочия законодательного собрания штата парламенту; прокламация президента действительна на срок до шести месяцев и может быть продлена парламентом еще на шесть месяцев [Конституция, 1956, с. 237—238]. Здесь речь фактически идет о праве центрального правительства, точнее, кабинета министров, возглавляемого премьер-министром, смещать правительства отдельных штатов — праве, не предусмотренном в конституциях других федераций. Причина, по которой может быть введено президентское правление, сформулирована настолько широко, что центральное правительство может распустить любое негодное ему правительство штата, тем более что в конституции нет никаких положений, ограничивающих это право [Бомбвалл, 1967, с. 15]. Не случайно с момента вступления в силу конституции Индии вокруг этой статьи регулярно вспыхивали дискуссии между юристами, политическими и общественными деятелями, против нее резко высказывались практически все оппозиционные партии.

3) Ст. 352 предусматривает введение чрезвычайного положения в случае, когда безопасность Индии или любой части ее территории находится под угрозой или неминуема опасность возникновения войны, внешней агрессии или внутренних беспорядков. Во время действия прокламации о чрезвычайном положении (ст. 353) правительство Союза наделяется правом издавать любые распоряжения штатам и издавать законы по любому вопросу [Конституция, 1956, с. 235—236]. Это означает, что в условиях чрезвычайного положения Индия фактически превращается в унитарное государство и, согласно ст. 358, отменяются основные права граждан: свобода слова и выражения мнений, собраний, объединений, передвижения и т. д.

4) Губернаторы штатов не избираются населением, а назначаются президентом (фактически — премьер-министром) и остаются в должности, пока это угодно президенту, но не более пяти лет [Конституция, 1956, с. 128—129]. Губернатор является не только конституционным главой штата, но и представителем центрального правительства и обладает дискреционными полномочиями по ряду вопросов, помимо того что он одобряет законопроекты, принятые законодательным собранием штата. Особенно велика роль губернатора в ситуациях, когда ни одна партия не располагает убедительным большинством в законодательном собрании: именно от губернатора зависит, которой из них будет поручено формирование правительства или же по его рекомендации будет введено президентское правление.

5) Согласно ст. 256 и 257 исполнительные власти в штатах должны обеспечить соблюдение законов, изданных парламентом, а исполнительная власть Союза, т. е. правительство Индии, вправе давать такие распоряжения, которые оно может считать необходимыми в этих целях [Конституция, 1956, с. 180—181].

6) Хотя парламент в Индии, как и в других федеративных

государствах, состоит из двух палат, в обеих палатах штаты представлены с учетом численности населения и в обеих палатах крупные штаты имеют значительно больше представителей, чем малонаселенные штаты.

7) Верхняя палата (Совет штатов) избирается косвенным путем — легислатурами штатов — и не обладает равными полномочиями с нижней палатой по финансовым и некоторым другим вопросам.

Этот далеко не исчерпывающий список особенностей индийского федерализма показывает, что с формально-юридической точки зрения штаты в Индии наделены относительно ограниченной автономией. Положение штатов как субъектов федерации усугубляется их полной финансовой зависимостью от Союза.

Согласно конституции Индии вопрос о распределении ресурсов и финансов решается различными путями. Часть налогов и сборов, включая подоходный налог, импортные и экспортные пошлины, находится в ведении федерального правительства, другая часть (поземельные налоги, налог на продажу и др.) передана штатам. При этом часть налогов, собираемых федеральным правительством, подлежит распределению между центром и штатами в пропорции, рекомендуемой финансовой комиссией. Дополняется эта система передачи финансовых ресурсов штатам дотациями отдельным «нуждающимся» штатам на основе рекомендаций финансовой комиссии. Ни конституция, ни какие-либо другие законодательные акты не определяют «потребностей» штатов, и обычно распределение финансовых средств для «внеплановых расходов» осуществляется финансовой комиссией путем оценки задач и средств, необходимых для их осуществления. Даже при объективной и квалифицированной оценке это порождает ряд проблем, в частности связанных с учетом реальных внутренних ресурсов штатов, расходами на выплату займов и процентов (программы развития осуществляются преимущественно за счет займов, предоставляемых центральным правительством). Однако независимо от распределения полномочий по налогообложению между штатами и центром ресурсы, предоставляемые штатам, не могут даже отдаленно соответствовать их потребностям, каким бы образом они ни подсчитывались. Как показала практика, правительства штатов все больше полагаются на средства, получаемые из федеральных фондов, и мало заинтересованы — отчасти по политическим соображениям — в изыскании собственных ресурсов. Особенно это относится к подоходному сельскохозяйственному налогу, который по политическим причинам правительства штатов взимают с крайне незначительной доли хозяйств.

Поскольку значительная часть финансовых ресурсов, в особенности безвозмездных ссуд, передается штатам по решению парламента, распределение средств может быть использовано в политических целях. Не случайно эта проблема впервые ост-

ро встала после прихода к власти в ряде штатов оппозиционных партий в 1967 г. и с тех пор вызывает постоянные трения между союзным правительством и правительствами тех штатов, где у власти стоят оппозиционные партии.

Другая сложная проблема — это соотношение вклада каждого штата в центральные фонды и размер получаемых им ресурсов. Вследствие неравномерности экономического развития и в зависимости от наличия или отсутствия природных ресурсов вклад отдельных штатов сильно различается, а некоторые остальные малые штаты, особенно северо-восточные, из собственных ресурсов покрывают лишь крайне незначительную часть своих расходов. Неизбежно возникает ситуация, в которой развитие одних штатов финансируется за счет средств, получаемых в других, более развитых штатах. Это обстоятельство постоянно служит поводом для возникновения представлений о «дискриминации» отдельных штатов и активно используется региональными партиями в политической борьбе.

Индийский федерализм представляет собой весьма своеобразное явление, отличаясь по ряду существенных признаков от классических, старых федераций Европы и Америки. Старые федерации возникли вследствие объединения самостоятельных государственных образований либо как компромисс между федералистами и унитаристами (в Латинской Америке) в монациональных странах, и федеративное устройство не имело отношения к решению национального вопроса. В Индии же этнонациональный момент был одним из существенных, хотя и не главных, факторов, обусловивших федеративное государственное устройство. Очевидно, учет национального момента, отражая признание большего разнообразия социально-экономических, социокультурных и прочих условий по сравнению с монациональными странами, должен логически предполагать более широкую автономию членов федерации, которые добровольно передают центральной власти строго очерченный круг полномочий и сохраняют за собой право на отделение.

В действительности права индийских штатов значительно уже, чем права субъектов других федераций (США, латиноамериканских, ФРГ, Швейцарии, Австрии), они не обладают такими существенными признаками государственных образований, как собственная конституция, судебная система, а компетенция союзного правительства значительно шире, чем полномочия штатов. В федеративной системе Индии не только фактически, но и формально различные штаты занимают неравное положение, так как принцип пропорционального представительства применяется при формировании обеих палат парламента. Наконец, с учетом численности населения число субъектов индийской федерации относительно невелико, уступая в этом отношении США (50 штатов), Мексике (31 штат). Для Индии, как и для других федераций, характерно расширение компетенции союзных властей, но происходит оно здесь не только за счет

увеличения полномочий исполнительной власти, но и путем перераспределения законодательных полномочий.

В большинстве федераций верхняя палата парламента обладает большими полномочиями по сравнению с нижней. Так, в Бразилии, Мексике и Венесуэле сенат утверждает назначение дипломатических представителей, высших чинов вооруженных сил, высших должностных лиц государства. В этих федерациях сенаторы избираются населением штата путем прямых тайных выборов.

В Индии, как и в большинстве федераций, налицо сужение конституционных полномочий парламента и его зависимость от исполнительной власти, т. е. от премьер-министра. Снижение роли союзного законодательного органа обусловлено в Индии (как и в Мексике) тем, что в нем правящая партия обычно располагает большинством в $\frac{2}{3}$ или даже $\frac{3}{4}$ мест и председатель партии (премьер-министр в Индии, президент в Мексике) через партийный аппарат эффективно контролирует деятельность парламента. В этой связи небезынтересно отметить, что, по мнению ряда латиноамериканских исследователей, Мексика наряду с Бразилией, Уругваем, Гаити, Парагваем и некоторыми другими государствами включается в группу стран, роль парламента (конгресса) в которых сводится к автоматическому утверждению законопроектов [Тихонов, 1979, с. 64]. Такую характеристику — несмотря на порой весьма острый характер парламентских дебатов — можно распространить и на Индию (до образования коалиционного правительства в 1989 г.).

Если юридически-правовая сторона федеративной системы определяется преимущественно (хотя и не целиком, так как существенное значение имеют решения Верховного суда, политическая культура) конституцией, то ее функционирование в не меньшей степени зависит от соотношения социально-политических, в том числе этносоциальных, сил. Возможности для политического господства одной из этнических общностей в Индии ограничены полицентрической этнодемографической структурой; хотя в целом хиндизычный север имеет определенные преимущества (особенно вследствие разобщенности политических элит остальных штатов), но все же они недостаточны, чтобы заметно усилить унитарные черты федеративной системы. Функционирование индийского федерализма в гораздо большей степени определялись особенностями партийно-политической структуры, в которой доминировала одна партия — Индийский национальный конгресс. Свойственная любой политической партии централизованная структура и тенденция к олигархии в условиях фактически однопартийного правления (т. е. если нет реальной опасности потери власти в том или ином штате) может существенно ограничить автономию. Федерализм в конечном счете несовместим с однопартийным правлением и предполагает формирование того или иного варианта многопартийной системы, полнее выражающей интересы отдельных народов и обеспе-

чивающей через электоральный механизм соблюдение конституционных норм федеративного государства.

Автономистские движения и реорганизация штатов

После провозглашения независимости Индии центральное место в политической борьбе занял вопрос о распределении власти между различными социально-политическими силами. Доминирующее положение Индийского национального конгресса после раздела субконтинента, естественно, заметно укрепилось, но эта партия представляла собой широкую коалицию различных социально-классовых и этнолокальных групп, стремившихся упрочить свое положение в новой политической системе, установить свой контроль над ее главными структурными элементами — государством и правящей партией или по крайней мере добиться доступа к средним и низшим эшелонам власти. Пробуждавшиеся к политической жизни вследствие участия в освободительном движении и электоральном процессе массы, в свою очередь, ожидали демократических преобразований в обещанном «Рама раджья» («божьем царстве»), улучшения своего социально-экономического положения, осуществления туманных принципов социального и национального равенства и справедливости.

В процессе демократизации (т. е. перехода от колониально-го авторитарного к демократическому режиму) и дележа власти между различными социально-политическими силами важное место занял вопрос о территориальной реорганизации. Создание этнически однородных штатов путем ликвидации княжеств и изменения границ существовавших провинций объективно было важнейшей предпосылкой расширения социальной базы нового режима и устранения межэтнических антагонизмов. Уже в период 1947—1949 гг. в основном был завершен первый этап ликвидации княжеств, продиктованной необходимостью преодоления чрезвычайной административной дробности, удовлетворения настоячивых требований общественности, выступавшей против сохранения в Индии архаичных деспотических режимов (подробнее см. [Девяткина, 1961, с. 65—83]).

Это была половинчатая мера, отвечавшая интересам крупной индийской буржуазии и сохранявшая за бывшими князьями ряд привилегий. Местная буржуазия и политически сознательная часть населения в полиэтнических провинциях не затронутых реформой княжествах добились образования «лингвистических», т. е. этнически однородных, провинций, так как существовавшее административно-территориальное деление серьезно ущемляло интересы меньшинств и сохраняло привилегированное положение отдельных групп крупной буржуазии (марварийской и гуджаратской в Бомбейской провинции, тамиль-

ской — в Мадрасской провинции). Однако назначенная в 1948 г. Комиссия лингвистических провинций под председательством С. К. Дара высказалась против создания этнически однородных провинций (Андхра, Керала, Карнатака), мотивируя свою позицию тем, что это усилило бы рост «субнационализма», т. е. локального национализма. Хотя в принципе Комиссия признала необходимость разрешения «административных проблем» таких провинций, как Мадрас, Бомбей, Центральные провинции и др., в будущем, когда будет решена проблема княжеств и обстановка в стране стабилизируется [Комиссия, 1948], в целом в ее рекомендациях явно заметны волюнтаризм и авторитарность, унаследованные от политической культуры колониального периода.

Отчет и рекомендации комиссии Дара вызвали отрицательную реакцию в ряде провинций и были встречены негодованием в Андхре. Острая реакция в Раяласиме и Прибрежной Андхре объясняется тем, что эти районы телугу, входившие в состав провинций Мадрас и Орисса, подвергались разнообразным формам дискриминации со стороны доминировавших групп тамилы и ория, которые не только господствовали в провинциальном аппарате, но и составляли большинство чиновников в округах, населенных телугу. «Дискриминация телугу при распределении средств на развитие хозяйства, игнорирование телугской культуры, ассимиляция телугского населения в пограничных районах, преобладание тамилы в административном аппарате, господство тамильских торговцев и предпринимателей на телугском рынке, особенно в районах Раяласимы и Неллора, — все это порождало острое недовольство телугу, способствовало росту телугского национализма, приводило к усилению национальной розни между телугу и тамилами», — писал В. И. Казаков, указывая далее, что сходным было положение телугу также в Ориссе [Казаков, 1967, с. 60—61].

Опасаясь обострения межэтнических конфликтов, а также дестабилизации и без того уже неустойчивой обстановки в стране, сессия ИНК в декабре 1948 г. назначила комитет в составе Дж. Неру, В. Пателя и П. Ситарамая для подготовки рекомендаций, касающихся этих вопросов в связи с присоединением княжеств, устройством переселенцев из Пакистана и выдвижением новых требований о территориальной реорганизации. И этот комитет высказался против реорганизации, мотивируя свое решение тем, что образование новых провинций, «несомненно, замедлит процесс закрепления наших достижений, нарушит административную, экономическую и финансовую структуру» и «высвободит подрывные и дезинтегрирующие силы, нанося серьезный ущерб прогрессивному решению наших экономических и политических трудностей» [Комитет, 1949, с. 9—10]. В качестве первого шага в виде исключения комитет считал возможным лишь образование штата Андхра.

Аргументы против реорганизации в этот период были впол-

не резонны, так как положение в стране было крайне неустойчивым, — возникли проблемы с Кашмиром и Хайдарабадом, наметились сепаратистские тенденции, и образование новых провинций вполне могло вызвать цепную реакцию. Важнее другое: в докладе комитета впервые обозначился отход от основополагающего принципа национальной политики Конгресса, предусматривавшего создание этнически гомогенных провинций, а первостепенной задачей провозглашалось упрочение единства Индии. В период 1948—1952 гг. лишь незначительное меньшинство в Учредительном собрании и (после принятия конституции) в парламенте выступало за реорганизацию штатов. «До середины 1953 г. предложения о создании лингвистических провинций не были приняты, и не удалось достичь никакого конкретного решения» [Шарма, 1969, с. 60]. Индийский исследователь Бальвир Арора отмечал в этой связи: «Эта амбивалентная политика создавала впечатление, что предпринимались попытки отложить проведение реформы, которая считалась нежелательной, но в то же время неизбежной. За этими колебаниями стояли опасения, что лояльность к лингвистической группе будет развиваться быстрее, чем развитие национального (индийского. — А. П.) самосознания, и в ущерб последнему. Сохранялось стремление как можно дольше продлить порыв движения за независимость, и, поскольку партикуляризм был, по определению, вреден для национального единства, его следовало по возможности придерживать» [Арора, 1972, с. 158—159].

Важно отметить в этой связи, что среди политических лидеров отдельных этносов также не было единодушия относительно создания лингвистических провинций. Во время посещения Мадраса комиссией С. К. Дара Андрха махасабха в памятной записке настаивала на создании единой провинции Вишал Андрха («Великой Андрхы»). В другом меморандуме Санджи-ва Редди от имени двух десятков legislators Райяласимы категорически высказался против этого предложения, настаивая в случае создания такой провинции на сохранении определенной автономии этой области; Райяласима махасабха пошла еще дальше и потребовала создания штата Райяласима с Мадрасом в качестве его столицы [Рао, 1978, с. 100]. В свою очередь, руководство майсурской организации ИНК выступило против образования единой Карнатаки, на чем настаивали лидеры каннада Бомбейской и Мадраасской провинций, где каннада фактически находилась на положении дискриминируемого меньшинства (подробнее см. [Казаков, 1967, с. 140—141]). В целом против расчленения Мадраасской и Бомбейской провинций высказались тамильские и гуджаратские политические деятели, связанные с крупной буржуазией своих провинций.

Формированию относительно единых автономистских этносоциальных движений в незначительной степени препятствовали также общинно-религиозные и кастовые различия, особенно в этноареале каннада, где мусульманская верхушка и доминирую-

щая каста вokkaliga (около 29% населения) с недоверием относились к индусам и касте лингаятов (более трети населения) Северной Карнатаки [Мутханна, 1980, с. 90]. В этноареале андхра известную роль играли кастовые антагонизмы между камма — доминирующей кастой в прибрежных округах — и редди, занимающей господствующее положение в Раяласиме. Опасаясь, что в «Великой Андхре» представители более развитых прибрежных округов займут господствующее положение, ряд организаций Раяласимы высказался против создания штата.

Движение за создание национального штата Андхра было составной частью общедемократической борьбы за преодоление национального неравенства, пережитков колониализма и феодализма. В Хайдарабаде демократические силы во главе с коммунистами требовали смещения низама и раздела княжества, включавшего этноареалы нескольких крупных народов. Расширялось движение за создание единой Андхры также в мадрасской части провинции, что особенно ярко проявилось во время предвыборной поездки Дж. Неру.

Колебания местных лидеров ИНК и отрицательная позиция центрального руководства к решению этой проблемы серьезно подорвали позиции партии в Мадрасской провинции: на выборах 1952 г. в законодательное собрание кандидаты Конгресса победили лишь в 152 округах из 375, т. е. получили менее половины мест, а в мадрасской Андхре и того меньше — 43 из 140. Коммунисты, последовательно выступавшие за создание национальных штатов, в Андхре победили в 46 округах, причем кандидат компартии Нага Редди с большим перевесом одержал победу над председателем провинциального комитета ИНК Андхры Сандживой Редди.

Оппозиционные партии (КПИ, Кисан маздур праджа парти и др.) образовали в законодательном собрании Объединенный демократический фронт, включавший 164 легислатора, однако губернатор назначил членом законодательного совета Ч. Раджагопалачарию и поручил ему формирование правительства. Эти политические маневры и пренебрежительное отношение главного министра к проблемам Андхры вызвали дальнейшее обострение межэтнических отношений в штате и новую волну движения за отделение Андхры. Голодовка известного гандиста Поти Шрирамулу в поддержку требования создания Андхры, которая продолжалась 58 дней и завершилась смертью 15 декабря 1952 г., вызвала массовые беспорядки, включая нападения на правительственные здания и железнодорожные станции и столкновения демонстрантов с полицией. В накаленной атмосфере Джавахарлал Неру 19 декабря 1952 г. объявил в парламенте о готовности правительства создать национальный штат Андхра. Границы будущего штата были определены в феврале 1953 г., а формальная церемония провозглашения нового штата состоялась 1 октября 1953 г.

Успех движения за создание штата Андхра имел важные

политические последствия, вызвав ту цепную реакцию, которой столь опасалось руководство страны в первые годы после провозглашения независимости, и автономистские движения, которые в конечном счете завершились осуществлением на практике принципов национально-территориальной автономии как основы федеративного государственного устройства Индии. Демонстрационным эффектом обладал не только сам успех автономистского движения андхра, но и методы борьбы: формирование оппозиционного блока в легислатуре, к которому зачастую примыкала значительная часть (или даже большинство) депутатов-конгрессистов, представлявших данный этноареал, активное участие в движении массовых организаций и специально созданных многопартийных блоков, индивидуальные акты самопожертвования, ставшие элементом политической культуры в период освободительного движения (знаменитые голодовки М. К. Ганди). Последний компонент нередко играл ключевую роль в массовых кампаниях, вызывая резкий (хотя и краткосрочный) эмоциональный всплеск, отчаянные массовые порывы к решительным действиям, следствием которых были широкомасштабные беспорядки, преимущественно в городах, нередко — человеческие жертвы. Это сочетание парламентских методов борьбы и массовых выступлений, в сущности, означало применение в новых условиях тактики, сложившейся в период подъема освободительного движения и хорошо знакомой как политическим лидерам, так и широкоим массам. Со своей стороны, союзное правительство в поисках решения обострившейся проблемы во многом следовало практике британских властей (обещания реформ, создание комиссий, переговоры), но в отличие от последних намного легче шло на уступки, если движение оказывалось достаточно сильным и живучим.

Подъем автономистских движений после создания штата Андхра побудил руководство страны принять конкретные шаги по реорганизации административно-территориального деления Индии. 27 августа 1953 г. министр внутренних дел К. Н. Катджу сообщил в парламенте о намерении правительства создать всендийскую комиссию по проблемам границ (между штатами), 20 сентября Рабочий комитет ИНК подтвердил это решение и призвал прекратить кампании за создание новых штатов [Хинду, 21.09.1953], а 22 декабря Дж. Неру объявил о назначении Комиссии реорганизации штатов (КРШ). Комиссии было поручено изучить состояние проблемы, все предложения по реорганизации и подготовить рекомендации, касающиеся общих принципов реорганизации и, «если она сочтет необходимым, — отдельных штатов» [Комиссия, 1955, с. 263]. Некоторые основополагающие принципы были сформулированы в решении правительства о создании Комиссии: предписывалось, признавая важность таких критериев, как язык и культура, учитывать в первую очередь задачу «сохранения и упрочения единства и безопасности Индии», принимать во внимание «финансовые,

экономические и административные соображения», обеспечить оптимальные условия для выполнения общегосударственных планов экономического развития [Комиссия, 1955, с. 264].

Создание Комиссии было вынужденной уступкой. Джавахарлал Неру заявил в парламенте в октябре 1953 г., что он предпочел бы отложить реорганизацию «до завершения процесса консолидации в Индии» и «создания прочной основы страны» [Таймс оф Индия, 03.10.1953], известный деятель С. К. Патиль считал целесообразным отложить реорганизацию на 15—25 лет. В. В. Гири, впоследствии занявший пост президента Индии, даже в конце 1955 г. высказывался за создание не этнически гомогенных, а крупных полиэтничных штатов: северного, южного, западного, восточного и центрального [Шарма, 1969, с. 74]. КРШ в своем докладе также признала, что реорганизацию можно было бы отложить, но создание Андхра ускорило события.

Рассмотрение объемного отчета КРШ, представляющего собой наиболее полный анализ этнополитической ситуации в стране, составленный официальным органом, заняло бы слишком много места. Отметим лишь главное: рассматривая многочисленные требования и предложения по реорганизации штатов, Комиссия руководствовалась сформулированными в решении о ее создании установками: признав важность фактора «лингвистической гомогенности», она в своих рекомендациях и оценках учитывала географические, экономические, исторические, финансовые, административные и другие факторы, отвергла принцип «один язык — один штат» и высказалась за создание крупных штатов. Вместо 27 существовавших административно-территориальных единиц, разделенных на группы А, В и С, Комиссия предложила создать 16 штатов и три союзные территории (Дели, Манипур, Андаманские и Никобарские острова). В поясе хинди КРШ предложила создать крупный штат Мадхья-Прадеш за счет объединения Виндхья-Прадеша, Бхопала и Мадхья-Бхарата (бывших Центральных провинций) и сохранить штаты Уттар-Прадеш (бывшие Соединенные провинции), Раджастан, Бихар; в Южной Индии создать пять штатов: Карнатаку, Мадрас, Кералу, Хайдарабад и Андхра-Прадеш; на юго-западе выделить из состава Мадхья-Бхарата в качестве отдельного штата маратхиязычную Видарбху (единственный небольшой штат с населением 7,6 млн. человек, рекомендованный Комиссией), а Бомбей и Пенджаб сохранить как двуязычные штаты. Помимо двух последних штатов принцип лингвистической гомогенности не применялся к малым народам, а этническая территория телугу, маратхов, а также пояс хинди оставались разделенными между несколькими штатами [Комиссия, 1955].

Рекомендации КРШ были одобрены парламентом в августе 1956 г. с некоторыми изменениями, необходимость в которых обуславливалась, с одной стороны, подъемом автономистских движений, проходивших под лозунгами отделения от полиэтнич-

ных штатов и объединения различных частей этноареалов, включенных в состав нескольких административно-территориальных единиц, а с другой — стремлением центрального руководства ИНК приостановить падение влияния партии в ряде районов Индии. В числе крупнейших разделенных народов были каннада, малаяли, телугу (андхра), маратхи, отчасти бенгалцы и ряд малых народов (бхилы, гонды и др.).

Этноареал каннада после включения ряда княжеств в состав Бомбейской провинции входил в состав пяти штатов: Майсура, Курга (в них каннада составляли большинство населения), Бомбея (менее 20% населения провинции), Хайдарабада (10,5%), Мадраса (6%). В тех провинциях, в которых каннада составляли меньшинство населения, их интересы не учитывались руководством провинций, а в ряде случаев имели место факты открытой дискриминации. Движение за образование этнически гомогенного штата Карнатака являлось составной частью борьбы за ликвидацию последствий колониального господства и решение общедемократических задач освободительной борьбы. В то же время в нем четко проявилось противоборство интересов различных кастовых, локальных и социально-классовых групп, рассматривавших создание этнически гомогенного штата прежде всего сквозь призму своих узкогрупповых интересов. Об этом свидетельствовали выдвижение лозунга «Майсур для майсурцев!» майсурскими деятелями, противоречия между кастами воккалига Южного Майсура и лингаятами северных районов, непоследовательная позиция майсурского отделения ИНК.

Последовательно за объединение всех земель каннада выступали лишь коммунисты и Народно-социалистическая партия, а в ИНК и законодательном собрании Майсура группировки сторонников и противников объединения были примерно равны по своей численности. Поэтому предложение КРШ о создании Карнатаки вызвало негодование многих майсурских деятелей. Законодательное собрание провинции лишь после длительных дебатов по указанию центрального руководства проголосовало за создание Объединенной Карнатаки.

Создание в ходе реорганизации штата Майсур как воплощения Объединенной Карнатаки породило новые проблемы: около трети населения составляли неканнада, обострились противоречия между воккалига и захватившими лидерство лингаятами, сохранились глубокие межрайонные различия. Острые внутренние противоречия были главной причиной, предотвратившей возникновение локального национализма каннада и влиятельной региональной партии.

Аналогичное положение сложилось в этноареале малаяли, расселенных на территории бывшего княжества Траванкор, к которому было присоединено княжество Кочин в области Малабар, составлявшей часть Мадраасской провинции. Порайонные различия сказывались в административной, политической, соци-

альной и других сферах общественной жизни этих районов и препятствовали развитию этнического самосознания народа малаяли. Более того, слияние Траванкура и Кочина на некоторое время укрепило позиции реакционных сил [Казаков, 1967, с. 112] и осложнило процесс создания Айкья Кералы (Единой Кералы), особенно в связи с тем, что после ограничения автономии княжеств Траванкур лишился значительной части доходов (пошлин, акцизных сборов и т. д.), которые лишь отчасти компенсировались скромными дотациями центрального правительства. В результате в княжестве значительно (на одну треть) возросли налоги, повысились цены и экономическое положение значительно ухудшилось.

Недовольство населения умело использовалось махараджей и его окружением в качестве аргумента против создания Айкья Кералы, ибо присоединение более отсталых районов Малабара могло привести к дальнейшему ухудшению положения. Траванкурские сторонники объединения, в свою очередь, видели в создании единого штата малаяли новые возможности для расширения борьбы против феодального режима, перспективы доступа к власти, а малабарские малаяли рассчитывали избавиться от господства тамильской бюрократии и буржуазии. Ведущей силой в движении за Айкья Кералу стал созданный в начале 1952 г. Объединенный левый фронт, включавший КПИ, Революционно-социалистическую и Керальскую социалистическую партию. В ходе предвыборной борьбы в 1951—1952 гг. Фронт делал упор на три основных требования: создание Айкья Кералы, передача земли крестьянам, справедливое распределение продовольствия. Эти требования нашли отклик среди населения Траванкура, где Объединенный фронт получил 50,3% голосов и завоевал 40 мест (в том числе КПИ — 25), став, таким образом, потенциальной альтернативой правлению ИНК, который лишь благодаря мажоритарной системе выборов получил 44 мандата, набрав 35,4% голосов. В малабарских округах Мадраса Конгрессу досталось лишь 4 места из 30 против 17, полученных блоком КПИ и Крестьянской рабочей народной партии. Действуя через массовые крестьянские, молодежные, женские и профсоюзные организации, коммунисты добились заметного расширения социальной базы движения за объединение Кералы.

Однако единое движение среди малаяли не сформировалось: траванкурская верхушка была против объединения, не желая присоединения отсталых районов Малабара и опасаясь потерять тамильские районы — рисовую житницу княжества и чайные плантации. Некоторые деятели выступали за создание полиэтнического штата Западного побережья, включающего Траванкур, Малабар, Кург, Тулувару и Южную Канингару, другие высказывались за объединение с Мадраасской провинцией, за выделение г. Кочина в территорию центрального подчинения и т. д. Траванкурский комитет ИНК ко времени приезда КРШ

также склонялся в пользу присоединения Южной Каннары и Курга, а позже высказался за создание Южного штата — Дакшина-Прадеш. Тамилнадский конгресс Траванкура настаивал на передаче Мадрасу округа Тривандрум, где тамилы составляли $\frac{3}{4}$ населения; из-за разногласий в этом вопросе в 1954 г. пало коалиционное правительство ИНК—ТКК в Траванкуре, и внеочередные выборы 1954 г., в сущности, превратились в референдум по вопросу территориальной реорганизации. Рост влияния левых сил, вызвавший настороженность у центрального руководства ИНК, побудил Конгресс поддержать требование о создании штата Керала. Итоги выборов показали, что требование реорганизации штатов по лингвистическому принципу пользовалось поддержкой большинства населения: за кандидатов ИНК было подано 46,2% голосов (45 мест из 118), объединенный фронт левых и социалисты вместе набрали 39,3% голосов и получили 44 места (в том числе КПИ — 23), Тамилнадский конгресс победил в тамильских округах, получив 19 мест [Маммен, 1981, с. 202].

Тактический маневр ИНК принес партии временный electoralный успех и облегчил создание единой Кералы (1 ноября 1956 г.), но не подорвал влияния левых сил, программа которых не только учитывала национальные интересы малаяли, но и предусматривала решение насущных социально-экономических задач. На последовавших в 1957 г. выборах в законодательное собрание штата КПИ, за кандидатов которой проголосовало 35,3% избирателей, получила относительное большинство мест (60 из 127), Народно-социалистическая партия — 10,8% и 9 мест, Конгресс — 37,8% и 43 места [Маммен, 1981, с. 203]. Керала стала первым штатом в Индии, в котором было сформировано и в течение нескольких лет функционировало коммунистическое правительство (подробнее см. [Ульянова, 1970, с. 152—179]).

Пример Кералы показывает, что в условиях поляризации социально-политических сил и актуальности субэтнических (в данном случае — конфессиональных) различий выразителем интересов консолидирующегося этноса вполне успешно может выступать массовая партия трудящихся. Субэтнические противоречия между индусами, христианами и мусульманами Кералы, высокая степень этнолингвистической гомогенности (в 1961 г. 95% населения составляли малаяли) и, как ее следствие, отсутствие почвы для межэтнических конфликтов исключали возможность формирования региональной партии на платформе локального национализма как важной третьей силы на политической арене штата.

В период работы КРШ возобновилось автономистское движение андхра. Образованный в 1953 г. штат Андхра включал лишь часть этноареала телугу, ранее входившую в состав Мадрасской провинции. За его пределами оставалось около 9 млн. телугу в Хайдарабаде и 2 млн. в Майсуре. Поэтому демокра-

тические силы во главе с коммунистами продолжали борьбу за создание «Великой Андхры» (об этом свидетельствует, в частности, десятикратный рост голосов, поданных за коммунистов в районах андхра в период с 1946 по 1955 г. — с 259 тыс. до 2,7 млн.).

Одной из центральных проблем был вопрос о судьбе княжества Хайдарабад, в котором из 18,7 млн. жителей почти половину (47,8%) составляли телугу, $\frac{1}{4}$ — маратхи и по 11,6 и 10,5% соответственно носители урду и каннада. Большинство хайдарабадских лидеров высказывались за раздел княжества путем присоединения отдельных его частей к соответствующим национальным штатам. Однако было немало сторонников и других путей решения: окружение низама и местные феодалы а также некоторые члены центрального руководства ИНК высказывались за сохранение единого Хайдарабада; мусульманские организации настаивали на том, чтобы в случае ликвидации княжества город Хайдарабад, где 45,4% населения составляли мусульмане, был преобразован в территорию центрального подчинения; лидеры местного отделения ИНК (председатель К. В. Ранга Редди, его племянник Ченна Редди), ранее выступавшие за создание «Великой Андхры», выдвинули требование о выделении Теленганы в качестве отдельного штата [Рао, 1978, с. 109], причем часть населения Теленганы поддерживала это предложение, тогда как другая часть по-прежнему выступала за «Великую Андхру» [Казаков, 1967, с. 80] — главным образом сторонники КПИ и левой Андхры махасабхи.

Правительство штата Андхра однозначно выступало за присоединение Хайдарабада, мотивируя свою позицию не только аргументами в пользу этнически гомогенного штата, но и соображениями экономического характера, в особенности использования природных и водных ресурсов; но при этом оно изъявляло готовность гарантировать пропорциональную долю мест на государственной службе жителям Теленганы.

КРШ после посещения Хайдарабада летом 1954 г. высказалась за расчленение княжества и отвергла аргументы в пользу существования особой деканской культуры. В отчете Комиссии однозначно предлагалось присоединить округа княжества, населенные каннада и маратхами, соответственно к Майсуру и Бомбейской провинции. Комиссия тщательно взвесила аргументы в пользу создания Вишал («Великой») Андхры: образование крупного штата с населением 32 млн. человек, богатство природных ресурсов, преимущества в решении вопросов о распределении водных ресурсов Кришны и Годавари, сложившиеся экономические связи между Андхрой и Теленганой и др. [Комиссия, 1955, с. 371—374]. В то же время в отчете отмечались опасения общественности Теленганы относительно того, что финансовые ресурсы области, намного превосходящие доходы Андхры, пойдут на развитие других районов, что более отсталое местное население станет объектом эксплуатации выходца-

ми из Прибрежной Андхры и что Теленгана может превратиться в «колонию». Рекомендации КРШ были в высшей степени двойственны: подчеркнув, что «преимущества образования Вишал Андхры очевидны», она в то же время предложила сохранить Теленгану (переименовав ее в штат Хайдарабад) и вернуться к вопросу об объединении после всеобщих выборов (т. е. через пять лет) при условии, если $\frac{2}{3}$ членов легислатуры Хайдарабада проголосуют за объединение [Комиссия, 1955, с. 108].

Предложение КРШ относительно сохранения Теленганы было отвергнуто большинством политических партий, включая местные организации ИНК. В законодательном собрании Хайдарабада за Вишал Андхру высказалось 103 легислатора, за сохранение Теленганы — лишь 29 и 15 воздержались от голосования [Индиан экспресс. 05.12.1955]. За объединение высказалось 7 из 10 окружных комитетов ИНК Теленганы; из видных деятелей лишь К. В. Ранга Редди и Ченна Редди поддержали рекомендации КРШ. За объединение выступили участники съезда народа Теленганы, созданного по инициативе коммунистов и Андхра махасабхи, на котором присутствовало 30 членов законодательного собрания и 9 депутатов парламента [Казаков, 1967, с. 81].

Активное давление политических партий, рост массового недовольства и опасность обострения конфликта между центральным руководством партии и ее провинциальными организациями в Андхре и Хайдарабаде, где быстро возрастало влияние коммунистов — в контексте общего обострения проблемы межэтнических отношений в стране, — были решающими факторами, побудившими руководство ИНК пойти на очередную уступку и согласиться (в январе 1956 г.) на создание Вишал Андхры. Новый штат, получивший название Андхра-Прадеш, был образован 1 ноября 1956 г., с административным центром в г. Хайдарабаде.

В комплексе мер по реорганизации штатов Южной и Центральной Индии создание тамильского национального штата не представляло больших трудностей, так как уже в колониальный период $\frac{9}{10}$ тамильского населения было сосредоточено в пределах полиэтничной Мадраасской провинции, в которой элитарные слои тамильского общества занимали привилегированное положение. В Мадраасской провинции сформировалась крупная тамильская буржуазия, развернувшая свою деятельность во всей Южной Индии, тамилы составляли большинство чиновников колониального административного аппарата. Многие тамильские лидеры еще до провозглашения независимости Индии вынашивали планы создания самостоятельного дравидийского государства, в котором тамилы заняли бы господствующее положение (например, на съезде Партии справедливости в конце 1938 г.). Позже, с 1944 г., лозунг образования дравидийского федеративного государства был провозглашен в

качестве главной задачи партией Дравида кажагам — ДК (Дравидийская федерация).

После провозглашения независимости Индии тамильские чиновники, ростовщики, предприниматели сохранили свое положение в этноареалах каннада, телугу и малаяли. Они вкупе с крупной тамильской буржуазией и частью тамильской интеллигенции были против создания национальных штатов путем раздела Мадраасской провинции и выдвигали альтернативные планы образования крупных полиэтнических провинций: Южного штата (1947 г.), Шри Над (1948 г.), Южной федерации, которая вместе с Северной федерацией составила бы Индийскую конфедерацию (план Раджагопалачарии, 1954 г.). Из-за отрицательного отношения лидеров других народов Южной Индии эти планы не получили поддержки, и максимальным достижением крупной тамильской буржуазии была нейтрализация местной организации ИНК в вопросе о реорганизации штатов. Движение за реорганизацию штатов по лингвистическому принципу было поддержано демократической общественностью и оппозиционными партиями, представители которых в законодательном собрании провинции в 1952 г. образовали Объединенный демократический фронт. Они рассчитывали — в первую очередь ДК и отколовшаяся от нее более радикальная Дравида мушнетра кажагам — ДМК (Дравидийская демократическая федерация), что в мононациональном Тамилнаде у них возникнет реальная возможность потеснить Конгресс и прийти к власти, так как позиции ИНК в тамильском этноареале были гораздо слабее, чем в полиэтнической Мадраасской провинции.

В целом отделение от Мадраасской провинции значительной части территории и крушение амбициозных планов крупной тамильской буржуазии, стремившейся сохранить и упрочить свое влияние в Южной Индии, вызвали усиление тамильского локального национализма, стремление выступать в роли защитника Юга Индии от «засилья Севера», «империализма хинди». Значительная часть тамильской элиты восприняла реорганизацию штатов как ущемление интересов Тамилнада, и не случайно именно в этом штате следствием реорганизации было усиление влияния этнолокальных партий.

Наряду с решением проблемы Хайдарабада сложным вопросом в ходе реорганизации штатов было создание Маратхского штата. Этноареал маратхов накануне провозглашения независимости Индии оставался разделенным: большая часть маратхов была сосредоточена в Бомбейской провинции (2/3 населения), компактные группы маратхов имелись в Центральных провинциях (75% населения области Видарбха), Хайдарабаде (78,6% населения Маратхавады) и ряде мелких княжеств, которые были упразднены в 1947—1948 гг. Во всех этих территориальных единицах маратхи занимали подчиненное положение по отношению к гуджаратцам, хиндустанцам или мусульманской верхушке Хайдарабада. Беспокойство маратхской интелли-

генции вызывала также проблема языка, так как в Маратхаваде официальным языком был урду, а в Бомбее и Мадхья-Прадеше преобладал хинди.

Движение за объединение маратхских земель возглавили местные отделения ИНК, по инициативе которых еще в 1946 г. был создан Самъюкта Махараштра паришад (Совет объединенной Махараштры). Образование штата Махараштра неизбежно предполагало раздел Бомбея, Хайдарабада и Мадхья-Бхарата. Поэтому против самоопределения маратхов в рамках индийской федерации выступили крупная гуджаратская и марварийская буржуазия Бомбея и окружение низама Хайдарабада. Гуджаратско-марварийская буржуазия Бомбея занимала не только доминирующие позиции в экономике Махараштры, но и представляла собой наиболее влиятельную группировку индийской буржуазии, оказывала значительное влияние на государственные органы в центре и в штате [Казаков, 1967, с. 175]. С целью борьбы против раздела провинции созданные ею организации — Бомбейский комитет (позже переименованный в Комитет граждан Бомбея) и так называемая Платформа национального единства — через средства массовой информации и другие каналы начали интенсивную кампанию против территориальной реорганизации и предпринимали попытки расколоть организацию ИНК в Махараштре. Среди конгрессистов Видарбхи, несмотря на их тесные контакты с Самъюкта Махараштра паришад, также не было единства относительно создания единого штата, и влиятельная группа выступала с планом выделения Видарбхи в отдельный штат.

Движущей силой кампании за объединение Махараштры выступали маратхская интеллигенция, средние городские слои, которые «надеялись на значительное улучшение своего положения в результате создания „своего“ маратхского штата» [Казаков, 1967, с. 179]. Однако, несмотря на значительный размах движения, КРШ под давлением Бомбея рекомендовала в своем докладе лишь создание штата Видарбха, что, естественно, никак не ущемляло интересы верхушки бомбейских предпринимательских кругов.

Массовое недовольство маратхов и части гуджаратцев вынудило центральное руководство ИНК пересмотреть рекомендации КРШ; было выдвинуто компромиссное предложение, предусматривавшее образование трех штатов: Махараштры (включая Видарбху), Гуджарата и Бомбея. Деловой Бомбей приветствовал это решение, однако оно никак не устраивало ни гуджаратских, ни маратхских националистов, предъявлявших свои притязания на крупнейший промышленный и финансовый центр Индии. Одновременно оно внесло раскол в ряды маратхской буржуазии. На фоне разгоревшихся страстей вокруг статуса Бомбея появился так называемый план Неру, согласно которому Бомбей должен был стать второй столицей Индии с переводом туда из Дели ряда министерств. И это предложение вы-

звало острые разногласия, массовые, преимущественно стихийные выступления, включая забастовки рабочих.

Положение осложнялось тем, что из-за разногласий среди конгрессистского руководства Самьюкта Махараштра паришад, в котором большинство составляли члены ИНК, объявил о самороспуске, и движение лишилось руководящего центра. Вместо него в январе 1956 г. был создан Самьюкта Махараштра самити (Комитет Объединенной Махараштры), включавший широкий спектр организаций — от левых (КПИ, Рабоче-крестьянская партия, социалисты) до крайне правых (Хинду махасабха, Джан сангх). Речь при этом не шла об идеологическом сближении или даже сплочении на платформе локального маратхского национализма, а исключительно о конкретной программе совместных действий: отставке членов в органах самоуправления, включая legislators, несотрудничестве с правительством, проведении мирных кампаний неповиновения и забастовок и др. [Казаков, 1967, с. 188].

Тем не менее союзное правительство в январе 1956 г. заявило о своем намерении выделить Бомбей в территорию союзного подчинения. Этот шаг вызвал — по призыву демократических партий — массовые забастовки текстильщиков (250 тыс. рабочих), докеров, железнодорожников, столкновения, а затем и уличные бои с полицией и массовые беспорядки, в ходе которых имелись человеческие жертвы (21 убитый, сотни раненых). Распространение движения в других городах провинции, а также в сельской местности побудило центральное руководство страны, невзирая на давление крупной бомбейской буржуазии, пойти на определенные уступки: Дж. Неру во время посещения Бомбея обещал, что в случае утверждения закона о преобразовании города в союзную территорию через пять лет он будет возвращен Махараштре [Таймс оф Индия. 04.06.1956]. Поскольку это не устраивало ни маратхских, ни гуджаратских лидеров, союзное правительство оказалось от планов раздела и решило сохранить Бомбей в качестве билингвистического (маратхско-гуджаратского) штата, к которому по Закону о реорганизации 1956 г. были присоединены Видарбха и Маратхавада.

Это был определенный успех маратхского автономистского движения, так как практически весь маратхский этноареал был объединен в границах одной провинции. Но маратхи не могли смириться с тем, что господствующее положение в штате сохраняла гуджаратская и марварийская буржуазия. На выборах 1957 г. в маратхских округах прежней Бомбейской провинции за кандидатов Самити проголосовало более 3 млн. избирателей, а за ИНК — лишь 2,2 млн. и даже в городе Бомбее, где влияние противников раздела считалось преобладающим, — соответственно 609 тыс. и 548 тыс. Менее ощутимым было поражение ИНК в Видарбхе и Маратхаваде: в этих областях сторонники раздела набрали соответственно 53,3 и 40% голосов. В гуджаратских округах, где движению за создание монона-

ционального штата всячески сопротивлялась крупная гуджаратская буржуазия, кандидаты Маха Гуджарат джаната парижад набрали 1,4 млн. голосов, конгрессисты — 2,8 млн. В итоге ИНК получил 135 мест и смог сформировать правительство меньшинства в Бомбейской провинции.

Однако в целом выборы, которые рассматривались всеми партиями как референдум по вопросу о разделе штата, а также потери Конгресса на парламентских выборах (поражения в 29 округах из 66), вынудили руководство ИНК изменить свою позицию. Как отмечал В. И. Казаков, исход выборов 1957 г. показал значительную изоляцию крупной буржуазии и угрозу потери влияния Конгресса на западе страны [Казаков, 1967, с. 196]. Здесь, как и в южных штатах, со всей полнотой обнаружилось взаимодействие этнических и политических факторов: политическое решение (принятое прежде всего под давлением крупной буржуазии провинции) о создании билингвистического штата вызвало негативную реакцию избирателей на почве этнической солидарности и через электоральный процесс ударило бумерангом по Конгрессу. С точки зрения социально-политического развития не менее важным был и другой урок: выборы показали, что средние слои и левые силы могут использовать этнический фактор как политическое орудие в противоборстве с крупной и монополистической буржуазией.

Неудачи Конгресса на выборах 1957 г. побудили центральное руководство ИНК после некоторых колебаний пересмотреть свое отношение к проблеме штата Бомбей. Решение о его разделе было принято в августе 1959 г. Рабочим комитетом Конгресса, а 1 мая 1960 г., после принятия соответствующего закона парламентом, были образованы лингвистические (национальные) штаты Махараштра (со столицей г. Бомбей) и Гуджарат. Движение за автономную Видарбху к этому времени практически сошло на нет.

Созданием штата Махараштра была достигнута одна из главных целей демократического движения — возможность самоуправления в рамках федерации, равноправное положение маратхского народа в социально-политической структуре Индии. ИНК в качестве правящей партии вскоре получил ожидаемые политические дивиденды: на выборах 1962 г. в Махараштре партия набрала более половины голосов избирателей (52,94% против 45,8% в 1957 г.) и увеличила свое представительство в законодательном собрании штата со 135 до 215 мест. Ослабленный вследствие выхода из его состава обеих социалистических и Республиканской партии, Самьюкта Махараштра самити получил 21,4% голосов избирателей и одержал победу лишь в 32 избирательных округах. Успеху Конгресса в немалой степени содействовало то обстоятельство, что партия приписывала себе заслугу образования Махараштры и в предвыборном манифесте сформулировала многообещающую программу развития штата и маратхской культуры. Расширилась социальная

база Конгресса также в Гуджарате, где выразителем интересов крупной буржуазии стала новая партия — Сватантра.

Несмотря на тот факт, что борьба за создание Махараштры затянулась значительно дольше, чем движения за образование других крупных штатов, здесь не сложилась региональная партия на платформе локального национализма. Объясняется это прежде всего доминирующей ролью общендийских политических партий, часть которых и образовала временный альянс в виде Самъюкта Махараштра самити.

Автономистские движения и — как их результат — реорганизация ряда штатов по национальному признаку оказали чрезвычайно сильное воздействие на этнонациональное развитие Индии, резко ускорив формирование этнического самосознания не только среди образованных и элитарных слоев отдельных этносов, но и основной массы населения. Участие в движениях за создание лингвистических штатов, острые дискуссии по этим вопросам содействовали существенным сдвигам в структуре самоидентификации больших масс населения. Сама проблема территориальной реорганизации штатов впервые после ухода колонизаторов поставила перед рядовым индийцем проблему «своих» и «чужих», антитезу «мы — они», так как в условиях парламентарной демократии от отношения к этому вопросу во многом зависел характер саркара, т. е. власти, правительства, администрации. Для многих индийцев это была новая проблема, и решение ее резко раздвигало идентификационный кругозор за пределы общины, касты, местности. Это — не гипотеза и не логическое построение: отношение жителей отдельных этноареалов к этой проблеме проявилось самым непосредственным образом в их предпочтениях на выборах, которые в полиэтничных штатах приобретали характер референдума по наиболее важному и насущному вопросу — вопросу национально-территориальной автономии.

Автономистские движения, завершившиеся радикальной перекройкой политической карты Южной и Юго-Западной Индии, убедительно показали, что в многонациональной стране в условиях перехода от авторитарного правления к демократическому режиму национальный фактор может играть не только самостоятельную, но и решающую роль, определяя конкретные пути развития политической системы общества. Этности, обладающие достаточно четкими и устойчивыми отличительными признаками, самосознанием и территориальной идентичностью, в процессе политической мобилизации осознают и отстаивают свои специфические интересы и тем самым конституируются как самостоятельные субъекты политического действия. Разнообразные сочетания этносоциальных и прочих групповых, в том числе социально-классовых интересов, определяют сложность путей и противоречия политического развития многонационального, полиэтнического общества по сравнению с более гомогенным, однопациональным обществом.

Национально-территориальная автономия и эволюция партийно-политической системы

Административно-территориальная реорганизация 1956 г. и последовавший раздел штата Бомбей в 1960 г., лишь частично затронув форму федеративного государственного устройства Индии, радикально изменили его сущность. Вместо полиэтнических провинций, возникших в колониальный период и в ходе воссоединения княжеств в первые годы независимого развития, субъектами федерации стали несuverенные национально-государственные образования. В итоге союз штатов, в сущности, оформил исторически сложившийся союз народов Индии, и, хотя в конституцию не были внесены поправки, гарантирующие сохранение и территориальную целостность отдельных штатов, политический механизм демократии обеспечивал сохранение лингвистических, т. е. этнически гомогенных, штатов как формы самоуправления крупных народов.

Образование национальных штатов создало более благоприятные условия для развития культур и ускорения процессов этнической консолидации крупных народов Индии; в то же время оно обеспечило доминирующее положение местной буржуазии на политической арене штатов и — главное — расширило возможности для автономного политического развития отдельных народов. Перспектива «регионализации» социокультурного и политического развития Индии по-новому поставила проблему национальной (т. е. государственной) интеграции, предотвращения роста локального национализма и центробежных тенденций, которые — с точки зрения многих политических деятелей, исследователей и обозревателей — представлялись неизбежным следствием реорганизации штатов на лингвистической основе и могли привести к дезинтеграции Индии как единого государства. «Индия стоит перед опасностью распада на ряд тоталитарных малых национальностей», — писал в 1957 г. известный индийский ученый и общественный деятель С. К. Чаттерджи [Чаттерджи, 1957, с. 313].

Некоторые другие авторы высказывали предположение, что опасность усиления центробежных тенденций может вызвать ответную реакцию — упразднение демократических институтов, установление авторитарного режима. «Индия — это целый мир, втиснутый в тесные казармы. Нигде больше не противостоит друг другу в рамках одной национальной политической системы такое большое число лингвистически дифференцированных народов, каждый из которых обладает самосознанием и исчисляется миллионами и десятками миллионов людей... Индийский национализм может выжить скорее всего лишь цепой серии авторитарных политических реформ...» — писал американский автор Селиг Гаррисон в 1960 г. в книге «Индия: самые опасные десятилетия», получившей широкую известность и неоднократно переизданной в Индии [Гаррисон, 1960, с. 3—4]. Аргументы

Гаррисона сводились к тому, что после создания лингвистических штатов неизбежно возрастает роль местных языков и культур и соответственно намечается тенденция к социокультурной дивергенции и дезинтеграции; в социально-политической сфере англоязычную верхушку, сформировавшуюся в колониальный период, постепенно вытесняют «региональные элиты», тесно связанные со своими лингвистическими и кастовыми группами и ориентированные на «провинциальные ценности». Конфликты между региональными этнокастовыми элитами, по мнению Гаррисона, порождают фракции в общендийских партиях и определяют политический процесс в масштабах страны, усиливая тем самым центробежные тенденции. Рост напряженности внутри самой правящей партии, обладающей прочной базой в основном на севере страны (в поясе хинди), и преимущественно региональный характер левой оппозиции (КПИ с ее базой в Андхра, Бенгалии и Керале) ставят под вопрос жизнеспособность Индийского Союза в ближайшие «самые опасные десятилетия», т. е. 60—70-е годы [Гаррисон, 1960, с. 178, 286, 297].

Сомнения относительно будущего Индии как единого государства получили широкое хождение в конце 50-х — начале 60-х годов и в той или иной форме явно или подспудно сохраняются по сей день: проблема единства и территориальной целостности Индии приобретает политическую остроту в ходе предвыборных кампаний, в связи с беспорядками в отдельных пограничных штатах и общинно-религиозными конфликтами, в поисках решения языковых проблем, при обсуждении вопросов, касающихся отношений между Союзом и штатами, между общендийскими и региональными партиями и т. д.

Актуальность и острота проблемы «национального» единства Индии (как, впрочем, и других многонациональных стран) обусловлена прежде всего тем, что тесное взаимодействие и противоборство тенденций общендийской интеграции и этнической консолидации отдельных народов охватывает, в сущности, все аспекты общественной жизни и исключает возможность однозначного убедительного ответа на вопрос о том, которая из двух тенденций преобладает. На любой аргумент можно привести десятки контраргументов в виде цифр, фактов, событий, не говоря уже о мнениях специалистов и высказываниях политических деятелей. В итоге нередки случаи, когда исследователь, отметив «усиление национализма (локального. — А. П.) во всех районах страны», кризисные явления в федерации, обострение борьбы между буржуазией различных национальностей и «рост сепаратизма местных реакционных сил», в заключение приходит к выводу, что в конечном счете «еще более укрепилось стремление народов страны жить в едином федеративном государстве» [Сайфулин, 1978, с. 197—207].

При рассмотрении соотношения двух тенденций развития полиэтнического общества ключевое значение имеет выявление

социальных и социально-политических сил, выступающих в качестве их носителей. В упрочении государственного единства Индии заинтересованы прежде всего «основные» современные классы — крупная буржуазия и широкие трудящиеся массы (по мере политического пробуждения последних). «Широкое и быстрое развитие производительных сил капитализмом, — отмечал В. И. Ленин, — *требует* больших, государственно-сплоченных и объединенных, территорий, на которых только и может сплотиться, уничтожая все старые, средневековые, сословные, узкоместные, мелконациональные, вероисповедные и прочие перегородки, класс буржуазии, — а вместе с ним и его неизбежный антипод — класс пролетариев» [Ленин, т. 24, с. 143—144]. Крупная буржуазия, сферой деятельности которой является вся Индия, за годы независимости стала гораздо более полиэтнической и включает представителей всех основных национальностей и конфессиональных групп: бенгалцев, тамилы, каннада, индусов, мусульман и сикхов Северной Индии и др. наряду со старой марварийской, гуджаратской и парсийской буржуазией. Используя кастовые и кровнородственные связи, вокруг крупных фирм во всех районах Индии вырастают «инонациональные» мелкие и средние предприятия, владельцы которых составляют многочисленную клиентулу крупной буржуазии.

Важнейшей и решающей силой в осуществлении интеграции является само государство, обладающее относительно высокой степенью самостоятельности и широкими функциями по охране интересов господствующих классов [Левковский, 1978, с. 182; Широков, 1981, с. 186]. Выступая в качестве «универсальной, всеобъемлющей организации, распространяющей свое действие на всю территорию страны и всех граждан, находящихся на ней» [Основы, с. 51], государство в современных странах Востока «призвано играть активную формирующую и созидательную роль практически на всех „этажах“ общества: экономического базиса... национально-этнической и социальной структур, всей системы политической надстройки (включая достраивание собственного гражданского и военного аппарата) и на идеологическом уровне (формирование и внедрение „общегосударственной“ идеологии)» [Симония, 1983, с. 85].

Обеспечение национальной интеграции советские государственоведы относят к внутривнутриполитическим, а охрану территориальной целостности — к внешнеполитическим функциям государства [Государство, с. 75—78]. Хотя целесообразность подобного деления вызывает возражения и принимается не всеми авторами, оно имплицитно предполагает способность государства преодолеть центробежные тенденции и возможность сепарации лишь в случае вмешательства извне, что, за редким исключением (выход Сингапура из Федерации Малайзии в 1965 г.), подтверждается историей освободившихся стран, в том числе и опытом независимой Индии. Так или иначе, сохранение территориальной целостности страны никоим образом нельзя рас-

смагивать в качестве доказательства успехов политики интеграции и тем более как проявление воли народов полиэтнического государства. В условиях соблюдения основных демократических свобод (организаций, печати, собраний и т. п.) в этом отношении гораздо более показательны тенденции социокультурного и социально-политического развития в масштабах страны и в отдельных этноареалах и штатах.

В концепциях, предсказывавших распад Индии, центральное место занимал тезис о том, что после создания лингвистических штатов неизбежно последуют языковая балканизация Индии (один штат — один язык), разрыв связей между космополитичным лидерством общендийского уровня и электоратом и формирование «региональных элит» как главных социально-политических сил. «Представительное национальное (общендийское. — А. П.) лидерство может становиться все менее представительным по мере восхождения новых региональных элит, так как деятель, владеющий только своим региональным языком, окажется вынужденным оставаться в своей локальной сфере, а другой, знающий английский или хинди, может стать типичным представителем космополитичного меньшинства, оторванного от культурной и политической жизни в округах... Правление вестернизированной элиты было бы современным воплощением старых индийских порядков, когда управление осуществлялось на языке двора, непонятном для большинства народа» [Гаррисон, 1960, с. 93—94].

Вопреки этим прогнозам развитие средств массовой информации на местных языках не привело к вытеснению английского языка: в период 1967—1981 гг. общий тираж газет и журналов увеличился в 2,3 раза (с 21,9 млн. до 51,1 млн. экз.), на английский — в 2 раза, и доля последних снизилась относительно незначительно — с $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{5}$ всего тиража [Ермошкин, Сучков, 1971; Языковая ситуация, с. 83]. Англоязычные газеты, издаваемые в Бомбее, Дели, Калькутте и в Мадрасе, распространяются по всей стране и остаются наиболее авторитетным источником информации для интеллигенции всех национальностей. В последние годы хинди и в значительно меньшей степени другие языки используются в качестве средства обучения в колледжах, однако в большинстве университетов, медицинских и технических вузов преподавание ведется на английском языке, а англоязычные средние школы по численности уступают лишь школам с преподаванием на хинди и бенгали. Прочные позиции английского языка в общественно-политической жизни, в науке и сфере высшего образования обеспечивают сохранение им роли основного средства межэтнического общения верхних слоев индийского общества, исключив дихотомию между общендийской и «региональными» элитами. Среди менее привилегированных групп, особенно в городах Западной и Восточной Индии (включая Бомбей и Калькутту), значительное распространение получает хинди.

В целом политика лингвистического плюрализма не создала заметных препятствий для функционирования общендийской коммуникативной системы, определенной стандартизации образа жизни и системы ценностей средних и верхних городских слоев. Главное, создание национальных штатов не привело к конфронтации отдельных народов и, за немногими исключениями, о которых речь пойдет в следующих главах, не воспрепятствовало усилению индийского компонента в структуре самоидентификации образованной части населения.

Создание этнически гомогенных штатов не исключило полностью возможность межэтнических конфликтов, так как практически во всех штатах имеются относительно многочисленные группы меньшинств (племен, мигрантов из других штатов) и осуществляется политика преференций при замещении должностей и приеме в вузы «сынов земли», фактически означающая незаконную дискриминацию (нарушение ст. 16 конституции) выходцев из других районов Индии. Однако подобные конфликты, за исключением отдельных штатов, в которых сложилась особо сложная этнодемографическая ситуация (Ассам, Трипура), не приобретают массового характера: меньшинства в большинстве случаев расселены дисперсно, не имеют своих политических организаций, и конфликт в таком случае не институционализируется.

Социально-экономические противоречия между отдельными областями штатов, соперничество в борьбе за власть между доминирующими кастами и отступление на второй план вопросов равенства крупных этносоциальных групп после образования национальных штатов привели к спаду волны локального национализма, поднявшейся в ходе автономистских движений, и до известной степени развеяли опасения относительно сепаратизма крупных народов. «Опыт существования лингвистических штатов рассеял часть опасений по поводу висевшего в течение многих лет призрака дезинтеграции, — пишет индийский исследователь Б. Арора. — Весь ход событий привел к тому, что теперь индийское правительство более уверенно и спокойно рассматривает этнические проблемы и проявляет большее понимание причин и серьезных мотивов, которые в большинстве случаев побуждают (этнические группы) отстаивать свое право на самобытность. Было замечено, что признание специфичности группы и предоставление ей институциональных средств создают возможности для ее развития и сами по себе не подрывают национального единства, и наоборот, отказ удовлетворить требования подобного рода может привести к опасным тупикам, как об этом свидетельствует пример горных племен Северо-Востока Индии» [Арора, 1972, с. 62—63].

Этнополитическая ситуация в любой стране, в любом отдельном этноареале всегда специфична и имеет свои неповторимые особенности, что существенно затрудняет выявление типичных и общих черт. Однако даже краткий обзор ситуации в от-

дельных районах Индии (так называемый пояс хинди, Орисса, Гуджарат, Керала, Махараштра) позволяет выделить несколько вариантов взаимодействия этносоциальных и социально-политических факторов.

Этническая ситуация в поясе хинди, включающем штаты Уттар-Прадеш, Бихар, Мадхья-Прадеш, Раджастан, Харьяну, Химачал-Прадеш и союзную территорию Дели, не имеет параллелей ни в Индии, ни в любом другом районе земного шара. Эта обширная область с населением более 300 млн. человек (44,1% жителей Индии) в колониальный период превратилась в отсталый хинтерланд, уступающий по важнейшим показателям социально-экономического и культурного развития прибрежным районам, и этот разрыв сохраняется по сей день.

Население Северной Индии обладает рядом признаков социокультурной общности и заметно отличается от остальных народов страны, но в то же время оно весьма неоднородно и не представляет собой единой консолидированной этнической общности. Распространенное представление о том, что северные индийцы — это преимущественно «хиндустанцы», говорящие на различных диалектах хинди (или хиндустани), далеко не соответствует действительности: во-первых, «хиндустанцы» скорее синоним понятия «индийцы», а не этноним и не самоназвание (эндоэтноним) жителей, и отсутствие такового указывает на отсутствие этнического самосознания; во-вторых, хинди не является родным языком для жителей какого-либо района или этнической общности и обозначает литературный язык либо группы родственных языков: авадхи, брадж, джайпури, кхари боли, магахи, майтхили, марвари (мевари), харияни, бходжпури и др. [Ульциферов, 1987; Чернышев, 1978; Клюев, 1978; Языковая ситуация, с. 91—108]. Все эти языки, в свою очередь, распадутся на многочисленные диалекты и, за редким исключением (марвари, майтхили и др.), не имеют литературной формы. В школах, государственных учреждениях и средствах массовой информации обычно используется литературный язык хинди, который «в сельской местности, особенно в сельской „глубинке“... не воспринимается подавляющим большинством населения» [Ульциферов, 1987, с. 168—169].

Не обладая ни общностью языка, ни этническим самосознанием, жители Северной Индии («хиндустанцы») не являются единым этносом. «Сравнительно мало развито и самосознание по локальным диалектным группам. Сельское население осознает и называет себя главным образом как жителей какого-либо небольшого локального района, значительно меньшего, чем диалектный ареал. Из этого аморфного массива только еще начинают выкристаллизовываться отдельные небольшие общности, которые даже народностями можно назвать лишь с натяжкой, например чаттисгархцы» [Этнические процессы, с. 100—101]. Для основной массы населения пояса хинди характерна структура самоидентификации, в которой осознание

этнической принадлежности либо вообще отсутствует вследствие того, что этнические различия на локальном уровне неприметны и проблемы межэтнических отношений не играют никакой роли в повседневной жизни, либо выражено чрезвычайно слабо и отодвигается на задний план принадлежностью к касте, кровнородственной группе, религиозной (индусской или мусульманской) общине, местности (населенному пункту), у небольшой части населения — к индийской гражданско-политической общности, штату.

Узость кругозора, затрудняющая формирование идентификации с социальными макрогруппами, которые «не помещаются» в сфере личных контактов, в значительной степени обусловлена такими факторами, как неграмотность (неграмотны $\frac{3}{4}$ населения Уттар-Прадеша, Бихара и Мадхья-Прадеша), низкая даже по индийским стандартам степень урбанизации (7,7% в Химачал-Прадеше, 12,5% в Бихаре, 18—22% в Мадхья-Прадеше, Уттар-Прадеше, Раджастане и Харьяне при среднеиндийском показателе 23,7% в 1981 г.), невысокая мобильность населения — по этому показателю Северная Индия сопоставима со странами Европы XVIII — первой половины XIX в., т. е. периода, когда возможность консолидации и даже сохранения ряда народов Центральной и Восточной Европы представлялась проблематичной.

В современных условиях под воздействием средств массовой информации (в особенности наиболее доступного из них — радио) и вследствие политического участия возможно более быстрое расширение кругозора и осознание принадлежности индивида к «большому обществу», т. е. ускоренное формирование новой структуры самоидентификации, включающей такие современные компоненты, как гражданско-политическое и классовое самосознание и этнонациональная идентичность. Однако наложение современных институтов, структур, систем ценностей и взглядов на традиционное общество, разрушая его замкнутость и включая индивидов в состав более широких социальных макрообразований, не приводит к простой смене идентичности. Средства массовой коммуникации, как отмечают социологи, являются относительно слабым фактором изменения или формирования сильных установок [Дэвис, 1972, с. 58—61], информация из других источников, если она прямо противоречит сложившимся установкам, «нередко просто не принимается во внимание как несущественная» [Колеватов, 1984, с. 152]. Как показали проведенные индийскими социологами исследования, массовое сознание мало восприимчиво к идеям государственного патриотизма: в конце 60-х годов низкая степень или полное отсутствие индийского самосознания отмечены у трети горожан и до $\frac{3}{4}$ опрошенных сельских жителей штата Уттар-Прадеш [Атал, 1971], почти у половины школьников VI—X классов городской средней школы [Гупта, 1975, с. 230—231]. Согласно тем же исследованиям, $\frac{2}{3}$ всех опрошенных, включая учащихся

ся X класса, и до 80% сельских жителей не имели элементарных представлений о своем штате. Отсутствие соответствующих данных на конец 80-х годов не позволяет выявить динамику структуры самоидентификации, но все же можно предположить, что значительная часть сельского населения Северной Индии не имеет четких представлений о своей принадлежности ни к индийской гражданско-политической общности, ни к этнорегиональной.

Формирование новых компонентов в структуре самоидентификации в значительной степени осложняется тем, что социально-классовые антагонизмы и политическая борьба в современных условиях нередко способствуют сохранению традиционных форм идентичности, прежде всего кастовой и конфессиональной. Общинно-религиозные столкновения, в ходе которых в Северной Индии ежегодно погибают сотни индусов и мусульман, — это не только хроническая болезнь Индии, но и (наряду с межкастовыми конфликтами) преобладающая форма социального конфликта. Общинно-религиозные и кастовые антагонизмы оказывают заметное воздействие на ход и формы политической мобилизации, институционализируются и усиливаются вследствие создания многочисленных индусских и мусульманских организаций, ассоциаций, советов, фондов. На платформе индусского коммунизма выросла военизированная РСС, ставшая мощной и сплоченной силой; в 1951 г. возникла партия Джан сангх (нынешняя Бхаратия джаната парти — БДП), которая постепенно превратилась в крупнейшую оппозиционную партию в поясе хинди; преимущественно кастовую социальную базу имеет Лок дал (бывшая БКД, БЛД), выражающая интересы состоятельных фермеров-джатов.

Политизация традиционных форм групповой солидарности, использование касты и религии как инструмента в социально-классовой и политической борьбе усиливают и наполняют новым содержанием конфессиональную и кастовую идентичность, создавая труднопреодолимые препятствия для формирования групповой солидарности на базе культурной и языковой общности. В итоге формирующаяся новая структура представляет собой соединение или — с некоторыми оговорками — синтез традиционных компонентов (идентификация с кровнородственной группой, местностью), видоизмененных традиционных (кастовых, конфессиональных) и новых (социально-классовых, гражданско-политических). Осознание собственной этничности, которое для крупных народов является новым видом идентичности (в отличие от традиционного этноцентризма племен и локальных групп), в целом для североиндийцев пояса хинди несвойственно либо выражено весьма слабо (раджастханцы, кумаони, гархвали). Часть интеллигенции отдельных этнолингвистических групп, прежде всего майтихильской, добивается признания местных языков в качестве официальных, образования новых лингвистических штатов (Митхилы, Бходжпури, Уттаркханда и др.),

однако эти требования отражают лишь устремления узких элитарных групп (типа ортодоксальных майтхильских брахманов) и не получают поддержки со стороны образованных городских слоев, не говоря уже о сельских массах.

Индифферентное отношение к своей локальной культуре и языкам характерно для большинства этнолингвистических групп в зоне распространения хинди, который ассоциируется с городской культурой, образованностью и обладает гораздо более высоким престижем, чем «деревенские» разговорные языки. Это, естественно, чрезвычайно затрудняет их использование в школах и в средствах массовой информации и в конечном счете способствует нейтрализации этнодивергентных тенденций. Есть все основания считать, что развитие массовой культуры и ее известная стандартизация в сочетании с целенаправленной политикой государства по развитию и распространению литературного хинди и внедрению в массовое сознание идей государственного национализма ускоряет интеграцию как доминирующую тенденцию этнонационального развития в поясе хинди.

Отсутствие четких этнических различий, развитых языков, этнического самосознания и локального национализма облегчает распространение среди хиндиязычного населения идей государственного национализма и осознания своей принадлежности к индийской «нации». Формирующаяся общиндийская самоидентификация наряду с тем обстоятельством, что «хиндустанцы» составляют относительное большинство (примерно $\frac{2}{5}$) населения Индии, определяет роль пояса хинди как ядра общиндийской интеграции — роль, которую этот район играл в доколониальный период, но которой он лишился вследствие ускоренного развития прибрежных районов после колониального завоевания. Однако нынешний уровень социально-экономического развития Северной и Центральной Индии, ее культурная отсталость по сравнению с Западной Бенгалией, Тамилнадом, Кералой, Махараштрой, Гуджаратом и некоторыми другими национальными штатами существенно ограничивают возможности Севера как ядра общиндийской интеграции. Пояс хинди зачастую рассматривается образованной частью населения остальных регионов как оплот кастеизма, религиозной ортодоксальности, средневековых суеверий, пользуется сомнительной репутацией отсталой, неграмотной области, претендующей на главенствующую роль в стране. Подобные установки, особенно популярные в южных штатах, Западной Бенгалии и некоторых других районах, неизбежно затрудняют распространение по всей стране общих ценностей и норм, препятствуют преодолению социокультурной гетерогенности, внедрению хинди как общегосударственного языка и порождают многие другие проблемы «строительства нации».

Количественная и качественная неадекватность пояса хинди его роли ядра общиндийской интеграции является одной из

главных причин, осложняющих для правящего режима задачу формирования этнически однородной социальной базы и, следовательно, определяющих больший политический вес национальных штатов по сравнению с провинциями таких стран, как Пакистан, Иран, Бирма или Индонезия. В Индии политическая партия не может прийти к власти в центре без поддержки электората хиндиязычных штатов (для которых пропорционально численности населения выделено $\frac{2}{5}$ мест в парламенте) и по крайней мере двух-трех крупных национальных штатов либо соответствующего числа мест, полученных вне пояса хинди. С этой оговоркой пояс хинди занимает ключевое место в общеиндийском политическом процессе и является важнейшей региональной базой правящей партии (Конгресса, Джаната парти, а также объединения Национальный фронт). От того, насколько прочна социальная база правящей партии в этой области, в значительной степени зависит соотношение политических сил на общеиндийской арене и стабильность центрального правительства.

Тенденции к поляризации социально-политических сил в регионе достаточно четко обозначились уже во второй половине 60-х годов, когда по суммарной доле голосов, полученных на выборах, оппозиционные партии (Джан сангх, БКД, Народно-социалистическая партия, Сватантра, впоследствии, в 1977 г., объединившиеся в единую Джаната парти) превзошли ИНК, и в 1967 г. Конгресс был отстранен от власти в Уттар-Прадеше и в Бихаре, а затем в Харьяне и Мадхья-Прадеше. Хотя созданные оппозиционными партиями коалиционные правительства развалились, лишь к 1980 г. Конгрессу удалось восстановить свое влияние. В крупных штатах региона на выборах в законодательные собрания штатов в 80-е годы Конгресс (И) в среднем получал более 40% голосов, и при отсутствии единого оппозиционного блока этого количества обычно достаточно, чтобы сформировать свои правительства.

Главная слабость оппозиции в поясе хинди заключается в ее дробности, в свою очередь обусловленной относительно узкой социальной базой крупнейших партий.

Опора на относительно узкие социальные, в том числе кастовые, группы обеспечивает жизнеспособность оппозиционных партий, но в то же время чрезвычайно затрудняет их объединение и превращение в реальную альтернативу правлению Конгресса (И). Другой важной причиной раздробленности оппозиции является трудность выработки альтернативной платформы, отличной от программы ИНК (И) и его идеологии государственного национализма. В отличие от южных, северо-восточных и некоторых других штатов оппозиция в поясе хинди не может в качестве максимально широкой политической платформы использовать локальный национализм, так как этническое самосознание у населения региона выражено чрезвычайно слабо и лозунги «истинного», фактически индусского, национализ-

ма, с которыми в 50—60-е годы выступала Джан сингх, в лучшем случае находят отклик в городах. В то же время объединение оппозиции, как показали выборы 1977 и 1989 гг., может обеспечить ее успех.

Избиратели пояса хинди в значительно большей степени, чем жители прибрежных штатов, ориентированы на общендийскую политику и проявляют меньше интереса к политической жизни своих штатов: об этом свидетельствуют результаты социологических исследований, опросы общественного мнения и более активное (на 1—2% в 80-е годы) участие в парламентских выборах по сравнению с выборами в законодательные собрания (в большинстве национальных штатов картина противоположная: на выборах в легислатуры голосующих на 1—7% больше, чем на выборах в парламент). Присущая поясу хинди этническая аморфность сказывается, таким образом, на политическом развитии не только северных штатов, но и всей Индии.

Среди крупных штатов (т. е. за исключением северо-восточных, да и то далеко не во всех отношениях) Орисса (155,8 тыс. кв. км, население 26,3 млн. человек) остается наиболее отсталым. Несмотря на богатство природных ресурсов (полезных ископаемых, гидроресурсов, древесины), экономика штата крайне неразвита. По таким показателям, как доход на душу населения, доля населения, находящегося ниже официальной черты бедности, уровень грамотности, Орисса заметно отстает от среднендийского уровня. По степени урбанизации (11,8%) Орисса опережает лишь Химачал-Прадеш (7,7%) и Трипуру (11%) и далека от среднендийского уровня (23,7%).

По языку и культуре ория (или уткала) близки к бенгальцам, но в то же время достаточно отличаются от них, в частности тем, что пользуются собственной графикой, испытали заметное влияние культуры и языка телугу. Ория представляют собой вполне самостоятельный консолидирующийся этнос, однако среди основной массы населения этническое самосознание развито слабо, что обусловлено не только общей отсталостью, но и особенностями социально-политического развития.

В колониальный период в Ориссе, входившей до 1911 г. в состав Бенгалии, сохранялось большое количество княжеств, и их правители играли решающую роль в политической жизни этноареала ория. По их настоянию единая провинция Бихар и Орисса, образованная после отделения от Бенгалии, в 1936 г. была разделена, и этноареал ория еще задолго до провозглашения независимости Индии был административно обособлен. Волна автономистских движений, охвативших Индию после провозглашения независимости, Ориссы практически не коснулась, а проявления локального национализма ория были обусловлены в основном попытками бывших князей и крупных помещиков отстоять свое привилегированное положение и не отражали каких-либо сдвигов в самоидентификации масс. Возникшие региональные партии оказались недолговечными, по ха-

рактеру политического процесса Ориссы постепенно сблизились со штатами пояса хинди.

Региональные партии играли важную роль в политической жизни Ориссы с начала 50-х до середины 70-х годов. Руководящую роль в них играли бывшие князья и помещики, но в то же время регионализм в штате отражал социально-экономические различия и противоречия между более развитыми прибрежными районами и отсталой горной областью. Ганатантра паришад была основана (под другим названием) в 1948 г. бывшими князьями западной части, недовольными доминирующей ролью своих прибрежных соперников в политической жизни штата [Джена, 1967, с. 486]. Джана конгресс и Уткал конгресс возникли в Прибрежной Ориссе вследствие фракционной борьбы внутри провинциальной организации ИНК и разногласий между местным, преимущественно феодально-помещичьим, и центральным руководством партии.

Порожденные конкретной социально-политической конъюнктурой, эти объединения, несмотря на их временные успехи, оказались непрочными: Ганатантра паришад, набравшая на выборах 1952 и 1957 гг. соответственно 20,5 и 28,68% голосов и входившая в правящую коалицию вместе с ИНК (1959—1961), потерпела поражение на внеочередных выборах 1961 г. и в следующем году объединилась с правой общендийской партией Сватантра. На выборах 1967 г. победил альянс Сватантры и Джана конгресса, и образованное этими партиями коалиционное правительство продержалось до 1971 г. Созданный накануне выборов 1971 г. Уткал конгресс благодаря популярности своего лидера Биджу Патнаика получил на выборах 24% голосов, но в 1974 г. объединился с партией Бхаратия лок дал [Банерджи, 1985, с. 190—195]. «Регионализм в политической жизни Ориссы по крайней мере отчасти порожден политиками. Региональные настроения в Ориссе не столь спонтанны и естественны, как в некоторых других районах индийской федерации... Призывы к регионализму здесь редко находили живой, длительный отклик среди населения всех районов штата», — отмечает исследователь из Ориссы [Банерджи, 1985, с. 199]. Более того, межрайонные противоречия здесь часто выливались в требования раздела Ориссы на два или три штата, что явно свидетельствует о невысокой степени этнической консолидации ория и о слабой сплоченности местных, преимущественно сельских, элит. Индийский исследователь Р. Н. Мишра в этой связи отмечает, что «проблема интеграции, т. е. сближения различных культурных и социальных групп в рамках территориальной единицы и формирования чувства лояльности к этой единице (т. е. этнической общности. — А. П.), продолжает оставаться нерешенной, подобно тому как она не решена в общендийском масштабе» [Мишра, 1985, с. 430].

Около четверти населения Ориссы составляют малые народы и племена, лидеры которых отчасти примкнули к движению

за образование штата Джхаркханд. Подобный «сепаратизм» вызывает отрицательную реакцию со стороны политической элиты штата и, привлекая внимание к проблемам межэтнических отношений, играет роль катализатора в формировании этнического самосознания ория. Не менее существенную роль в этом процессе играют просвещение, рост средних слоев и этнолокальной буржуазии, интересы которой, с одной стороны, вступают в противоречие с устремлениями крупного бизнеса, проникающего в Ориссу из более развитых районов Индии, а с другой стороны, определяют недовольство политикой центрального правительства, которое за четыре десятилетия независимости так и не смогло ускорить развитие штата и довести его до среднеиндийского уровня. Все это создает питательную почву для формирования среди образованной части населения локально-националистических установок и их постепенного распространения среди масс ория. В то же время процессы социально-классовой дифференциации и распространение идеологии общеиндийского национализма затрудняют на современном этапе формирование этнолокальной партии, способной играть такую ключевую роль в политическом процессе, какую играют региональные партии в ряде других национальных штатов.

В Гуджарате (площадь 196 тыс. кв. км, население 34 млн. человек) $\frac{9}{10}$ населения штата составляют гуджаратцы — один из наиболее консолидированных народов Индии. На языке гуджарати ведется преподавание в школах всех уровней и частично в университетах, выпускается основная масса периодических изданий, быстро возрастает выпуск художественных фильмов (с 5 в 1970 г. до 39 в 1982 г.). Наряду с гуджарати в сферах делопроизводства, армии и полиции в известной мере используются также английский и хинди (подробнее см. [Языковая ситуация, с. 126—129]).

Гуджарат — один из наиболее развитых штатов Индии. В 1981 г. городское население составляло 31,1%, уровень грамотности — 43,75%, и по обоим этим показателям штат заметно превосходит среднеиндийский уровень. За годы независимости экономика Гуджарата развивалась ускоренными темпами, особенно такие современные отрасли, как химическая промышленность, машиностроение. Крупнейший город штата — Ахмадабад (2,5 млн. человек) по численности населения к 1981 г. занял 7-е место в Индии и превратился в один из крупнейших промышленных центров страны.

После образования Гуджарата вследствие раздела штата Бомбей массовые этносоциальные движения в штате сошли на нет, и в политической жизни гораздо более заметную роль играют социально-классовые, межкастовые и отчасти общинно-религиозные противоречия и конфликты. Влиятельных региональных партий в штате нет. Относительно благополучное экономическое положение штата исключает почву для недовольства по поводу дискриминации гуджаратцев, а высокая степень этни-

ческой гомогенности и прочные позиции местной буржуазии в экономике Гуджарата предотвращают возникновение межэтнических конфликтов. Более того, крупная гуджаратская буржуазия, в особенности каста банья и конфессиональная группа джайнов, представляет собой один из главных отрядов общиндийской крупной и монополистической буржуазии, заинтересованной в ограничении автономии штатов и способной оказать давление на правящую в центре партию. Прочные позиции гуджаратских предпринимателей в Бомбее, который по-прежнему остается притягательным центром для гуджаратских элит, и общиндийские интересы крупной буржуазии определяют ее индифферентное отношение к локальному национализму. Тем самым существенно ограничивается возможность для возникновения влиятельных партий на платформе локального национализма. Если локальный национализм ория почти не оказывает влияния на политический процесс вследствие отсталости и невысокой степени этнической консолидации, то в Гуджарате это происходит в результате интеграции элитарных групп в социально-экономическую структуру Западной Индии и отчасти других районов страны.

Пример штата Керала (площадь 38,9 тыс. кв. км, население 25,4 млн. человек) показывает, что высокая по индийским стандартам степень социокультурного развития в сочетании с острыми социально-экономическими проблемами не определяет становления локального национализма как влиятельной политической силы. Один из самых густонаселенных районов мира (650 человек на 1 кв. км) с развитой сетью коммуникаций, первый в Индии по уровню грамотности (69,17% населения в 1981 г.) и развитию библиотечной сети (1 библиотека на 3 тыс. грамотных), по ряду показателей социально-экономического развития этот штат является одним из отсталых районов Индии: промышленность неразвита, доход на душу населения в два раза ниже среднеиндийского, удельный вес безработных в три раза выше и составляет четверть самодеятельного населения [Сдасюк, 1981, с. 359], степень урбанизации низка (18,8%). Острота социально-классовых противоречий определяет более зрелое — по сравнению с населением большинства штатов — политическое сознание масс и невосприимчивость основных социальных групп к лозунгам локального национализма.

Другими важными факторами, определяющими политическое поведение и установки различных групп, являются этническая однородность (95% населения — малаяялцы) и чрезвычайная сложность конфессионального состава. Среди индусов (61% населения) преобладают ежава, относимые к шудрам (около 25% населения), наяры и зарегистрированные касты (по 12,5%); число брахманов крайне незначительно. Христиане (21% населения) делятся на сирийских христиан и католиков, составляющих соответственно 13,5 и 5,2% жителей штата, остальные 18% — мусульмане. Различные конфессиональные об-

щины проживают бок о бок во всех округах штата, и их территориальное размежевание слабо выражено. Значительная часть христиан сосредоточена в дистриктах Эрнакулам и Коттайам, где по численности они уступают индусам лишь на 2—3%; мусульмане составляют 23—43% в дистриктах Палгхат, Канпур и Кожикод [Маммен, 1981, с. 198—199].

В средних и верхних слоях малаяяльского общества доминирующее положение занимают наяры и христиане, в низших преобладают зарегистрированные касты и мусульмане, однако в целом конфессиональные, кастовые и социальные различия совпадают лишь частично. Это порождает сложный клубок меж- и внутриобщинных противоречий и обуславливает фрагментацию социально-политических сил, с одной стороны, и их поляризацию на социально-классовой основе — с другой. Основными соперниками в борьбе за власть и влияние являются коммунисты и Конгресс, вокруг которых в период выборов группируются менее влиятельные (Керальский конгресс, отколовшийся от ИНК в 1964 г., Мусульманская лига, РСР) и недолговечные партии.

С момента объединения Кералы в результате реорганизации 1956 г. у власти в штате чередуются коалиционные правительства, возглавляемые либо коммунистами, либо Конгрессом. Коммунисты, в особенности КПИ (м), пользуются поддержкой сельскохозяйственных рабочих и возглавляют крупнейшие в штате профсоюзы. В период пребывания у власти левые правительства осуществили прогрессивную аграрную реформу, программы строительства жилья для бездомных, развития сети государственных магазинов, клиник и больниц, внедрение на практике обязательного начального образования [Менон, 1982, с. 33—34]. Это обеспечивает прочную базу КПИ(м) и КПИ в Керале и победы на выборах Левого демократического фронта даже тогда, когда политическая обстановка в стране более благоприятна для ИНК(И), как это было на выборах в законодательное собрание штата в 1980 и 1987 гг.

Деятельность коммунистов, и в частности правительств объединенного фронта, подробно рассмотрена в специальных исследованиях [Куцобин, 1971; Мангутов, 1971; Нилов, 1982 и др.] и выходит за рамки данной работы. Для характеристики этнополитического развития значение левodemократической альтернативы заключается прежде всего в том, что широкая социальная база коалиций, их способность осуществлять некоторые социально-экономические мероприятия в интересах основной массы населения предотвращает формирование и внедрение в массовое сознание идеологии локального национализма, а учет в практической деятельности этнолокальных особенностей и стремление отстаивать интересы штата на федеральном уровне, в сущности, не оставляет места для деятельности региональной партии на платформе малаяяльского национализма. С известными оговорками сказанное относится к Западной Бен-

галии с той существенной разницей, что партийно-политическая система в этом штате менее фрагментарна ввиду отсутствия влиятельных, политически мобилизованных конфессионально-кастовых групп.

В штате Махараштра (площадь — 307,8 тыс. кв. км, население — 62,7 млн. человек) маратхи составляют основное население; они относятся к числу наиболее консолидированных этнических общностей Индии, обладают развитым этническим самосознанием. Это обусловлено в значительной степени традициями собственной государственности, принадлежностью большинства маратхов к одной касте (маратх — это одновременно название касты и этноним), влиянием интенсивных межэтнических контактов в Бомбее. Социокультурные различия между населением отдельных районов относительно незначительны, и лишь у жителей Видарбхи, до 1956 г. входившей в состав Мадхья-Бхараты (бывших Центральных провинций), сохраняется самосознание субэтнической общности и находят отклик требования о создании отдельного штата.

Локальный маратхский национализм в целом выражен весьма слабо, но представляет собой существенную политическую силу в столице штата — Бомбее, где маратхи составляют менее половины (в 1961 г. — 42,8%) населения и имеются большие группы гуджаратцев (19%), выходцев из Южной Индии (8,4%) и других районов страны. Преобладание иноэтничной буржуазии в деловой жизни города и низкий удельный вес маратхов среди конторских служащих и квалифицированных рабочих в новых отраслях промышленности (химической, машиностроительной, электронной) после раздела штата в 1960 г. вызвали обострение межэтнических отношений и появление лозунга «Махараштра для махараштрийцев!». Движение образованной маратхской молодежи организационно оформилось созданием воинствующей националистической организации Шив сена («Войско Шивы», 1965 г.), выступившей с требованием резервирования для махараштрийцев (фактически для маратхов) 80% всех должностей и рабочих мест [Вейнер, Катценштейн, 1981, с. 45]. В конце 60-х — первой половине 70-х годов Шив сена добилась значительных политических успехов (1/3 мест на выборах в муниципалитет Бомбея в 1968 г.), и под ее прямым давлением правительство штата приняло постановления об увеличении числа мест для «местных жителей», т. е. преимущественно маратхов, на государственных и частных предприятиях. Как показало обследование, проведенное М. Ф. Катценштейн, в период 1962—1973 гг. доля маратхов в верхних административных звеньях на предприятиях госсектора увеличилась с 19 до 29%, в частных фирмах — с 7 до 16% и продолжала возрастать в последовавшие годы [Катценштейн, 1979].

Постепенное размывание этносоциальных различий, исторически сложившихся в крупнейшем промышленном центре Индии, существенно ослабило влияние Шив сена в политической

жизни Бомбея. Созданная с целью защиты интересов «сыновей земли» в столице Махараштры, Шив сена не нашла поддержки среди населения других городов, где иноэтничный компонент был крайне незначительным, и тем более в сельской местности. Ограниченность социальной и территориальной базы и политическая платформа, отражавшая специфику межэтнического конфликта в Бомбее, определили характер Шив сена как группы давления и исключили возможность ее трансформации в этнорегиональную партию маратхской буржуазии.

Субэтнические противоречия, локальный национализм и политика в Андхра-Прадеше

Социально-политическое развитие штата Андхра-Прадеш отражает основные закономерности взаимодействия и взаимообусловленности этнонациональных и политических процессов и с известными оговорками (поскольку этнополитическая ситуация везде и всегда имеет свои специфические, присущие только данному этноареалу особенности) может рассматриваться как классический пример. Продолжительное, восходящее к началу века, и относительно широкое движение за объединение этнической территории андхра, обострение субэтнических (межобластных, кастовых) противоречий после образования этнически однородного штата и всплеск локального национализма под воздействием политических факторов в Андхра-Прадеше выражают одну из наиболее типичных тенденций этнополитического развития, которая при определенном стечении обстоятельств может повториться среди других этносов, не мобилизованных на платформе локального национализма.

После образования Андхры путем отделения от провинции Мадрас 12 телугуязычных округов значительная часть телугу оставалась в составе бывшего княжества Хайдарабад. В период реорганизации штатов многие видные деятели, включая Джавахарлала Неру, высказывались за сохранение Хайдарабада в качестве отдельного штата. Мотивы для этого были достаточно вескими: Теленгана в течение многих веков развивалась обособленно от Прибрежной Андхры, с XIV в. здесь правили мусульманские династии, население (в большинстве — индусы) говорило на телугу, каннада и маратхи, а языком межэтнического общения и образованных слоев служил урду. Несмотря на сохранение определенных межэтнических и общинно-религиозных противоречий, за пять веков в Хайдарабаде сложились традиции терпимости и адаптации, обусловленные гетерогенным характером общества, и провинция рассматривалась сторонниками ее сохранения как модель интеграции различных лингвистических, религиозных и культурных групп, как Индия в миниатюре. Однако движение меньшинств (каннада, маратхи),

опасавшихся господства телугу, вынудили центральное правительство в ходе реорганизации штатов пойти на раздел Хайдарабада между Андхрой, Майсуром (современной Карнатакой) и Бомбеем (современная Махараштра).

Объединение Теленганы и Андхры на основе языковой общности населения удовлетворило сторонников «Великой Андхры», но породило новые проблемы и вызвало субрегиональные автономистские движения, а противоречия между лидерами Теленганы и Прибрежной Андхры заняли одно из центральных мест в политической жизни штата. Наиболее явно они проявлялись в «сепаратизме» Теленганы — кампаниях за преобразование этого района в отдельный штат.

Хотя штат богат природными ресурсами, он заметно отстает от среднендийского уровня по всем важнейшим показателям социально-экономического развития. Несмотря на некоторые успехи, достигнутые за годы независимости, промышленность в Андхра-Прадеше развита слабо, за исключением табачной и пищевой и добычи слюды; лишь в последние годы появились крупные предприятия тяжелой промышленности: металлургический комбинат и судостроительный завод, машиностроительные предприятия, целлюлозно-бумажные комбинаты и текстильные фабрики, сосредоточенные преимущественно в Вишакхапатнаме и Хайдарабаде. Штат занимает одно из ведущих мест в Индии по производству зерновых, однако урожайность основных культур здесь в среднем в два раза ниже, чем в Пенджабе или Харьяне [Сдасюк, 1981, с. 282—299], и сильно зависит от погодных условий: если за последние сто лет британского господства здесь зарегистрировано 11 случаев массового голода, то на период 1956—1980 гг. приходится 18 голодных лет [Пэтриот. 11.12.1980].

По уровню развития резко выделяются районы Прибрежной Андхры — обширного, чрезвычайно плодородного района в дельте Годавари и Кришны. Это наиболее густонаселенная и наиболее урбанизованная часть штата. Резким контрастом Прибрежной Андхре являются обширные засушливые районы Райяласимы и Теленганы, ранее составлявшей княжество Хайдарабад. Резкие социально-экономические различия между этими тремя районами, как отмечает Г. В. Сдасюк, «осложняют и обостряют задачу внутренней производственно-территориальной интеграции Андхра-Прадеша» [Сдасюк, 1981, с. 295] и, сочетаясь с различиями социокультурного характера, оказывают сдерживающее воздействие на процессы этнической консолидации телугу. Существенными были различия также в облике политического лидерства и бюрократии двух областей — между деятелями Андхры, которые сформировались в условиях колониального правления и освободительной борьбы, и бывшими чиновниками аппарата низама, далекими от новой системы управления.

Специфика двух областей проявлялась в кастовой системе:

доминирующие землевладельческие касты камма и отчасти вельма преобладают на побережье, а редди, распространенные во всем этноареале телугу, более многочисленны в Теленгане; касты шудр и неприкасаемых также сосредоточены в отдельных областях. Поэтому браки между андхра, составлявшими $\frac{2}{3}$ населения, и телугу были крайне редкими и ограничивались верхними слоями. В результате многовекового дивергентного развития возникли локальные особенности языка телугу, который в Хайдарабаде подвергся заметному влиянию урду, а в Андхре — английского и тамильского языков. По своей материальной культуре (техника земледелия, одежда, пища, типы жилища) теленганцы имеют больше общего с Северной Индией, нежели с Южной. В этническом автостереотипе теленганцев подчеркивается их космополитизм, терпимость, вежливость, воспитанность, которые противопоставляются «деревенской неотесанности» крестьян побережья [Берншторфф, 1985, с. 196].

Дабы предотвратить возникновение острых конфликтов между элитами Теленганы и Андхры союзное правительство в поисках компромиссного решения уже в 1956 г. предложило комплекс мер. Согласно закону о реорганизации штатов создавался постоянный региональный комитет из представителей Теленганы в легислатуре штата и членов кабинета министров. Комитет, созданный в 1958 г. на десятилетний срок, наделялся правом давать рекомендации по всем вопросам, касавшимся Теленганы (за исключением финансовых вопросов). В список полномочий постоянного регионального комитета включались вопросы развития и экономического планирования, местное самоуправление, здравоохранение, начальное и среднее образование, сельское хозяйство, земельные сделки, мелкая и кустарная промышленность, кооперативы и др. [Хинду. 04.02.1958]. Правительство штата должно было учитывать мнение комитета, а в случае возникновения разногласий между региональным комитетом и правительством штата вопрос передавался на рассмотрение губернатора для принятия окончательного решения. Соглашением также предусматривалось пропорциональное распределение финансовых средств, выделяемых центральным правительством, использование доходов Теленганы на цели развития этой области, сохранение языка урду в делопроизводстве и в судах в течение пяти лет и др. В итоге в компетенцию регионального комитета был передан ряд вопросов, относящихся к компетенции штатов, и Теленгана получила определенную автономию в рамках штата Андхра-Прадеш.

Вспышка «сепаратизма» в Теленгане произошла в конце 60-х годов. Она была вызвана тем, что в результате притока в Хайдарабад и другие города представителей прибрежных районов — чиновников и предпринимателей — заметно ущемлялись интересы местного населения и росла безработица, особенно среди образованной молодежи. Вспыхнувшие в январе 1969 г. студенческие волнения были поддержаны местными чиновника-

ми и профсоюзам, появился лозунг о выдворении из Теленганы 6 тыс. чиновников, приехавших из прибрежных районов [Хинду. 12.01.1969]. Массовые беспорядки в Теленгане усилились после того, как Верховный суд признал незаконным решение правительства штата об увольнении андхра, работавших в Теленгане. Призывы об отделении Теленганы были поддержаны также конгрессистами-телугу в законодательном собрании штата. Ряд конгрессистов и представителей оппозиционных партий отвергли предложения премьер-министра («план из восьми пунктов»), направленные на урегулирование положения путем ряда уступок Теленгане, и образовали Теленгана праджа самити (Комитет народа Теленганы), провозгласивший своей целью отделение. Руководители комитета отвергли предложения премьер-министра о проведении переговоров в Дели, заявив, что «создание отдельного штата Теленгана не подлежит обсуждению». Арест лидеров комитета (Ченна Редди, руководителя студентов Маликарджуна и др.), колебания среди конгрессистов телугу и твердая позиция премьер-министра вызвали спад кампании к осени 1969 г. Назначение Дж. В. Нарасимха Рао из Теленганы заместителем, а затем главным министром положило конец движению за отделение Теленганы. С 1969 до 1983 г. пост главного министра занимали исключительно представители Теленганы (Дж. Венгала Рао, вновь Нарасимха Рао, Ченна Редди, Т. Анджайя, Б. Венкатарам Редди). Это не осталось незамеченным лидерами и общественностью андхра.

В 1972 г. вспыхнула новая «сепаратистская» кампания, но уже среди андхра по поводу «правила мульки» — неотмененного фирмана Хайдарабадского низама, постановившего, что лишь местные жители могут занимать посты на государственной службе в Теленгане. Представители андхра добились отмены этого закона высшим судом штата в феврале 1972 г., однако Верховный суд в октябре того же года отменил это решение. Это вызвало волну недовольства среди андхра, которая приобрела характер массовой кампании за отделение Андхры после принятия парламентом в декабре «компромиссного» решения, согласно которому предусматривалось сохранить «правило мульки» в столице штата до конца 1977 г., а в других районах Теленганы — до конца 1980 г. Возглавили движение подавшие в отставку представители андхра в правительстве штата. Лидеры телугу во главе с Ченна Редди в ответ начали новую кампанию за отделение Теленганы. Введение президентского правления (18 января 1973 г.), смерть К. Венкатаратнама — одного из лидеров движения андхра — и активная кампания, начатая КПИ против раздела штата, вынудили местных конгрессистов прекратить кампанию. После переговоров с союзным правительством конгрессисты прекратили движение «Джай Андхра!» и согласились с компромиссной формулой, предусматривавшей отмену «правила мульки», равенство при наборе на государственную службу (за исключением низших должностей), основание

комитета для изучения жалоб государственных служащих, создание университета в Хайдарабаде и др. [Рао, 1978, с. 125].

Изменения были сформулированы в ст. 371-D, включенной в конституцию 32-й поправкой (1973 г.) «О специальных положениях, касающихся штата Андхра-Прадеш». Согласно этой статье по указу президента Индии в штате могли вводиться квоты для отдельных групп населения при замещении должностей и поступлении в университеты и предполагалось создание специального «административного трибунала» для решения всех вопросов, касающихся замещения должностей, их распределения и продвижения по службе [Конституция, 1979, с. 144—146].

Субрегиональные противоречия, отчасти совпадавшие с соперничеством между доминирующими кастами редди и камма, имели важные последствия для этнополитической ситуации в Андхра-Прадеше: с одной стороны, субэтнические конфликты затрудняли формирование локального национализма как политической силы и возникновение региональной партии, с другой стороны, предоставляли возможность Конгрессу и центральному правительству выступать в роли арбитра в решении конфликтов и, сохраняя поддержку среди меньшинств (прежде всего мусульман) и низших каст, расширять свою социальную базу в штате. Андхра-Прадеш приобрел репутацию «бастиона Конгресса» и в известной степени оправдал ожидания руководства ИНК даже после сокрушительного поражения в большинстве штатов в 1977 г. Хотя на выборах в законодательное собрание штата (1978 г.) за кандидатов ИНК было подано несколько меньше голосов, чем за оппозиционные партии, — 39,2% против 45,5%, набравших Джаната парти и отколовшейся фракцией Конгресса во главе с Д. Арсом — ИНК(А), — мажоритарная система выборов в условиях отсутствия оппозиционного альянса позволила ИНК получить абсолютное большинство мест в легислатуре — 175 из 294 [Мэйнстрим. 24.04.1982].

Дальнейшее развитие политических событий в штате в основном определялось политической обстановкой в стране в целом и положением внутри Конгресса. На парламентских выборах 1980 г. Конгресс (И) в Андхре добился беспрецедентной победы: 56,2% голосов и 41 место из 42, выделенных для штата в нижней палате парламента. После возвращения к власти в центре ИНК(И) в законодательном собрании Андхра-Прадеша начались обычные перебежки членов оппозиционных партий в ряды ИНК(И): в правящую партию перешли все депутаты ИНК(А) и 44 джанатовца, в результате численность депутатов Конгресса возросла до 256. Это сопровождалось, как и в ряде других штатов, усилением фракционной борьбы внутри правящей партии. Группа диссидентов, включавшая около половины легислаторов-конгрессистов и 16 из 26 министров, требовала смещения Ченна Редди, обвиняя его в коррупции, дискредитации Конгресса, невыполнении политики и программы централь-

ного руководства [Стэйтсмен. 07.08.1980]. Диссиденты-министры в этой связи обратились к Индире Ганди с просьбой разрешить им подать в отставку, что в значительной степени парализовало работу правительства. По указанию премьер-министра в октябре 1980 г. Ченна Редди был смещен и на пост главного министра назначен государственный министр труда в союзном правительстве, в прошлом известный профсоюзный лидер Т. Анджайя.

Новый главный министр, в стремлении заручиться поддержкой максимального числа конгрессистов в законодательном собрании, образовал беспрецедентно большой кабинет в составе 61 министра, хотя обычно по принятой в Индии практике он не должен превосходить $\frac{1}{10}$ численного состава законодательного собрания, т. е. в данном случае 30 министров (для сравнения: в составе правительства крупнейшего штата — Уттар-Прадеша — в то время было лишь 20 министров, а в союзном кабинете — 49). С учетом того, что многие депутаты-конгрессисты возглавляли подавляющее большинство из 56 правительственных корпораций и управлений, председатели которых фактически пользовались теми же льготами, что и министры (виллы, автомобили, личные секретари и т. д.), каждый третий представитель ИНК в законодательном собрании занял привилегированное положение [Индиан экспресс. 04.12.80]. Подобная тактика вызвала раздражение центрального руководства партии, и, следуя его указаниям, Т. Анджайя сократил состав кабинета до 45 министров, чем навлек на себя гнев уволенных министров. В феврале 1982 г. руководство ИНК(И) заменило его ¹ новым главным министром — Б. Венкатарамом Редди в надежде, что ему удастся примирить враждовавшие фракции. Обе соперничавшие группировки с момента назначения Б. В. Редди отказались поддерживать нового главного министра, и через полгода он был вынужден уступить место — вновь по решению центрального руководства ИНК(И) — очередному преемнику — В. Б. Редди, члену нижней палаты парламента.

Частые смены главных министров и правительств штата в ситуации, когда ИНК(И) обладал подавляющим большинством в законодательной ассамблее, свидетельствуют о парадоксальной политической нестабильности. Объясняется это явление в первую очередь тем, что в течение ряда лет происходило неуклонное разрушение организационной структуры партии, отказ от демократических норм партийного руководства, в течение бо-

¹ Тангутури Анджайя, имевший образование восемь классов, не владевший английским языком, был, по словам индийского журналиста, «неподходящим человеком на неподходящем месте в неподходящее время». Отвечая на вопрос корреспондента о причинах его смещения, Т. Анджайя сказал: «Я пришел по воле мадам, и я ухожу по ее воле. Я даже не знаю, как я сюда попал: они никогда не говорили мне, что я буду главным министром. Я не знаю, почему я ухожу. Могу лишь сказать, что я хочу оставаться вблизи нее» [Индия тудэй. 15.03.1982, с. 24].

более десяти лет не проводились выборы партийных органов. Все вопросы партийной деятельности решались, по существу, высшим руководством в Дели, которое не только назначало главных министров, но и определяло состав штатовских и даже окружных комитетов Конгресса. Выдвинутые центральным руководством лидеры, зачастую не обладая авторитетом среди рядовых членов партии, опирались исключительно на своих покровителей в Дели, примыкали к соперничавшим более влиятельным деятелям, прежде всего представителям штата в центральном правительстве. Фракционная борьба внутри Конгресса (И) в Андхра-Прадеше, как и в ряде других штатов, стала хроническим явлением, а попытки восстановить партийную дисциплину осуществляемыми сверху перетасовками и перестановками лишь усугубляли положение. Фракционная борьба и частые смены руководства оказывали глубокое деморализующее воздействие как на активистов партии, так и на ее сторонников.

В Андхра-Прадеше в большей степени, чем в большинстве штатов, разросся бюрократический аппарат: здесь было создано 80 государственных корпораций, многие из которых дублировали деятельность департаментов правительства. В рассматриваемый период они расходовали ежегодно лишь 250 млн. рупий на цели развития, а 410 млн. приходилось на фонд заработной платы многочисленному аппарату и другие непроизводительные расходы. «Правительство штата, главным образом при Ченна Редди и Т. Анджайе, создало множество корпораций с единственной целью — пристроить лидеров Конгресса (И), для которых не хватило места в кабинете министров» [Хиндустан таймс. 10.11.1982].

Первым серьезным симптомом падения популярности Конгресса (И) было поражение кандидатов ИНК(И) на выборах в муниципальные корпорации городов Виджаявада и Вишакapatnam, считавшихся надежными базами партии, в августе 1981 г.

В этой ситуации 29 марта 1982 г. была образована региональная партия Телугу десам — ТД («Страна телугу»). Ее основателем и лидером стал 60-летний Н. Т. Рама Рао, бывший киноактер, владелец ряда киностудий и многочисленных театров, за 37 лет своей карьеры киноактера сыгравший около 270 ролей богов, которые неизменно уничтожали демонов и наказывали злодеев. Знаменитый актер ассоциировался в глазах масс населения с образом поборника справедливости, всемогущего защитника слабых и угнетенных [Амрита базар патрика. 20.12.1982]. В своих последних фильмах Рама Рао выступал в несколько ином амплуа: в «Наа десам» («Моя страна») он играл роль молодого человека, который борется против продажных политиков и богачей и разоблачает их перед народом в зале суда, в фильме «Боббилипули» он предстал в роли отставного майора, ставшего наксалитом, чтобы бороться против несправедливой и коррумпированной администрации.

Среди сотен ролей, сыгранных Рама Рао, кроме многочисленных богов были бедняки, кули, сельскохозяйственные рабочие, водители грузовиков, различные эквиваленты современного Робин Гуда [Каррент. 25.12.1982]. В штате действовало 1200 клубов его поклонников.

Н. Т. Рама Рао рассчитывал на поддержку камма — разбогатевшей землевладельческой касты прибрежных округов, лидеры которых были недовольны засильем касты редди на политической арене штата (из шести главных министров пятеро было редди), а также неустойчивых элементов из рядов ИНК(И), он мог использовать в своих целях противоборство различных групп редди в составе правящей партии. Разъясняя цели новой партии, Н. Т. Рама Рао, наряду с традиционными для индийских политиков популистскими лозунгами искоренения нищеты и коррупции, введения бесплатного медицинского обслуживания и образования, а также ускоренной индустриализации, называл в качестве своей цели единство телугу: «Мои братья телугу ссорятся между собой. Я хочу привить чувство единства у народа телугу» [Пэтриот. 01.04.1982]. На первой конференции партии Рама Рао резко осудил практику назначения главных министров решениями сверху, которая лишает народ телугу возможности выбирать своих лидеров и ущемляет его достоинство [Хинду. 12.04.1982].

Телугу десам, не обладая организационной структурой и партийным аппаратом и имея в своих рядах лишь нескольких известных на политической арене штата деятелей, представляла собой партию одного лидера, публичные выступления которого привлекали огромные толпы. Наблюдатели, политические деятели в Дели и в штате скептически расценивали шансы Телугу десам в борьбе за голоса избирателей на предстоявших в начале 1983 г. выборах в законодательное собрание штата. Поэтому, хотя оппозиционные партии не смогли договориться о распределении мест и в каждом избирательном округе баллотировалось по 5—6 кандидатов, считалось, что ИНК(И) благодаря популярности Индиры Ганди одержит на выборах легкую победу.

Списки кандидатов ИНК(И) и ТД достаточно отчетливо отражали состав новых партий: среди 294 кандидатов Конгресса (И) 166 являлись членами законодательного собрания (в том числе 124 избранных по списку партии на выборах 1978 г. и 42 перебежчика), включая около 80 министров и бывших министров, в то время как из 289 кандидатов ТД (5 мест региональная партия уступила новой партии — Санджай вичар манч, созданной вдовой Санджая Ганди — Манекой Ганди) 240 человек вообще впервые баллотировались на выборах [Каррент. 18.12.1982]. Таким образом, в соперничество вступали явно неравные силы: известные политические деятели — конгрессисты и совершенно незнакомые электорату представители региональной партии. Определенным недостатком списка Конгресса (И) было преобладание доминирующих каст (115 редди, камма и

брахманов) и незначительное представительство меньшинств: мусульманские лидеры, которые настаивали на выделении 30 мест, получили лишь 12, а христиане — 3, хотя эти религиозные общины составляют соответственно 8 и 5% населения.

Стремясь нейтрализовать националистическую пропаганду ТД, представители ИНК(И) в ходе предвыборной кампании подчеркивали заслуги своей партии в развитии культуры телугу: организацию первой всемирной конференции телугу в 1975 г., создание академий литературы и культуры телугу, провозглашение языка телугу официальным языком штата, содействие литераторам и деятелям культуры, образование департамента по делам культуры [Хиндустан таймс. 24.12.1982]. Однако центральная роль в проведении предвыборной кампании Конгресса (И) принадлежала председателю партии и премьер-министру Индире Ганди: она объездила почти весь штат и выступила на 500 публичных митингах. Столь активное участие премьер-министра в кампании накануне выборов в законодательное собрание отдельного штата не имело прецедентов в независимой Индии.

В предвыборном манифесте Телугу десам, озаглавленном «За светлое будущее народа телугу», партия обещала в случае прихода к власти обеспечить водами реки Кришна засухливые районы Райяласимы, гарантировать продажу населению риса по твердой цене (2 рупии за кг), снабдить питьевой водой каждую деревню, обеспечить школьников из нуждающихся семей бесплатным обедом, улучшить условия жизни беднейших групп населения, включая крестьян, рабочих и меньшинства, запретить перебежки, создать «чистую» администрацию и защищать достоинство народа телугу [Телеграф. 02.01.1983]. ТД высказывалась также за необходимость пересмотра отношений между штатами и центром с целью восстановления «подлинной федеративной системы» [Индиан экспресс. 08.01.1983].

В ходе предвыборной кампании Рама Рао на специально переоборудованном микроавтобусе ежедневно проезжал около 250 км, выступая на 30 митингах с шести часов утра до полуночи. В общей сложности он провел около 1500 митингов, на которых присутствовало более половины населения штата — около 35 млн. человек. 1200 клубов его поклонников практически функционировали как первичные комитеты партии, составив таким образом ее организационную инфраструктуру. В 2000 кинотеатров штата перед каждым сеансом демонстрировался короткометражный рекламный фильм, пропагандировавший программные установки и цели Телугу десам, по штату было распределено около 40 тыс. кассет с записями речей и песен Рама Рао в исполнении популярных певцов [Каррент. 25.12.1982]. Характер предвыборной кампании в Андхра-Прадеше был метко characterized обозревателем индийского еженедельника как «звездные и кассетные войны» [Линк. 02.01.1983, с. 9].

Несмотря на необычные даже для Индии методы предвыборной борьбы, разработанные в целом с трезвым учетом особенностей этнической психологии и мировосприятия рядовых избирателей, январские выборы 1983 г. имели чрезвычайно важное значение как для правящей партии, так и для крупнейшего штата Южной Индии. Конгресс (И) после крупных электоральных успехов 1980 г. в последовавших выборах нигде не одержал убедительной победы и остро нуждался в таковой для восстановления престижа партии, подорванного нестабильностью конгрессистских правительств, скандалами, связанными с коррупцией, небывало острыми кризисами в пограничных штатах — Пенджабе и Ассаме. Очередное поражение ИНК(И) в Андхра (одновременно проводились выборы в Карнатаке и в Трипуре) могло поставить под сомнение способность Конгресса (И) управлять страной, что было крайне нежелательно в связи с приближавшимися выборами в парламент. Для Андхра-Прадеша появление на политической арене штата партии Телугу десам должно было дать ответ на два вопроса: во-первых, существует ли локальный национализм андхра, который может быть использован в качестве эффективной политической платформы, во-вторых, сформируется ли действенная двухпартийная система или же Конгресс (И) сохранит свое доминирующее положение при маргинальной роли остальных партий.

Результаты выборов в законодательное собрание были однозначными: из 294 мест Телугу десам получила 202, ИНК(И)—60, потеряв около 200 мест по сравнению с прежним составом легислатуры. Остальные партии оказались на периферии.

9 января 1983 г. в Андхра-Прадеше впервые было сформировано неконгрессистское правительство. Главным министром стал основатель и лидер региональной партии Телугу десам Н. Т. Рама Рао. Неконгрессистские правительства были сформированы также еще в двух штатах, в которых проводились выборы 5 января: в соседней Карнатаке, где с незначительным перевесом победила Джаната парти, и в Трипуре, где у власти остался правивший с 1978 г. левый фронт.

Поражение в Андхра-Прадеше было для ИНК(И) особенно болезненным в связи с тем, что этот штат с момента провозглашения независимости Индии был оплотом Конгресса и рассматривался как наиболее надежная база партии. Локальный национализм телугу почти не играл заметной роли в политической жизни штата, и вплоть до 1980 г. отсутствовали выраженные признаки недовольства политикой центрального руководства. Для политического процесса в Андхра-Прадеше в большей степени были характерны внутренние субрегиональные противоречия, в особенности между Теленганой и Прибрежной Андхрой, и поляризация социально-политических сил. Здесь сильным влиянием пользовались коммунисты: на выборах 1962 г. КПИ получила 19% голосов избирателей и 51 место в

законодательном собрании штата, в последовавших выборах 1967 г., после раскола компартии, за коммунистов проголосовало 15,3% избирателей [Хиндустан таймс. 23.12.1982]. Однако в дальнейшем влияние коммунистов неуклонно снижалось, и на выборах 1978 г. КПИ(м) набрала лишь 2,71% голосов.

После 1980 г. на политической арене штата не осталось организованной политической силы, способной противостоять ИНК(И). Фракционная борьба, политическая нестабильность, которую постоянное вмешательство центрального руководства лишь усугубляло, коррупция, непотизм серьезно подрывали массовую базу Конгресса (И). Телугу десам, возглавленная популярнейшим киноактером, в сущности, заполнила образовавшийся политический вакуум и стала единственной альтернативой правлению Конгресса (И). Ее внушительную победу едва ли можно расценивать исключительно как политическое следствие резкого всплеска локального национализма телугу. Руководство местного отделения КПИ не без основания характеризовало исход выборов как «приговор дурному правлению Конгресса (И), его авторитарной и антинародной политике и всепроникающей коррупции» [Стэйтсмен. 08.01.1983].

Проблема «регионализма», т. е. локального национализма, занимала более видное место в ходе предвыборной кампании Конгресса (И): в предвыборном манифесте говорилось, что регионализм не в состоянии внести позитивный вклад в решение важнейших проблем, и содержались призывы к упрочению «национального единства» [Таймс оф Индия. 14.12.1982]. В своих многочисленных выступлениях Индира Ганди постоянно осуждала регионализм, коммунализм и кастеизм как силы, подрывающие единство страны, обвиняла оппозиционные партии в том, что они поощряют сепаратистские тенденции, тем самым ослабляя страну и замедляя ее прогресс [Таймс оф Индия. 19.12.1982, 03.01.1983; Пэтриот. 20.12.1982]. Призывы такого характера в Андхра (и в Карнатаке) едва ли могли убедить избирателей голосовать за ИНК, так как в отличие от пограничных штатов здесь отсутствовали малейшие симптомы сепаратизма, угрозы территориальной целостности Индии.

Телугу десам выражала преимущественно умеренный локальный национализм. На своей первой пресс-конференции в качестве главного министра Н. Т. Рама Рао заявил, что его партия «стоит за национальное единство и целостность» Индии, а необходимость в региональной партии обусловлена тем, что общендийские партии не в состоянии понять проблемы народа телугу и успешно управлять может лишь партия, объединяющая «компактное население». «Индия — одна страна, и все мы принадлежим одной нации», — считал Рама Рао [Хинду. 08.01.1983]. В последовавший период Телугу десам играла активную роль в кампании за расширение прав штатов, выступив инициатором регулярных конференций оппозиционных партий. В отличие от тамильских региональных партий Телугу де-

сам — не реформистская партия, для нее скорее характерен «модернизированный индусский ревайвализм» [Мэйнстрим. 15.01.1983]. Консервативная платформа и отсутствие четко сформулированной программы социальных преобразований чреваты серьезными последствиями для региональной партии. Локальные и популистские лозунги в сочетании с личной популярностью лидера могут обеспечить приход к власти, но недостаточны, чтобы сохранить ее на длительное время. Так, на выборах 1989 г. избиратели отдали предпочтение ИНК(И) (180 мест, ТД — 74).

При всей подвижности политической конъюнктуры, характерной для многих штатов Индии, приход к власти в Андхра-Прадеше региональной партии ознаменовал формирование в этом штате двухпартийной системы на основе поляризации общендийских и этнолокальных политических сил, свойственной большинству национальных штатов. В свою очередь, политическая институционализация локального национализма оказывает обратное воздействие на развитие этнического самосознания, усиливая этнический компонент в структуре самоидентификации отдельных социальных групп, и — если исключить ситуацию с глубокими социально-политическими потрясениями — имеет в обозримой перспективе необратимый характер.

* * *

Этнонациональные факторы, без сомнения, сыграли ключевую роль в эволюции политической системы индийского общества в период независимого развития Индии. Под давлением автономистских движений произошли существенные изменения как в структуре федерации, так и в содержании индийского федерализма: число субъектов федерации увеличилось с 14 в 1956 г. до 25 в 1987 г.; большинство их составляют штаты с высокой степенью этнической однородности, и практически все консолидированные, компактно расселенные народы добились национально-территориальной автономии. Создание национальных штатов в значительной степени ослабило остроту межэтнических конфликтов, способствовало расширению социальной базы буржуазно-демократического режима и в целом создало политические предпосылки для ускорения процессов общендийской интеграции.

В ходе этносоциальных движений существенно изменилась расстановка социально-политических сил в масштабах страны и в отдельных штатах. В большинстве национальных штатов сформировались локальные варианты двухпартийной либо многопартийной системы, в рамках которых правящей общендийской партии противостоят так называемые региональные либо (в Западной Бенгалии, Керале и Трипуре) левые партии. Конгресс, в первое десятилетие после провозглашения независимости стоявший у власти во всех штатах, в 80-е годы в поло-

вине штатов находился на положении оппозиционной партии, сохраняя относительно прочные позиции преимущественно в поясе хинди и юго-западных штатах. Резкое сокращение числа штатов с конгрессистскими правительствами обусловлено главным образом консолидацией оппозиционных сил на уровне штатов и особенностями мажоритарной избирательной системы, зачастую не отражающей реального соотношения политических сил.

Происходящая в Индии социально-политическая дифференциация закономерна для развития полиэтнического общества. Она отражает диалектическое взаимодействие тенденций к интеграции и к этнолокальному партикуляризму, связанному как с процессом политической мобилизации средних слоев, так и с ростом этнического самосознания по мере этнонациональной консолидации народов Индии. Поэтому было бы упрощением рассматривать перераспределение власти между различными социально-политическими силами и некоторое сужение этносоциальной базы правящей общендийской партии исключительно сквозь призму противоборства центробежных и центростремительных тенденций. Суть процесса в конечном счете заключается в том, что по мере роста политической сознательности масс и их участия в политической жизни социально-политическая надстройка, созданная в известной степени искусственно, постепенно приводится в условиях демократического развития в соответствие с реальной структурой комбинированного, переходного общества и в возрастающей степени отражает присущие ему противоречия и тенденции развития.

Формальная институционализация конфликтов, включение их в политическую структуру, с одной стороны, способствует возрастанию их политической актуальности и значимости, с другой стороны, и это главное, переводит их в плоскость чисто политической борьбы с присущими ей правилами, значительно ограничивая вероятность возникновения чрезвычайных, неконтролируемых ситуаций. Приход региональных партий к власти во всех случаях влечет за собой отказ от экстремизма, неконституционных методов борьбы, политического радикализма. Такую эволюцию прошли ДМК и АИАДМК (Тамилнад), Национальная конференция (Джамму и Кашмир), Акали дал (Пенджаб), Народная конференция (Мизорам) и даже более умеренные Телугу десам (Андхра-Прадеш), ВКГЛ (Мегхалая) и левodemократические партии (Западная Бенгалия, Керала, Трипура). Приобщаясь к власти, партии, выражающие этнолокальные интересы, интегрируются в государственно-политическую структуру и тем самым в конечном счете способствуют повышению эффективности интегративных функций государства.

Формирование двухпартийной и многопартийной системы в национальных штатах зачастую расценивается в Индии, в особенности в правительственных и конгрессистских кругах, как рост «регионализма» (т. е. локального национализма), усиление

ние центробежных тенденций и потенциальная опасность единству и территориальной целостности Индии. Объективных оснований эти утверждения не имеют. В большинстве случаев они обусловлены либо остротой предвыборных кампаний, в ходе которых в центре полемики все чаще оказываются проблемы соотношения локальных и общегосударственных интересов, либо тем, что правящая общиндийская партия, даже располагая большинством в $\frac{2}{3}$ в парламенте, находится в сложном положении в «оппозиционных» штатах, число которых медленно, но неуклонно возрастает.

Гипотетическая возможность потери власти во всех штатах Союза вызывает серьезные опасения у руководства ИНК(И), побуждает его к активному участию в предвыборных кампаниях в legislatures штатов, а нередко принимает форму резкого осуждения местных правящих партий. Дамоклов меч президентского правления, которое вводилось за годы независимости более 70 раз и особенно часто используется союзным правительством с конца 70-х годов, усиливает подозрительное отношение неконгрессистских правительств к центру, побуждает добиваться расширения автономии штатов и обостряет проблему отношений между федеральным правительством и штатами. Важно, однако, иметь в виду, что все участники этого конфликта не заходят дальше требований пересмотра отдельных положений конституции и не ставят под сомнение легитимность существующего политического режима. Острота полемики и даже попытки смещения правительств штатов путем закулисных сделок и переманивания legislators обусловлены скорее господствующей политической культурой, нежели противоборством центробежных и центростремительных тенденций.

Глава 5

ПУТИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ МАЛЫХ НАРОДОВ

Для обозначения малых народов и этнических групп, сохраняющих черты родо-племенного строя в Индии, наиболее приняты термины «адиваси» («исконные жители») и официально употребляемое понятие «зарегистрированные, или списочные (scheduled), племена». Согласно ст. 341 и 342 конституции племена или их отдельные части определяются президентом после консультаций с губернатором штата. Критерии для включения в список конституцией не оговорены; к этой категории отнесено около 400 этнических групп, но фактически с учетом синонимов и частичного совпадения ряда этнонимов их 293. Половину их составляют мелкие группы, включающие до 10 тыс. человек, около 50 насчитывают от 100 тыс. до 1 млн. человек, а 6 крупнейших (гонды, санталы, бхилы, ораоны, кхонды и мунда) — от 1 до 4 млн. человек.

Малые народы расселены в широком поясе, который с большими разрывами тянется от северо-востока через всю Центральную Индию до Гуджарата и Раджастанхана на западе; отдельные анклавов зарегистрированных племен имеются на юге и крайнем севере (Кашмир, Химачал-Прадеш). Две трети населения, отнесенного к этой категории, сосредоточено в пределах пяти штатов — Мадхья-Прадеша (20% жителей штата), Ориссы (24%), Бихара, Гуджарата и Махараштры (6—12% населения). За исключением штатов и союзных территорий Северо-Восточной Индии, большинство малых народов расселено дисперсно, не образуя компактных этноареалов; например, этническая территория гондов и бхиллов входит в состав пяти штатов, ораоны рассредоточены в четырех штатах, санталы — в трех и т. д. Население, относимое к категории «зарегистрированные племена», составляет подавляющее большинство жителей северо-восточных штатов (Мегхалая, Нагаленд, Мизорам и Аруначал-Прадеш), а также отдельных округов в ряде других штатов.

Малые народы сильно различаются по уровню этнической консолидации. Некоторые из них, в первую очередь мизо, гаро, кхаси, населяющие северо-восточные районы, можно квалифицировать как консолидирующиеся этносы, у которых, несмотря на сохранение субэтнических групп и кланов, высоко развито

этническое самосознание. Другие же, относительно многочисленные этносы внутренних районов (бхилы, гонды, колы и др.), расселены дисперсно, отдельные группы их в значительной степени ассимилированы крупными соседними народами. В частности, бхилы—одно из крупнейших «племен» Индии—полностью забыли свой язык, их отдельные группы говорят на языках соседних народов (гуджарати, хинди, маратхи), считают себя индусами [Семашко, 1975, с. 3, 123]. Хотя среди племен внутренняя кастовая система не сложилась, отдельные ее признаки среди индуизированных этносов очевидны. Среди тех же бхил не заключаются браки между отдельными конфессиональными группами, между жителями гор и равнин.

Хотя «племена» составляют лишь 7% населения Индии, их проблемы занимают важное место в политической жизни страны. Поднимаются и обсуждаются вопросы, касающиеся их целостности как культурно-языковых общностей, их развития, места в социально-политической и административной структуре. Нерешенность проблемы «племен» осложняет процесс национально-государственной интеграции Индии. Принятие политических решений во многих случаях зависит от сложившихся концепций этнического и социально-политического развития малых народов.

В. Элвин в 1943 г. разделил племена на четыре группы: а) действительно примитивные, живущие в горах и не вступающие в контакты с населением равнин; б) более тесно связанные с окружающим населением (это в основном жители лесов); в) находящиеся преимущественно под влиянием внешних контактов; г) целиком ассимилированные [Элвин, 1943]. Позже, в 1952 г., почти идентичную классификацию предложил Комитет по благосостоянию племен Индийской конференции социальных работников, возглавляемый Л. М. Шрикантом.

В основу классификации, предложенной известным антропологом и этнографом Б. К. Роем Бёрманом, заложены ключевые факторы развития: образ жизни, характер взаимодействия человека и природной среды, уровень техники и уровень образования. На основе этих критериев исследователь выделил следующие группы: 1) племена на стадии, предшествующей развитию, сохраняющие традиционные источники существования, включая землю; они неграмотны, живут в отдаленных районах (тагин, венчо и ряд других племен Аруначал-Прадеша, абудж-хмариа Мадхья-Прадеша, андаманские онге и др.); 2) племена с зачатками развития, частично утерьявшие земли, с низким уровнем техники и грамотности, но имеющие образованных представителей (ади Аруначал-Прадеша, джуанги Ориссы); 3) племена с ограниченными и замедленными процессами развития, в значительной степени лишившиеся своих земель, живущие чересполосно с крупными народами Индии (большинство племен Западной и Южной Индии); 4) племена с неустойчивым развитием, не отчужденные от земли, населяющие компактную

территорию, обладающие достаточно высоким уровнем техники и образования (мизо Мизорама и др.); 5) племена, находящиеся в процессе устойчивого развития, не отчужденные от традиционных ресурсов, имеющие достаточно высокий уровень технологии и образования, населяющие компактные территории с развитой инфраструктурой (кхаси штата Мегхалая); 6) племена, находящиеся в процессе динамического развития, отчужденные от традиционных источников существования, имеющие высокий уровень техники и образования, населяющие районы с достаточно развитой инфраструктурой (санталы, ораоны и мунда Бихара, лепча и меч Западной Бенгалии) [Рой Бёрман, 1977, с. 220—223].

В классификации Роя Бёрмана, явно восходящей к теории стадий экономического роста, немало уязвимых мест, но наибольшие сомнения вызывает четко не сформулированное понятие развития и его типов. Судя по приведенным уточнениям, развитие сопряжено с определенными формами производственных отношений, а этносоциальные и социокультурные параметры отодвигаются на второй план, в результате чего крайне отсталые (даже по среднеиндийским стандартам), аморфные этнические общности, наподобие указанных выше племен Бихара и Западной Бенгалии, оказываются в наиболее «передовой» группе, находящейся в процессе «динамического» развития, а мизо, которые обладают развитым самосознанием и по уровню модернизации (включая грамотность и политическую мобилизацию) превосходят большинство народов Индии, включены в группу на две ступени ниже. Неясно также, к какой группе следует отнести бхилов, в значительной степени ассимилированных соседними крупными народами. Другим серьезным недостатком этого варианта классификации является взгляд на этнос как единое, четко очерченное целое, без учета структуры этноса и различных, порой прямо противоположных тенденций этнического развития — консолидации в отдельных частях этноареала наряду с дезинтеграцией и ассимиляцией периферийных групп более крупными и развитыми народами — в других.

Поэтому для целей исследования этносоциального и социально-политического развития более продуктивной представляется менее жесткая и дробная классификация — деление на собственно племена (преимущественно изолированные, малочисленные этносы) и малые народы. Среди последних важно различать ассоциированные этнические общности (преимущественно внутренних районов страны) и этносы, находящиеся на стадии ускоренной консолидации (главным образом в Северо-Восточной Индии). За некоторым исключением, это деление отражает главные направления социально-политической интеграции малых народов [Празаускас, 1980].

Положение адиваси внутренних районов

Конституция Индии среди других директивных принципов обязывает государство (ст. 46) проявлять «особую заботу в отношении культурного и экономического развития слабых слоев населения, и в частности каст и племен, включенных в списки», и охранять их от «социальной несправедливости и всех форм эксплуатации» [Конституция, 1956, с. 79].

В качестве конкретного воплощения этих принципов ст. 330 и 332 предусматривают резервирование мест для представителей зарегистрированных племен в нижней палате парламента (38 мест из 542) и законодательных собраниях штатов (282 места из 3997), в центральных службах (7,5% мест) и в провинциальных (пропорционально численности зарегистрированных племен). Ст. 244(1) предусматривает создание зарегистрированных и племенных районов в любом штате, где имеются племена (за исключением Ассама, Мегхалаи и Мизорама, в которых племенам предоставлена более широкая автономия); подробно эти вопросы освещены в V приложении к конституции.

Согласно V приложению, зарегистрированные районы создаются по распоряжению президента, который вправе также упразднить их полностью или частично и менять их границы. В штатах, в которых имеются такие районы (Андхра-Прадеш, Бихар, Гуджарат, Мадхья-Прадеш, Орисса, Раджастан), создаются консультативные советы по делам племен в составе до двадцати человек, среди которых по возможности $\frac{3}{4}$ должны составлять представители зарегистрированных племен в законодательном собрании штата. Подобные советы по указанию президента могут быть образованы также в штатах, в которых проживают зарегистрированные племена, но не выделены зарегистрированные районы.

Совет лишь готовит рекомендации по тем вопросам, касающимся благосостояния и развития племен, которые передаются на его рассмотрение губернатором. Глава штата вправе ограничивать в зарегистрированных районах применение законов, принятых парламентом или легислатурой штата, издавать предписания «в интересах мира и доброго управления», запрещать или ограничивать куплю-продажу и распределение земельных участков, регулировать ссудные операции, т. е. деятельность ростовщиков. Полномочия губернатора ограничиваются отчасти тем, что губернатор обязан предварительно консультироваться с племенным советом, а решения вступают в силу после одобрения их президентом [Конституция, 1956, с. 287—289]. За исключением этих ограничений, полномочия губернатора по управлению зарегистрированными районами, в сущности, идентичны тем правам, которыми пользовались в этом отношении губернаторы в Британской Индии.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в

В приложении речь идет только об учете специфики и путей предотвращения наиболее распространенных форм эксплуатации и закабаления племен, а не о каком-либо самоуправлении или автономии. Функции совета исключительно консультативные: он не наделен ни законодательными, ни исполнительными полномочиями. Кроме того, совет не является представителем какой-либо этнической группы (племени), так как в штате может быть создан лишь один совет вне зависимости от числа проживающих на его территории племен. Даже численное преобладание в округе определенного зарегистрированного племени — а это не редкость — не дает права требовать какой-либо автономии. В таких ситуациях более значимы те положения конституции, которые гарантируют право этнических групп использовать свой язык и письменность и сохранять свою культуру (ст. 29), создавать свои учебные заведения (ст. 30) и вменяют властям штатов в обязанность обеспечить обучение на родном языке в начальных школах (ст. 350-А), а также гарантируют право президента предписать использование определенного языка на всей территории или части штата в специально оговоренных им сферах (ст. 347).

В некоторых штатах (Бихар, Мадхья-Прадеш, Орисса) согласно ст. 164 конституции назначаются министры по делам племен. Выработка и осуществление политики в отношении племен (и зарегистрированных каст) относится к компетенции министерства внутренних дел, а за ее осуществлением следит и докладывает президенту назначаемый союзным правительством комиссар по делам зарегистрированных каст и племен. В стране открыто 11 специальных исследовательских институтов, деятельность которых координируется Центральным исследовательским консультативным советом.

Комплексная программа, направленная на преодоление отсталости племен, начала осуществляться с 1952 г. в рамках созданных тогда так называемых Блоков общинного развития, каждый из которых включал ряд деревень. Программа предусматривала развитие земледелия, скотоводства, образования, ремесел, здравоохранения. Предполагалось, что ее осуществление в течение десяти лет приведет к созданию предпосылок для дальнейшего развития, работает у населения инициативность и стремление решать свои местные проблемы, используя для этих целей финансовую помощь государства. Однако реальные результаты осуществления этих программ оказались разочаровывающими: не произошло ожидаемого роста местной инициативы, аграрная база оказалась недостаточной для развития отсталых общин, финансовая помощь по своим размерам была незначительной, серьезным препятствием была задолженность и непрочное в целом положение большинства крестьян.

Поэтому в последовавший период были учтены особые условия в этноареалах племен и выработаны специальные планы развития племенных районов. С 1956 г. стали создаваться

так называемые Блоки развития племен, число которых к началу 70-х годов достигло 500 и охватило $\frac{2}{5}$ адиваси [Бардхан, 1976, с. 69]. Акцент был смещен на законодательную защиту племен от эксплуатации, развитие системы кредита и сбыта продукции, снабжение продовольствием [Сингх К. С., 1979, с. 75]. Соответственно создавалась новая институциональная структура (например, Управление развития Чхота-Нагпура и Санталских парган, 1971 г.), значительно увеличился объем средств, выделяемых для развития племенных районов (например, в Бихаре он составил 33% бюджета штата). Начиная с V пятилетнего плана (1974—1979) для районов, в которых адиваси составляют более 50% населения, составляются так называемые интегрированные планы социально-экономического развития [Индия 1977/78, с. 125]. Эти меры в определенной степени ускорили развитие племенных районов, но от их осуществления больше всего выгод получили переселенцы из других районов (главным образом чиновники, посредники, торговцы) и в меньшей степени зажиточная верхушка племен [Камат, 1981, с. 1282].

Важнейшим следствием социально-экономического развития племенных районов являются трансформация племен в крестьянство и социально-классовая дифференциация. Переложное земледелие, охота и собирательство недостаточны для содержания возросшей численности населения, тем более что уже в колониальный период началась коммерческая эксплуатация лесов и в ряде внутренних районов принимались меры с целью ограничения и полного запрещения подсечно-огневого земледелия. В Чхота-Нагпуре все крупные группы адиваси перешли на постоянное, оседлое земледелие и были наделены защищенными правами на землю. Здесь удельный вес издольщиков и арендаторов значительно ниже, чем в среднем по Бихару, и соответственно выше процент средних землевладений (10 га и более).

Меры, предпринимаемые государством по улучшению положения племен, в целом оказываются малоэффективными. Средства, выделяемые государством на повышение благосостояния племен, также зачастую не достигают адресата. Как показало обследование в зарегистрированных округах Раджастанхана, «такие общинные блага, как диспансеры, школы, колодцы с питьевой водой, электричество, были предоставлены деревням со смешанным населением, в которых бхилы неизменно составляют меньшинство... Фактически в ходе осуществления проектов общинного развития выиграли смешанные деревни, где большинство составляют кастовые индусы. Поскольку неплеменные деревни не могут претендовать на блага, выделяемые исключительно для племен, смешанные деревни узурпируют общинные льготы, предназначенные для племенных деревень», — пишет доцент Удайпурского университета Ш. Л. Доши [Доши, 1978, с. 130].

Такие показатели, как доход на душу населения и уровень грамотности, среди адиваси в среднем в три раза ниже общеиндийских показателей, а в ряде штатов грамотных среди племенного населения в четыре (Раджастан, Западная Бенгалия, Махараштра) и даже пять раз (Андхра-Прадеш) меньше, чем среди доминирующего этноса [Бардхан, 1976, с. 32, 36, 38]. Среди грамотных адиваси лишь небольшая часть имеет начальное и неполное среднее образование: в Махараштре в 1971 г. таковых было всего 2,7% и 0,5% соответственно [Кулкарни, 1980, с. 44]. Более того, как показало обследование бхиллов в Раджастане, более трети (35,8%) опрошенных высказались против обучения своих детей грамоте, считая это бессмысленным, и еще почти треть (29,9%) пределом образования считали начальную школу [Доши, 1978, с. 107]. Отсутствие интереса к образованию объясняется общей отсталостью, нищетой, недостатком школ, а также таким существенным обстоятельством, что в большинстве штатов обучение с первого класса ведется на языке основного населения: хинди, гуджарати, бенгали и др. [Читта, 1980, с. 159].

Создание в этноареалах племен местных панчаятов в основном содействовало упрочению положения формирующейся сельской верхушки. Исследования, проведенные в бхильских деревнях Раджастана, показали, что в конце 70-х годов в сельских панчаятах вообще не были представлены слои, имеющие доход до 1200 рупий в год, в то время как представители более состоятельной части населения (свыше 4000 рупий) составляли 70,8% членов [Доши, 1978, с. 129].

Сходные процессы происходят также среди адиваси других внутренних районов Индии. Расселенные на плато Сатпура (Мадхья-Прадеш) и в округе Адилабад (Андхра-Прадеш) гонды и родственные им койя (общая численность около 4,3 млн. человек в 1961 г.) уже в начале нынешнего века, как показали исследования К. фон Фюрера-Хаймендорфа, в значительной степени лишились своих земель и оттеснялись в горные районы иммигрантами — индусами и мусульманами. Принятые властями княжества Хайдарабад в 1944—1946 гг. меры временно приостановили этот процесс — по крайней мере в округе Адилабад 85% гондов получили документы, подтверждающие их права на землю. Однако после провозглашения независимости Индии специальные законы о правах адиваси Андхра-Прадеша были отменены, в результате чего приток мигрантов в этноарел гондов усилился и их доля среди населения Адилабадского округа упала за 1961—1971 гг. с 90 до 65,5%, а во многих деревнях они превратились в меньшинство [Фюрер-Хаймендорф, 1979, с. 554—555]. Положение усугубляется тем, что пригодных для обработки неосвоенных земель почти не осталось. В массе своей гонды необразованны: в этом округе грамотных среди гондов было лишь 3,28%, и по этому показателю они занимают одно из последних мест среди малых народов Индии.

Крупный этнограф К. фон Фюрер-Хаймендорф, в 1945—1949 гг. занимавший пост советника по делам племен и отсталых классов при правительстве низама Хайдарабада, отмечает, что главная причина бедственного положения племен — это разрушение их традиционного образа жизни и обезземеливание вследствие большого притока переселенцев, обусловленного, в свою очередь, аграрной перенаселенностью издавна освоенных районов [Фюрер-Хаймендорф, 1980, с. 2]. В Махаращтре 64% хозяйств адиваси владеют участками менее 3 га, хотя в среднем по штату такие хозяйства составляют лишь 6,5%, причем племена населяют наименее плодородные горные земли [Кулкарни Ш., 1980, с. 43].

Обезземеливание адиваси обусловлено также развитием капиталистических отношений в деревне. Закрепление земли за отдельными семьями открыло возможность для отчуждения земли путем продажи и заклада. Неграмотные, незнакомые с законами крестьяне-адиваси быстро оказываются в сетях торговцев и ростовщиков, взимающих с них с 300% до 600 и даже 1200% годовых [Кулкарни Ш., 1980, с. 48; Бардхан, 1976, с. 39]. Задолженность среди адиваси во многих районах имеют $\frac{2}{3}$ семей, и во многих случаях это заканчивается не только потерей земли, но и долговой кабалой, принимающей форму принудительного труда [Бардхан, 1976, с. 40]. В ряде случаев в продаже земельных участков адиваси повинны традиционные вожди и старосты [Лепчани, 1980, с. 102].

В целом осуществление комплексных программ развития деревень усугубило социальную дифференциацию и мало способствовало улучшению положения адиваси. Сходная ситуация и в тех районах, где ускоренными темпами развивалась промышленность. Показателен в этом отношении район Чхота-Нагпура (Бихар). Он включает пять дистриктов, население которых составляло в 1971 г. 11,04 млн. человек, из них к категории зарегистрированных племен отнесено 3,4 млн. (30,93%), к зарегистрированным кастам — 1,18 млн. человек. Среди дистриктов лишь в Ранчи адиваси составляли в 1971 г. абсолютное большинство населения — 58,08% (в 1961 г. — 66,6%) — и в Сингбхуме — немногим менее половины (46,1%), в остальных трех округах их удельный вес составлял от 10,6 до 19%. Крупнейшие этносы Чхота-Нагпура — санталы (около 600 тыс. человек, во всем Бихаре — 1,5 млн. в 1971 г.), ораоны (807,6 тыс.), мунда (715 тыс.), хо (504 тыс.), кхариа (125,6 тыс.), бхумидж (125 тыс.).

Область Чхота-Нагпура составляет около 2,5% территории Индии, однако здесь сосредоточена четверть горнодобывающей промышленности страны, включая основную часть добычи нефти, 50% слюды, 48% каменного угля и 38% бокситов. Еще в колониальный период здесь был построен крупный сталелитейный завод «Джамшедпур стил плант», а за годы независимости — ряд крупнейших промышленных объектов: завод хими-

ческих удобрений в Синдри, завод тяжелого машиностроения в Ранчи, сталелитейный комбинат в Бокаро и ряд других. Этот край чрезвычайно богат полезными ископаемыми, в долине р. Дамодар сосредоточено около половины запасов каменного угля и почти все коксующиеся угли, в Сингбхуме находятся месторождения медных руд, урана, апатита, асбеста, барита, хромита и других минералов [Сдасюк, 1981, с. 136]. Чхота-Нагпур занимает ведущее положение в штате по таким показателям, как развитие коммуникаций, грамотность, удельный вес промышленных рабочих, медицинское обслуживание, доход на душу населения.

Как ни парадоксально на первый взгляд, быстрая индустриализация и как ее следствие рост урбанизации, дохода на душу населения, грамотности, развитие коммуникационной инфраструктуры отрицательно сказываются на положении адиваси Чхота-Нагпура. Индустриализация привела к большому притоку мигрантов, изменению экологических условий и социальным сдвигам, к которым автохтонное население не было подготовлено. В результате оно оказалось в нижней части социальной пирамиды. Строительство сталелитейного комбината в Бокаро, гидроэнергетического комплекса на р. Дамодар и других промышленных объектов сопровождалось выселением более полумиллиона адиваси, лишь небольшая часть которых получила земельные участки в других районах либо неквалифицированную, низкооплачиваемую работу на предприятиях (в 1971 г. лишь 5,6% проживало в городах, где они составляли лишь 0,9% городского населения области). Среди автохтонного населения задолженность была на 20—30% выше, чем в среднем по стране, а за 1961—1971 гг. на одну треть снизилось число занятых в кустарных промыслах [Сингх К. С., 1979].

Положение усугубляется тем, что после создания Корпорации развития лесного хозяйства в 1976 г. адиваси было запрещено собирать топливо и охотиться в лесах. Обращая внимание на бедственное положение автохтонного населения, лидеры племен указывают, что в бихарских округах Чхота-Нагпура правительство получает 75% доходов от эксплуатации природных ресурсов области, но расходует лишь 25% на социальные нужды местного населения и преодоление отсталости [Деккан геральд. 01.11.1982]. По словам индийского социолога, крупные промышленные комплексы — это острова в аграрной стране, где сохраняются «полурабские условия жизни, полуфеодальные производственные отношения и традиционные методы земледелия» [Сингх К. С., 1979, с. 84].

Социально-экономические факторы, развитие коммуникаций и приток мигрантов в «неосвоенные» районы расселения малых народов за годы независимости значительно ускорили процессы их ассимиляции крупными народами. При переписях населения подавляющее большинство зарегистрированных племен относит себя к индусам, многие перенимают не только обычаи,

но и языки соседних народов. Уже давно превратились в касты джаты, раджпуты и ахиры, а в последние десятилетия к ним присоединились мусахары (1,1 млн. человек, 1961 г.), бхары, багди (1,1 млн.), расселенные от Пенджаба до Бенгалии баури (0,9 млн.), тури и другие бывшие племена. Бхилы, колы, кхонды и многие другие этносы уже полностью забыли свой язык. Относительно быстро этот процесс протекает среди гондов, бхумиджей и десятков других этнических групп, которые, как и в прошлые времена, превращаются в касты, но гораздо более быстрыми темпами. Индуистская аккультурация не затронула лишь малочисленные, наиболее архаичные племена, проживающие в джунглях либо в относительно изолированных районах (байга, корва, бирхоры, джуанги и др.). По мнению специалистов, многие из таких племен находятся на грани исчезновения: их численность явно обнаруживает тенденцию к снижению; в частности, в 1981 г. в стране отмечено 110 племен численностью менее 1 тыс. человек каждое [Таймс оф Индия. 12.12.1982].

Как и в прошлом, ассимиляция не охватывает одновременно всю этническую группу; обычаи, культуру и языки соседних народов перенимают прежде всего жители этноконтактных зон, равнинных районов, в то время как их лесные собратья продолжают сохранять свою традиционную культуру. Социокультурная дивергенция, отсутствие общих политических институтов, хозяйственных связей, а нередко и территориальная разобщенность неизбежно ведут к дезинтеграции гомогенных групп и превращению их в эндогамные локально-кастовые и конфессиональные группы крупных народов, не имеющие ничего общего между собой, за исключением несущественных элементов материальной и духовной культуры. Бхилы (3,7 млн., 1961 г.), колы (3,5 млн.), гондов (4 млн.) и десятки более мелких, дисперсно расселенных групп в настоящее время уже нельзя рассматривать как этнические общности. Не случайно в переписях населения 1971 и 1981 гг. этническая принадлежность уже не указывалась, так как данные о родном языке точнее отражают современную этнолингвистическую ситуацию. «Антропологи привыкли фиксировать упадок, а в некоторых случаях исчезновение племен, и процесс, который теперь происходит в полуостровной Индии, но, к счастью, не затронул племенных штатов Северо-Восточной Индии, в сущности, схож с тем, что произошло с автохтонными племенами Бразилии и даже с судьбой американских индейцев в США в XVIII и XIX вв. Но если в Соединенных Штатах критическая точка уже давно пройдена, в Индии было бы возможным остановить экспроприацию и деградацию многих племенных групп, если бы рекомендации, содержащиеся в многочисленных отчетах, составленных центральным правительством, были бы реально осуществлены на местах», — пишет К. фон Фюрер-Хаймендорф [Фюрер-Хаймендорф, 1980, с. 15].

Тенденция к ассимиляции является преобладающей и наблюдается даже среди мелких групп охотников и собирателей Южной Индии (паллияры в Тамилнаде, кадары и арунадары в Керале и др.), которые, сохраняя свои верования, говорят обычно на языках крупных народов. Однако в целом для современных условий характерно сочетание противоположных тенденций этнической дезинтеграции и консолидации. В типичных случаях образованная прослойка и политические лидеры, заинтересованные в сохранении предусмотренных законом льгот для зарегистрированных племен, повышении своего статуса, достижениях власти и по другим мотивам, акцентируют свою этническую идентичность и стремятся пробудить этническое самосознание в рамках административных единиц (округов, талуков), избирательных округов. Призывы к племенной солидарности в конфликтных ситуациях нередко находят отклик и содействуют сохранению и даже росту этнического самосознания в отдельных частях этноареала. В других случаях, когда состоятельная прослойка племен полностью ассимилирована и добилась статуса касты (например, верхушка бхумиджей в Бенгалии), этническая идентичность сильнее выражена среди основной массы населения, занимающей нижние ярусы этнонациональной стратификации.

Дуалистический характер переходного общества, сочетающего в себе секуляристскую политику государства, направленную на преодоление фактического неравенства, и всепроникающее влияние традиционной социально-кастовой структуры, создает два полюса притяжения и соответственно сочетание противоположных тенденций в этническом развитии малых народов. В конечном счете лишь весь комплекс социально-экономических, этнодемографических и социокультурных факторов определяет их соотношение в каждой конкретной ситуации.

Тенденцию к этнической консолидации можно отметить среди малых народов полуостровной части Индии: наиболее развитым этническим сознанием обладают автохтонные жители Чхота-Нагпура (санталы, мунды, хо, ораоны) [Фукс, 1973, с. 144—145; Седловская, 1976, с. 118]. Малые народы этой области меньше подвержены культурной и языковой ассимиляции (в основном сохранили свои языки, и лишь $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{3}$ санталов, мунда и хо является билингвами) [Языковая ситуация, с. 111]; примерно четверть населения составляют христиане. Крупнейший этнос Чхота-Нагпура — санталы (около 2 млн. человек), как и остальные малые народы Бихара, испытали глубокое воздействие культуры крупных народов, но сохраняют собственную идентичность вследствие многократных конфликтов с мигрантами из других районов Индии. Среди мунда сформировался локальный национализм, в котором акцентируются традиционные ценности и историческая символика и сохраняются элементы традиционного этноцентризма [Оранс, 1965]. Групповая солидарность малых народов Чхота-Нагпура нахо-

дит выражение в региональных партиях, политическом поведении и борьбе за предоставление автономии.

Тенденции к этнической консолидации либо к дезинтеграции и их сочетание проявляются в политической ориентации отдельных сегментов зарегистрированных племен. Более 70% опрошенных С. Л. Доши раджастанских бхиллов знают о льготах, предоставляемых государством для племен, и считают их полезными, примерно половина проявляла интерес к политическим проблемам. Однако среди опрошенных более половины (59,1%) заявили, что не придают значения этнической принадлежности кандидатов, за которых они голосуют; для совершенно ничтожной части (3%) имеют значение «региональные» проблемы бхильской области Вагад, в то время как общендийскими политическими проблемами интересовалось 75% опрошенных [Доши, 1978, с. 112, 120, 122]. В сущности, по своим политическим симпатиям и антипатиям бхиллы не отличаются от близких к ним по социальному статусу индусских каст, что подтверждает вывод о стирании политического различия между племенем и кастой [Бэйли, 1960, с. 226].

В зависимости от ряда факторов, среди которых определяющими следует считать уровень этнической консолидации, характер социокультурных и социально-экономических связей с соседними народами и уровень общего развития, степень политической мобилизации племен на этнической основе колеблется в очень широких пределах — от нуля до массовых сепаратистских движений (нага, мизо). Этносоциальные движения, как правило, не характерны для племен, занимающих крайние точки по шкале интенсивности межэтнических контактов, — для самых изолированных этносов, расселенных в наименее доступных районах и лишь эпизодически соприкасающихся с представителями крупных народов, и для тех зарегистрированных племен, которые расселены дисперсно и подвергаются языковой и социокультурной ассимиляции соседними этносами. Первую группу составляют племена охотников и собирателей, ко второй относится подавляющее большинство оседлых зарегистрированных племен полуостровной части Индии. Примером вторых являются бхиллы. Показательно, что в Вагаде никогда не было движений, организованных исключительно бхиллами в интересах только бхиллов или направленных против неплеменного населения. Подавляющее число (79%) опрошенных Ш. Д. Доши бхиллов отрицательно отнеслись к идее о создании бхильского штата Вагад, если бы такое предложение было бы выдвинуто [Доши, 1978, с. 123]. Полное отсутствие или иррелевантность компонента этнической принадлежности в структуре самоидентификации членов многих ассимилируемых племен является главной причиной, препятствующей возникновению автономистских или других типов этносоциальных движений.

Организованное автономистское движение среди племен внутренних районов Индии сложилось только в Чхота-Нагпуре.

Среди адиваси (санталов, мунда, хо, ораонов, кхеваров и др.) этого района значительно раньше сформировалась образованная прослойка. Уже до первой мировой войны здесь возникли первые просветительские и благотворительные организации, а в 1938 г. была создана партия Адиваси махасабха. Она выступила с лозунгом отделения Чхота-Нагпура от Бихара и по разным мотивам нашла поддержку среди части мусульманских и бенгальских лидеров.

После достижения независимости Индии сходные позиции занимала Джхаркхандская партия (ДП), основанная известным лидером Джайпалом Сингхом в 1950 г. Ее членами по уставу могли быть все жители области, но фактически она имела массовую базу лишь среди адиваси. В 50-е годы партия добивалась определенных успехов на выборах в законодательные собрания Бихара и Ориссы и настаивала на создании штата Джхаркханд путем объединения 15 округов Бихара, Западной Бенгалии, Ориссы и Мадхья-Прадеша [Шарма, 1976, с. 37]. Поскольку в пределах области Чхота-Нагпур, разделенной между этими штатами, племена составляли лишь треть населения, руководство ДП стремилось превратить ее в региональную партию, представлявшую интересы всего населения независимо от этнической принадлежности. Однако ей не удалось сохранить своего влияния даже среди племен: часть местных лидеров подключилась к осуществлению программ развития, усилились противоречия между христианами и «отсталыми» адиваси, которые в возрастающей степени переориентировались на ИНК и — отчасти — на Джан сангх и КПИ. Расколу движения содействовало также включение представителей адиваси в состав правительств Мадхья-Прадеша и Ориссы. Главная же причина заключалась в том, что городское руководство партии поддерживало тесные связи с заминдарами и не смогло выработать собственную аграрную программу. Лозунг «Гариби хатао!» («Устранить бедность!»), выдвинутый позже Конгрессом, оказал заметное воздействие на массы адиваси, вселяя надежду, что правящая партия улучшит их положение [Сингх К. С., 1979, с. 95—96].

Потерпев крупное поражение на выборах 1962 г., ДП, по существу, распалась на несколько противоборствующих партий с узкой этносоциальной базой. Характерной чертой последовавшего периода был рост радикальных настроений среди «племенных» лидеров, обусловленный процессом социальной дифференциации, ростом удельного веса безземельных крестьян и влияния экстремистского движения наксалитов, представители которого проникли в состав организаций адиваси. Заметно усилилось также влияние коммунистов, отстаивавших требование предоставления племенам автономии в рамках VI приложения к конституции (см. ниже). Лидеры меньшинств, формально не отказываясь от борьбы за штат Джхаркханд, в этой ситуации основной упор в своей пропаганде делали на улучшении поло-

жения адиваси, их участия в управлении, развитии образования и предоставлении им рабочих мест.

Джхаркхандская партия не смогла стать организацией племен Чхота-Нагпура. Ее единство подрывалось этническими различиями, социально-классовыми и конфессиональными противоречиями ($\frac{2}{3}$ руководства составляли христиане и $\frac{1}{4}$ — мусульмане). Ораоны и мелкие группы адиваси с недоверием относились к джхаркхандскому движению, опасаясь, что в случае создания отдельного штата в нем будут господствовать лидеры более крупных этносов — санталов, мунда и хо. Их симпатии были на стороне ИНК. Сходную позицию занимало руководство местной католической церкви, и лишь протестанты были последовательными сторонниками создания племенного штата.

Территориально джхаркхандское движение ограничивалось племенным этноареалом Бихара, что был вынужден признать председатель ДП, член парламента Н. Е. Хоро: «В Мадхья-Прадеше люди приходят большими толпами на наши митинги, но когда наступает время выборов, они всегда голосуют за Конгресс (И)» [Телеграф. 26.05.1983]. Параллельно ДП возникли две организации: в 1973 г. Джхаркханд мукти морча — ДММ (Фронт освобождения Джхаркханда), возглавляемый членом парламента Шибу Сореном, и в 1981 г. сепаратистская Колхан ракша сангх (Союз защиты Колхана), настаивающая на отделении от Индии части округа Сингбхум. Лидеры последней были приговорены к тюремному заключению после поездки в Лондон и Женеву, где они пытались добиться международной поддержки [Телеграф. 26.05.1983].

Положение в Чхота-Нагпуре резко обострилось в начале 80-х годов, что в значительной степени объясняется влиянием нестабильности в стране в целом. В десятках деревень округа Сингбхум (Бихар) адиваси фактически захватили власть в свои руки и, не располагая другими средствами к существованию, продолжали вырубать леса, объявленные правительством штата государственной собственностью. ДММ, в руководство которого наряду с Шибу Сореном входили бывшие члены бихарского комитета КПИ(м) Б. Б. Махато и А. К. Рой, занял левые позиции и выступил за единство адиваси и низших каст; фронт отверг идею создания штата, населенного исключительно адиваси [Таймс оф Индия. 12.11.1981]. Всеиндийская Джхаркхандская партия продолжала вынашивать идеи создания племенного штата или хотя бы автономного округа [Индиан экспресс. 30.07.1981]. Кроме этих основных партий в Санталских парганах с 1969 г. действовали Хул Джхаркханд парти, в Чаттисгархе — движение под лозунгом «Чаттисгарх для чаттисгархцев», многочисленные левозастремистские группировки.

Ход автономистских движений в Чхота-Нагпуре показывает, что попытки создать широкую политическую коалицию меньшинств (т. е. на полиэтнической базе) обречены на неудачу, а требования о предоставлении автономии в рамках прило-

жения к конституции на уровне отдельных дистриктов не находят поддержки из-за конфессиональных и социальных противоречий. Процессы социальной стратификации, происходящие среди адиваси, ведут, как отмечал индийский историк и социолог А. Р. Десаи, к формированию привилегированной состоятельной и образованной верхушки, в то время как подавляющее большинство пополняет ряды наиболее эксплуатируемых слоев индийского общества. Привилегированное меньшинство «неизбежно присваивает себе все блага, предоставляемые племенам, и организует движения от имени всей племенной группы, но в действительности служащие лишь их собственным интересам» [Десаи, 1960, с. 25]. Джхаркхандское движение не стало влиятельной политической силой и не достигло своих целей, но оно продолжает играть важную роль в развитии этнического самосознания малых народов области в их противопоставлении кастовому обществу и в формировании отрицательных установок по отношению к ассимиляции.

Реорганизация северо-восточных штатов и ее последствия

Этнополитические проблемы Северо-Востока занимают особое место в комплексе этнонациональных проблем Индии. Чрезвычайная этническая дробность, сложный конфессиональный состав населения, разнотипность этнических общностей и глубокие социокультурные контрасты определяют уникальность этого горного края, занимающего важное стратегическое положение между Индией, Китаем, Бирмой и Бангладеш.

Руководители независимой Индии отчетливо осознавали специфику Северо-Востока и с самого начала уделяли должное внимание проблеме социально-политической интеграции горных народов. Однако при оценке ситуации в СВИ и в принятии решений, касавшихся положения отдельных народов, были допущены серьезные ошибки и просчеты, последствия которых не преодолены по сей день.

Еще в 1946 г. по решению Учредительного собрания был создан специальный подкомитет племенных и исключенных районов Ассама с целью подготовки рекомендаций, касающихся статуса горных народов после провозглашения независимости Индии. В подкомитет вошли видные политические деятели: были назначены главный министр Ассама Гопинатх Бардолой (председатель), член Учредительного собрания и министр ассамского правительства кхаси Р. М. Никольс Рой; секретарь Национального совета нага (НСН) Алиба Имти Ао и племенной лидер из Центральной Индии А. В. Тхаккар. В докладе, который подкомитет представил в июле 1947 г., отмечалось, что у горцев «нет недостатка в политической сознательности» и, более того, среди них распространены «представления о неза-

висимом статусе, в рамках которого лишь внешние сношения будут регулироваться в соответствии с договором или соглашением» [Синха, 1970, с. 19]. Сепаратистские устремления части племенных лидеров СВИ не остались незамеченными. В докладе подкомитета отмечался также рост этнического самосознания, т. е. процесс консолидации.

Таким образом, подкомитет Бардолая в своем докладе вполне определенно выделил главное в этнополитической ситуации СВИ — ускорение процессов этнической консолидации и рост политического сознания у отдельных народов. Практические рекомендации подкомитета были одобрены Учредительным собранием и внесены в конституцию в виде VI приложения, дополнявшего соответствующие ее статьи.

Этот подробный, объемный документ с подзаголовком «Постановления об управлении территориями племен в штате Ассам» в течение двадцати лет был важнейшим комплексом конституционных мер по решению проблем племен СВИ (кроме Манипура и Трипуры, имевших в тот период статус союзных территорий, и отчасти Северо-Восточного пограничного агентства). В отличие от племен других районов Индии конституция признала за малыми народами СВИ право на территориальную автономию. В составе Ассама было образовано шесть автономных дистриктов, в основном объединявших компактные этноареалы кхаси, гаро, лушаев (мизо), нага, качари и микиров. В дистриктах органами самоуправления стали советы, избираемые населением. Им были переданы такие вопросы, как использование земельных угодий и оросительных каналов, регулирование переложного земледелия (джхум), образование сельских и городских комитетов, назначение вождей племен, наследование имущества, создание судов низшей инстанции. Дистриктные советы наделялись правом устанавливать и собирать налоги на землю, постройки, профессии, торговлю, средства транспорта, животных, товары, сборы на содержание школ, амбулаторий и дорог. Их исполнительные полномочия включали право строить и открывать начальные школы, амбулатории, рынки, дороги, загоны для скота, переправы [Конституция, 1956, с. 291—306].

В целом автономия на уровне дистрикта была весьма ограниченной и относилась лишь к небольшой части вопросов местного значения: судя по списку полномочий, дистриктные советы не вправе были решать вопросы, касавшиеся кредита, кооперации, выдачи лицензий на строительство мелких предприятий и мастерских, поддержания общественного порядка, функционирования средних школ и т. д. Кроме того, обширные полномочия в управлении автономными дистриктами сохранил губернатор; он был вправе отменить любой закон или решение совета, назначать комиссию для изучения любого аспекта управления автономными дистриктами и по ее рекомендации распустить дистриктные советы и назначать проведение новых выбо-

ров. В сущности, автономия в рамках VI приложения скорее не расширяла, а сужала возможности самоуправления горных этносов по сравнению с косвенным правлением колониального периода и патерналистской политикой, которую проводили англичане по отношению к некоторым меньшинствам. Главное, автономные дистрикты юридически оказались в ведении ассамских властей, к которым христианизированные элиты меньшинств относились с недоверием и подозрением.

Крайне ограниченная автономия на уровне дистриктов как путь решения конституционного статуса горных народов СВИ содержала элемент форсированной интеграции их в рамках Ассама и — шире — общендийской социально-политической общности. Это в известной мере было оправдано в отношении индуизированных микиров и качари, близких в социокультурном плане к ассамцам — этносу, которому в СВИ отводилась роль интегрирующего ядра. Однако лидеры кхаси, гаро и в особенности пага и мизо были совершенно не готовы к тому, чтобы принять статус практически полной зависимости от властей Ассама, которым прежде они никогда не подчинялись. Традиционный этноцентризм горных народов в 40-е годы под воздействием рассмотренных выше внешних факторов (гл. 3), распространения грамотности и ускорившегося процесса политической мобилизации трансформировался в локальный национализм.

Стремление к сохранению своего образа жизни, боязнь ассимиляции и эксплуатации более развитыми соседними народами (ассамцами и бенгальцами) интерпретировались образованной элитой в современных политических терминах, получали известное теоретическое обоснование и превращались в систему взглядов, выражающих групповые интересы этноса. В отличие от локального национализма крупных народов (тамилов, бенгальцев, ассамцев и др.) национализм этносов Северо-Восточной Индии не испытывал заметного воздействия индийского государственного национализма и сохранил ярко выраженные отрицательные стереотипы и негативные компоненты — недоверие и подозрительность в отношении «равнинных жителей» и ассамских политических лидеров, не скрывавших своих намерений форсировать интеграцию и ассимиляцию племен¹. Рассчитанные на неискушенные в политике массы, эмоциональные призывы к защите извечной «свободы», родных гор и обычаев при использовании современных средств массовой информации и политической агитации быстро распространялись и находили отклик в слабо дифференцированных обществах, каковыми в основном были горные этносы СВИ в 40—50-е годы [Григорьева, 1982, с. 73—78].

¹ На дебатах по VI приложению в Учредительном собрании представители Ассама высказывали недовольство в связи с тем, что горцам якобы предоставляется слишком много самостоятельности; Р. К. Чаудхури прямо заявил: «Мы хотим ассимилировать племена, но до сих пор у нас не было такой возможности» [Чаубе, 1973, с. 86].

Подобного рода национализм донациональных этнических общностей имеет больше сходства с политической платформой, нежели с гипертрофированным выражением национальных интересов, и его слабость заключается в том, что по мере социальной дифференциации и социально-политической поляризации он начинает быстро размываться. С другой стороны, высокая степень групповой солидарности, обусловленная сохранением существенных компонентов родо-племенного строя, и отсутствие острых внутриэтнических (прежде всего социально-классовых) конфликтов определяет его боевой, наступательный характер и вселяет в лидеров уверенность в возможности достижения поставленных целей. Все это в полной мере проявилось в ходе автономистских и сепаратистских движений, которые явились реакцией на решение Учредительного собрания о предоставлении горным народам номинальной автономии в составе Ассама.

Политические организации автономных дистриктов отрицательно отнеслись к автономному статусу в составе Ассама. Даже умеренный Кхасский дарбар незначительным большинством отверг его. Национальный совет нага (НСН) ко времени принятия конституции уже открыто выступал за независимость Нагаленда, поскольку категорически настаивал на включении в конституцию пунктов о 10-летнем сроке опеки Индии над Нагалендом и праве нага выбрать свой статус по истечении этого срока — согласно договоренности между НСН и губернатором Ассама Акбаром Хайдари в июне 1947 г. (подробнее см. [Григорьева, 1982, с. 63—64; Прусаускас, 1981, с. 115—118]). В начале 1951 г. НСН, предварительно уведомив президента Индии, провел в этноареале нага плебисцит, на котором, согласно информации НСН, 99% нага высказались за независимый статус.

В период, когда еще не была проведена реорганизация крупных полиэтничных провинций, большинство лидеров горных этносов СВИ ограничивало свои требования расширением автономии в составе Ассама либо созданием отдельного штата, объединяющего все дистрикты, населенные племенами. Активизации движения содействовало создание Комиссии по реорганизации штатов (КРШ) в 1953 г. В период работы комиссии этнонациональные проблемы в СВИ, как и в ряде других районов Индии, заняли центральное место в политической жизни. Политические лидеры ассамцев, бенгальцев и горных этносов выступили с требованиями и проектами реорганизации СВИ, которые взаимно исключали друг друга: так, ассамский комитет ИНК предъявил притязания на всю Северную Бенгалию; западнобенгальский, в свою очередь, добивался присоединения к штату Трипуры и ряда ассамских дистриктов (Гоальпара, Качар, Горы Гаро, часть дистрикта Горы Кхаси-Джайнтия); бенгальцы Качара потребовали создания штата Пурбачал, включающего Качар, Трипуру, Горы Мизо, Горы Нага, Манипур, Северо-Восточное пограничное агентство; бенгальцы западных

дистриктов Ассама высказались за образование штата Каматапур в составе трех бенгальских и двух ассамских дистриктов; лидеры малых народов выступили с проектом создания Горного штата, включающего все автономные дистрикты Ассама. Перечень этих предложений и требований отражает сложность этнополитической ситуации в этой части Индии, остроту межэтнических противоречий и невозможность разрешения взаимных территориальных претензий ко всеобщему удовлетворению.

Комиссия реорганизации штатов в целом высказалась против политико-административного дробления и создания мелких, экономически слабых штатов. В докладе особо подчеркивалось, что в пограничных штатах недопустим рост регионализма, т. е. локального национализма, степень автономии должна соответствовать требованиям национальной безопасности, и они должны нести значительную часть расходов по обеспечению безопасности. «Важно поэтому, чтобы каждый пограничный штат возглавлялся действенной администрацией, был устойчивым, обладающим ресурсами, способным решать проблемы, которые возникают в связи с военными нуждами. Отсюда следует, что безопаснее иметь вдоль границ относительно крупные и богатые штаты, чем мелкие и менее жизнеспособные единицы» [Комиссия, 1955, с. 32—33].

Поскольку административно-территориальное устройство СВИ никак не отвечало этим требованиям (здесь был один штат группы А — Ассам, две территории группы С — Манипур и Трипура — и Северо-Восточное пограничное агентство, которое находилось в ведении министерства иностранных дел), КРШ предложила присоединить Трипуру к Ассаму и сохранить за Манипуrom статус союзной территории, так как население этого бывшего княжества обладает «специфической культурой и осознанием лингвистической и культурной индивидуальности и... не связано никакими лингвистическими узами с Ассамом» [Комиссия, 1955, с. 196—198]. Комиссия отвергла предложения о создании Пурбачала, Каматапура и Горного штата, отметив относительно последнего, что это требование поддерживается лишь политическими организациями кхаси и гаро. Более того, КРШ высказалась против внесения каких-либо поправок в VI приложение.

Парламент одобрил все предложения КРШ, касавшиеся СВИ, за исключением рекомендации о присоединении Трипуры к Ассаму. Таким образом, реорганизация штатов, проведенная в 1956 г., никак не коснулась северо-восточного района Индии, вызвав среди политически сознательной части этнических меньшинств Ассама скорее разочарование и недовольство. Сохранение статус-кво содействовало усилению партикуляристских тенденций, росту локального национализма горных народов и ограничило возможности их привлечения на сторону ИНК. Однако в то же время ни общность требований малых народов, ни общность религии (впрочем, достаточно относительная, так как

христианство в СВИ распадалось на ряд церквей и направлений) не оказались достаточными для сплочения политиков горных дистриктов на единой платформе и преодоления ими взаимной подозрительности. Главное же — большинство горных лидеров опасалось, что создание единого Горного штата поставит в доминирующее положение более развитых кхаси, тем более что крупнейший город СВИ — Шиллонг — находился в их этноареале. К тому же индуизированные микиры и димаса качари больше тяготели к своим единоверцам — ассамцам, нежели к христианизированным горным народам.

В этой ситуации горные лидеры оказались не в состоянии преодолеть внутренние разногласия и их попытки создать общую партию оказались безуспешными: к концу 1955 г. на конференции в Айджаке формально был создан Горный племенной союз Восточной Индии (ГПСВИ), но Союз мизо и Национальная конференция гаро, не говоря уже о других этнолокальных партиях, отказались присоединиться к нему, и ГПСВИ стал лишь еще одной кхасской партией.

Убедительная победа этнолокальных партий на выборах 1957 г. в законодательное собрание Ассамы (ИНК в автономных дистриктах получил лишь один мандат — в дистрикте Горы Микир), участие их лидеров в политической жизни штата в качестве депутатов и членов правительства, обострение внутрипартийной фракционной борьбы — все это отодвигало программные цели и стратегические задачи на второй план. Приобщение наиболее активных лидеров к власти, появление новой сферы деятельности для образованной прослойки вследствие осуществления программ экономического развития (интенсивное дорожное строительство, быстрое расширение системы образования и здравоохранения), хотя и не устраняли почвы для трений между ассамцами и этническими меньшинствами, тем не менее заложили основу для социально-политической интеграции наиболее образованных и предприимчивых представителей горных народов, в первую очередь кхаси. Усилившись во второй половине 50-х годов тенденции к интеграции открывали определенные возможности для решения проблемы горных народов СВИ в рамках VI приложения, однако два обстоятельства повернули эту тенденцию вспять.

Как отмечалось выше, горные народы СВИ представляли всю гамму типов этнических общностей: среди них есть консолидированные этносы (манипури), консолидирующиеся (кхаси, гаро, мизо) и ассоциированные (микиры, димаса качари), а также племена в обычном смысле термина, мало затронутые современным развитием (дафла, галлонги, ака и многие другие). Среди всех этих разнотипных общностей особое место занимали нага — группа племен, говоривших на разных языках, но обладавших относительной социокультурной общностью, отличавшей их от соседних этносов. Сохраняя архаичные родо-племенные институты и пережитки, нага в то же время не уступа-

ли более развитым кхаси и гаро по уровню грамотности и степени развития политического сознания. Это сочетание крайне слабой социальной дифференциации (даже институт вождя существовал не у всех групп нага), распространения грамотности и интенсивных контактов с внешним миром в период второй мировой войны обусловило скоротечность процесса политической мобилизации различных племен нага на общей платформе, воинствующий характер их национализма, в котором причудливым образом сочетались пережитки традиционного этноцентризма, родо-племенного равенства, трибализма и элементы современных политических идей, заимствованных у освободительного движения народов Индии и локального ассамского национализма.

Представления о том, что судьба нага зависит от воли ассамских политиков, и отказ центрального правительства присоединить к дистрикту Горы Вага район Туэнсанг, составлявший часть этноареала нага, содействовали распространению убеждения, что в условиях независимой Индии нага не могут рассчитывать на положение равноправных граждан, и единственным выходом с целью сохранения своей самобытности и образа жизни являются сецессия и создание независимого Нагаленда. Для подкрепления своих сепаратистских устремлений лидеры нага широко использовали то, что в прошлом этноареал нага не входил в состав индуизированных государств СВИ и, следовательно, до завоевания англичанами в конце XIX в. нага сохраняли «независимость». Подозрительное отношение нага к «равнинным жителям» усиливалось тем обстоятельством, что практически весь их этноареал был отделен от остальной части «внутренней линией», и нага наряду с мизо и племенами НЕФА входили в число наиболее изолированных этносов СВИ.

Активизация деятельности сепаратистов (бойкот выборов в совет автономного дистрикта, законодательное собрание Ассам и в союзный парламент, срыв митинга во время визита Дж. Неру в Кохиму) побудила ассамские власти принять меры против Национального совета нага. Его руководители ушли в подполье, а председатель НСН А. З. Физо до конца 1953 г. скрывался в джунглях Бирмы. Осенью 1954 г. сепаратисты образовали подпольное «правительство свободного Нагаленда» и начали вооруженную борьбу против правительственных войск, сопровождая ее террористическими акциями против мирного населения. Оценки численности мятежников в 70-е годы колебались в очень широких пределах — от 3 тыс. до 15 тыс. человек [Гундевиа, 1975, с. 69; Чаубе, 1973, с. 148]. Организованные по образцу регулярной армии, они использовали в основном партизанскую тактику, поддерживали тесные контакты с населением и сами, закопав оружие, периодически занимались мирным трудом. С целью борьбы против мятежников власти проводили операции прочесывания, осуществляли «перегруппировку деревень», т. е. создавали укрепленные охраняемые лагеря

[Бхаттачарджи, с. 156]. В 1956—1957 гг. мятежники убили более 120 и ранили около 250 солдат и офицеров [Гундевиа, 1975, с. 82].

Дезорганизация жизни в дистрикте и нереальность сецессии постепенно подрывали солидарность населения с мятежниками. За мирное урегулирование выступили баптистская церковь и созданные по инициативе властей массовые «конвенции народа нага», первая из которых состоялась в августе 1957 г. Центральное правительство, в свою очередь, в минимальные сроки провело через парламент решение о присоединении к дистрикту Горы Нага района Туэнсанг, удовлетворив этим одно из центральных требований НСН и умеренных лидеров нага. А. З. Физо и его «правительство» временно нашли убежище в Дакке, хотя официально Пакистан и не поддерживал сепаратистов.

В поисках политического решения проблемы нага центральное правительство положительно отнеслось к предложению умеренных лидеров нага о создании штата Нагаленд, т. е. предоставлении нага полной автономии, которой обладали крупные народы Индии в рамках конституции (октябрь 1959 г.). После непродолжительного переходного периода, когда управление Нагалендом находилось в руках временного органа и исполнительного совета (февраль 1961 — август 1962 г.), поправка к конституции о создании штата Нагаленд была принята парламентом и одобрена президентом 4 сентября 1962 г.

Создание штата Нагаленд устраняло почву для опасений нага по поводу засилья ассамцев и бенгальцев, но не менее важное значение имел и тот факт, что нага первыми среди малых народов Индии добились национально-территориальной автономии. Это обстоятельство сыграло роль решающего фактора в ускорении политической поляризации нага, размывании массовой базы сепаратизма и распространении среди нага лояльных настроений, так как были созданы формальные институты (законодательное собрание, правительство штата) для кооптации политических лидеров нага в общендийскую политическую структуру.

Вооруженная борьба в пограничном штате, особенно в период обострения пограничного конфликта с Китаем, была важнейшим фактором, побудившим правительство Индии искать политического решения проблемы нага и отказаться от одного из главных принципов индийского федерализма — выделения в качестве субъектов федерации крупных административно-территориальных единиц. Поэтому прецедент создания Нагаленда—штата с населением менее полумиллиона человек — оказал большой демонстрационный эффект и стимулировал автономистские движения других народов СВИ.

Вторым важным толчком для активизации этих движений было решение провинциального комитета ИНК, а затем и законодательного собрания Ассама о провозглашении ассами офи-

циальным языком штата (1960 г.). Этот шаг, направленный в первую очередь против бенгальской части населения (решение предусматривало использование местных языков в автономных дистриктах), не только вызвал кровавые столкновения между ассамцами и бенгальцами, но и вдохнул жизнь в угасавшее движение за создание Горного штата. В июле 1960 г. по инициативе видного кхасского политического деятеля, отставного капитана Уильямсона Сангмы на совещании политических партий в Шиллонге была создана Всепартийная конференция горных лидеров (ВКГЛ), которая вскоре превратилась в наиболее влиятельную партию автономных дистриктов.

ВКГЛ на своем учредительном собрании категорически высказалась против провозглашения ассамцами официальным языком штата, указав, что он является родным для менее чем 50% населения (по официальным данным переписи 1951 г. — 61,6%, но бенгальские и горные лидеры оспаривали эту цифру). Горные лидеры считали, что подобная мера «укрепит доминирующее положение ассамцев, приведет к ассимиляции ими горных народов», «ограничит возможности и перспективы горцев на государственной службе», так как они будут вынуждены изучать четыре языка (английский, хинди, ассамскими, местный). Они признали целесообразным сохранить в качестве официального английский язык до тех пор, пока население не будет готово для перехода на хинди [ВКГЛ, 1974, с. 8—9].

ВКГЛ с момента возникновения стремилась склонить на свою сторону центральное правительство и, выступая против «дискриминационной политики» ассамских властей, всячески подчеркивала свою лояльность и стремление к упрочению единства Индии. Требования ВКГЛ носили весьма умеренный характер (о расширении автономии и тем более создании Горного штата даже не упоминалось) и были изложены в памятной записке, направленной президенту республики в августе 1960 г. Задача отделения горных дистриктов от Ассама была сформулирована уже после того, как законодательное собрание Ассама одобрило (24 октября 1960 г.) законопроект об официальном языке.

Движение за создание Горного штата приобрело массовый характер в этноареалах кхаси и гаро, а на первоначальном этапе также в дистрикте Горы Мизо. На выборах 1962 г. в законодательное собрание Ассама кандидаты ВКГЛ одержали в этих дистриктах полную победу, но уступили представителям ИНК в Горах Микир и Северном Качаре. ВКГЛ стала основной политической силой в трех пограничных дистриктах Ассама — обстоятельство, которое демократический режим не мог игнорировать, особенно в контексте обострения отношений с Китаем.

В поисках политического решения Дж. Неру предложил горным лидерам самоуправление шотландского образца (автономию в вопросах просвещения и культуры, разделение некоторых департаментов и бюджета). Были назначены комиссии для изу-

чения положения и подготовки рекомендаций, а к концу 1966 г. премьер-министр Индира Ганди выдвинула проект превращения Ассама в «региональную федерацию», состоящую из двух равноправных частей — равнинной (собственно Ассама) и горной. Позже этот план подвергся некоторому изменению, и была сформулирована концепция «автономного штата» (точнее, подштата) в составе Ассама (подробнее см. [Празаускас, 1981, с. 139—145]). Поскольку конституция Индии не предусматривала подобной формы автономии, которую некоторые индийские исследователи сравнивают с автономными республиками СССР [Чаубе, 1973, с. 132], процедура принятия поправки к конституции и ее одобрения законодательными собраниями штатов заняла год. Закон об образовании автономного штата, названного Мегхалая, был утвержден 24 декабря 1969 г.

Образование автономного штата было одобрено ВКГЛ скорее из тактических соображений и не устранило конфликта между ВКГЛ и властями Ассама. Постоянные трения при рассмотрении вопросов, отнесенных к совместной компетенции, разногласия по поводу разделения доходов от предприятий двойного подчинения и сохранение в ведении ассамского правительства важнейших отраслей экономики автономного штата создавали серьезные препятствия для успешного исхода подобного конституционного эксперимента. Правительство Мегхалаи, ВКГЛ и отколовшаяся от нее Народно-демократическая партия Горного штата (НДПГШ) развернули массовую агитацию за полное отделение от Ассама. В Горах Мизо с 1966 г. под руководством Национального фронта мизо (НФМ) продолжалось мощное сепаратистское движение. В этой ситуации в конце 1970 г. союзное правительство согласилось пойти на новую уступку и провести реорганизацию Северо-Восточной Индии на основе принципа национально-территориальной автономии. КПИ поддержала инициативу правительства, правые партии выступили против проекта «балканизации» Ассама.

После задержки, вызванной событиями в Восточном Пакистане и притоком в СВИ нескольких миллионов восточнобенгальских беженцев, закон о реорганизации Ассама был одобрен нижней палатой парламента 2 декабря 1971 г. По этому закону Мегхалая, Манипур и Трипура получили статус штатов Индийского Союза, а Мизорам и Аруначал-Прадеш (бывшее Северо-Восточное пограничное агентство) преобразованы в союзные территории центрального подчинения (см. таблицу).

Территориальная реорганизация СВИ — второй этап (после реформы 1956 г.) эволюции федеративного государственного устройства Индии. Обе реформы представляют собой совершенствование, наполнение новым содержанием индийского федерализма и имеют ряд общих черт: развитие и подъем автономистских движений вследствие роста этнического самосознания и политической мобилизации значительной части населения, большая роль прецедента (создание Андрхы в 1953 г., Нагаленда в

Штаты Северо-Восточной Индии

Штат, союзная территория	Площадь, кв. км	Численность населения, тыс.		Администра- тивный центр
		1971	1981	
Ассам	78 523	14 625	19 900	Гаухати/Диспур
Манипур	22 356	1 072,8	1 433,7	Имфал
Мегхалая	22 489	1 011,7	1 327,9	Шиллонг
Нагаленд	16 527	516,4	773,3	Кохима
Трипура	10 477	1 556,3	2 060,2	Агартала
Аруначал-Прадеш* . .	83 578	467,5	628,0	Итанагар
Мизорам*	21 087	332,4	487,8	Айджал

* Преобразован в штат в 1987 г.

1962 г.) и политических факторов (падение влияния ИНК к середине 50-х годов, кризисные явления в правящей партии в конце 60-х годов). Иными словами, в обоих случаях территориальная реорганизация была вынужденной мерой в ситуации, когда дестабилизация политической обстановки стала потенциально опасной для правящей партии. Реорганизацию СВИ следует рассматривать как более серьезную уступку, чем реформу 1956 г., так как крупным народам автономия была обещана Конгрессом еще в колониальный период, и лишь в конце 40-х годов руководство партии предприняло безуспешную попытку уклониться от ее осуществления; в отношении же малых народов Конгресс в лучшем случае был готов лишь частично сохранить введенные англичанами специальные законы, касавшиеся управления «племенными» и «исключенными» районами, что нашло отражение в конституции страны (приложения V и VI).

Установка против создания малых штатов имела как объективные причины (отсталость, отсутствие ресурсов, необходимость финансирования центральным правительством), так и субъективные (опасность цепной реакции). Наиболее веским аргументом в пользу реорганизации СВИ была, вне всяких сомнений, перспектива усиления сепаратистских тенденций и дестабилизации обстановки в наиболее уязвимом пограничном районе Индии. Вооруженный конфликт с Китаем 1962 г. убедительно показал, что индийские войска не в состоянии успешно защищать этот район, и, хотя в последовавшие годы были приняты эффективные меры по укреплению обороноспособности северо-восточных границ, геополитические факторы диктовали необходимость политического решения и ускорения социально-политической интеграции этой части Индии. Ослабленное в конце 60-х годов поражениями на выборах и расколом, правитель-

ство ИНК было вынуждено радикально изменить свой подход и форсировать территориальную реорганизацию СВИ.

Система управления СВИ после реорганизации имеет ряд специфических особенностей. В отличие от остальных зональных советов, наделенных лишь совещательными функциями [Конституция, 1979, с. 340], созданный в 1972 г. Северо-Восточный совет реально осуществляет координацию программ экономического развития, разрабатывает специальный «региональный план», определяет приоритетные объекты, их размещение, готовит рекомендации правительствам штатов в сфере поддержания безопасности [Йоджана. 16—31.08.1982, с. 58]. Определенная территориально-административная целостность СВИ обеспечивается также общим губернатором, высшим судом и некоторыми службами.

Реорганизация 1971 г. сохранила автономные округа в Ассаме, Мегхалае, в бывшем автономном округе Горы Мизо, возведенном в ранг союзной территории, были выделены автономные округа чакма, лакзеров и пави, в Манипуре был создан комитет из членов легислатуры от горных округов [Конституция, 1979, с. 143—144]. В итоге реформа 1971 г. решила часть проблем СВИ, но в то же время зафиксировала неравноправное положение отдельных этнических групп: близкие к мизо пави и лакхеры получили автономию в рамках VI приложения, а на племена Трипуры, составляющие четверть населения штата с преимущественно бенгальским населением, не распространились даже положения V приложения. Очевидно, дифференцированный подход продиктован соображениями политической целесообразности — стремлением не вызывать недовольства бенгальского большинства в Трипуре и ускорить раскол сепаратистского движения в Мизораме.

Реорганизация лишь отчасти привела к совмещению политической и этнолингвистической карты СВИ. Многочисленные группы куки-чинов и нага, тяготеющие к своим сородичам в Мизораме и Нагаленде, остались в пределах Трипуры и Манипура. Удовлетворение требований многих групп неосуществимо ввиду исключительно пестрого этнического состава (до 400 языков и диалектов), а также подвижности и нечеткости границ между родственными группами. Опасаясь обострения межэтнических конфликтов, центральное правительство в основном сохранило границы округов колониального периода.

Образование малых штатов в СВИ создало более благоприятные условия для ускорения этнической консолидации кхаси, мизо, нага и гаро. Хотя штаты Северо-Восточной Индии далеко отстают от среднеиндийского уровня экономического развития, по социокультурным параметрам они (за исключением Аруначал-Прадеша) заметно превосходят большинство более развитых штатов. При удельном весе грамотных 36,17% по всей Индии этот показатель в Мизораме составлял в 1981 г. 59,5%, в Нагаленде, Манипуре и Трипуре — 41,6—42%. На языках ма-

нипури, мизо и кхаси ведется преподавание в школах всех уровней, издаются десятки периодических изданий, книги [Бандопадхьяй, 1982, с. 55—57], они широко используются в официальных целях и как средство межэтнического общения. Мейтхеев, кхаси и мизо вполне можно квалифицировать как консолидированные этносы. Процессы этнической консолидации ускоренными темпами проходят у гаро и разделенных на многочисленные этнолингвистические группы нага. В Аруначал-Прадеше, занимающем последнее место в Индии по уровню урбанизации (6,3% в 1981 г.) и грамотности (20,1%), десятки племен разделяются языковыми и конфессиональными различиями (индуизм, христианство, буддизм, местные анимистические культы). Обучение в школах ведется на английском языке, отчасти — на хинди, и основные направления этнической консолидации еще не определились. Можно предположить, что интенсификация контактов в пределах штата будет способствовать сближению и интеграции разнородных этнических групп, как это ранее произошло с нага.

Важнейшим социально-политическим следствием реорганизации СВИ было усиление центристских (интеграционистских) и, в меньшей степени, центробежных тенденций. Образование новых штатов и союзных территорий открыло перспективы приобщения к власти значительной части политических лидеров и, следовательно, их включения в общендийскую политическую систему. В свою очередь, связь политических лидеров с электоратом предопределила их роль проводников идей государственного национализма или по крайней мере лояльного отношения к государству в массовое сознание и способствовала размыванию массовой базы сепаратизма (нага и мизо). Неизбежным следствием политической борьбы за власть был раскол лояльных лидеров и переход отдельных фракций на сторону Конгресса. Это дало возможность правящей в центре партии впервые сформировать свои правительства в новых штатах СВИ (в Манипуре в 1974 г., Мегхалае — в 1976 г., Аруначал-Прадеше — 1980 г., Нагаланде — в 1982 г.).

В итоге во всех штатах и союзных территориях СВИ сложилась многопартийная система, включающая нынешний Конгресс (И) и, как правило, несколько региональных партий. Противоборство между различными объединениями Конгресса и региональных партий стало главной осью политического процесса в этой части Индии. Исключением является штат Трипура. Здесь основными соперниками в борьбе за власть выступают ИНК(И) и КПИ(м), которая возглавила левую коалицию и одержала убедительные победы на выборах 1977, 1983 и 1987 гг., а региональная партия Трипура упадхати джуба самити представляет собой третью силу, соперничающую с коммунистами за голоса автохтонного меньшинства населения.

Включение элит ранее изолированных обществ в общендийскую партийно-политическую систему путем политических сде-

лок, альянсов и перебежек имело ряд отрицательных последствий, главными среди которых являются отрыв политического процесса от социальных сдвигов, политическая нестабильность (особенно характерная для Манипура и Нагаленда в 70-е годы), коррупция. Выделяемые союзным правительством средства расходуются прежде всего на содержание управленческого аппарата, просвещение и здравоохранение, а программы экономического развития вплоть до настоящего времени мало содействовали преодолению экономической отсталости региона и его интеграции в хозяйственную структуру Индии. В Манипуре, Трипуре и в меньшей степени в других штатах СВИ резко возросла безработица, особенно среди образованной молодежи, не включенной в процесс развития вследствие экономической стагнации.

Отчуждение этих групп населения принимает форму враждебности к многочисленным мигрантам из других штатов (чиповникам, военным, специалистам) и местным политическим деятелям, преследующим свои корыстные цели, и легко трансформируется в экстремизм и сепаратизм. Все эти факторы способствовали сохранению сепаратизма в Нагаленде и Мизораме, его возникновению в Манипуре и в Трипуре в конце 70-х годов (подробнее см. [Праззаускас, 1981, 1985]), кампаниям против «чужаков» и иммигрантов, охватившим в начале 80-х годов почти весь регион. Характерными чертами сепаратистских движений этого периода были левый экстремизм (Национальный социалистический совет нага, манипурские Народно-освободительная армия и Народно-революционная партия Канглеипака), попытки объединения (Коммунистическая партия семи сестер) или, по крайней мере, координации деятельности отдельных сепаратистских организаций, террор в отношении «предателей» и «индийцев», т. е. выходцев из других районов Индии.

Сохранение социальной базы экстремизма и сепаратизма осложняет процесс нормализации обстановки — как военноподлицейскими мерами, так и путем переговоров с лидерами подполья. Достигнутые соглашения (с нага в 1975 г., Национальным фронтом мизо в 1976 и в 1980 гг.) отвергались отдельными группировками мятежников, окопавшимися в труднодоступных районах на стыке границ Индии, Бирмы и Бангладеша. Это вынудило правительство Индии идти на новые уступки: соглашением 1986 г. с лидером сепаратистов мизо Лалденгой союзная территория была преобразована в полноправный штат, было создано переходное коалиционное правительство ИНК(И) — НФМ во главе с Лалденгой и проведены новые выборы в законодательное собрание.

Этнодемографические сдвиги, значительное совмещение этнических, конфессиональных и этносоциальных различий, несовпадение этнических и административных границ порождает в СВИ целый комплекс противоречий, которые обуславливают сохранение здесь напряженной этнополитической ситуации.

Глава 6

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПОЛИТИКА В ПЕНДЖАБЕ

Движение за образование Пенджабской субы

Образование независимых государств — Индии и Пакистана — сопровождалось разделом двух крупных народов — бенгальцев и пенджабцев — на основе конфессиональных различий. Раздел нанес огромный ущерб хозяйству этих бывших провинций, вызвал массовые перемещения населения и сопровождался общинно-религиозными конфликтами, в результате которых погибли десятки тысяч людей. Особенно болезненным был раздел Пенджаба. Предвидя это, британские власти сообщили сведения, касающиеся границы между Индией и Пакистаном в пределах бывшего Пенджаба, руководителям двух государств лишь 16 августа во второй половине дня (т. е. уже после провозглашения независимости), а население провинции узнало о линии раздела лишь на следующий день [Сингх К., 1972, с. 85].

Граница, разделившая преимущественно мусульманские районы на западе и индусские на востоке, рассекала единые ирригационные системы, гидроэнергетические комплексы, из разделенных частей провинции хлынули навстречу друг другу потоки беженцев — сикхов и индусов — из западных, отошедших к Пакистану округов, где их в 1941 г. насчитывалось около 3,7 млн. человек, и мусульман — из Восточного Пенджаба (около 4,3 млн.). Английский историк А. Стефенс оценивает число погибших в полмиллиона человек и называет этот период гражданской войной [Стефенс, 1963, с. 80]. К этой цифре склоняется большинство авторов, указывая при этом, что число жертв среди мусульман и немусульман было примерно одинаковым. По оценкам британских властей и некоторых исследователей, в период после 15 августа общее число жертв составило около 60 тыс. человек [Сингх К., 1972, с. 106; Мун, 1961, с. 293]. Число перемещенных лиц из обеих частей бывшей единой провинции достигло 8 млн. человек в течение трех месяцев и, видимо, останется непревзойденным в мировой истории.

Массовые беспорядки, грабежи, убийства и административная неразбериха были лишь относительно краткосрочными последствиями раздела Пенджаба. С течением времени была также восстановлена хозяйственная жизнь провинции, а в резуль-

тате «зеленой революции» Пенджаб превратился в самый богатый по доходу на душу населения штат Индии. В долгосрочной перспективе гораздо более сложной оказалась проблема религиозно-общинных отношений и коммунализма, которая здесь, в отличие от Бенгалии, не только не была решена в результате раздела, но, наоборот, значительно обострилась. После присоединения в 1956 г. к Пенджабу княжеств, объединенных в административную единицу ПЕПСУ, индусы и сикхи стали составлять соответственно 70 и 30% населения, а мусульман практически не осталось. Хотя до раздела сикхи составляли всего 12—14% населения, они добились у колониальной администрации существенных уступок, умело используя мусульманско-индусские противоречия; теперь же доминирующее положение в политической и экономической жизни штата заняли индусы. Положение усугублялось тем, что сикхи из Западного Пенджаба были расселены преимущественно в северо-западных сельских районах, откуда они в колониальный период мигрировали в западные округа, а индусы сосредоточились преимущественно в городах и в юго-восточной области — Харьяне. Территориальное размежевание двух конфессиональных общин в значительной степени определило особенности политического процесса в провинции и способствовало усилению тенденции к этноконфессиональной дивергенции.

ИНК добивался расширения своей социальной базы в сельской местности, опираясь прежде всего на состоятельных землевладельцев (заявления о радикальных аграрных реформах в первые три года независимости оставались, в сущности, лишь политической риторикой), и смог склонить на свою сторону значительную часть сикхских фермеров — джатов, традиционно поддерживавших Акали дал. В городах же заметно возросло влияние коммуналистских партий, особенно индусской Джан сангх. «С момента достижения независимости антипатия между двумя этническими (точнее, этноконфессиональными. — А. П.) партиями, из которых одна была преимущественно сельской сикхской, а другая — преимущественно городской индусской, была искусно использована Конгрессом. Конгрессистские политики призывали сельских сикхов голосовать за Конгресс, чтобы предотвратить господство городской индусской „Джан сангх“, и те же политики успешно призывали городских индусов поддерживать Конгресс, противопоставляя его „Акали дал“ с ее сельской сикхской базой», — справедливо отмечает американский исследователь [Уоллес, 1981, с. 18].

Сикхские лидеры оказались расколотыми: представители сельских джатов поддерживали правительство и входили в состав ИНК, оппозицию же возглавляли городские сикхи, выражавшие преимущественно интересы мелких предпринимателей, торговцев, посредников и ростовщиков, положение которых было весьма непрочным по сравнению с их индусскими конкурентами [Наранг, 1983, с. 85—86]. Внутренние противоречия, давле-

ние со стороны различных социальных сил и стремление к власти определили непоследовательность политического курса Акали дал. С одной стороны, начиная с 1947 г. лидеры акали настаивали на создании панджабиязычного штата, обвиняли союзное правительство в том, что оно оказывает предпочтение переселенцам-индусам и ущемляет интересы сикхов, особенно городских. С другой стороны, руководство АД было готово пойти на сделки с Конгрессом, и уже в 1948 г. партия вернулась в состав ИНК, рассчитывая использовать в своих целях фракционную борьбу внутри провинциальной организации Конгресса.

Поддерживая то одну, то другую фракцию, акали тем самым смогли выторговать ряд существенных уступок: Г. Ч. Бхаргава, заняв пост главного министра при поддержке акали, был вынужден согласиться на повышение статуса языка панджаби, увеличить долю сикхов на государственной службе и выделить их лидерам большее число министерских постов; добившись удовлетворения этих требований, они помогли Б. С. Сачару свергнуть Бхаргаву (апрель 1949 г.) и представили новому главному министру список более жестких требований, включая разделение провинции на лингвистические зоны панджаби и хинди. В результате была принята так называемая формула Сачара, согласно которой Пенджаб был признан двуязычной провинцией. Эти уступки вели к тому, что лидеры Конгресса теряли поддержку со стороны рядовых членов партии, а конгрессистские правительства становились неустойчивыми: за неполных четыре года сменились три правительства. В 1950 г. большинство рядовых акали (за исключением членов законодательного собрания) вышли из ИНК, а руководство АД, возглавляемое Тара Сингхом, потребовало, чтобы в конституцию были включены статьи о выделении сикхских избирательных курий, выделении для сикхов половины мест в легислатуре Пенджаба и 5% мест в союзном парламенте. Представитель акали в законодательном собрании настаивал на создании панджабиязычного, т. е., в сущности, сикхского, штата.

Лидеры Акали дал исходили из принципа, который провозглашал неразрывное единство религии и политики и стал с момента образования хальсы неотъемлемой чертой сикхизма. Однако руководство страны, занимавшее секуляристские позиции, ясно давало понять, что оно не намерено удовлетворять требования коммуналистского характера, тем более что в самом Пенджабе индусы были решительно против создания такого штата, в котором сикхи составляли бы большинство. Отсутствие секуляристской программы и преимущественно конфессиональная самоидентификация населения исключали трансформацию АД в региональную пенджабскую партию, тем более что раздел по конфессиональному признаку и обострение противоречий между индусами и сикхами, нередко принимавшие форму конфликта между сторонниками панджаби и хинди, убедительно показали, что конфессиональные барьеры внутри пенд-

жабского этноса, тяготение пенджабских индусов к индусам Северной Индии не оставляли места для успешного развития пенджабского этнического самосознания.

В этой ситуации наметилась тенденция к поляризации политических сил по линии не только локальное — общендийское, характерной для ряда национальных штатов, но и секуляристское — коммуналистское. На политической арене штата доминировал Конгресс (победы на выборах 1952, 1957 и 1962 гг.), стоявший на центристской секуляристской платформе. Важнейшими фланговыми партиями были коммуналистские Акали дал и Джан сангх, а секуляристскую оппозицию представляли прежде всего коммунисты. Сложившийся в Пенджабе вариант многопартийной системы с одной доминирующей партией исключал формирование биполярной структуры, характерной для ряда других национальных штатов, но в то же время не обеспечивал политической стабильности.

Формально Акали дал добивалась создания панджабиязычной провинции, но при этом подчеркивала, что это является «вопросом жизни или смерти для сикхов» и что лишь таким путем может быть обеспечена «необходимая безопасность» для сикхов [Наранг, 1983, с. 94]. Эта установка партии не могла вызвать доверие со стороны индусов, наиболее ортодоксальные среди которых отдавали предпочтение Джан сангх. Значительная часть населения, как сикхов, так и индусов, которые подходили к политике с позиций секуляризма, ориентировалась на ИНК либо на КПИ согласно собственной интерпретации своих социально-классовых интересов и расстановки политических сил в штате. Это, в свою очередь, подталкивало руководство АД к экстремизму и побуждало его использовать в борьбе за создание пенджабской субы (провинции) массовые кампании, голодовки протеста, так как партия не могла рассчитывать на то, что ей удастся достичь своих целей посредством электоральной борьбы.

Со своей стороны индусы — как местные, так и переселившиеся из Пакистана, особенно торговцы и предприниматели, — рассчитывали упрочить свои экономические позиции и политическое влияние, идентифицируя себя с индусами всей Индии, и смотрели на Акали дал как на сепаратистскую организацию, близкую по своим устремлениям к ненавистой для индусов Мусульманской лиге. «Это сочетание политических и экономических интересов делало коммуналистски настроенных индусов подозрительными, враждебными и агрессивными по отношению к сикхам» [Наранг, 1983, с. 95]. Индусские коммуналисты развернули кампанию против Акали дал, акцентируя при этом два совершенно различных момента: сепаратистские устремления партии и утверждения о том, что хальса (сикхская община) была создана гурู Гобиндом Сингхом не с целью конфессионального выживания, а исключительно для защиты индусов от мусульманского наступления, что теперь, после раздела Индии,

необходимость в этом отпала и сикхам следует вернуться в лоно индуизма.

Ни одна из коммуналистских организаций, включая АД, Арья самадж и Джан сангх, не выступала с позиции общности пенджабского этноса: индусские коммуналисты вообще не желали замечать этнических различий между индусами, по крайней мере в Северной Индии, а идеологи акали отождествляли панджабит («пенджабизм») с панджабским языком на основе графики гурмукхи и в конечном счете с сикхской верой.

Опасения акали относительно того, что несикхское большинство стремится к искоренению самобытности пенджабцев, не были лишены основания; об этом наглядно свидетельствовали такие действия, как решение правительства Бхаргавы в 1948 г. о признании панджаби и хинди родными языками пенджабцев, решение муниципального комитета Джалландхара о введении хинди в качестве языка обучения в школах, кампания в период переписи населения 1951 г., направленная на то, чтобы индусы заявляли, что их родным языком является хинди, высказывания некоторых деятелей, считавших, что панджаби представляет собой лишь один из многочисленных диалектов хинди. Некоторые индусские лидеры высказывались за создание Маха Пенджаба («Великого Пенджаба») путем присоединения к Пенджабу Химачал-Прадеша, Дели и некоторых округов Уттар-Прадеша, что окончательно закрепило бы доминирующее положение индусов. Не меньшую угрозу, с точки зрения ортодоксальных сикхов, представляла собой возрастающая секуляристская тенденция, которая среди значительной части молодежи принимала форму отказа от внешних атрибутов сикхизма (борода, длинных волос, тюрбана). Все это, вместе взятое, укрепляло убежденность сикхских лидеров в том, что без образования провинции с сикхским большинством культурная самобытность сикхов в тогдашних границах Пенджаба обречена на гибель.

Причины движения за создание Пенджабской субы не исчерпывались экономическими интересами перемещенных сикхов и сельской сикхской верхушки. Сикхи, составляющие ядро пенджабского этноса, в большей степени, чем индусы, выступали поборниками пенджабского языка, воплощали такие внутригрупповые ценности, как трудолюбие, воинская доблесть, склонность к активной деятельности. Именно эти качества в колониальный период особенно поощрялись колониальными властями и определяли относительно высокий групповой статус пенджабцев, в особенности сикхов.

После образования Пакистана и провозглашения независимости Индии сложившаяся система межэтнических и этноконфессиональных отношений существенно изменилась не в пользу сикхов. Индуистская аккультурация, секуляризация и распространение хинди, занявшего привилегированное положение, объективно создавали предпосылки для ассимиляции пенджабцев — процесса, который так или иначе предполагает призна-

ние превосходства и принятие ценностей ассимилирующей группы и соответственно отрицание достоинств собственной группы. Склонность пенджабских индусов объявлять своим родным языком хинди во время переписей населения, кампания «Спаси хинди!» явно свидетельствовали о том, что процесс ассимиляции уже начался.

Существенно менялись стереотипные представления о пенджабах, в первую очередь сикхах: об этом свидетельствуют поговорки наподобие «У пенджабцев нет культуры, кроме агрикультуры», многочисленные анекдоты, в которых действующими лицами выступали добродушный, но туповатый сардар и необразительный южноиндеец либо рафинированный бенгалец. Негативные стереотипы, наряду с такими объективными факторами, как снижение вербовки пенджабцев в армию (постепенно вводился принцип квот согласно численности отдельных народов), доминирующее положение индусов в городах и в современном секторе экономики, вызывали у сикхской интеллигенции тревогу и опасения за судьбы пенджабской культуры, сомнения относительно способности группы к самосохранению. В итоге автономистское движение не только отражало экономические и политические интересы, но и существенно дополнялось психологическими мотивами.

Центральное правительство, в целом отрицательно относившееся к идее реорганизации штатов по лингвистическому принципу, было категорически против требования акали о создании Пенджабской субы, усматривая в нем опасное проявление коммуналлизма. Джавахарлал Неру считал, что Пенджаб в языковом и социокультурном отношении представляет собой единое целое, и здесь нет «тех религиозных и языковых различий, которые можно обнаружить в других районах Индии»; более того, он полагал, что раздел провинции может вызвать такое же бедствие, как и раздел 1947 г. (цит. по [Наранг, 1983, с. 104]).

На выборах в законодательное собрание 1952 г. в Пенджабе и ПЕПСУ АД выступила с лозунгом образования Пенджабской субы, ИНК высказался за сохранение единого Пенджаба и выдвинул программу социально-экономических преобразований. В итоге из 186 мест (126 в Пенджабе и 60 в ПЕПСУ) ИНК получил 122, АД — лишь 33, КПИ и Джан сангх — по 6, независимые — 1. В процентном отношении за ИНК проголосовало 34,8% избирателей, за АД — 14,7%, остальные голоса были поданы за независимых (25,3%), коммунистов (5,3%) и Джан сангх (5,0%) [Сингх Д., 1981, с. 240]. Однако здесь важно отметить, что соотношение сил ИНК и АД в панджабиязычных округах было иным: здесь Конгресс набрал 31,3%, АД — 24,0% голосов, в некоторых дистриктах с сикхским большинством (в Рупаре, Лудхияне, Бхатинде, Капуртхале, Сангуре) Акали дал даже опередила Конгресс. Главное, в собственно Пенджабе ИНК набрал меньший процент голосов, чем в любой из 15 крупных провинций страны.

В период работы Комиссии по реорганизации штатов из Пенджаба поступило несколько различных проектов реорганизации. АД в своем меморандуме отстаивала идею создания Пенджабской субы, предлагая включить в ее состав весь пенджабский этноареал и округ Ганганагар, входивший в состав Раджастхана, но отделить Харьяну. В таком виде Пенджабская суба охватывала бы территорию около 90 тыс. кв. км с населением около 12 млн. человек, среди которых сикхи составили бы 40% [Гулати, 1974, с. 162]. В своем меморандуме АД доказывала, что создание одноязычного штата необходимо в целях развития просвещения и культуры и улучшения управления. По мнению акали, создание Пенджабской субы означало бы образование компактного и богатого штата, устранило бы причины общинно-религиозной напряженности в пограничном районе, решило бы языковую проблему Пенджаба и усилило бы чувство лояльности сикхской общины по отношению к стране [Найяр, 1966, с. 33—34].

В период работы Комиссии влияние акали среди сикхов заметно возросло. В 1954 г. Акали дал добилась крупного успеха, одержав полную победу на выборах в Комитет по управлению гурдварами — ШГПК (112 мест из 132). Вслед за этим партия успешно провела кампанию протеста против запрета на проведение демонстраций, вызванных предложением КРШ создать Маха Пенджаб («Великий Пенджаб»); в кампании приняли участие десятки тысяч сикхов, и главный министр Б. С. Сачар был вынужден прибегнуть к такой крайней мере, как введение полиции на территорию Золотого храма, чтобы арестовать сикхских лидеров (4 июля 1955 г.). Это вызвало волну возмущения среди сикхов, и власти были вынуждены отменить запрет на проведение демонстраций, а главному министру пришлось посыпать свою голову пеплом и отправиться в Золотой храм с извинениями. Это стоило индусу Сачару поста главного министра: influentialный в штате лидер ИНК, сикх Пратап Сингх Кайрон направил для встречи с премьер-министром Джавахарлалом Неру депутацию и тем самым обеспечил себе кресло главного министра (январь 1956 г.). Акали дал одержала моральную победу, но повода для ликования у акали не было, поскольку в данной обстановке для них было выгоднее иметь дело с главным министром — индусом, чем с неуступчивым сикхом Кайроном.

Реорганизация штатов, проведенная в 1956 г., была компромиссным решением этнонациональных проблем как страны в целом, так и Пенджаба в частности. Объединение Пенджаба и группы княжеств ПЕПСУ в один штат означало отказ союзного правительства пойти навстречу крайним требованиям — создания «лингвистического» (в сущности — сикхского) штата либо «Великого Пенджаба». Единственным достижением Акали дал, которого добился Тара Сингх после переговоров с Дж. Неру (февраль 1956 г.), было принятие так называемой регио-

нальной формулы, согласно которой хинди и панджаби сохранили статус официальных языков, штат был разделен в административных целях по языковому принципу на две зоны, и в законодательном собрании были образованы «региональные комитеты», наделенные совещательными функциями по ряду вопросов. В ответ на эту уступку Тара Сингху пришлось согласиться на объединение Акали дал с ИНК, оговорив лишь право АД заниматься религиозными и культурными проблемами сикхской общины.

Нейтрализовав своего главного соперника, Конгресс на выборах 1957 г. в легислатуру Пенджаба набрал 47,5% голосов (на 12,7% больше, чем в 1952 г.), и его кандидаты, включая 28 бывших акали, победили в 120 из 154 округов. Другим следствием соглашательской политики руководства крупнейших партий был рост влияния оппозиционных партий: процент голосов, поданных за коммунистов, возрос с 5,3 до 13,6%, за Республиканскую партию (Федерацию зарегистрированных каст) — с 2,3 до 5,5%, Джан сангх — с 5,0 до 8,6% [Сингх Д., 1981, с. 240; Наранг, 1983, с. 132].

Внешне результаты выборов 1957 г. могли быть истолкованы как подтверждение правильности решения этнонациональных проблем Пенджаба, как усиление тенденции к изживанию коммунизма и в перспективе к консолидации пенджабского этноса. Однако верхушечные сделки между ведущими партиями были недостаточны, чтобы решить сложные проблемы межгрупповых отношений, и это подтверждается более внимательным анализом результатов выборов и последовавших событий. Феноменальный рост популярности КПИ, получившей в панджабизычной зоне 17,7% голосов, прежде всего объясняется тем, что партия последовательно выступала за создание штата в лингвистических границах Пенджаба. Успех Республиканской партии был связан с падением влияния Конгресса среди зарегистрированных каст, истолковавших его слияние с Акали дал как превращение ИНК в партию состоятельных джатов. Рост популярности Джан сангх свидетельствовал о заметном усилении индусского коммунизма в городах. Прочное положение правительства, возглавляемого П. С. Кайронэм, отнюдь не было равнозначным политической стабильности в штате.

Видимо, можно согласиться с индийским исследователем А. С. Нарангом, высказавшим мнение, что это равновесие было нарушено индусскими коммуналистами, которые не без основания опасались, что политика Кайрона, направленная на формирование единого блока сельской верхушки, неизбежно приведет к ущемлению интересов индусских предпринимательских кругов [Наранг, 1983, с. 137]. В качестве предлога для разжигания коммунизма было использовано предусмотренное «региональной формулой» обязательное изучение хинди и панджаби в школах штата. Созданный по инициативе арьясамаджистов Хинди ракша самити (Комитет защиты хинди) начал массовую

кампанию под лозунгом спасения хинди, и это движение получило поддержку в Харьяне, жители которой имели мало общего с пенджабцами и, естественно, были против того, чтобы их дети изучали дополнительно совершенно ненужный им язык и письменность гурмукхи. Опасаясь обострения конфликта, правительство Кайрона фактически отказалось не только от планов обязательного введения панджаби в школах хинди, но и от создания эффективно функционирующих региональных комитетов двух лингвистических зон. Акали обоснованно заявили, что Конгресс не соблюдает условий соглашения между Неру и Тара Сингхом, и к концу 1958 г. вновь выступили с требованием создания Пенджабской субы. В начале 1960 г. Акали дал вновь вышла из Конгресса; решению руководства, однако, подчинилось лишь 5 из 19 легислаторов акали.

Изменившаяся политическая конъюнктура, в первую очередь недовольство пенджабских фермеров «социалистической» аграрной политикой центрального руководства ИНК, способствовала тому, что Акали дал заметно расширила свою социальную базу в деревне. В 1960—1961 гг. акали начали массовую кампанию под лозунгом создания Пенджабской субы, в которой в отдельные периоды принимали участие десятки тысяч человек. Руководство партии, особенно лидер сикхских фермеров сант (святой, знаток священных текстов) Фатех Сингх, выдвинув лозунг, что сикхизм можно спасти только путем создания Пенджабской субы, в то же время больше акцентировало лингвистический, т. е. светский, аспект своего требования, ссылаясь при этом на прецедент раздела двуязычного штата Бомбей на Махараштру и Гуджарат.

Лидеры акали, пытаясь накалить атмосферу, объявили голодовку до смерти, если их требование не будет удовлетворено: Фатех Сингх с 18 декабря 1960 г., а Тара Сингх с 15 августа 1961 г. Оба остались живы, проголодов соответственно 22 и 48 дней и прекратив голодовку, когда Джавахарлал Неру, не обещая ничего конкретного, согласился рассмотреть этот вопрос. За нарушение обета оба лидера Акали дал были наказаны руководством сикхской общины¹, однако Фатех Сингх был менее дискредитирован, поскольку он прекратил голодовку по указанию своего духовного и политического наставника Тара Сингха, который через несколько месяцев лишился руководящих постов в ШГПК и в партии.

Этот курьезный эпизод привел к расколу Акали дал (Фатех Сингх создал параллельную партию в июле 1962 г.) и заката политической карьеры Тара Сингха. Хотя на выборах 1962 г. АД еще выступала как единая партия, дискредитация лидеров нанесла ей ощутимый урон: акали получили лишь 19 мест в легислатуре, а в панджабиязычной зоне она набра-

¹ По приговору оба деятеля были обязаны в течение пяти дней мыть посуду в общинной столовой гурдвары и чистить обувь посетителей храма.

ла лишь 20,7% голосов, в то время как за ИНК проголосовало 45,7% избирателей и 10,3% — за КПИ. Результаты выборов отразили смещение социальной базы Акали дал: с одной стороны, партия увеличила долю голосов сикхских фермеров, но значительно потеряла в городах, где многие сикхи голосовали за Джан сангх, поскольку основные из остальных партий явно ориентировались на состоятельных фермеров [Наранг, 1983, с. 163]. АД, вопреки притязаниям ее руководства на то, что она представляет всю сикхскую общину, в сущности, выступала как партия, выражающая интересы состоятельных сикхских фермеров.

Социально-классовые различия также сыграли немаловажную роль в расколе Акали дал. Обе фракции считали себя единственными представителями сикхов, обе выступали за создание Пенджабской субы, хотя тактика их была несколько различной: Фатех Сингх делал упор на языковое единство, а Тара Сингх продолжал отстаивать идею «родины сикхов». Последний решительно выступал против социализма как программной цели ИНК, считал коммунистов агентами Советского Союза и КНР и сотрудничал с партией Сватантра, выражавшей интересы крупных предпринимателей. В одной из своих бесед с главным министром Пенджаба Б. С. Сачаром Тара Сингх прямо заявил, что его интересует именно создание сикхского, а не панджабиязычного штата: «Лозунг панджабиязычного штата служит для меня хорошим прикрытием, поскольку он не противоречит национализму. Правительству должно принять наше требование под лозунгом панджабиязычного штата без препятствий. Мы хотим *азади* (свободы, независимости. — А. П.). Теперь у сикхов нет *азади*. Мы будем бороться за наше *азади* всеми силами, даже если нам придется поднять восстание...» [Найяр, 1966, с. 37].

Фракция, возглавляемая Фатех Сингхом, именovala себя прогрессивной, высказывалась за социализм, национализацию банков и страховых компаний, но никогда не говорила о необходимости аграрных преобразований [Семенова, 1981, с. 18; Наранг, 1983, с. 167]. Раскол АД в 1962 г., главным результатом которого был переход руководства в руки санта Фатех Сингха, положил конец гегемонии городских лидеров из представителей верхних каст и привел к выдвижению на первый план менее ортодоксального руководства крестьян-джатов [Пури, 1981, с. 39]. В предвыборном манифесте 1962 г. подчеркивалась приверженность партии принципам секуляризма, единства Индии, а сугубо религиозные понятия («сикх», «хальса», «пантх») вообще отсутствовали.

Таким образом, раскол Акали дал отражал расхождение интересов между городской и сельской буржуазией. С учетом того, что значительная часть сикхов отдавала предпочтение Конгрессу, КПИ и даже Джан сангх, можно утверждать, что в 50—60-е годы в Пенджабе крайне слабо были выражены тен-

денции политической мобилизации на основе конфессиональной общности и полностью эти тенденции отсутствовали на этнической базе. Требование создания Пенджабской субы отражало не столько локальный пенджабский национализм, и даже не сикхский коммунизм, сколько интересы выросшей сельской сикхской буржуазии, крупных и средних фермеров. Этим в основном объясняется и то, что руководить движением за создание Пенджабской субы стала группировка, во главе которой стоял Фатех Сингх. Эти лидеры «осознавали необходимость захвата власти в секуляристской политической системе государства», — пишет А. С. Наранг, — но, поскольку этот класс усматривал ущемление своих интересов в значительной степени от конгрессистского руководства в центре, он начал проявлять больше интереса к автономии и власти на уровне штата. Поэтому требование о создании Пенджабской субы сохраняло свою актуальность, хотя мотивация его претерпела существенные изменения» [Наранг, 1983, с. 168].

Акали дал под руководством Фатех Сингха в борьбе за создание Пенджабской субы прибегла к новому тактическому лозунгу, настаивая одновременно на образовании штата Харьяна. Это позволило Фатех Сингху углубить разногласия между городскими индусами-пенджабцами, категорически выступавшими против раздела штата, и джатами Харьяны — доминирующей земледельческой кастой, политические лидеры которой мечтали иметь собственный штат. Движение за раздел временно было прекращено в связи с вооруженным конфликтом с Китаем (октябрь 1962 г.), который вызвал повсеместно волну индийского патриотизма и на несколько лет отодвинул внутренние проблемы на второй план.

Движение возобновилось, когда после безуспешных переговоров с премьер-министром Л. Б. Шастри сант Фатех Сингх по решению рабочего комитета АД начал новую голодовку, которую он был обязан завершить самоожжением 25 сентября 1965 г. Пограничный индо-пакистанский конфликт, центром которого стал Пенджаб, побудил санта прекратить голодовку, а союзное правительство, учитывая опасность беспорядков в стратегически важном пограничном районе, сразу после окончания военных действий создало парламентский комитет для изучения вопроса о реорганизации Пенджаба. В марте 1966 г. Всеиндийский комитет ИНК, а вслед за ним и парламентский комитет высказались за раздел штата; законопроект был одобрен парламентом в сентябре и вступил в силу 1 ноября 1966 г. В итоге реорганизации юго-восточные округа были преобразованы в штат Харьяну, северный округ Кангра присоединен к Химачал-Прадешу, а административный центр Пенджаба — город Чандigarh — преобразован в союзную территорию и остался столицей обоих штатов.

Реорганизация Пенджаба, в сущности, означала удовлетворение требования лидеров акали о создании сикхского штата и

тем самым серьезную уступку коммунизму. В известной мере в пользу принятия такого решения склоняло возникновение движения за раздел среди хиндиязычного населения Харьяны. Однако в целом социально-политический конфликт между двумя областями — собственно Пенджабом и Харьяной — был намного слабее, чем внутренние конфессиональные, социально-классовые и политические противоречия между отдельными группами пенджабцев, лидеры которых в отличие от элит прибрежных народов и малых народов Северо-Восточной Индии не предприняли серьезных попыток выработать идеологию локального пенджабского национализма. Забавная подробность: хотя конфликтовавшие стороны выступали поборниками панджаби и хинди, «агитационная деятельность противоборствующих сил вокруг пенджабской проблемы осуществлялась главным образом на урду» [Клюев, 1978, с. 118].

Анализ движения за образование пенджабского «лингвистического» штата позволяет сделать вывод, что согласие союзного правительства на его создание было обусловлено осложнением политической обстановки в стране, предшествовавшим кризису политической власти ИНК (подробнее см. [Регинин, 1978, с. 93—130]), и внешнеполитическими факторами, в первую очередь пограничными конфликтами с Китаем в 1962 г. и Пакистаном в 1965 г. Политическая нестабильность и в особенности возможность возникновения массовых беспорядков в Пенджабе и воздействия пропаганды акали на военнослужащих-сикхов, по-прежнему составлявших значительную часть личного состава вооруженных сил Индии, были чреваты для государственного единства более серьезными последствиями, чем уступка внешне секуляристскому движению за образование этнически гомогенного штата.

ИНК и Акали дал: секуляризм и коммунизм в Пенджабе

После отделения Харьяны Пенджаб стал лингвистически однородным штатом, а сикхи, в 1951 г. составлявшие 35% населения, превратились в большинство (около 56% в 1966 г.). Пенджабский этнос получил национально-территориальную автономию наряду с другими крупными народами Индии, и сложились более благоприятные условия для ускорения процесса этнической консолидации пенджабцев. Однако ход и темпы этого процесса зависели от того, как будут развиваться отношения между двумя общинами и какую роль будут играть конфессиональные различия в политической жизни. Движение за Пенджабскую субу, хотя оно продолжалось с перерывами почти двадцать лет, не привело к противостоянию двух общин. По-прежнему во многих индусских семьях сохранялся обычай обращения одного из сыновей в сикхизм; со своей стороны, многие

сикхи, особенно молодежь, отказывались от внешних атрибутов сикхизма. Известный писатель и историк Кхушвант Сингх, сикх и автор многочисленных работ, включая двухтомную историю сикхов, считал, что в процессе секуляризации и распространения индуистских социокультурных норм, сикхи растворятся среди основного населения Северной Индии [Сингх Кх., 1977, т. 2, с. 302—303]. Это мнение разделяли многие так называемые светские сикхи, т. е. образованные люди, которые сохраняли отличительные признаки (тюрбаны, бороду и др.), но не придавали большого значения догматам своей веры и рассматривали свою общину скорее как социокультурную, а не конфессиональную общность.

Конфессиональные различия между сикхами и индусами — один из главных факторов, препятствующих консолидации пенджабского этноса и, следовательно, формированию региональной партии наподобие ДМК, АИАДМК в Тамилнаде, Национальной конференции в Кашмире, Телугу десам в Андхра-Прадеше и этнолокальных партий в штатах Северо-Восточной Индии. Как справедливо отмечает Б. И. Ключев, «сикхов следует рассматривать как этноконфессиональную общность: лица, выступающие от ее имени, претендуют на роль выразителей „истинного пенджабизма“ и хранителей „пенджабского духа“» [Ключев, 1983, с. 107]. Признаками этноконфессиональной общности обладают и пенджабские индусы, ориентирующиеся на иную культурную традицию и тяготеющие к остальным индусам Северной Индии.

Социокультурные различия между двумя общинами усугубляются тем, что они в значительной степени совмещаются с социально-экономическими различиями. Хотя сикхи в 1971 г. составляли 60,2% населения Пенджаба, среди горожан их было лишь 30,79%, а в некоторых дистриктах (Гурдаспур, Джалланхал, Хошиарпур) — всего 20—24%, в то время как индусское меньшинство составляло 66,39% городского населения [Д'Соуза, 1982, с. 783—784]. Доминирующие касты обеих общин заняты преимущественно в сельском хозяйстве (сикхи) и в торговле (индусы), а именно эти сферы хозяйства в Пенджабе развивались за годы независимости наиболее высокими темпами. «Процесс экономических преобразований и урбанизации и соответствующее перераспределение населения усиливали тенденцию к концентрации индусов и сикхов в различных секторах экономики... причиной напряженности между ними являются не столь различия в религиозных догмах, сколь дифференцированный доступ к экономическим возможностям», — пишет индийский исследователь [Д'Соуза, 1982, с. 783, 792].

Необходимо отметить, что по степени урбанизации (23,73% в 1971 г. и 27,72% в 1981 г.) Пенджаб несколько опережает общининдийский показатель (соответственно 20,22 и 23,73%) и занимает пятое место среди штатов Индии [Ценсус, 1981, с. 25—26]. Однако отток населения из сельской местности в города

слишком слаб, чтобы предотвратить абсолютный рост сельского населения, которое увеличилось за период 1971—1981 гг. с 10,3 млн. до 12,5 млн. человек и достигло плотности 248 человек на 1 кв. км. Аграрная перенаселенность неизбежно вызывает рост социальной напряженности в деревне, где не только благополучие, но и социальный статус сикхов-джатов, которым принадлежит почти вся обрабатываемая земля, определяется прежде всего размерами земельного владения [Измирлян, 1979, с. 23, 97]. Возможности трудоустройства в городах для образованной молодежи (в штате имеются четыре университета) весьма ограничены как вследствие слабой индустриализации Пенджаба, так и в связи с тем, что в городах более сильны позиции индусской буржуазии.

С другой стороны, дробление участков нередко сопровождается возникновением вражды между членами бывшей большой семьи и побуждает родственников на выборах голосовать за различные политические партии [Измирлян, 1979, с. 128—131]. Хотя джаты считаются единственными «настоящими» сикхами, социальная-классовая дифференциация, различное отношение к религии (от жесткой ортодоксальности до атеизма) чрезвычайно затрудняют их политическую мобилизацию на общей платформе, и не случайно именно они составляют активное ядро не только Акали дал, но и пенджабских отделений КПИ, КПИ(м) и отчасти Конгресса [Брасс, 1974, с. 397; Бхатнагар, Верма, 1981, с. 129—130].

Формированию групповой солидарности сикхской общины препятствует также высокая степень ее сегментации. Большинство сикхов составляют джаты, но наряду с ними имеются касты рамгархиа (плотники и кузнецы), рамдасия (кожевники, близкие к индусской касте чамаров), дарзи (портные), пани (парикмахеры), мазхаби (уборщики) и др. Хотя кастовые различия среди сикхов выражены не столь явно, как среди индусов (формально сикхизм не признает кастового деления общества), социальная дистанция между верхними и низшими кастами достаточно велика. Последние в значительной степени сближаются с низшими индусскими кастами и склонны поддерживать Конгресс, рассматривая Акали дал как партию состоятельных джатов. Помимо каст сикхская этноконфессиональная общность разделена на секты, возникшие как реформаторские движения [Коул, Самбхи, 1978, с. 155—153]. Многие сикхские исследователи склонны отрицать наличие сект на том основании, что все сикхи почитают священную книгу Ади грантх и используют одну и ту же молитву [Сингх М., 1978, с. 130—134], но очевидно, что есть все основания рассматривать в качестве сект такие группы, как удасины, ниханги, намдхари, ниранкари [Клюев, 1983, с. 115—116, 135—137].

Имеется среди сикхов и деление на три крупных территориальных группы: сикхи-мальва в районе южнее реки Сатледж, доабские сикхи («сикхи двуречья»), расселенные между Сат-

леджем и Биасом, и сикхи-маджха района к северу и северо-востоку от Биаса. Хотя существенных различий между этими локальными группами нет [Измилан, 1979, с. 27], все они четко осознают свои отличия и по тем или иным мотивам каждая группа считает себя лучше остальных.

Все сказанное не опровергает существования сикхов как этноконфессиональной общности, но в то же время показывает, что для нее характерна высокая степень сегментации. Дробность сикхской общины, составляющей по основным социокультурным параметрам ядро пенджабского этноса, неизбежно оказывает сдерживающее воздействие на процессы этнической консолидации, особенно в ситуации, когда тенденции к секуляризации общественной жизни выражены весьма слабо и пенджабские индусы продолжают тяготеть к своим хиндиязычным единоверцам. В итоге реорганизация Пенджаба не ослабила актуальности конфессиональных различий и причин для вспышек межобщинной напряженности.

Отделение Харьяны заметно ослабило позиции Конгресса в Пенджабе и соответственно усилило влияние Акали дал. У руководства акали появилась возможность выбора путей для расширения социальной базы партии на конфессиональной либо на этнотерриториальной основе. После реорганизации штата Акали дал пыталась действовать как региональная пенджабская партия. Первым ее требованием стало «возвращение» Пенджабу Чандигарха и «других панджабиязычных районов». Когда призывы к правительству Харьяны и премьер-министру оказались безуспешными, АД начала массовую кампанию, в ходе которой Фатех Сингх, следуя сикхской традиции мученичества и самопожертвования, начал новую голодовку, которую он намеревался завершить драматическим актом самосожжения². Однако в последний момент сант отказался от самосожжения, истолковав речь спикера нижней палаты парламента на митинге в Амритсаре как согласие правительства выполнить его требования. Начавшаяся предвыборная кампания 1967 г. отвлекла внимание политиков и населения от дискуссий по поводу невыполненного обета.

Партия не удалось достичь предвыборных соглашений, так как лидеры ИНК, сохранявшего к этому времени доминирующее положение на политической арене практически всех штатов, надеялись на легкую победу над расколовшимися акали, а руководство обеих Акали дал рассчитывало, что изменение этнодемографического и конфессионального состава населения в новых границах штата автоматически повлечет поражение Конгресса и соответственно обеспечит победу акали. Результаты выборов, однако, оказались крайне неприятным сюрпризом для

² Даты начала голодовки и намеченного самосожжения были избраны с учетом важных событий из истории сикхизма: 17 декабря — день казни гуру Тегх Бахадура (1621—1675), 27 декабря — день казни двух сыновей десятого гуру Гобинда Сингха (1666—1708).

руководства сикхских партий: хотя в новых границах Пенджаба сикхи составляли большинство населения, за кандидатов акали проголосовала лишь четверть избирателей. Фракция Фатех Сингха получила 20,49% голосов и 24 места в легислатуре, за 62 кандидатов от фракции Тара Сингха было подано лишь 4,56% голосов, а избраны только двое.

Выборы показали, что популярность АД среди избирателей-сикхов не возросла (хотя процент полученных голосов увеличился вдвое по сравнению с выборами 1962 г.), невзирая на то что партия накануне выборов достигла своей главной программной цели — создания панджабиязычного штата. Конгресс получил 37,42% голосов (на 6,3% меньше, чем в 1962 г., но на 2,6% больше, чем в 1952 г.) и провел 48 кандидатов. Положение Джан сангх практически не изменилось (9 мест и 9,36% голосов). Несмотря на раскол сохранили свое влияние коммунисты: КПИ набрала 4,85% голосов (5 мест), КПИ(м) — 3,27% и 3 места [Сингх Д., 1981, с. 242]. Поскольку ни одна партия не получила большинства в законодательном собрании, Фатеху Сингху удалось добиться создания Объединенного фронта, включавшего всех соперников Конгресса, и создать коалиционное правительство, которое возглавил Гурнам Сингх (8 марта 1967 г.). Оно не имело ни общей идеологии, ни программы действий и объединялось лишь стремлением не допустить к власти Конгресс [Бхатнагар, Верма, 1981, с. 131].

Характерная особенность политической жизни Пенджаба после реорганизации 1966 г. состоит в резком обострении фракционной борьбы внутри Акали дал. Коалиционные правительства, возглавляемые акали, оказывались неустойчивыми главным образом из-за внутрипартийных конфликтов и следовавших за ними расколов. Правительству Гурнама Сингха уже 25 мая был выдвинут вотум недоверия представителями ИНК и двух акали; вотум был отвергнут большинством голосов (57 против 46), а два члена АД, голосовавшие против правительства, были исключены из партии и образовали свою фракцию. 22 ноября того же года министр просвещения Лачман Сингх Джилль, предварительно заручившись обещанием фракции ИНК поддержать его кандидатуру на пост главного министра, с 16 сторонниками перешел на сторону оппозиции и объявил о создании новой партии — Пенджаб джаната парти. Несмотря на протесты со стороны Гурнама Сингха, по поручению губернатора Джилль 25 ноября 1967 г. сформировал правительство меньшинства при внешней поддержке фракции Конгресса, но 20 августа 1968 г. был вынужден подать в отставку из-за разногласий с лидерами Конгресса.

Фракционная борьба и как ее следствие политическая неустойчивость ограничивали возможности какой-либо целенаправленной деятельности краткосрочных коалиций. В период 1967—1968 гг. правительство приняло лишь одно долгосрочное решение: в ноябре 1967 г. панджаби был объявлен единствен-

ным официальным языком штата, причем предполагалось осуществить это решение на практике в невероятно короткий срок — до 13 апреля 1968 г. Поскольку в официальной переписке и средствах массовой информации ведущее положение сохранял урду, на котором издавалось 36,2% газет [Брасс, 1974, с. 307], реализовать это решение не удалось.

Склоки внутри Акали дал, политическая нестабильность и неэффективная деятельность коалиционных правительств ослабляли влияние партии. На досрочных выборах 1969 г., несмотря на воссоединение Акали дал (Тара Сингх умер в ноябре 1967 г.) и предвыборные соглашения с Джан сангх, КПИ(м) и Свантроней, кандидаты акали набрали на 10% меньше голосов, чем конгрессисты, хотя в целом АД впервые получила относительное большинство — 43 места, а ИНК, выступавший в одиночку, потерял 10 мест (38 вместо 48). Коалиционное правительство Акали дал — Джан сангх вновь возглавил Гурнам Сингх, пользовавшийся поддержкой председателя партии — Фатех Сингха.

Очередной правительственный кризис возник из-за вопроса о Чандигархе. Противники Фатех Сингха, напомнив о безрезультатных голодовках санта, убедили Пхерумана, почтенного 83-летнего старца, в прошлом известного политического деятеля, начать с 15 августа голодовку для достижения этой цели. Местная организация Конгресса поддержала его, поскольку была заинтересована в ослаблении позиций коалиционного правительства, однако положение осложнилось, когда в Харьяне с аналогичным требованием начал голодовку У. С. Манн, которого поддержала харьянская организация Конгресса. На призыв премьер-министра Индиры Ганди прекратить голодовку и ее обещания найти решение проблемы Чандигарха откликнулся лишь У. С. Манн (на 43-й день), а Пхеруман продолжал голодовку и скончался 27 октября, т. е. на 74-й день с ее начала.

Кончина Пхерумана сильно подорвала авторитет Фатех Сингха, и тот 26 января 1970 г. (в День Республики) начал свою третью голодовку с клятвой закончить ее самосожжением, если Чандигарх не будет передан Пенджабу. В городах произошли беспорядки, демонстранты в День Республики устроили церемонию сожжения государственного флага Индии. Союзное правительство отреагировало быстро: уже 29 января было объявлено о решении передать Чандигарх Пенджабу, но в качестве компенсации Харьяне присоединить к ней район Фазилька-Абохар на юго-западе Пенджаба и выделить 100 млн. рупий на строительство новой столицы. Сообщалось, что для осуществления этого комплексного решения потребуется пять лет.

Это решение не устраивало никого: акали не желали отдать один из главных хлопководческих районов штата площадью 1400 кв. км (хотя жители его говорят на хинди), а в Харьяне оно вызвало волну возмущения и даже угрозы расправой над местными лидерами за их «измену». В правительстве Пенджа-

ба дошло до курьезного кризиса: по настоянию Фатех Сингха руководство АД исключило главного министра Гурнама Сингха из партии, но тот заручился поддержкой конгрессистских legislators и, вопреки четким формулировкам конституции, отказался подать в отставку. Все же губернатор штата Д. Ч. Павате вынудил его к этому [Павате, 1974, с. 131]³. В конце марта было сформировано новое коалиционное правительство, которое продержалось более года, но пало после перехода legislators Джан сангх на сторону оппозиции.

Наряду с фракционной борьбой и частыми расколами падение популярности Акали дал во многом было обусловлено ее непоследовательной политикой, колебаниями между секуляристской и общинно-религиозной платформой, стремлением к политическим сделкам как с крайне правыми (Джан сангх, Сватантра), так и с левыми партиями. В программе-минимум (11 пунктов), выдвинутой правительством Объединенного фронта в 1967 г., содержались лишь обещания экономического характера; наряду с социально-экономическими обещаниями коалиционное правительство Акали дал — Джан сангх обязывалось поддерживать «межобщинную гармонию» и добиваться передачи Пенджабу Чандигарха, гидрокомплекса Бхакра-Наггал и «панджабиязычных районов» [Сингх Д., 1981, с. 103—104].

Хроническая нестабильность коалиционных правительств, отсутствие у Акали дал секуляристской конструктивной программы и беспринципные сделки были главными причинами, побуждавшими около половины сикхского электората голосовать за другие партии, прежде всего за ИНК. Радикальная политика, провозглашенная руководством Конгресса после раскола партии, позитивная роль Индии в возникновении независимого государства Бангладеш повсеместно вызвали в 1971—1972 гг. рост влияния партии и авторитета Индиры Ганди. На парламентских выборах 1971 г. в Пенджабе за кандидатов ИНК проголосовало 45% избирателей, что обеспечило победу в 10 округах из 13; коммунисты, заключившие предвыборное соглашение с ИНК, получили 2 места, и лишь 1 досталось АД. В 1972 г. ИНК, заключив предвыборное соглашение с КПИ, одержал победу на выборах и в законодательное собрание Пенджаба, завоевав 66 мест (42,84% голосов) против 24 мест (27,65% голосов), полученных АД. В легислатуру было избрано также 10 представителей КПИ (6,65% голосов). Крупное поражение потерпела Джан сангх: выставив своих кандидатов в 33 округах, она получила лишь 4,96% голосов и впервые лишилась представительства в легислатуре [Наранг, 1983, с. 191]. 17 марта 1972 г. в штате было образовано конгрессистское правительство. Главным

³ Индийская газета с иронией писала в этой связи: «Обычно правительства свергаются оппозицией. В Пенджабе же главный министр был смещен собственным правительством. Акали — это ирландцы Индии, племя экстравертных индивидуалистов... Один акали — это сант, двое — партия, а трое — это уже хаос» [Сандей стандарт. 23.03.1970].

министром стал известный деятель ИНК гьяни (титул, обозначающий в Индии знатока священных текстов) Зайл Сингх. Оно продержалось полный срок — пять лет (до 30 апреля 1977 г.).

Правительство ИНК в период пребывания у власти главное внимание уделяло выполнению программы из 12 пунктов, включавшей такие проблемы, как подъем благосостояния хариджанов и рабочих, распределение земли среди безземельных сельскохозяйственных рабочих, защита прав арендаторов, развитие кооперативного движения, промышленности, начального образования, здравоохранения и др. Это было особенно важно в связи с тем, что штат пострадал вследствие вооруженного конфликта с Пакистаном в декабре 1971 г. (почти полмиллиона человек лишились крова, пострадало 663 деревни). Был принят новый закон о максимальных размерах земельных владений, с большим опережением (на 12 лет) в 1976 г. завершена полная электрификация. За этот период было построено 11 тыс. км дорог, увеличилось производство зерновых, увеличена минимальная заработная плата неквалифицированным рабочим (примерно на 25%), число деревень, снабжаемых питьевой водой, возросло с 237 до полутора тысяч, было открыто около 4 тыс. начальных школ, заметно увеличилось число мелких кустарных и крупных промышленных предприятий.

В настоящее время Пенджаб является самым богатым штатом Индии. Доход на душу населения к марту 1976 г. достиг 1386 рупий в год (при общендийском показателе 850 рупий) [Сингх Д., 1981, с. 132]. Это было достигнуто благодаря аграрным реформам (законы 1948—1953 гг.), в результате которых арендаторы были наделены землей, и к 1969/70 г. доля земли, сдаваемой в аренду, сократилась до 19,1% обрабатываемой площади [Рандхава, 1975, с. 12]. Большинство пенджабских фермеров — мелкие землевладельцы: в конце 60-х — начале 70-х годов хозяйства площадью менее 5 га составляли 82,7% всех хозяйств, и еще 12,3% составляли средние владения (от 5 до 10 га).

Вторым важным фактором подъема благосостояния Пенджаба была «зеленая революция», в результате которой производство пшеницы за три года увеличилось втрое и существенно улучшилось положение крестьян.

На фоне этих социально-экономических сдвигов Акали дал сконцентрировала свои пропагандистские усилия на таких вопросах, как предполагаемая дискриминация сикхов, и присоединилась к движению, начатому Дж. Нарайяном против политики Конгресса.

Именно в этот период — когда политическими маневрами АД не могла рассчитывать свалить конгрессистское правительство и прийти к власти в штате — со всей очевидностью обнаружилась ее тенденция к неприятию положения оппозиционной партии и переходу в таких ситуациях на экстремистские коммуналистские позиции. Экстремистское ортодоксальное крыло Ака-

ли дал всегда выступало против официального курса национальной интеграции. Капур Сингх, один из лидеров партии, писал в 1971 г. в этой связи: «Конечная цель национальной интеграции — так, как она осуществляется сегодня, — состоит в индустриализации всех религиозных, культурных и этнических меньшинств в Индии. Такая интеграция в конечном счете рассчитана на то, чтобы втянуть сикхов обратно во всеядное чрево индусского общества, откуда нет возврата» (цит. по [Павате, 1974, с. 224]). Главное же, в этот период был сформулирован программный документ — Анандпурская резолюция, принятая на партийной конференции в Анандпур-Сахибе в 1973 г., полное значение которого проявилось лишь в первой половине 80-х годов.

Анандпурская резолюция, составленная на панджаби, лишь позже была переведена на английский язык и известна в нескольких вариантах, которые по ряду важных формулировок существенно различаются. К более подробному анализу этой резолюции мы вернемся ниже, здесь же важно отметить два главных ее пункта: обвинение центрального правительства в дискриминации сикхов и — как выход из этого положения — требование предоставления Пенджабу максимально широкой автономии (оставляя в ведении федерального правительства лишь вопросы внешних сношений, обороны, коммуникаций и выпуска денежных знаков). Требование расширения автономии поддержал на очередной всеиндийской конференции Акали дал в 1978 г. председатель ШГПК Гурчаран Сингх Тохра, по инициативе которого была принята резолюция, в которой говорилось, что Индия — «многонациональное государство» и суверенитет не является прерогативой центрального правительства, а должен быть разделен между центром и штатами [Наранг, 1983, с. 216].

Наряду с требованиями расширения автономии в пропаганде акали большое место занимали жалобы на дискриминацию пенджабцев (здесь она пыталась выступать в роли региональной партии), в особенности сикхов. В 1971 г. рабочий комитет в официальной резолюции отмечал, что «после раздела отношение правительства Индии к пенджабцам вообще, и в особенности к сикхам, сводилось к несправедливости, дискриминации, угнетению и насилию... (хотя) сикхи проявили глубокий патриотизм в борьбе за свободу страны и всегда были на ее переднем крае» [Сархади, 1970, с. 476].

В многочисленных выступлениях лидеров акали подчеркивалось, что даже после реорганизации 1966 г. индусские коммуналисты не отказались от своих планов ассимиляции сикхов, что в Харьяне, где пенджабцы составляют значительную часть населения, третьим языком (после хинди и английского) в школах введен телугу, что дети из пенджабских семей лишены возможности учиться на родном языке в школах Уттар-Прадеша, Химачал-Прадеша, Раджастан и Мадхья-Прадеша. Они ука-

зывали, что среди языков, перечисленных в VIII приложении к конституции, лишь панджаби не имеет собственной радиостанции; Всеиндийское радио в Джаландхаре на пенджабские программы отводит лишь треть эфирного времени, чандигархская станция вообще не вещает на панджаби, а делийская — лишь один час в сутки, т. е. столько же, сколько Московское и Ташкентское радио (на панджаби). Особое недовольство лидеров Акали дал вызывал отказ центрального правительства выдавать лицензии на строительство в штате крупных промышленных предприятий, в результате чего ежегодно из Пенджаба переводилось в другие штаты 1,1 млрд. рупий, что неизбежно вело к экономической стагнации промышленного развития [Наранг, 1983, с. 218—219].

Акали дал активно выступила против введения в стране чрезвычайного положения (25 июня 1975 г.). Через несколько дней после провозглашения чрезвычайного положения исполком АД принял резолюцию, в которой осудил эту меру как «изнасилование демократии и большой шаг в направлении диктатуры» и провозгласил, что Акали дал «всегда выступала борником демократии и гражданских свобод и теперь будет бороться против этой фашистской тенденции Конгресса». В начале июля АД начала массовую кампанию под лозунгом «Спасти демократию», в ходе которой, согласно партийным источникам, было арестовано более 40 тыс. человек [Наранг, 1983, с. 192].

Ряд мер, принятых союзным правительством в период действия чрезвычайного положения (ограничение демократических прав, аресты оппозиционных лидеров, кампания по стерилизации и др.), определил поражение ИНК на выборах в парламент в первую очередь на севере страны. На парламентских выборах, состоявшихся в 1977 г., Конгресс, набрав в Пенджабе 35,87% голосов, впервые потерпел полное поражение, проиграв во всех округах альянсу, включавшему Акали дал, Джаната парти и КПИ(м), которые получили соответственно 9, 3 и 1 место. На последовавших выборах в законодательное собрание штата (июнь 1977 г.) Акали дал набрала 31,4% голосов (58 мест), Джаната — 14,9% (25 мест), КПИ(м) — 3,5% (8 мест), т. е. вместе 49,86% голосов и 81 место из 117.

Хотя Конгресс получил голосов больше, чем любая другая партия в отдельности (33,6%), его кандидаты победили лишь в 17 округах, а КПИ (6,7% голосов) — в семи [Сингх Д., 1981, с. 248]. Потеряв по сравнению с выборами 1977 г. около 10% голосов, в условиях мажоритарной избирательной системы Конгресс лишился 49 мест, а предвыборные соглашения, заключенные Акали дал, позволили ей даже при незначительном увеличении полученных голосов (на 3,8%) получить дополнительно 34 места. Джан сангх, формально выступая как пенджабское отделение Джаната парти, впервые стала второй партией в легислатуре. Драматическая перестановка сил в законодательном собрании в большей степени была обусловлена особенностями

мажоритарной избирательной системы, чем радикальным изменением предпочтений избирателей.

В период пребывания у власти лидеры АД проявляли большую сдержанность в вопросах, касавшихся проблем общинно-религиозных и межэтнических отношений. Партия не настаивала на претворении в жизнь программных требований, сформулированных в Анандпурской резолюции и в предвыборном манифесте, не предпринимала никаких мер, направленных на ограничение использования хинди; многочисленные «сикхские жалобы» по поводу «дискриминации» были преданы забвению. В этом отношении политика АД заметно отличалась от того курса, который проводила тамильская ДМК после прихода к власти в Тамилнаде.

Умеренность лидеров АД объясняется вполне объективными причинами: управление штатом диктовало необходимость поддержания стабильности и разжигание общинно-религиозных антагонизмов было чревато серьезными последствиями. Являясь членом коалиции также в центральном правительстве, АД была вынуждена мириться с тем, что Джаната партии в еще меньшей степени, чем предыдущее конгрессистское правительство, была готова идти на уступки региональным партиям. Немаловажным фактором, обусловившим умеренный курс коалиционного правительства Пенджаба, было также обострение фракционной борьбы внутри АД. Председатель партии Дж. С. Талванди и глава ШГПК Г. С. Тохра занимали гораздо более радикальные позиции, и противоречия между возглавляемым ими экстремистским крылом и умеренными членами кабинета со всей ясностью обнаружилось на Всендийской конференции АД в октябре 1978 г. Именно под давлением группировки Талванди—Тохры АД согласилась поддержать правительство Чарана Сингха. Во второй половине 1979 г. Талванди и Бадал приложили немало усилий, чтобы сменить друг друга с занимаемых постов, и лишь вмешательство высших сикхских сановников предотвратило формальный раскол партии. Обе группы расходились и в оценке отношений с центральным правительством: члены кабинета выступали за сохранение союза с Джанатой, их оппоненты из партийной организации в большей степени ориентировались на фракцию Чарана Сингха и Раджа Нарайна и обвиняли бывших джансангховцев в связях с РСС.

После раскола Джаната партии и прихода к власти Чарана Сингха министры Джанаты в коалиционном правительстве Пенджаба подали в отставку. Правительство Акали дал, не найдя новых политических партнеров, необходимых для спасения коалиции, оказалось в меньшинстве и после возвращения к власти ИНК (И) было смещено наряду с правительствами восьми других штатов.

Ход событий в Пенджабе в период 1947—1980 гг. показывает, что этноконфессиональный фактор оказывал заметное воздействие на политические процессы. Можно ли утверждать на

этом основании, что влияние коммунизма возрастало или, наоборот, снижалось?

Американский исследователь Поль Уоллес высказал предположение, что после реорганизации Пенджаба в 1966 г. «сикхский культурный национализм» (так этот автор квалифицирует сикхский коммунизм) стал «более умеренным и уступчивым». После отделения индусской Харьяны заметно возросли электоральные возможности Акали дал, а ее слабые позиции среди городских индусов компенсировались альянсами с другими партиями — Джан сангх в 1967 и 1969 гг., Джаната и КПИ(м) в 1977 г. «В сущности, — считает он, — Акали дал может преуспеть на выборах в ассамблею только в том случае, если она будет придерживаться политической модели широкой аккомодации, впервые примененной в Пенджабе Юнионистской партией в период до независимости и далее развитой Конгрессом после 1947 г.», а это в конечном счете ведет к отказу от тактики массовых кампаний и переходу на более умеренные позиции [Уоллес, 1981, с. 28].

Сходную оценку дает индийский исследователь Далип Сингх: «После создания панджабиязычного штата обе общины (сикхи и индусы) сблизились и адаптировались к изменившимся территориальным и политическим реальностям. Важно отметить, что ни экстремистские лидеры, ни политика конфронтации не имеют массовой поддержки и медленно оттесняются на периферию. Центральное место в драме пенджабской политики заняли либеральные лидеры» [Сингх Д., 1981, с. 288], преимущественно представители сикхских джатов.

Относительно умеренный курс руководителей Акали дал обусловлен прежде всего тем, что партия в одиночку не была в состоянии сформировать однопартийное правительство и была вынуждена искать соглашений с другими партиями; соответственно ее «либерализм» определился тактическими соображениями, а не изменением идеологической платформы акали. Как показали опросы, проведенные в начале 70-х годов, члены партии с большим недоверием относились к Конгрессу, обвиняя его в коммунизме, высказывались за принцип неразрывности религии и политики, признание сикхов нацией, расширение автономии Пенджаба и ограничение компетенции центрального правительства лишь четырьмя—пятью важнейшим вопросам [Дхам, 1975].

Слабость Акали дал состоит в том, что, во-первых, она никогда не могла привлечь на свою сторону низшие индусские и отчасти сикхские касты, которые рассматривают ее как представителя интересов джатской верхушки, и, во-вторых, руководство партии не проводило последовательного секуляристского курса и не стремилось расширить свою базу среди конфессиональных и лингвистических меньшинств [Наранг, 1981, с. 20]. «Неизбежен вывод, что, как бы отдельные лидеры ни пытались придать своей политике секуляристскую ориентацию, ре-

лигия будет продолжать играть доминирующую роль в политической жизни Пенджаба» [Бхатнагар, Верма, 1981, с. 138—139].

Проблема Акали дал состоит в том, что она, оставаясь сугубо сикхской коммуналистской партией, членами которой могут быть только сикхи, не в состоянии успешно выступать в рамках секуляристской политики ни в качестве региональной партии против общендийской (Конгресса), ни тем более в качестве классовой политической организации, конкурирующей с ИНК и с коммунистами. Электоральная база АД ограничена сикхской общиной, в то время как остальные партии (за исключением Джан сингх) апеллировали ко всем избирателям и, взятые вместе, лишали Акали дал около половины голосов избирателей-сикхов, тем самым превращая ее в партию меньшинства.

Поль Брасс полагает, что сложившаяся в 60-е годы партийно-политическая система Пенджаба дуалистична, но далека от двухпартийной, хотя и включает элементы «поляризованного плюрализма» [Сартори, 1966]. Она не вписывается ни в одну модель. Объясняя последнее обстоятельство тем, что партийная система развивающегося общества по определению неустойчива, американский исследователь предсказывал две возможные тенденции: либо усиление дуалистичности при условии расширения базы Акали дал, либо формирование четырехпартийной системы, если возрастет влияние Джан сингх и КПИ. Брасс не исключал восстановления в ближайшей перспективе доминирующей роли ИНК, но считал такую тенденцию временной [Брасс, 1974, с. 399—400].

При прогнозировании многовариантного политического развития не трудно избежать ошибки. Все же предположения П. Брасса имплицитно предполагали, что партийную систему в отдельном штате можно рассматривать как автономный комплекс «этнической политики», слабо или когвенно связанный с расстановкой политических и этносоциальных сил на общендийской арене. В действительности индусы Пенджаба, составляющие меньшинство (при этом достаточно крупное и влиятельное в штате), — это локальная группа хиндустанской этноконфессиональной общности, представители которой занимают доминирующее положение в политической системе Индии. Это обстоятельство, имеющее некоторые параллели с этноконфессиональной ситуацией в Ольстере, определяло большую степень зависимости политического процесса в Пенджабе (по сравнению, например, с Тамилнадом и северо-восточными штатами) от расстановки политических сил в стране и усиливало как дивергентные процессы в сикхской общине (и тем более среди пенджабского этноса), так и фракционную борьбу внутри Акали дал. Наряду с этим многовариантность групповой идентификации по признакам конфессиональной, социально-кастовой (и классовой) принадлежности и политической ориентации осложняла кристаллизацию устойчивых групп, обладающих одновременно и особыми интересами, и отличительными признаками.

Это обстоятельство существенно затрудняло формирование четкой партийно-политической структуры.

Суммируя причины неустойчивости коалиционных правительств в Пенджабе, индийские исследователи отмечают другую слабость Акали дал — конфликты между правящей фракцией и партийным руководством. «Этот тип разногласий не является особенностью одного Пенджаба и возникает повсеместно в Индии. До тех пор пока партии не находятся у власти, единственным законным форумом решения всех вопросов является высшее руководство партии. Но после прихода к власти возникает параллельный орган принятия решений — правительственная фракция. Партийное руководство продолжает утверждать свое верховенство, не осознавая того факта, что правительственное крыло несет ответственность не только за партию, но и за всю нацию. Поэтому ранее или позднее оно должно смириться с ограничением своей роли партийными делами и уступить принятие основных решений правительственному крылу» [Бхатнагар, Верма, 1981, с. 137—138]. В Акали дал это противоречие выражено гораздо более остро ввиду двух обстоятельств. Первое — укоренившаяся установка на неразрывность религии и политики, от которой партия не может отказаться, не потеряв свою основную опору среди сикхов, второе — необходимость вступать в коалицию с другими партиями (поскольку индусы составляют $\frac{2}{3}$ населения), с неизбежным следствием: отказом от проведения политики исключительно в интересах сикхской общины и от реализации указаний ШГПК, выполняющего функции своеобразного парламента сикхов.

Отмеченные особенности политического процесса в Пенджабе, в первую очередь роль коммунизма, политическая нестабильность, фракционная борьба и альянсы, продиктованные исключительно логикой электорального соперничества, в значительной степени суживали роль национально-территориальной автономии как важного фактора этнической консолидации пенджабцев.

Этноконфессиональные противоречия и политический кризис 80-х годов

После победы ИНК(И) на парламентских выборах 1980 г. было очевидным, что разрываемое внутренними противоречиями правительство Акали дал долго не просуществует. Тем не менее по решению центрального правительства оно было досрочно смещено наряду с правительствами восьми других штатов в феврале 1980 г. На выборах в законодательное собрание Пенджаба, состоявшихся 31 мая, ИНК одержал убедительную победу, завоевав абсолютное большинство — 63 места — и 7 июня сформировал правительство, которое возглавил председатель пенджабской организации ИНК(И) Дарбара Сингх. АД, высту-

павшая в союзе с коммунистами, получила лишь 37 мест, КПИ и КПИ(м) соответственно 9 и 5. Число полученных мест, несмотря на мажоритарную систему выборов, достаточно близко отражало в данном случае долю голосов, поданных за основные партии: за ИНК(И) проголосовало 48% принимавших участие в выборах избирателей, за АД — 26,9%. Остальные партии (КПИ, КПИ(м), Бхаратия джаната парти, Джаната) набрали от 4,1 до 6,5% голосов [Трибьюн. 03.06.1980].

Таким образом, результаты выборов показали, что общинно-религиозный фактор по-прежнему не играл важной роли в определении предпочтений электората, ибо АД смогла получить в лучшем случае около половины голосов избирателей-сикхов. Поражение на выборах усугубило внутрипартийные разногласия и завершилось расколом партии. В августе председатель Акали дал Дж. С. Талванди был исключен из партии «за антипартийную деятельность и сговор с ИНК(И)» [Индиан экспресс. 10.08.1980] и создал параллельную партию — АД(Т). Группу Лонговала — АД(Л) — поддержали бывший главный министр П. С. Бадал, председатель ШГКП Тохра и почти все (за исключением четырех) представители АД в законодательном собрании штата.

Раскол в партии в ситуации, когда она оказалась в оппозиции, заметно усилил экстремистские тенденции среди акали и — более того — послужил толчком для активизации экстремистских организаций: Всеиндийской федерации сикхских студентов, воинственно-коммуналистской партии Дал хальса и др. С того времени экстремизм и коммунизм становятся важной силой, во многом определявшей обстановку в штате.

Обе партии (третья организация Акали дал, объединявшая преимущественно последователей покойного Тара Сингха, играла маргинальную роль) стремились выступать в качестве единственного представителя сикхской общины, хотя программных разногласий между ними, по сути, не было. Обе они поддерживали идею о том, что сикхская община является нацией, и настаивали на предоставлении сикхской общине статуса наблюдателя в ООН, начали активные кампании с целью претворения в жизнь Анандпурской резолюции 1973 г. и удовлетворения «сикхских жалоб», состоявших из 45 пунктов. Более радикальные позиции занимала АД(Т), поскольку она численно была значительно слабее группировки Лонговала. АД(Т) выдвинула задачу добиться воплощения Анандпурской резолюции до 13 апреля 1981 г., требовала лишить избирательных прав всех непенджабцев. Эти идеи поддерживали председатель ШГПК Г. С. Тохра и Всемирная сикхская конвенция, созданная по инициативе Талванди в апреле 1981 г. Ввиду экстремистских установок АД(Т) коммунисты — партнеры по оппозиции в законодательном собрании штата — порвали связи с этой партией и пошли на сближение с АД(Л).

АД(Л) первоначально занимала более умеренные позиции

и уделяла значительное внимание социально-экономическим проблемам: вместе с коммунистами она провела кампании за повышение закупочных цен на продукцию сельского хозяйства, против повышения платы за проезд в автобусах и др. Широкого отклика эти кампании не получили. В ноябре 1980 г. руководство партии выступило с требованием расширения автономии штата согласно Анандпурской резолюции, а в июле 1981 г. объявила ультиматум союзному правительству: если «справедливые требования» сикхов не будут удовлетворены до 31 августа, партия начнет *дхармаюддху* («войну за веру»). Ее первым этапом стала массовая демонстрация в Дели 7 сентября 1981 г.

Идеологическая платформа Акали дал была сформулирована в Анандпурской резолюции, которая до осени 1980 г. почти не упоминалась и оставалась неизвестной индийской общественности.

Эта резолюция, принятая на заседании Рабочего комитета Акали дал в Анандпур-Сахибе в октябре 1973 г. и одобренная на сессии в Лудхьяне в августе 1978 г., представляет собой документ, вызывавший многочисленные разночтения и толкования. Различные ее варианты (в том числе опубликованные в печати) настолько отличались друг от друга по структуре, объему (от двух до 20 страниц) и формулировкам, что суть требований, выдвинутых партией в 1981 г., оставалась неясной. В переводе на английский язык, официально подтвержденном председателем партии Х. С. Лонговалом и опубликованном правительством Индии в «Белой книге о событиях в Пенджабе» (1984 г.), документ состоит из 12 резолюций, «основных постулатов» и «экономической программы» [Уайт пэйпер, с. 67—90].

В первой резолюции содержатся требования придать государственному устройству Индии «подлинно федеративную форму», «перестроить конституционную структуру страны на подлинных и сущностных принципах федерализма, чтобы исключить любую опасность национальному единству и целостности страны», «создать возможность штатам играть полезную роль в деле прогресса и процветания индийского народа». Эти формулировки резко расходятся с текстами Анандпурской резолюции, периодически появлявшимися в прессе, где в первом пункте утверждалось, что сикхи являются нацией. В последующих резолюциях содержатся требования передачи Чандигарха Пенджабу, присоединения к штату панджабиязычных районов, которые должны быть определены лингвистами, пересмотра решения о распределении вод рек Рави и Биаса, сохранения существующего удельного веса сикхов в армии, призывы положить конец нищете в течение десяти лет, улучшить положение зарегистрированных каст, рабочих, безземельных и малоземельных крестьян, увеличить налогообложение «богатых классов».

Среди специфических пенджабских требований фигурирует открытие международного аэропорта в Амритсаре, признание

панджаби вторым языком в соседних штатах, выделение для сикхов мест в государственных учреждениях, установление радиопередатчика в Золотом храме для прямых трансляций киратана «с целью духовного удовлетворения сикхов, проживающих в зарубежных странах». В «основных постулатах» подчеркивалось, что Широмани акали дал, будучи «воплощением надежд и устремлений сикхской нации», ставит своей задачей распространение сикхизма и разоблачение атеизма, сохранение идентичности сикхской общины и создание условий для ее полного самовыражения и роста, искоренение дискриминации на основе кастовых и конфессиональных различий, широкомасштабное крещение сикхов (*амрит парчар*), подготовку проповедников для более эффективной пропаганды сикхизма, выделение *дасванда* (десятины) на нужды общины, принятие общендийского закона об управлении гурдварами. В качестве главной политической задачи указывалось создание «благоприятных условий и политической структуры», обеспечивающих доминирующую роль хальсы.

Эти установки были включены в список 45 требований, предъявленный правительству в 1981 г. и известный как «список жалоб» сикхов. В этот документ дополнительно вошли требования предоставить Амритсару статус священного города, назвать один из поездов «Экспрессом Золотого храма», признать ШГПК «единственным представительным институтом сикхов», разрешить сикхам носить *кирпан* (кинжал) во время полетов на самолетах индийских авиалиний. Среди «политических жалоб» фигурировал отказ союзного правительства признать «внутреннюю автономию» штата, «незаконное смещение» правительств АД в 1980 г., разоружение пенджабцев путем изъятия у них лицензий на владение оружием, отказ правительства выполнить требования Анандпурской резолюции и проведение им политики «разделяй и властвуй», разжигания межобщинной розни. Видное место в списке занимали требования и жалобы социального и экономического характера: снижение квоты сикхов при вербовке в армию с 20 до 2%, «экономическая эксплуатация» Пенджаба, рост цен, отсутствие тяжелой промышленности в штате, низкие закупочные цены на продукцию сельского хозяйства.

Экономические требования отражают прежде всего интересы разбогатевших в ходе «зеленой революции» сикхов-джатов, «которые не только проникают в торговлю, но и в возрастающей степени пытаются вкладывать свои капиталы в промышленное производство... где этот формирующийся класс сикхских капиталистов вступает в конфликт с индусскими городскими капиталистами» [Бхушан, 1983, с. 51]. Это традиционное для Пенджаба противоречие заметно обострилось, когда в 70-е годы стало очевидным, что «зеленая революция» уже исчерпала свои возможности. В период пребывания у власти в 1976—1979 гг. правительство Акали дал упрочило положение пенджабских фер-

меров такими мерами, как снижение платы за электроэнергию, используемую для работы насосов, снижение цен на отдельные виды удобрений, строительство рынков, школ и больниц в сельских районах, выплата субсидий в случае гибели урожая и др. Правительство ИНК(И) отменило большинство этих льгот, выгодных прежде всего для состоятельных крестьян, перераспределив бюджет таким образом, чтобы в известной мере улучшить положение низших слоев населения.

Эти меры правительства были истолкованы лидерством акали как «дискриминация» сикхов и обеспечили участие в кампаниях, начатых Акали дал, значительной части крестьян, недовольных аграрной политикой правительства. Ущемление интересов состоятельных фермеров было одной из главных причин широкого распространения представлений о «дискриминации» сикхов и недооценке роли Пенджаба в развитии экономики Индии. В 1982/83 г. доля Пенджаба в государственных закупках пшеницы составила 73%, риса — 48%, урожайность этих культур (соответственно 27,8 и 27,4 ц с га) здесь в два раза выше среднеиндийского показателя [Таймс оф Индия. 28.07.1983]. Среди пенджабцев, в особенности сикхов, распространено представление, что именно они обеспечивают Индию продовольствием. Редактор газеты, отражающей точку зрения акали, отмечал это: «Только пенджабцы работают по-настоящему. Посмотрите на жителей других штатов — ленивые до мозга костей. Если бы не пенджабский фермер, большинство их голодало бы» [Сингх Дж. Д., 1983].

Автостереотип сикха как трудолюбивого труженика, храброго воина и борца за свободу Индии за годы независимости укоренился в массовом сознании сикхов, в особенности после реорганизации Пенджаба в 1966 г. Многочисленные мероприятия, посвященные юбилейным датам сикхских гуру, привлекавшие сотни тысяч людей, содействовали распространению представлений о том, что лишь сикхи последовательно боролись против мусульманских вторжений и спасли индусов от поголовного обращения в ислам. В школах и колледжах активно прививалась мысль, что именно сикхи, составляющие полтора процента населения Индии, внесли решающий вклад в борьбу за независимость: среди 2646 приговоренных к пожизненному заключению было 2147 сикхов, среди 116 казненных — 93. Согласно той же логике, сикхи отличились особой доблестью в вооруженных конфликтах с Пакистаном в 1965 и 1971 гг. И наконец, именно сикхи превратили Пенджаб в самый процветающий штат, который кормит чуть ли не всю остальную Индию. Осознание собственного отличия, обусловленного принадлежностью к сикхской общине, и своих исторических заслуг в ситуации, сложившейся в конце 70-х — начале 80-х годов, привело к возникновению в сикхизме фундаменталистского течения как ответной реакции на индусский ревайвализм (который, в свою очередь, по крайней мере отчасти, был реакцией на мусульманский фундамента-

лизм). Этому способствовал также отход сикхов, особенно молодежи, от религии, рост потребления спиртных напитков и наркотиков (по этим показателям Пенджаб занимает первое место в Индии), заметное снижение вследствие миграции доли сикхов в штате (с 62% в 1971 г. до 52% в 1981 г.). Как и для других движений подобного рода, для сикхского фундаментализма характерны призывы к возврату к основополагающим постулатам сикхизма, соблюдению всех предписаний, нетерпимость к сектам, в особенности к многочисленным пиранкари. Главой сикхских фундаменталистов стал сант Джарнайл (искаженное от английского «генерал») Сингх Бхиндранвале (1946—1984), ставший заметной фигурой в конце 70-х годов.

Некоторые индийские политические наблюдатели, в том числе такие известные обозреватели, как Индер Мальхотра и Арун Шурне, утверждали, что Бхиндранвале выдвинулся благодаря поддержке со стороны Конгресса, стремившегося дискредитировать правительство Акали дал — Джаната парти [Таймс оф Индия. 09.10.1981; Индиан экспресс. 12.05.1982; Телеграф. 24.10.1983]. Основной темой многочисленных выступлений и интервью Бхиндранвале наряду с пропагандой ортодоксального сикхизма стало «порабощение сикхов», их дискриминация, выпады против индусских коммуналистских организаций и «псевдосекуляризма» правящей партии. Вокруг него образовалось ядро из руководителей экстремистских, главным образом молодежных, организаций (Всеиндийской федерации сикхских студентов, Дал хальсы и др.). Попытки властей арестовать Бхиндранвале, обвинив его в причастности к убийству известного издателя проиндусских газет Л. Дж. Нарайна в сентябре 1981 г., вызвали массовые беспорядки и многочисленные человеческие жертвы, и правительство было вынуждено освободить его. Обосновавшись с вооруженной охраной в комплексе Золотого храма в Амритсаре, Бхиндранвале руководил большинством экстремистских группировок. По словам одного из его последователей, «санти сознательно следует традиции, установленной гуру Гобиндом Сингхом, который считал оружие символом свободного человека... Терроризм всегда был ответом сикхов на несправедливость, и такие виновники, как вождь ниранкари (Гурбачан Сингх, убитый в Дели в августе 1980 г. — А. П.) и Л. Дж. Нарайн, были скоро убиты» [Иллюстрейтид уикли оф Индия. 17.04.1983, с. 12—13].

Принятию эффективных мер против экстремистов и террористов, окопавшихся в комплексе Золотого храма и десятках других гурдвар, в значительной степени препятствовали трения и разногласия между правительством штата и союзным министерством внутренних дел, а также фракционная борьба в правящей партии.

Местная полиция, расколотая на сторонников Акали дал и соперничавшие конгрессистские фракции, «погрязшая в недисциплинированности, коммунализме и коррупции, перестала быть

надежным инструментом в борьбе против насилия» [Телеграф. 24.10.1983; Таймс оф Индия. 23.07.1983], и власти штата должны были прибегнуть к помощи войск пограничной безопасности и центральной резервной полиции. Известный политический деятель Пенджаба, член парламента Г. С. Нихалсингхвала писал, что местные полицейские были отлично осведомлены о том, кто замешан в терроризме и где скрываются уголовники, но не принимали никаких действий, так как большая часть полиции причастна к уголовной деятельности через контрабандистов, доставляющих в штат ежегодно до 400 центнеров опиума, остальная часть просто деморализована [Линк. 15.04.1984, с. 18].

Экстремизм и терроризм в Пенджабе, ранее выраженный в деятельности левацких группировок (наксалитов), с начала 80-х годов превратился в мощную дестабилизирующую силу. Ее опасность особенно возросла с появлением сепаратистских тенденций. От популярных среди сикхов лозунгов «Радж карега хальса!» («Хальса будет править!»), «Сикхизм в опасности!» и требований о максимальном расширении автономии Пенджаба лишь один шаг до идеи создания независимого сикхского государства путем сецессии.

Первым сигналом сикхского сепаратизма было появление в «Нью-Йорк таймс» в 1971 г. рекламного призыва к созданию независимого сикхского государства — «Халистана», опубликованного Джагджидом Сингхом Чоханом, который в 1967 г. занимал пост министра финансов в правительстве Пенджаба. Чохан был отправлен в заграничную поездку руководством Акали дал, чтобы ознакомить общественность США и Канады с положением сикхов в Индии; на обратном пути он был принят президентом Пакистана Яхья Ханом, который вручил ему ключи от храма «Нанкана сахеб» и предоставил возможность выступить по лахорскому радио со своим призывом [Сингх С., 1982, с. 79]. Эти обращения не вызвали заметной реакции ни в Индии, ни за ее пределами.

Более серьезным симптомом потенциального сепаратизма следует считать принятие в 1973 г. упомянутой резолюции Акали дал в Анандпур-Сахебе, так как наиболее известный текст содержал требования ограничения полномочий союзного правительства в Пенджабе вопросами внешних сношений, коммуникаций, обороны и печатания денежных знаков и отражал официальную позицию массовой партии. В резолюции сикхи именуются «кау» — словом, имеющим наряду с другими также значение «нация».

Чрезвычайное положение (июнь 1975 г. — март 1977 г.) и последовавшее правление АД притормозили процесс организационного оформления сепаратистского движения, но не повернули его вспять. Вернувшийся в Индию Чохан в мае 1978 г. провозгласил создание партии Революционная Широмаи акали дал, а через год (3 марта 1979 г.) организовал «поход за Халистан» и создал «Национальный совет Халистана» под

собственным руководством. В августе того же года в результате объединения двух небольших молодежных организаций при содействии Чохана была образована Дал хальса (Партия хальсы). Первоначальной целью новой организации была провозглашена защита сикхов от ниранкари (отчасти ее создание было вызвано столкновением между акали и ниранкари в Амритсаре в апреле 1978 г., в результате которого погибло 13 человек), однако в течение года партия переориентировалась на «создание суверенной сикхской нации», т. е. государства. Возглавил эту сепаратистскую организацию Харсимран Сингх; ее численность, согласно оценкам разведывательных служб Индии, достигала 600 человек [Сингх С., 1982, с. 131].

Активисты Дал хальсы включились в массовые кампании, которые проводила Акали дал (за провозглашение Амритсара священным городом, по блокировке дорог и др.), эпизодически устраивали относительно немногочисленные шествия, вывешивали флаг «Халистана», издавали и распределяли брошюры, в которых обосновывали свое требование, поддерживали тесные связи с «Национальным советом Халистана», Всеиндийской федерацией сикхских студентов — экстремистской организацией, возглавляемой Амриком Сингхом. Хотя конституция Индии запрещает пропаганду сепаратизма, ни центральное правительство, ни власти штата длительное время не предпринимали против них никаких конкретных мер. Активисты партии свободно собирали средства и пожертвования; по имеющимся оценкам, бюджет партии составлял около 50 тыс. рупий в месяц [Сингх С., 1982, с. 135]. Пропаганда Дал хальсы находила определенный отклик среди населения, но, как показали выборочные опросы, сельские сикхи практически единодушно отвергали планы создания независимого «Халистана» [Индиан экспресс. 24.10.1981], не говоря уже о сотнях тысяч сикхов, расселенных за пределами Пенджаба.

В целях привлечения внимания к своим требованиям члены Дал хальсы 29 сентября 1981 г. захватили и угнали в Лахор пассажирский самолет индийских внутренних авиалиний и позже неоднократно пытались повторить подобные акции.

Сепаратисты активно пропагандировали свои лозунги во время Всемирной сикхской конференции, проходившей в Амритсаре в конце июля 1981 г. под эгидой АД(Л), расклеив карты «Халистана» и лозунги, призывавшие сбросить «иго индусского Дели и жить с достоинством под эгидой хальсы» [Линк. 02.08.1981, с. 31].

К пропаганде сепаратистских идей примкнули также ловкие дельцы, снабдившие «халистанскими паспортами» и отправившие в Канаду в качестве «политических беженцев» 1094 сикхов, которые, не получив разрешения на въезд, в конце концов были вынуждены вернуться в Индию [Пэтриот. 13.08.1983; Хинду. 17.08.1983].

Проблема «Халистана» получила широкую известность за

рубежом и в Индии прежде всего в результате пропагандистской кампании, начатой частью сикхских эмигрантов в странах Запада в 1980 г. В США сикхские эмигранты изготавливали «халистанские паспорта», почтовые марки, денежные знаки («халистанские доллары»), которые распространялись «консульствами» несуществующего государства в Ванкувере, Торонто, Виннипеге (Канада) и в ряде городов США. Эти «дипломатические миссии» официального статуса не имели, и госдепартамент США в ответ на запрос посольства Индии заверил, что никаких консульств «Халистана» в США нет [Трибьюн.31.07.1982]. В Северной Америке, Великобритании и ФРГ выпускались периодические издания («Хальса», «Сикх уорлд», «Халистан», «Баббар хальса», «Халистан ньюс» и др.)

Поток дезинформации о положении сикхов в Индии оказал определенное влияние на часть многочисленных сикхских эмигрантов и привлек к проблеме «Халистана» внимание западных средств массовой информации. Надежды на международное признание движения и поддержку извне вдохновляли немногочисленную группу сепаратистов в Пенджабе: «генеральный секретарь Национального совета Халистана» Балбир Сингх Сандху заявлял, что сикхи добьются создания своего суверенного государства, хотя на это может потребоваться 10—20 лет [Хиндустан таймс. 06.05.1983].

Пока кампании Акали дал, экстремистских и сепаратистских группировок были разрознены, они не вызвали серьезного беспокойства у союзного правительства. Однако ситуация изменилась, когда руководство партии перенесло свою штаб-квартиру в комплекс Золотого храма и 26 июля 1982 г. приняло решение поддержать кампанию санта Бхиндранвале против «угнетения сикхов», включая освобождение арестованных экстремистов (председателя Сикхской студенческой федерации Б. А. Сингха и др.). Председатель партии Х. С. Лонговал был назначен «диктатором» движения.

Сложившийся летом 1982 г. неформальный блок объединил все основные силы, противостоявшие правительству ИНК(И): профессиональных политиков Акали дал, фермеров, сикхских фундаменталистов, экстремистов и сепаратистов. Провозглашенная сикхским лидерством дхармаюддха — «война за веру» — стала беспрецедентным в истории независимой Индии движением, напомиавшим во многих отношениях движение за образование Пакистана в последнее десятилетие колониального господства. В последовавший период акали провели массовые кампании по блокировке шоссеых дорог (в апреле 1983 г. был убит 21 человек), мобилизовали «войско» из 130 тыс. человек, давших присягу бороться за «дело сикхов», не жалея собственной жизни. По масштабам эти кампании далеко превосходили движение в период борьбы за создание Пенджабской су-бы. Экстремисты прибегли к тактике индивидуального террора, расправляясь с «нелояльными» сикхами, индусами, правитель-

ственными чиновниками. К июню 1984 г. число жертв достигло 800—1000 человек [Линк. 10.06.1984, с. 16]; широкий размах приобрели диверсионные акции: взрывы, поджоги, ограбления банков и т. п.

Теряя контроль над положением, союзное правительство и руководство воссоединившейся Акали дал пытались добиться нормализации положения за столом переговоров. В период с октября 1981 г. до середины февраля 1984 г. союзное правительство провело с лидерами акали десять раундов переговоров, однако все они заканчивались безрезультатно.

Важно, однако, отметить, что лидеры акали, начав массовую кампанию, оказались в затруднительном положении: с одной стороны, прекращение движения без достижения хотя бы символической победы привело бы к дискредитации партийного руководства и падению влияния Акали дал, с другой стороны, неспособность добиться уступок со стороны союзного правительства была на руку экстремистским элементам во главе с Бхиндранвале, которые считали, что лишь вооруженная борьба и террор могут заставить правительство Индии удовлетворить требования сикхов. В итоге руководство антиправительственным движением в Пенджабе фактически перешло в руки экстремистов во главе с сантом Бхиндранвале.

В свою очередь, союзное правительство не могло удовлетворить некоторые из основных требований акали, например о перераспределении водных ресурсов, так как это серьезно ущемило бы интересы соседних штатов. В феврале 1983 г. оно в одностороннем порядке объявило о готовности удовлетворить такие требования, как трансляция службы из Золотого храма, принятие общеиндийского закона о гурдварах и провозглашении старой части Амритсара священным городом, однако на дальнейшие уступки не шло. Руководство ИНК(И) по мере приближения всеобщих выборов не без основания опасалось, что серьезные уступки сикхам неизбежно вызовут негативную реакцию не только в Харьяне, но и среди индусов всей Северной Индии и партия может лишиться доверия части избирателей.

Такая тенденция уже обозначилась: в период 1981—1983 гг. на выборах в законодательные собрания ИНК(И) нигде не добился убедительной победы. Многими индийскими обозревателями высказывалось мнение, что центральное руководство ИНК(И) преднамеренно затягивало решение конфликта в Пенджабе, с тем чтобы в качестве предвыборной платформы выдвинуть лозунг об опасности, угрожающей территориальной целостности Индии, и доказывать, что лишь Конгресс способен сохранить единство страны. Генеральный секретарь КПИ Раджешвара Рао в этой связи заявил: «Мы считаем, что премьер-министр оставляет события на самотек, чтобы извлечь политическую выгоду на предстоящих всеобщих выборах» [Пэтриот. 31.07.1983]. Генеральный секретарь КПИ(м) Е. М. С. Намбудипапад также полагал, что тупиковая ситуация создана прави-

тельством [Пэтриот. 29.07.1983], сходного мнения придерживались лидеры большинства других оппозиционных партий.

Многие индийские исследователи и наблюдатели отмечали, что урегулирование положения в Пенджабе осложнилось отходом Конгресса (И) от принципов секуляризма и стремлением использовать религию для достижения политических целей. «Подлинно секуляристскому подходу препятствуют прежде всего антисекуляристское поведение и действия самого правительства, которые дают основания для того, чтобы заподозрить правящую партию в коммунализме. В секуляристском обществе религия — это дело личных убеждений и не должна смешиваться с политическими функциями государства. Никак нельзя оправдать тот факт, что президент г-няи Заил Сингх, премьер-министр Индира Ганди, министры и другие высокопоставленные лица совершают официально рекламируемые паломничества, преподношения и молебствия в местах культа как часть своих политических и государственных функций. Их речи, декларирующие еще большую приверженность к отжившим верованиям и практике, и поддержка ревайвалистских установок служат лишь упрочению коммуналистских сил» [Сингх Б. Д., 1984, с. 29].

Потеряв контроль над положением в штате, союзное правительство было вынуждено сместить конгрессистское правительство Пенджаба и ввести президентское правление (6 октября 1983 г.). Штат был объявлен «беспокойным районом», что означало передачу функций по поддержанию законности и порядка в руки армии. Однако эти меры оказались запоздалыми и вызвали лишь новую волну диверсий и террора, активизацию запрещенных (с 1 мая 1982 г.) сепаратистских организаций (Национальный совет Халистана и Дал хальса), выступивших с призывами образования параллельного правительства и «партизанской войны» [Уайт пэйпер, с. 35—40]. 23 мая 1984 г. «диктатор» движения сант Х. С. Лонговал объявил о том, что с 3 июня будет начата кампания несотрудничества, включая невыплату налогов на землю, счетов за воду ирригационных каналов, электричество, ссуд, а также блокировку вывоза зерна. Лидеры Акали дал не откликнулись на обращение премьер-министра Индиры Ганди по Всеиндийскому радио с просьбой отменить намеченную кампанию (2 июня). 3 июня по приказу союзного правительства в штат были введены новые подразделения войск, объявлен комендантский час, а 5 июня войска штурмовали Золотой храм и заняли 42 гурдвары. Согласно официальным данным, в ходе этой операции только в Золотом храме были убиты 493 экстремиста, включая санта Бхиндранвале, 83 военнослужащих и арестованы 1592 человека [Уайт пэйпер].

Военные и полицейские меры и массовые аресты на некоторое время стабилизировали обстановку в Пенджабе, но вызвали мощную волну сикхского фанатизма. В результате заговора 31 октября премьер-министр Индии Индира Ганди была убита сикхами, входившими в состав ее личной охраны. Это со-

бытие, потрясшее всю страну, вызвало волну антисикхских погромов в Дели и многих других городах Индии, кровавые столкновения между индусами и сикхами в Пенджабе. В следующем году был убит председатель Акали дал Х. С. Лонговал.

На состоявшихся в сентябре 1985 г. выборах в легислатуру штата победила Акали дал: набрав 38,4% голосов, партия впервые в своей истории получила абсолютное большинство — 73 места из 117, превзойдя свое высшее достижение 1977 г. (31,4% голосов и 58 мест). Хотя за кандидатов Конгресса (И) было подано лишь на 0,6% меньше голосов, при мажоритарной системе выборов он победил всего в 32 округах. В Пенджабе впервые было сформировано однопартийное правительство Акали дал, которое возглавил Сурджит Сингх Барнала. Победа акали объясняется двумя взаимосвязанными причинами: во-первых, обострение межобщинной напряженности, происходившее в течение пяти лет, и в особенности массовые антисикхские погромы, охватившие всю Северную Индию после убийства Индиры Ганди, усилили сплочение сикхской общины и переход на сторону акали ее маргинальных групп; во-вторых, хронические беспорядки в штате в период пребывания у власти Конгресса (И) (1980—1983) и последовавшего президентского правления показали, что ИНК(И) в одиночку неспособен противостоять массовым кампаниям и обеспечить политическую стабильность, и, следовательно, единственной альтернативой оставалось участие в правительстве представителей Акали дал. После провала закулисных переговоров о создании коалиционного правительства ИНК(И) — АД (на это акали не пошли из-за активного сопротивления со стороны экстремистского крыла) решающее слово было за избирателями.

Победа АД и последовавшие меры правительства по нормализации обстановки в штате, включая амнистию сотен террористов, вызвали страх среди индусской части населения. После захвата комплекса Золотого храма экстремистами (январь 1986 г.) и новой волны террористических акций многие индусские семьи стали покидать Пенджаб. В свою очередь, в штат устремились многие сикхи из соседней Харьяны и других штатов, где сикхи опасались за свою жизнь.

Попытки нормализации обстановки в штате наталкивались на чрезвычайные трудности, так как этноконфессиональное размежевание и многочисленные человеческие жертвы вследствие погромов оставили неизгладимый след. Засевшие в Золотом храме экстремисты всячески раздували пропагандистскую шумиху по поводу «геноцида» сикхов, а в апреле 1986 г. открыто провозгласили создание «независимого Халистана», столицей которого был назван уже не священный город сикхов — Амритсар, а Дели. Правительство штата при поддержке центрального правительства было вынуждено при помощи полиции вновь очищать Золотой храм от экстремистов и сепаратистов. В знак протеста против этой акции 27 депутатов акали во главе с быв-

шим главным министром штата П. С. Бадалом вышли из состава правительственной фракции АД и потребовали отставки правительства. Оно устояло благодаря поддержке со стороны депутатов от Конгресса (И) и других партий, выразивших доверие правительству Барналы.

Это предотвратило политический кризис, но отнюдь не разрешило обстановки в штате. Фракция Бадала и Тохры и правящая АД пытались наладить отношения с откровенно экстремистской и сепаратистской Объединенной акали дал, которая пропагандировала культ насилия, религиозной нетерпимости и набирала добровольцев в «Войско гуру» [Нью эйдж. 17.12.1986]. В свою очередь, среди индусов — наряду с ранее существовавшими коммуналистскими организациями в ряде городов, включая Амритсар, Джаландхар, Хошиарпур, — активную деятельность развернули отделения Шив сена — «Войска Шивы».

Нормализации обстановки препятствовало и то обстоятельство, что задерживалось претворение в жизнь соглашения, достигнутого в июле 1985 г. между премьер-министром Р. Ганди и тогдашним председателем Акали дал Х. С. Лонговалом. Правительство Харьяны решительно выступало против передачи Чандигарха Пенджабу, а руководство последнего отказывалось уступить Харьяне хиндиязычные районы Пенджаба площадью 28 тыс. гектаров. Ввиду создавшейся тупиковой ситуации центральное руководство Конгресса (И) было вынуждено назначить нового главного министра Харьяны — известного политического деятеля Банси Лала. В результате переговоров двух главных министров было достигнуто соглашение о том, что после присоединения к Пенджабу Чандигарх, который имел статус союзной территории, в течение пяти лет останется административным центром Харьяны, и за это время будет построена новая столица штата.

В целом социально-политическое развитие в период после реорганизации Пенджаба на этнополитической основе в 1966 г. показывает, что эта мера не ускорила процесса этнической консолидации пенджабцев, а скорее, наоборот, обострила межгрупповые противоречия, создала сложный клубок противоречий между сикхами, индусами, секуляристскими и социально-классовыми группами. Ввиду невысокой степени этнической консолидации пенджабцев и давления со стороны ортодоксальных сикхских кругов, обеспокоенных процессом секуляризации и индустской аккультурации сикхов, руководство Акали дал делало основную ставку на внедрение этноконфессионального сознания и сплочение сикхов. Однако усилия в этом направлении не давали желаемого результата. После реорганизации Пенджаба сикхи составляли абсолютное большинство населения, и многие из них, в особенности ядро сикхской общины — джаты, были невосприимчивы к лозунгам об опасности, якобы угрожающей сикхизму, низшие же сикхские касты считали Акали дал партией крупных землевладельцев. В свою очередь, Конгресс был

не в состоянии существенно расширить свою социальную базу, поскольку в глазах многих верующих индусов и сикхов **секуляризм и социалистические лозунги партии** были неприемлемыми.

Социально-политический процесс в Пенджабе с момента провозглашения независимости Индии убедительно свидетельствует о том, что в комбинированном, сохраняющем черты традиционности обществе социальные противоречия и политическая борьба обостряют субэтнические различия, и конфессиональная принадлежность может стать серьезным барьером на пути этнической консолидации общности. Очевидно, было бы преждевременным делать выводы о новом (после отделения мусульманской части населения) разделении пенджабского этноса по конфессиональному признаку. Однако перспектива консолидации этнолингвистической общности пенджабцев в единую социокультурную общность, обладающую самосознанием (т. е. в этнос), представляется не более определенной, чем вероятность формирования хиндустанского этноса.

Глава 7

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ

Межэтнические конфликты в Ассаме

Этнодемографические сдвиги, социально-экономические и политические факторы, как было показано выше, являются важнейшими причинами этносоциальных или, в более широком смысле, межэтнических конфликтов, составляющих перманентный компонент социально-политического развития Индии. Однако их острота, продолжительность и характер различны и зависят от этнической ситуации в отдельных районах страны. В ряде крупных этнонациональных штатов они проявляются в форме кампаний за охрану прав «сыновей земли». Среди ассимилируемых малых народностей и племен внутренних районов этносоциальные противоречия создают предпосылки для возникновения элитарных, не обладающих массовой базой автономистских движений (джаркхандское движение). В некоторых пограничных штатах они порождают экстремистские и сепаратистские тенденции (Трипура).

Общей чертой этих различных по своему типу движений является их относительно узкая социальная база, а также исключительно неравное соотношение — с одной стороны, противостоящих этносоциальных сил отдельных сегментов меньшинств, с другой — доминирующего большинства, которое пользуется преимущественной поддержкой со стороны государства. Поэтому большинство межэтнических конфликтов в современной Индии проявляются в форме либо отдельных, порой весьма острых, но непродолжительных вспышек, либо экстремистских движений, направленных на достижение нереальных целей (отделения, образования штата). Исключением из этой общей картины является этносоциальное движение в Ассаме, которое по своей продолжительности, остроте и масштабам не имеет прецедента в истории Индии нового и новейшего времени.

После провозглашения независимости Индии основные тенденции этнодемографической эволюции Ассама не только сохранились, но и приобрели более выраженный характер. Присоединение к Восточному Пакистану бенгалиязычного округа Силхет в результате неполного референдума (около 150 тыс. индусов — рабочих чайных плантаций были лишены права

голоса, и решение за присоединение к Пакистану было принято большинством примерно в 50 тыс. голосов) не привело к снижению удельного веса бенгальцев среди населения штата. Вследствие раздела в Ассам из Восточного Пакистана переселилось около 273 тыс. бенгальцев-индусов. В последовавшие годы приток восточнобенгальцев, главным образом мусульман, не прекратился, и общий прирост населения в штате составил в период 1941—1951 гг. 19,9%, в то время как общеиндийский показатель был значительно ниже — 13,3%. В два следующих десятилетия темпы прироста населения составили 35% за 10 лет при общеиндийском показателе 21,6% в 1951—1961 гг. и 24% в 1961—1971 гг. В 1981 г. перепись населения в Ассаме не проводилась, и оценки прироста колеблются в очень широких пределах — от 36 до 56% [Дас А. К., 1982, с. 36—37], что в любом случае значительно превышает среднеиндийский показатель (24,75%).

Совершенно очевидно, что столь быстрые темпы роста населения вызваны прежде всего притоком иммигрантов. Однако определить точно соотношение иммигрантов из других штатов Индии и из-за рубежа (из Восточного Пакистана, позже — из Бангладеш и отчасти — из Непала) едва ли возможно. Число иммигрантов оценивалось в 1971 г. от 2,4 млн. до 4 млн., в 1981 г. — от 4,8 млн. до 7,8 млн. человек [Бхаттачарья, 1982, с. 11; Дас А. К., 1982, с. 38] при общей численности населения около 23 млн. человек.

Чрезвычайно сложна и не имеет параллелей в других крупных штатах этнолингвистическая ситуация в Ассаме. По данным переписи 1971 г., 59,44% жителей штата составляли носители ассамита, 19,44% говорили на хинди, 3,65% — на бори (языке равнинных племен бодо); носителей остальных языков (микир, мири, мизо, ория и др.) было по 1—1,7%. Однако эти данные не отражают реальной этнодемографической ситуации, так как при переписях населения ассамитами в качестве родного языка указывало большинство бенгальцев из бывшего Восточного Пакистана, которые стремились закрепить свой статус и виды на жительство и, чтобы отмежеваться от бенгальцев-индусов, называли себя «наассама» — «неоассамцами» [Телеграф. 02.07.1983]. Аналогичным образом поступали многие плантационные рабочие (около 2 млн. человек): бихарцы, ория, мунда и др. В результате для Ассама характерно отсутствие четкой связи между языковой и этнодемографической ситуацией: фактически бенгальцы (восточные и западные) составляли в 1971 г. 41% населения, ассамцы — 22%, плантационные рабочие — 18%, монголоидные племена (включая мизо нынешнего штата Мизорам) — 10%, «хиндустанцы», манипури, непальцы, раджбанси — по 2—3% [Сандэй. 13.02.1983, с. 47].

В свою очередь, крупнейшие этнические группы сохраняют важные субэтнические различия конфессионального характера (86% ассамцев — индусы, 14% — мусульмане; среди бенгаль-

цев соответственно $\frac{1}{3}$ и $\frac{2}{3}$), различия по происхождению (среди ассамцев выделяется крупная этнографическая группа ахомов, бенгальцы делятся на «местных» и недавних иммигрантов), языку, кастовому составу. По вероисповеданию 72,51% жителей Ассама — индусы, 24,56% — мусульмане, 2,6% — христиане; при этом крупнейшими этноконфессиональными группами являются бенгальцы-мусульмане (24% населения), ассамцы-индусы (19%), бенгальцы-индусы (17%) и гетерогенная группа плантационных рабочих-индусов (15%). Таким образом, по трем основным социокультурным параметрам (лингвистическому, конфессиональному и собственно этническому) в Ассаме образуются совершенно различные конфигурации, что порождает высокую степень социокультурной дробности и в том или ином отношении превращает каждую группу, обладающую единством всех основных признаков, в меньшинство, составляющее в лучшем случае $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{4}$ населения штата.

Социальная неоднородность и дробность осложняют формирование четкой этносоциальной структуры этнически гетерогенного общества. Обычно в аграрных обществах верхушку социальной пирамиды составляет землевладельческая аристократия автохтонного происхождения, т. е. в данном случае кастовые ассамцы и ассимилированные ими ахомы. В новое и новейшее время ассамская верхушка пополнилась главным образом интеллигенцией и чиновничеством, но в целом ассамцы остаются преимущественно сельскохозяйственным народом, далеко уступая в промышленной и торговой сферах мигрантам из других районов Индии. «Неполная» социальная структура ассамского этноса, которая выражается в отсутствии промышленной и торговой буржуазии и рабочего класса, неизбежно затрудняет интеграцию и ассимиляцию меньшинств, занимающих «вакантные» социальные ниши.

Бенгальцы-индусы, населяющие в основном западные дистрикты, заняты преимущественно в сельском хозяйстве и преобладают в адвокатуре, системе здравоохранения, среди инженерно-технического персонала промышленных предприятий, а до недавнего времени также и в управленческом аппарате. Более поздние мигранты — бенгальские мусульмане — почти полностью сосредоточены в аграрном секторе; благодаря своему трудолюбию, сближающему их с пенджабскими джатами, многие из них за последние десятилетия стали крупными землевладельцами, выкупив арендуемые у ассамцев участки. В начале 80-х годов бенгальцам-мусульманам принадлежало около 60% обрабатываемой земли [Рэйдианс. 05—11.06.1983], занятой в основном товарными культурами. Поскольку почти весь ассамский джут перерабатывается на предприятиях Калькутты, сложилась тесная связь между верхушкой «неассамцев» и марварийским промышленным лобби, обладающим влиянием не только в Калькутте, но и в Дели [Пэтриот. 05.08.1982]. В промышленном секторе и торговле преобладают выходцы из Раджаст-

хана (марвари), Бенгалии, Бихара, Пенджаба (сикхи) и других штатов. Равнинные племена (преимущественно бодо) и горные этносы (качари, микиры, мири) составляют наиболее отсталую часть населения Ассама.

Различия в социально-экономическом положении отдельных этнических и квазиэтнических групп создают сложный комплекс противоречий: в отдельных дистриктах и даже населенных пунктах соперниками могут оказаться любые группы, в результате чего этносоциальные противоречия невозможно свести к единому общему знаменателю. Противоречия усугубляются крайне неблагоприятным экономическим положением штата. Ассам очень богат природными ресурсами и по ряду показателей занимает ведущее место в Индии: на штат приходится более 50% добычи нефти и природного газа, 58% производства чая (около 30% мирового производства), 60% картона и около 30% джута [Дас А. К., 1982, с. 1]. Значительная часть продукции идет либо на экспорт (чай, джутовые изделия), либо существенно уменьшает потребность в импорте (нефть), внося положительный вклад в платежный баланс Индии.

В то же время Ассам по ряду важных показателей социально-экономического развития остается в группе наиболее бедных штатов. В период 1970—1980 гг. по уровню дохода на душу населения он занимал 10—13-е место среди 17 крупных штатов (т. е. не считая малых штатов СВИ и Сиккима); в 1983 г. этот показатель составлял 950 рупий против 1200 рупий по Индии в целом, причем реальный доход на душу населения за десять лет увеличился всего на 2,6%, в то время как по всей стране он возрос на 8,6%. Потребление электроэнергии на душу населения в Ассаме почти в пять раз ниже, чем в целом по стране. Промышленное производство Ассама составляло в 1982 г. всего 1,6% общендийского [Таймс оф Индия. 12.09.1983]. Как показали подсчеты индийских экономистов, население Ассама питалось значительно хуже, чем жители большинства штатов: в 1973/74 г. на каждого ассамца в среднем приходилось 2098 калорий в сутки при среднеиндийском показателе 2263 калории [Паникар, 1980, с. 1811]. С 1956 г. в штате хронически не хватало продовольствия [Дас А. К., 1982, с. 48].

В связи с аграрной перенаселенностью и ростом безработицы (четверть миллиона зарегистрированных безработных в начале 1980 г.) единственным выходом из положения считалась индустриализация штата. Однако ее осуществление наталкивалось на различные трудности объективного и субъективного характера: удаленность от основной части страны, неудовлетворительная транспортная система, узость местного рынка, недостаток местного капитала, нехватка квалифицированной рабочей силы [Таймс оф Индия. 12.09.1983]. Эти обстоятельства делали Ассам малопривлекательным для вложения капитала центральным правительством и крупными частными фирмами, а правительство штата не располагало необходимыми средствами для

ускоренного экономического развития, поскольку в 1978 г. Ассам получал лишь 14% дохода от экспортируемого чая и ежегодно терял около 600 млн. вследствие заниженной доли штата в поступлениях от вывозимой нефти [Индиан экспресс. 19.12.1980].

В конце 70-х годов в Ассаме было электрифицировано всего 11% деревень (по всей Индии — 39%, в Пенджабе и Харьяне — 100%), на штат приходилось менее 2% зарегистрированных предприятий, вложенного капитала и числа занятых, а оплаченный капитал 24 государственных компаний составлял лишь 0,7% оплаченного капитала подобных компаний по всей Индии [Сдасюк, 1981, с. 358—361].

Относительно немногочисленная предпринимательская прослойка состоит преимущественно из марвари, гуджаратцев, пенджабцев и др., которые, сохраняя в значительной мере кастовые и клановые связи, предпочитают вкладывать свои накопления в других, более перспективных районах страны. Все это служит для ассамских интеллектуалов и политических деятелей достаточным основанием, чтобы говорить о превращении Ассам за годы независимости во «внутреннюю колонию» [Мисра, 1980; 1982, с. 55].

Не лучше и положение сельского хозяйства. Около трети земельного фонда непригодно для обработки (по всей Индии — лишь 13%), а чистая посевная площадь составляет здесь всего 7,7% территории — в шесть раз ниже, чем в среднем по стране [Сдасюк, 1981, с. 347]. Хотя по урожайности основной культуры — риса — Ассам несколько опережает среднеиндийский уровень и такие в целом отсталые штаты, как Орисса или Бихар, прирост продукции сельского хозяйства здесь крайне низок — всего 2,4% в год — и далеко отстает от прироста населения. Начиная с 1956 г. штат вынужден постоянно ввозить продовольствие из других районов Индии.

В прошлом за счет чайного хозяйства, развития нефтяной промышленности (в Дигбое был построен первый в Индии и один из первых в мире нефтеперерабатывающих заводов) и наличия свободных высокоплодородных земель положение Ассам по сравнению с другими провинциями Британской Индии выглядело относительно благополучным. Однако большой прирост населения в сочетании с крайне низкими темпами экономического развития привел постепенно к тому, что ресурсы штата стали неадекватными для обеспечения существования возросшего населения штата [Сдасюк, 1981, с. 172]. Хотя по ряду показателей социально-экономического развития (удельный вес безработных, безземельных сельскохозяйственных рабочих, населения за гранью нищеты) положение в Ассаме заметно лучше, чем в соседней Трипуре, а также в Бихаре, Ориссе, Западной Бенгалии и некоторых других штатах, снижение уровня жизни коренного населения и сложность этнической ситуации, отличающие Ассам от этих штатов (за исключением Трипуры), создавали

здесь почву для ускоренного роста социальной напряженности и вызревания межэтнических конфликтов.

Многомерность социального пространства обуславливает особенности политического поведения отдельных этносоциальных и квазиэтнических групп. С момента провозглашения независимости Индии ассамские лидеры проводили наступательную политику против бенгальцев и племен, добивавшихся расширения автономии либо отделения от Ассама. Иммигранты-мусульмане поддерживали решение ассамского правительства о провозглашении ассами официальным языком штата (1961 г.), голосовали на выборах за кандидатов-ассамцев, не участвовали в ассамско-бенгальских столкновениях 1962, 1972 и 1973 гг. и не поддерживали требований коренных бенгальцев о присоединении отдельных дистриктов Ассама к Западной Бенгалии или преобразовании их в отдельный штат. Опора на бенгальцев-мусульман затушевывала тот факт, что ассамцы составляли всего четверть населения штата, и давала ассамским лидерам возможность выступать от имени большинства и легальными методами отстаивать интересы ассамской части населения.

Политическим следствием этого неформального альянса было доминирование ИНК. Он опирался на поддержку этих двух групп и в то же время — поскольку в его рядах была влиятельная бенгальская прослойка — сохранял свое влияние в округах с преимущественно бенгальско-индусским населением. Эта гибкая тактика позволяла Конгрессу оставаться в Ассаме широкой политической коалицией, сдерживать поляризацию этносоциальных сил и формирование локальных партий на этнической основе (за исключением этноареалов горных племен). Выборы в законодательное собрание Ассама в период 1952—1972 гг. неизменно заканчивались победой ИНК, получавшего 43—53% голосов, и партия сохраняла монополию на власть в штате.

Отделение от Ассама ряда горных дистриктов в 1962 и 1971 гг., массовый приток бангладешских беженцев в период индо-пакистанского конфликта 1971 г. и резкое ухудшение экономической конъюнктуры в начале 70-х годов заметно обострили проблему межэтнических отношений в штате и усилили националистические настроения среди ассамцев. Стабилизация обстановки в период чрезвычайного положения (1975—1976), несмотря на успех провинциальной организации Конгресса на парламентских выборах 1977 г. (50,6% голосов), была прервана падением правительства ИНК в центре и расколом партии. Выборы в легислатуру штата (1978 г.) лишь осложнили положение: Джаната парти набрала 27,6% голосов и получила 53 места из 126, ИНК(С) — 23,6% и 6 мест, ИНК(И) — всего 8,8% и 8 мест. Правительство Джаната парти, созданное при поддержке Союза равнинных племен Ассама (ПТЮ) и КПИ(м), было крайне неустойчивым.

Обострение политической борьбы сопровождалось размежеванием социально-политических и этносоциальных сил.

В 1977—1978 гг. резко активизировались Всеассамский союз студентов (ААСУ), Ассамское литературное общество (Ассам сахитя паришад). Возникли новые политические организации: Народный совет восточного региона (Пурбанчалия лок паришад), Ассамская националистическая партия (Ассам джатиябади дал). Во второй половине 1978 г. началась широкая кампания в защиту интересов «сыновей земли», в ходе которой было выдвинуто требование о резервировании за ассамцами 80% рабочих мест, высказывались опасения по поводу сохранения «ассамской идентичности» вследствие большого притока «иностранцев» и мигрантов из других штатов.

Нестабильная политическая обстановка, и в частности неуверенность лидеров местного отделения Джаната парти в исходе дополнительных выборов в парламентском округе Мангалдай, послужила поводом для ревизии избирательных списков, в результате которой выяснилось, что правом голоса пользуются многие жители Ассама, юридически не имеющие индийского гражданства. Это событие положило начало кампании за выдворение из Ассама «иностранцев», вспыхнувшей осенью 1979 г. и продолжавшейся до конца 1984 г.

Движение, начавшееся как очередная вспышка локального национализма, по своим масштабам и следствиям стало беспрецедентным явлением в новой и новейшей истории Индии. В отличие от автономистских движений 50-х годов оно имело подлинно массовую базу: если вначале в кампании, возглавленной ААСУ и блоком националистических партий и организаций — Всеассамским советом народной борьбы (ААГСП), участвовала преимущественно молодежь, то вскоре к движению присоединились государственные служащие, сельские жители. Городские ассамцы поддерживали движение потому, что в городах, где относительное большинство населения составляли бенгалцы, с наибольшей остротой проявлялись этносоциальные различия и тенденция к бенгализации Ассама, а более слабая ассамская буржуазия стремилась упрочить свои позиции в деловой жизни штата. В итоге кампания, проходившая под лозунгом выдворения «иностранцев», приобрела в городах характер антибенгальского движения. Ассамская деревня поддержала движение из-за обострения аграрного конфликта между автохтонным населением и иммигрантами.

Широкая социальная база движения, участие в нем практически всех слоев ассамского общества, с одной стороны, обеспечивали его эффективность, а с другой стороны, определили маргинальную роль экстремистского течения и тактики индивидуального террора, столь характерных для конфликта в Пенджабе. В отдельные периоды кампании деловая жизнь штата была полностью парализована, в течение года не производилась добыча нефти, блокировался вывоз джута, фанеры, не работали государственные учреждения, банки, колледжи; парламентские выборы 1980 г. состоялись лишь в двух из 14 избирательных

округов, в 1984 г. вообще не проводились; не состоялась перепись населения 1981 г.

Эти факты не имели прецедента в истории независимой Индии. Выборы в законодательные собрания в феврале 1983 г., несмотря на привлечение более 50 тыс. человек военизированного персонала и полицейских, вызвали в ряде сельских районов массовые столкновения, в результате которых, по официальным данным, погибло 1637 человек, а по оценкам наблюдателей — до 6 тыс. человек [Таймс оф Индия. 21.04.1983], среди которых 80% составляли мусульмане-бенгальцы, представители племен и других меньшинств [Органайзер. 08.05.1983]. Был причинен огромный материальный ущерб, и в округах, где большинство населения составляли ассамцы, в выборах участвовало лишь 10—15% избирателей [Телеграф. 10.05.1983].

Несмотря на то что в феврале—марте 1983 г. ситуация в Ассаме напоминала гражданскую войну, движение за выдворение иностранцев не трансформировалось в целом в сепаратистское (за исключением появления отдельных антииндийских лозунгов и возникновения небольших сепаратистских групп, деятельность которых не нашла поддержки). Президент ААСУ П. К. Маханта подчеркивал в этой связи: «Мы не сепаратисты, получаящие помощь от иностранных государств. Наше решение начать борьбу за выдворение иностранцев из штата продиктовано насущными жизненными интересами ассамцев... стремлением сохранить культурно-языковую идентичность коренного населения» [Амрита базар патрика. 15.05.1983]. Это — весьма важный момент, так как богатство природных ресурсов могло быть использовано в качестве аргумента в пользу жизнеспособности независимого Ассамы и тем более в пользу решения проблемы «иностранцев» и сохранения ассамской этничности. Поэтому беспрецедентный ассамский кризис больше, чем любое другое событие или этносоциальное движение, можно рассматривать как подтверждение того факта, что тенденция к интеграции даже в самых чрезвычайных обстоятельствах остается доминирующей, что руководство национальных движений придерживается постулатов о единстве Индии, не подвергает сомнению легитимность режима и добивается решения возникающих проблем в рамках конституции Индии.

Важнейшим отрицательным аспектом конфликта в Ассаме помимо хозяйственного ущерба и человеческих жертв следует считать поляризацию этносоциальных сил и резкое обострение отношений между различными этническими и этноконфессиональными группами. Шовинистический характер кампании, дифференцирование жителей штата на исконных «сыновей земли» и неполноправных — преимущественно «иностранцев» — граждан вызвали ответные действия. Это побудило бенгальцев принять участие в выборах 1980 и 1983 гг., послужило толчком для активизации Совета равнинных племен (вплоть до попыток добиться создания отдельного штата), для создания военизи-

рованной организации бенгальцев-мусульман (Мусульманские силы безопасности). В ходе кампании заметно оживились индуистские коммуналистские организации (РСС, Вишва хинду париад и др.), антимусульманская пропаганда которых находила отклик среди подавляющего большинства индусов — ассамцев и бенгальцев [Рэйдианс. 26.06—02.07.1983].

Хотя в целом движение имело секуляристский характер, известное совмещение этнических и конфессиональных различий содействовало росту коммунализма в Ассаме, смыкаясь с усилившейся с конца 70-х годов поляризацией этноконфессиональных сил в масштабах страны (обострение индусско-мусульманских противоречий в поясе хинди, этноконфессиональный конфликт в Пенджабе). Массовые столкновения, большое число жертв, сотни тысяч беженцев неизбежно оставляли глубокий след в сознании различных групп населения и вызывали процесс, который индийские наблюдатели не без основания квалифицировали как дезинтеграцию общества в этой части страны [Таймс оф Индия. 21.03.1983].

Заслуживают внимания действия союзного правительства в этой затяжной кризисной ситуации. В поисках путей к нормализации обстановки в Ассаме правительство Индии применяло самые разнообразные средства: законодательные, политические, административные, военно-полицейские. Уже 12 декабря 1979 г. президентским уведомлением полномочия легислатуры Ассамы были переданы президенту, т. е. исполнительной власти Союза, а в следующем году парламент одобрил Билль о легислатуре штата Ассам (о передаче полномочий), вступивший в силу 26 июня 1980 г. В этой связи в докладе общендийской общественной организации — Народного союза гражданских свобод — отмечалось, что «центральное правительство, взяв на себя чрезвычайные полномочия, подошло ко всей проблеме, вызванной ассамским движением, как к вопросу законности и порядка и применило к штату Ассам деспотические и репрессивные законы» [Рэйдианс. 12—18.06.1983]. Провозглашение штата «беспокойным районом» узаконило применение армии и военизированных подразделений для поддержания порядка, проведения массовых (как правило, краткосрочных) арестов, введения жесткой цензуры, т. е. комплекса мер, которые в прошлом применялись для подавления сепаратизма нага и мизо.

В поисках политического решения проблемы союзное правительство стремилось расширить социальную базу ассамского истеблишмента, восстанавливая (главным образом кооптацией перебежчиков) полуразрушенную организацию ИНК(И), опираясь на меньшинства (создание правительства во главе с мусульманкой Анварой Таймур, приглашение на переговоры лидеров Всеассамского студенческого союза меньшинств, Совета равнинных племен Ассамы). Этим стремлением было продиктовано и проведение в феврале 1983 г. выборов в законодательное собрание, по итогам которых было образовано однопартий-

ное конгрессистское правительство ИНК(И) во главе с Хитешваром Сайкья.

Основным путем решения ассамской проблемы союзное правительство считало достижение компромиссного решения путем переговоров с лидерами движения. В 1980—1982 гг. состоялось в общей сложности 29 раундов переговоров с руководителями ААСУ и ААГСП. В ходе переговоров обе стороны шли на частичные уступки: объявление амнистии политических заключенных, восстановление на работе уволенных государственных служащих, прекращение блокирования вывоза джута и фанеры и т. п. Но всегда нерешенным оставался главный вопрос: считать ли незаконными иммигрантами лиц, прибывших из Восточного Пакистана после 1951—1952 гг., на чем настаивали лидеры кампании, или после марта 1971 г., т. е. после образования независимого Бангладеш, как считало союзное правительство? Компромиссные предложения (принять за дату отсчета 1961, 1967 гг.) в конечном счете отвергались одной из сторон, и очередной раунд переговоров на этом обрывался. После событий в феврале—марте 1983 г. союзное правительство односторонне приняло решение о выявлении и депортации иностранцев, прибывших в Ассам с 1971 г., руководствуясь тем, что высылка более ранних восточнопакистанских переселенцев неизбежно осложнит отношения с Бангладеш и может вызвать стихийные антииндусские выступления в этой стране.

После драматических событий весной 1983 г. кампания в целом пошла на спад. В известной степени это было обусловлено уступками союзного правительства Ассаму (повышение отчислений за добычу нефти, аннулирование задолженности, выделение дополнительных средств на развитие сельского хозяйства и др.), но главное значение имела твердая и неуступчивая позиция центрального правительства, которая поставила под сомнение смысл движения, продолжавшегося почти четыре года, и оказала деморализующее воздействие на многих активных участников движения: государственных служащих, месяцами не получавших зарплаты, торговцев и предпринимателей, терпевших убытки вследствие бесконечных забастовок и дезорганизации деловой жизни.

Тем не менее, учитывая опыт предыдущих выборов, союзное правительство не рискнуло проводить в Ассаме парламентские выборы, состоявшиеся по всей Индии в декабре 1984 г. Лишь после внушительной победы ИНК(И) союзное правительство в июле 1985 г. отменило действие в штате закона о беспокойных районах и полномочиях вооруженных сил, а позже приступило к переговорам с лидерами ААСУ—ААГСП. Готовность обеих стран пойти на уступки обусловила успешный исход переговоров. 15 августа, в День независимости Индии, было подписано соглашение, по которому иммигранты, прибывшие после 24 марта 1971 г., подлежат депортации на родину, а иммигранты периода 1966—1970 гг. лишаются избирательных прав на 10 лет.

(до 1996 г.), но могут оставаться в Ассаме в качестве иностранцев. В рамках соглашения центральное правительство обязывалось принять меры по охране культурной и языковой идентичности ассамцев и ускорению экономического развития штата, включая строительство новых нефтеперерабатывающих предприятий, открытие технологического института и др. Соглашением предусматривалось включение активистов ААСУ в состав комиссий по выявлению иностранцев и проведение новых выборов в легислатуру после пересмотра списков избирателей [Блитц. 24.08.1985, с. 9].

В ходе предвыборной кампании углубилась поляризация политических сил на этносоциальной основе. В октябре 1985 г. на базе ААСУ, ААГСП и других националистических организаций возникла региональная партия Ассам гана паришад — АГП (Ассамский народный совет), а вслед за ней сформировался Объединенный фронт меньшинств (ОФМ). Образование этих двух региональных партий серьезно подрывало социальную базу общендийских партий, влияние которых за годы массового движения неуклонно снижалось. Это подтвердили результаты выборов, состоявшихся 16 декабря 1985 г.: из 125 мест АГП получила 71, ИНК(И) — 25, ОФМ — 17, Совет равнинных племен Ассама — СРПА и ИНК(С) — по 3, КПИ(м) — 2; 5 мандатов досталось независимым кандидатам. В парламент (14 мест) было избрано 7 кандидатов АГП, 4 от ИНК(И), по 1 от ОФМ, СРПА и ИНК(С). На парламентских выборах за ИНК(И) проголосовало лишь 24% голосовавших, т. е. в два раза меньше, чем на любых выборах периода 1952—1977 гг., а кандидаты АГП получили 33,5% голосов. Получив более половины мест в легислатуре, АГП образовал однопартийное правительство.

Распределение голосов между крупнейшими партиями показывает, что АГП пользуется поддержкой не только среди ассамцев, но и среди значительной части электората восточнобенгальского происхождения. Очевидно, предпочтение избирателей не-ассамского происхождения АГП объясняется тем, что партии и организации, вошедшие в его состав, в ходе кампании за выдворение «иностранцев» продемонстрировали свою силу и, главное, способность парализовать деятельность администрации и деловую жизнь штата, в то время как престиж ИНК(И) резко упал в период пребывания у власти беспомощных и непопулярных правительств Анвары Таймур и К. Ч. Гогоя (1981—1982) и вследствие драматических событий весной 1983 г. Признание населением АГП как единственной силы, способной восстановить нормальную жизнь в штате, было важным фактором, обеспечившим успех партии на выборах, и имеет определенные параллели с исходом выборов 1985 г. в Пенджабе. Однако, как показал последовавший период, АГП в отличие от Акали дал в целом успешно приступила к управлению штатом и смогла положить конец беспорядкам.

Жизнеспособности АГП как правящей партии в значитель-

ной степени содействует платформа секуляристского национализма, что в большей или меньшей степени делает ее приемлемой для конфессиональных меньшинств, и в частности для тех групп населения, которые заинтересованы в получении статуса полноправных граждан. Необходимость поддержки со стороны давних переселенцев играет существенную роль в политике, проводимой АГП: в противоборстве с ИНК(И) партии приходится занимать менее жесткую позицию по отношению к мигрантам и, учитывая их конфессиональный состав, строго придерживаться принципов секуляризма. ИНК(И) к середине 80-х годов лишился поддержки ассамцев и значительной части восточнобенгальцев и, в сущности, стал партией «коренных» бенгальцев, преимущественно индусов, переселившихся в Ассам в колониальный период или издавна живших в западных дистриктах штата. Однако весьма маловероятно, чтобы такая расстановка сил сохранялась длительное время. В перспективе Конгресс (И) может привлечь на свою сторону часть избирателей, проголосовавших в 1985 г. за АГП, и в итоге может сложиться определенное равновесие основных политических сил, при котором исход выборов определяется разницей в несколько процентов голосов или соглашениями с партиями второго эшелона.

Под углом зрения политического развития возникновение и приход к власти АГП отражает институционализацию этнополитических противоречий и их перевод в плоскость партийно-политического противоборства. До тех пор пока ИНК безраздельно доминировал на политической арене штата и представлял собой коалицию основных социальных (в том числе этносоциальных) сил, межэтнические конфликты происходили преимущественно вне рамок формальной партийно-политической структуры и не оказывали на нее заметного воздействия. Движение за выдворение «иностранцев» также первоначально возникло вне этой структуры, но за несколько лет затяжного кризиса оно вскрыло ее функциональную неадекватность и подготовило почву для ее радикальной трансформации. В итоге новая партийно-политическая система, оформившаяся в 1985 г., более полно отражает соотношение основных этносоциальных сил и теснее связана со всей структурой общества, чем предшествовавшая ей система однопартийного доминирования.

Сложившуюся в Ассаме нынешнюю партийно-политическую систему можно рассматривать как политический компромисс и следствие урегулирования кризиса. Руководство движения пошло на уступку союзному правительству и значительной части «иностранцев», приняв в качестве дат отсчета 1971 и 1966 гг., что косвенно способствовало победе АГП на выборах и открыло ей доступ к власти в качестве компенсации. В итоге проблема «иностранцев» решена — в контексте первоначальных требований движения — лишь отчасти, и пока что только на бумаге, так как конкретная работа по выявлению «иностранцев» автома-

тически перешла в ведение правительства АГП, которому приходится считаться с политическими следствиями своих акций и поддерживать нормальные рабочие отношения с союзным правительством. Таким образом, механизм буржуазной демократии сыграл в ассамском кризисе роль предохранительного клапана, заменив (хотя и с большой задержкой) практически неразрешимую проблему — депортацию нескольких миллионов человек — ординарным и более простым вопросом политической власти. Эффективность подобного преобразовательного процесса следует рассматривать как важный показатель способности политической системы к саморегулированию. Затяжной же и болезненный характер кризиса 1979—1984 гг., т. е. замедленную реакцию системы и необходимость такого толчка, каким стали кровавые события в период выборов 1983 г., можно рассматривать как проявление политической культуры комбинированного полиэтнического общества, медленно и с трудом усваивающего правила и нормы более развитой, формирующейся политической системы.

Экстремизм и сепаратизм в Трипуре

Межэтнические отношения в северо-восточном штате Трипура отличаются особой сложностью и напряженностью ввиду того, что Трипура — один из двух штатов (наряду с Сиккимом), в котором вследствие интенсивной иммиграции местное население превратилось в малочисленное меньшинство.

Равнинные районы княжества Трипура еще в колониальный период стали центром притяжения для крестьян из соседних округов Бенгалии. Если в других районах СВИ численность населения за период 1901—1941 гг. увеличилась в среднем в полтора раза, то в Трипуре она возросла в три раза — с 173,3 тыс. до 513 тыс., а в последовавшие сорок лет — еще в четыре раза и достигла в 1981 г. 2047,4 тыс. человек. Примерно $\frac{2}{3}$ населения сосредоточено в равнинной части, где плотность населения достигает 325 человек на 1 кв. км, т. е. примерно равняется, а если учесть крайне невысокий удельный вес городского населения (11%), то значительно превосходит сходные показатели таких густонаселенных стран, как Нидерланды и Бельгия.

По степени аграрной перенаселенности, удельному весу безземельных сельскохозяйственных рабочих и чрезвычайно мелких хозяйств (около половины из них составляют участки менее 0,3 га) и уровню безработицы Трипура резко выделяется среди остальных штатов СВИ и напоминает скорее соседний Бангладеш. Возможности решения этих проблем крайне ограничены ввиду чрезвычайно скудных природных ресурсов; хотя в сельской местности сосредоточено 89% населения Трипуры, штат не обеспечивает себя продовольствием. Положение усугубляется тем, что хозяйство Трипуры было ориентировано преи-

мущественно на восточнобенгальские округа, отошедшие в 1947 г. к Пакистану. За годы независимости шоссейные дороги и железнодорожная ветвь соединили Трипуру с Ассамом, однако в целом в экономическом отношении штат еще относительно слабо интегрирован в хозяйственную структуру Индии.

В результате массового притока восточнобенгальцев удельный вес автохтонного населения (племена трипури, или типпера, и далеко уступающие им по численности реанг, джаматия и др.) снизился к 1971 г. до 28,95% населения. Бенгальцы не только доминируют во всей хозяйственной, общественной и политической жизни штата, но и оттеснили местные племена в наименее благоприятные для хозяйственной деятельности горные районы, покрытые редкими лесами и кустарником. В результате в пределах небольшой территории сложились два четких хозяйственно-культурных типа: плужного земледелия бенгальцев, монополюно господствующих также в небольшом современном секторе, и переложного земледелия местных племен.

Это различие между горными и равнинными районами играет ключевую роль в процессе этнополитического развития Трипуры, отодвигая на второй план социально-классовые, религиозные и прочие различия. Размежевание на компактной территории двух разнотипных общностей проявляется в особенностях расселения, культуры и образа жизни, в политике. Несмотря на конфессиональные и социально-классовые различия, бенгальцы Трипуры представляют этническую общность, достигшую высокой степени консолидации и тяготеющую к бенгальскому этносу Западной Бенгалии.

Процессы поляризации социально-политических сил в обоих штатах также имеют много сходства: ведущими политическими силами являются коммунисты, главным образом КПИ(м), и Конгресс. Однако в Трипуре ситуация осложняется межэтническими противоречиями и важную роль в политической жизни играют воинствующая коммуналистская организация Амра бангали («Мы — бенгальцы») и экстремистские политические организации автохтонного населения. Горные племена, оказавшись в положении меньшинства, проявляют тенденцию к сближению между собой, а политически сознательная часть населения, прежде всего образованная молодежь, в течение многих лет направляет свои усилия к тому, чтобы сплотить племена на общей политической платформе, в совместной борьбе за свои экономические и социальные права. Положение племен Трипуры в целом аналогично положению племен внутренних районов Индии; они в основном индуизированы (около 88% населения; исключение составляют буддисты чакма и немногочисленные христиане гаро и мизо), главная же их проблема — обезземеливание. Однако в отличие от племен внутренних районов они расселены компактно и подвержены воздействию «демонстрационного эффекта» соседних малых народов (нага, кхаси, гаро, мизо), добившихся автономии.

Естественный процесс индуистской аккультурации племен как начальной стадии ассимиляции ощутимо замедлился с начала 70-х годов и отразился на политической ориентации автохтонного населения. В прошлом племенные жители на выборах голосовали за кандидатов крупнейших партий, особенно за коммунистов: на выборах 1972 г. 12 мест из 19, выделенных для представителей племен в законодательном собрании (всего 60 мест), получили КПИ(м) и 7 — ИНК, который получил большинство голосов бенгальцев и сформировал правительство штата.

Последовавшие действия властей, в особенности решение узаконить все земельные сделки, совершенные до 1969 г., и резервировать еще около 8,8 тыс. кв. км «племенной территории», принятые в интересах бенгальского большинства, вызвали резкое недовольство среди племен. В 1974 г. политические организации племен — Трипура упаджати джуба самити — ТУДС (Молодежная организация коренных жителей Трипуры), Ганамукти паришад (Совет народного освобождения), Федерация племенных студентов, Федерация демократической молодежи, до этого не проявлявшие большой активности, образовали объединенный комитет и потребовали отмены этих решений. В ходе массовых демонстраций протеста были выдвинуты лозунги признания языка кокборок в качестве официального, перевода языков меньшинств с бенгальской на латинскую графику, образования автономного округа в рамках VI приложения к конституции. Ведущей силой формировавшегося автономистского движения была ТУДС, которая, наподобие ВКГЛ на начальном этапе ее деятельности, включала различные партийные группировки.

КПИ(м) не поддержала требований племен, а раздираемое внутренними склоками правительство ИНК в обострившейся обстановке приняло крайне несвоевременное решение — сократить до 17 число мест, зарезервированных за племенами в законодательной ассамблее. В ответ ТУДС объявила о своем намерении начать вооруженную борьбу, если требования племен не будут удовлетворены. Сепаратистские угрозы дали повод властям, чтобы арестовать 28 племенных лидеров (октябрь 1974 г.).

Главным следствием периода чрезвычайного положения и последовавшего периода нестабильности, завершившегося падением правительства ИНК и двух коалиционных правительств Джаната парти — КПИ (м), был резкий сдвиг влево. На выборах в законодательное собрание штата, состоявшихся в декабре 1977 г., участвовало 79,5% избирателей, что само по себе было беспрецедентным. КПИ(м) получила 36,65% голосов, ИНК — 13,85, Джаната парти — 8,15, Конгресс за демократию (КЗД) — 6,95, ТУДС — 6,06, КПИ — 0,85% [Линк. 09.01.1983, с. 10]. 56 мест завоевали кандидаты Левого фронта (ЛФ), возглавляемого КПИ(м), и 4 мандата достались ТУДС.

Создание правительства Левого фронта, поддерживавшего основные требования племенного населения, создавало определенные предпосылки для решения межэтнического конфликта в штате. Правительство Трипуры изъявило готовность предоставить племенным районам автономию в рамках VI приложения, но это решение было блокировано премьер-министром Морарджи Десаи, предложившим решать вопрос исключительно в рамках VII приложения, определяющего компетенцию штатов. В результате после переговоров с ТУДС, 26 марта 1979 г. законодательное собрание Трипуры единогласно одобрило Закон о совете автономного округа племенных районов. Хотя подобная форма автономии значительно уже, чем самоуправление в рамках VI приложения, ТУДС, столкнувшись с отрицательной реакцией оппозиционных партий, была вынуждена согласиться на подобное компромиссное решение.

Даже эти ограниченные уступки племенам вызвали демонстрации протеста, которые были организованы коммуналистскими организациями Амра бангали, Апаанда марга и РСС. В июне 1979 г. в столкновениях между членами Амра бангали, насчитывающей в штате около 20 тыс. человек, и коммунистами было убито 19 человек, нанесен значительный материальный ущерб.

Активизация бенгальских шовинистов и меры правительства Левого фронта, направленные на улучшение положения племен, вызвали раскол внутри ТУДС между умеренными лидерами и экстремистами. Уже осенью 1979 г. входившая в состав ТУДС группировка под названием Организация национальных добровольцев племен Трипуры выдвинула лозунг о создании независимого государства путем вооруженной борьбы и, установив контакты с сепаратистами мизо, отправила группу из 60—65 человек для военной подготовки в лагерь Национального фронта мизо (НФМ) в Бангладеш [Индиан экспресс. 04.11.1979]. Так автономистское движение в Трипуре — когда стало ясно, что задача достижения самоуправления, хотя бы в рамках VI приложения, недостижима — трансформировалось в сепаратистское, а это, в свою очередь, содействовало возрастанию агрессивности бенгальских шовинистических организаций. Межэтнические столкновения между племенами и бенгальцами достигли апогея в июне 1980 г.: в беспрецедентной для независимой Индии резне погибло, по разным данным, от 1,5 тыс. до 2,5 тыс. человек и примерно 250 тыс. человек были вынуждены искать укрытия в специальных охраняемых лагерях [Хиндустан таймс. 09.09.1980]; 1942 человека, включая руководителей ТУДС, были арестованы [Индиан экспресс. 16.09.1980]. Это был самый крупный по численности жертв межэтнический конфликт за все годы независимости.

После этих событий ТУДС вновь потребовала предоставления автономии в рамках VI приложения и, следуя примеру ассамцев, выдворения из штата всех «иностранцев», преимуще-

ственно восточнобенгальцев, поселившихся в Трипуре после 15 октября 1949 г. [Пэтриот. 22.10.1980]. В штате начались массовые беспорядки.

В условиях чрезвычайно напряженной и сложной обстановки в штате местное отделение ИНК(И) сосредоточило свои усилия на том, чтобы добиться смещения правительства Левого фронта, и пошло на сближение с ТУДС, в то время как другие фракции партии пытались наладить связи с Амра бангали [Индиян экспресс. 28.07.1981]. Конгресс (И) бойкотировал выборы в совет автономного дистрикта, состоявшиеся 3 января 1982 г.

Эти выборы имели ключевое значение, так как их результаты должны были отразить влияние КПИ(м) и ТУДС в автономном районе (территория 7,3 тыс. кв. км, население 0,7 млн., из них 28% — бенгальцы). Кандидаты Левого фронта одержали убедительную победу, завоевав 21 место из 28 и набрав 61% голосов, ТУДС, за кандидатов которой проголосовало 39% избирателей, заняла остальные 7 мест [Амрита базар патрика. 12.01.1982]. Учитывая этнический состав населения округа, ТУДС и КПИ(м) пользовались примерно одинаковым влиянием среди племен, что следует рассматривать как показатель чрезвычайно быстрого роста популярности ТУДС.

Тем не менее поражение этой партии на выборах способствовало усилению активности экстремистов в штате: в последовавшие после выборов недели было убито или похищено более десяти человек, активно действовали мятежники мизо, одна из главных баз которых расположена в горах Джампуй на северо-востоке Трипуры, населенном преимущественно христианами мизо. Армия народного освобождения Трипуры (АНОТ), заменившая Организацию национальных добровольцев, в мае 1982 г. направила премьер-министру Индиру Ганди, министру внутренних дел Заилу Сингху и местным властям письмо, в котором сообщала о своем намерении добиться создания собственного суверенного государства [Таймс оф Индия. 28.05.1982]. Примерно в то же время подпольная АНОТ сообщила о формировании «революционного правительства» «народной республики Трипуры», возглавляемого известным экстремистом Бинанда Джамата [Индиян экспресс. 29.10.1982]. По оценкам наблюдателей, общая численность экстремистов была крайне невелика — всего около 300 — однако при неэффективной работе полиции они были в состоянии держать в страхе значительную часть населения штата, прежде всего бенгальцев.

Политическая обстановка в штате была неблагоприятной для разрешения межэтнического конфликта. Раздираемая фракционной борьбой, местная организация ИНК(И) тем не менее стремилась вернуться к власти и с санкции центрального руководства партии заключила предвыборное соглашение с ТУДС о распределении мест. Центральной темой выступлений премьер-министра Индиры Ганди, посетившей Трипuru накануне выборов, была угроза национальному единству Индии, источники

которой она видела в «фашистских силах наподобие РСС и БДП, с одной стороны, и марксистах, не верящих в культуру Индии», обучающих новое поколение «истории СССР и Китая, а не истории Индии» и поддерживающих сепаратистов — с другой [Хиндустан таймс. 22—23.12.1982].

В итоге выборов Левый фронт лишился 19 мест в законодательном собрании, но сохранил большинство (37 из 60), ИНК(И) завоевал 12 мест, ТУДС — 6, остальные три мандата достались «независимым» кандидатам [Стэйтсмен. 08.01.1983].

Исход выборов был истолкован как крупная победа ИНК(И), так как в старой легислатуре партия не имела ни одного своего представителя, и падение популярности Левого фронта. Однако анализ полученных голосов дает иную картину. По сравнению с выборами 1978 г. ИНК(И) потерял почти 10% голосов (с 37 до 27,8%), в то время как доля голосов, поданных за кандидатов ЛФ, возросла с 40 до 53,3% (в том числе за кандидатов КПИ(м) с 37,5 до 50,4%). Успех ИНК(И) оказался возможным благодаря соглашению с ТУДС, которая получила 10,7% голосов и заметно укрепила свои позиции.

В известной мере поляризация политических сил в Трипуре имеет значительное сходство с политическими процессами, происходящими в Западной Бенгалии: соперничающими партиями в обоих штатах стали КПИ(м) и ИНК(И); первая из них обладает значительно более широкой электоральной базой, деятельность же последней в значительной степени сковывается внутрипартийными склоками и фракционной борьбой. Отличительной чертой, обусловленной этнической ситуацией в Трипуре, является формирование региональной партии, имеющей поддержку среди значительной части избирателей этнических меньшинств. Но ее положение как третьей силы и неспособность эффективно соперничать в борьбе даже в пределах автономного округа при высоком накале этносоциальных противоречий оставляет место для деятельности экстремистских нелегальных организаций.

Немаловажным в индийских условиях достижением является стабильность правительства Левого фронта. Правительство, возглавляемое Н. Чакраборти, было первым правительством, действовавшим полный срок (5 лет) с момента преобразования Трипуры в штат: предшествовавшие конгрессистские правительства распадались вследствие фракционной борьбы и создавались вновь по указанию центрального руководства партии. Победой Левого фронта закончились и выборы 1987 г.

Экономическое положение Трипуры остается тяжелым. Хотя капиталовложения на душу населения за период с 1972/73 по 1981/82 г. выросли более чем в четыре раза (с 51 рупии до 222 рупий), доход на душу населения увеличился за этот же период незначительно (с 540 до 558 рупий), а доля жителей, находящихся ниже официальной черты бедности, снизилась лишь на 2% и составила 82%. По индексу экономического раз-

вития — 34 (Индия = 100) Трипура заметно отстает даже от соседних северо-восточных штатов — Ассама (58) и Нагаленда (50). За период 1971—1981 гг. заметно сократилось число крестьян (с 54,4 до 43,57%) и соответственно возрос удельный вес сельскохозяйственных рабочих (с одной пятой до одной четвертой самодеятельного населения); число безработных выросло более чем в два раза и достигло в 1980 г. 80 тыс. человек [Экономик. 09.06.1983]. Лишь на 0,5% за десятилетие увеличилась доля городского населения, и по этому показателю Трипура занимает предпоследнее место в Индии.

Повстанческое движение в Трипуре с конца 70-х годов по характеру сходно с подпольным движением нага. Оно имеет черты левого экстремизма, в движении происходят расколы и воссоединения, отдельные главари со своими последователями добровольно сдаются властям (например, Бинанда Джаматия, руководитель Всетрипурской народно-освободительной армии, созданной в декабре 1980 г., в июле 1983 г. сдался вместе с группой из 190 человек). Иногда полиции и войскам удается схватить отдельных вожakov. Однако мятежники, базирующиеся в джунглях соседнего Бангладеша, продолжают набеги на территорию Трипуры, совершают убийства, тем самым поддерживая напряженную обстановку в штате.

Индийские наблюдатели отмечают, что значительная часть автохтонного населения относится с симпатией к сепаратистам и экстремистам. «Парни из племен поклоняются подпольным лидерам как героям. Склонные к приключениям и романтике, они находят привлекательным образ вооруженных, неуловимых партизан. Если бы мы могли получить автономию в рамках VI приложения, этим удалось бы решить многие проблемы. Именно по этой причине мы блокировались с Конгрессом (И), и по этой же причине мы оставили свои требования, касающиеся депортации иностранцев», — резюмировал ситуацию председатель ТУДС Будда Дев Барма [Сандэй. 29.01.1983].

Сохранение этносоциальных противоречий между бенгальским большинством и племенами оказывает воздействие на ход этнических процессов в Трипуре, укрепляя групповую солидарность меньшинств и их интеграцию в рамках квазиэтнической группы, и во многом определяет расстановку социально-политических сил. Ослабление межэтнической напряженности в штате возможно лишь при расширении автономии меньшинств и по мере роста классового самосознания. Правящая в штате КПИ(м) учитывает это. Если позиция центрального правительства будет более конструктивной и не столь зависимой от притязаний местных конгрессистов, КПИ(м) сможет удовлетворить основные требования автохтонного населения и тем самым стабилизировать обстановку в этом пограничном штате.

В течение последних двух веков, и в особенности после провозглашения независимости в 1947 г., политическая система Индии эволюционировала в значительной степени под воздействием комплекса этнонациональных факторов и претерпела очень существенные изменения. Это был длительный, сложный и противоречивый процесс, во многом определивший ход и особенности освободительного движения народов Индии, а после достижения независимости — политического развития страны.

Основные направления этнических процессов и контуры современной этнической ситуации в Индии определились в колониальный период вследствие политического объединения страны (хотя и неполного), развития экономики и товарных отношений, культурного возрождения народов Индии и совместной борьбы против британского колониализма. Противоречивость колониальной интеграции — создание единого рынка и усиление межрайонных связей, формирование современного государственного аппарата, введение западной системы образования, централизация управления, с одной стороны, и сохранение феодальных анклавов (княжеств), усиление неравномерности развития отдельных районов, сознательное разжигание межэтнических и общинно-религиозных конфликтов — с другой, — была главным фактором, определившим соотношение центробежных и центростремительных сил в масштабах субконтинента.

Мощным средством сплочения стали освободительное движение и идеология всеиндийского национализма, превалировавшего в колониальных условиях над локальным национализмом отдельных народов. Однако по мере расширения социальной базы освободительного движения секуляристский национализм подвергся сильному воздействию традиционных установок и представлений и приобрел религиозную окраску. Соединение религии и политики обусловило возникновение теории «двух наций» — индусской и мусульманской, углубление конфликта между крупнейшими религиозными общинами и движение за создание независимого мусульманского государства — Пакистана. Обострение индусско-мусульманских отношений на заключительном этапе освободительного движения усилило этнодивергентные тенденции среди крупнейших народов субконтинента (бенгальцев, пенджабцев, отчасти — этнографической общности хиндустанцев) и привело в конечном счете к разделу колонии на два независимых государства.

В то же время конфликт между индусами и мусульманами

содействовал ускорению процессов межэтнической интеграции и укреплению групповой солидарности среди индусского большинства и подготовил почву для создания централизованной федерации. Есть основания предполагать, что решение индусско-мусульманского конфликта путем раздела при том соотношении этносоциальных сил, которое сложилось в 30-е — первой половине 40-х годов, обеспечило более высокую степень единства Индии и послужило одной из важных предпосылок стабильности демократического режима. Создание единого демократического государства на большей части субконтинента в любом случае было великим достижением освободительного движения и имело большое внутривнутриполитическое и международное значение.

Особенности сложившейся в момент провозглашения независимости политической системы (в том числе доминирующее положение одной партии, федеративное государственное устройство, закрепленное через несколько лет конституцией) и политический режим выражали скорее консенсус между социально-политическими силами пришедшей к власти коалиции (Индийского национального конгресса), нежели гетерогенный, комбинированный характер индийского общества, существенные блоки которого, включая этносы, еще не оказывали влияния на преимущественно элитарный политический процесс. Иными словами, созданная после достижения независимости политическая система была значительно более буржуазной и «современной», чем архаичная и аморфная структура традиционного в своей основе общества.

Потребность режима в расширении своей социальной базы, связанная с решением стратегических и тактических задач, процесс дальнейшей политической мобилизации народов и стремление локальных элит приобщиться к власти и упрочить свое положение определили и саму тенденцию к преодолению этой биполярности, и конкретные формы ее проявления. Руководство страны, действуя в рамках реформистской политики, пыталось ограничиться ликвидацией таких средневековых анахронизмов, как княжества и землевладение типа заминдари, опасаясь, что более радикальные преобразования могут привести к дестабилизации обстановки в стране и/или распаду правящей коалиции. При этом оно фактически игнорировало и свое обещание, сформулированное в период освободительной борьбы (1920 г.), создать этнически гомогенные провинции и требования этнолокальных элит о немедленном проведении соответствующих реформ, которые открыли бы для них доступ к власти на провинциальном уровне.

Тесная взаимосвязь между политико-административным делением и вопросом о власти обуславливалась тем, что в полиэтнических провинциях значительные этносоциальные сегменты оказались в положении дискриминируемых меньшинств, а острые межэтнические противоречия позволяли центральному пра-

вительству и партийному руководству выступать в роли арбитра и тем самым осуществлять мелочный контроль над штатами. Массовые автономистские движения и ощутимые поражения ИНК на выборах в первой половине 50-х годов вынудили руководство страны пойти на уступки: в результате реформ 1956, 1960 и 1966 гг. в основном была завершена реорганизация штатов, и все крупные народы Индии добились национально-территориальной автономии. Это было крупным достижением демократических автономистских движений и следствием становления этносов как субъектов политики.

Реорганизация федерации не коснулась малых народов и так называемых племен, которые из-за своей малочисленности и/или дисперсного расселения на территории различных штатов были не в состоянии оказывать эффективное давление на союзное правительство. Среди периферийных малых народов Северо-Восточной Индии, в прошлом не участвовавших в освободительной борьбе и слабо интегрированных в общеиндийскую социально-политическую структуру, возникли сепаратистские движения, имевшие в отдельных этноареалах (нага, мизо) массовую базу. Дестабилизация обстановки в уязвимом пограничном районе (это убедительно доказал вооруженный пограничный конфликт с Китаем в 1962 г.) заставила руководство страны пересмотреть свою концепцию «лингвистических», т. е. национальных, штатов и поэтапно (1962, 1971, 1987 гг.) образовать в этом регионе шесть новых штатов с численностью населения от 0,5 до 2 млн. человек. В итоге число субъектов федерации возросло с 14 в 1956 г. до 25 в 1987 г. (включая Сикким — бывший протекторат, вошедший в состав Индии в 1975 г.), и политико-административное деление Индии, за исключением отдельных небольших анклавов и этноареалов малых народов во внутренних районах страны, в целом было приведено в соответствие с этнической картой.

Территориальная реорганизация радикальным образом изменила содержание индийского федерализма, обеспечив самоуправление и самоопределение в рамках конституции всем крупным и консолидирующимся малым народам и создав более благоприятные условия для их всестороннего развития. В целом этот комплекс реформ ослабил остроту конфликтов (в данном случае — межэтнических) и тем самым содействовал стабилизации демократического режима. Реформы федеративной системы обеспечили защиту национальных интересов народов, в основном удовлетворили требования средних слоев о перераспределении власти и значительно ускорили их социально-политическую интеграцию в рамках политической системы общества. Они существенно способствовали расширению социальной базы демократического режима и, следовательно, преодолению дихотомии между современной политической надстройкой и традиционным (гетерогенным) обществом.

Относительно безболезненная (в масштабах страны) рефор-

ма федеративной системы продемонстрировала способность политической системы к самоурегулированию конституционными средствами, без вмешательства военных, столь характерного для большинства развивающихся стран. Однако и в Индии эволюция политической системы не была гладким, однолинейным процессом. Реформы государственного устройства, по существу, вели к децентрализации управления, так как в штатах возрастала гомогенность электората и доминирующих групп и соответственно возрастала их способность отстаивать групповые локальные интересы. Несоответствие между однопартийным (централизованным) правлением и федеративным устройством, впервые проявившееся в открытой форме во второй половине 60-х годов, стало одним из центральных противоречий политической системы и во многом определило ее дальнейшую эволюцию.

Конгресс как правящая партия был поставлен перед дилеммой: либо предоставить большую самостоятельность своим провинциальным отделениям и превратиться в своеобразную федеративную партию, либо шире использовать авторитарные методы правления и максимально сдерживать рост локального партикуляризма. Обострение борьбы внутри Конгресса и раскол партии в 1969 г. исключили возможность уступок его провинциальным отделениям, и авторитарные тенденции в ИНК заметно усилились: об этом свидетельствуют бесконечные отсрочки проведения внутрипартийных выборов, перетасовки руководства и правительства, практика назначения руководящих органов на местах (провинциальных и окружных комитетов, главных министров в штатах), участвовавшие случаи смещения правительств и введения президентского правления в штатах.

Наступление на автономию штатов, достигшее пика в 1976—1980 гг. (принятие 43-й поправки к конституции, резко ограничившей их права, а также роспуск законодательных собраний ряда штатов), их превращение в «почетные муниципалитеты» ускорили формирование локального национализма, отход от Конгресса значительной части электората. В условиях общего роста социальной напряженности это способствовало укреплению региональных, а в некоторых штатах — левodemократических партий. Вне пояса хинди и еще нескольких штатов (Гуджарат, Махараштра, Орисса) оппозиционные, преимущественно региональные, партии стали альтернативой правлению Конгресса. Падение влияния ИНК в национальных штатах — наиболее явная тенденция развития политической системы Индии: Конгресс, в начале 50-х годов стоявший у власти во всех штатах, во второй половине 80-х годов является оппозиционной партией практически в половине штатов Союза.

Сложившаяся расстановка социально-политических и этносоциальных сил во многом определяет платформу, стратегию и тактику различных партий. В частности, можно отметить, что сужение этносоциальной базы ИНК(И) вынуждало руководст-

во партии прибегать в электоральной борьбе к религиозно-общинным мотивам и лозунгам охраны единства Индии, а региональные партии в отдельности и вместе добиваются расширения автономии штатов. Важнее, однако, другое: сдвиги в расстановке социально-политических сил отражают процесс сближения политической системы и гетерогенного, полиэтнического общества. Развитие конкретных компонентов политической системы индийского общества в период независимости со всей очевидностью показывает, что этот процесс далеко продвинулся (хотя и не завершен) и центральную роль в нем играют этносоциальные силы, выражающие интересы отдельных этносов. Эволюция и усложнение политической системы, интегрирующей разнотипные компоненты, в конечном счете способствуют упрочению демократического режима и единства полиэтнического, многонационального государства.

Исследование этнополитического развития Индии, или взаимодействия этнической ситуации и политической системы общества, позволяет определить предпосылки успешного решения национальных проблем полиэтнических стран.

Во-первых, это создание эффективного механизма регулирования межэтнических конфликтов, повышающего способность политической системы к саморегулированию и, следовательно, ее устойчивость. Многопартийная система, демократические выборы и федеративное устройство в целом обеспечивают возможности для выявления, учета и охраны интересов отдельных народов и индийской гражданско-политической общности.

Во-вторых, это способность политической системы учитывать интересы тех этнических групп, которые из-за своей малочисленности не в состоянии оказать влияние на общенациональные представительные институты, но в то же время могут дестабилизировать обстановку в отдельных районах страны.

В-третьих, это близость или, точнее, однотипность политических культур народов полиэтнического государства, в особенности признание общих социально-политических норм и ценностей, представлений о власти, путях ее достижения и использовании. Прежде всего общностью политической культуры объясняется отсутствие центростремительных тенденций среди крупных народов Индии и, наоборот, ее разнотипность обусловила сепаратистские движения периферийных неиндусских народов.

В-четвертых, это решение проблемы межрегиональных социально-экономических различий и связанной с ней проблемы внутренних миграций. В отличие от остальных предпосылок, социально-экономические проблемы при наличии ресурсов можно решить в короткие сроки.

Соотношение центростремительных и центробежных тенденций в полиэтническом государстве зависит в конечном счете от наличия или отсутствия перечисленных предпосылок. Поэтому в Индии есть этнонациональные проблемы, но нет реальной опасности дезинтеграции.

- Маркс, Энгельс.— *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е. Ленин.— *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений.
- Агеев, 1986.— *Агеев В. Ф.* Новейшая история Синда. М., 1986.
- Азад, 1961.— *Азад А. К.* Индия добивается свободы. М., 1961.
- Азарх, 1979.— *Азарх А. Э.* Государственные служащие Индии. М., 1979.
- Алаев, 1981.— *Алаев Л. Б.* Сельская община в Северной Индии. Основные этапы эволюции. М., 1981.
- Аласв, 1985.— *Алаев Л. Б.* Функционирование кастовой системы.— Индия 1983. Ежегодник. М., 1985.
- Алам, 1983.— *Alam J.* Dialectics of Capitalist Transformations and National Crystallization. The Past and Present of National Question in India.— *Economic and Political Weekly. Review of Political Economy.* 1983, January.
- Аллана, 1967.— *Allana G. (ed.).* Pakistan Movement. Historic Documents. Karachi, 1967.
- Антонова, 1958.— *Антонова К. А.* Английское завоевание Индии в XVIII веке. М., 1958.
- Антонова, Бонгард-Левин, Котовский, 1979.— *Антонова К. А., Бонгард-Левин Г. М., Котовский Г. Г.* История Индии. М., 1979.
- Аппадурай, 1981.— *Appadurai A.* Worship and Conflict Under Colonial Rule: A South Indian Case. Cambridge etc., 1981.
- Арора, 1972.— *Arora B.* Spécificité ethnique, conscience régionale et développement national: langues et fédéralisme en Inde. Paris, 1972.
- Ассам.— *Assam Events in Perspective.* New Delhi, [6. г.].
- Атал, 1971.— *Atal Y.* Local Communities and National Politics. A Study in Communications and Political Involvement. Delhi, 1971.
- Ашрафян, 1983.— *Ашрафян К. З.* Средневековый город Индии. XIII — середина XVIII в. (Проблемы экономической и социальной истории). М., 1983.
- Баведжа, 1982.— *Baveja J. D.* The Horizons of North-East. Gauhati, 1982.
- Бандопадхьяй, 1982.— *Bandopadhyay P. K.* Press in North-Eastern Region: A Review.— *Yojana*, 1982, vol. XXVI, № 14—15.
- Банерджи А. Ч., 1961.— *Banerjee A. C. (ed.).* Indian Constitutional Documents. Vol. 1. Calcutta, 1961.
- Банерджи, Бос, 1946.— *Banerjee A. C., Bose D. R.* The Cabinet Mission in India. Calcutta, 1946.
- Банерджи К., 1985.— *Banerjee K.* Role of Regional Parties in Orissa.— см. Падхи, 1985.
- Бардхан, 1976.— *Bardhan A. B.* The Tribal Problem in India. [Б. м.], 1976.
- Бардхан, 1982.— *Bardhan A. B.* The Impact of Changes on Tribal People.— Link. 15.08.1982.
- Баре, 1974.— *Bareh H.* Meghalaya. Shillong, 1974.
- Барнетт, 1976.— *Barnett M. B.* The Politics of Cultural Nationalism in South India. Princeton, 1976.
- Барпуджари, 1970.— *Barpujari H. K.* Problem of the Hill Tribes of the North-East Frontier 1822-42. Vol. 1. Gauhati, 1970.
- Баруа, 1972.— *Barua K. C.* Critical Days of Assam. Gauhati, 1972.
- Басу, 1986.— *Басу Д. Д.* Основы конституционного права Индии. М., 1986.
- Бахадур, 1954.— *Bahadur L.* The Muslim League. Its History, Activities and Achievements. Agra, 1954.
- Безант, 1942.— *Besant A.* The India that Shall Be. Madras, 1942.
- Берншторфф, 1985.— *Bernstorff D.* Region als politisches Bewußtsein. Intrare-

- гionale, soziale und politische Konflikte am Beispiel des Bundeslandes Andhra Pradesh.— см. Кульке, Потермунд, 1985б.
- Бернье, 1916.— *Bernier F.* Travels in the Moghul Empire. A. D. 1556—1668. L., 1916.
- Бетей, 1977.— *Beteille A.* The Definition of a Tribe.— см. Тханар, 1977.
- Блант, 1909.— *Blunt W. S.* Ideas about India. L., 1909.
- Бомбвалл, 1967.— *Bombwall K. R.* The Foundations of Indian Federalism. N. Y., 1967.
- Бонгард-Левин, 1980.— *Бонгард-Левин Г. М.* Древнеиндийская цивилизация. Философия. Наука. Религия. М., 1980.
- Бонгард-Левин, Ильин, 1969.— *Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф.* Древняя Индия. Исторический очерк. М., 1969.
- Бос Н. С., 1976.— *Bose N. S.* Indian Awakening and Bengal. Calcutta, 1976.
- Бос Н. С., 1981.— *Bose N. S.* Racism, Struggle for Equality and Indian Nationalism. Calcutta, 1981.
- Бос П. Н., 1894.— *Bose P. N.* A History of Hindu Civilization during British Rule. Vol. 2. Calcutta, 1894.
- Брасс, 1974.— *Brass P. R.* Language, Religion and Politics in North India. L.— N. Y., 1974.
- Бречер, 1969.— *Brecher M.* Nehru. A Political Biography. Bombay, 1969.
- Бромлей, 1983.— *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М., 1983.
- Бхатия, 1977.— *Bhatia H. S.* (ed.). Military History of British India (1607—1947). New Delhi, 1977.
- Бхатнагар, Верма, 1981.— *Bhatnagar S., Verma P. S.* Coalition Governments (1967-80).— The Punjab Journal of Politics. Amritsar, 1981, vol. V, № 1.
- Бхаттачарджи.— *Bhattacharjee A. K.* Political Evolution of Nagaland (1945—1965). Calcutta, [6. г.].
- Бхаттачарья, 1982.— *Bhattacharya B. K.* Assam Movement — Background of History.— Man and Development. New Delhi, 1982, vol. IV, № 3.
- Бхушан, 1983.— *Bhushan B.* The Punjab Business. Rich Farmers bid for Power.— Business India. Bombay, 1983, № 137.
- Бэйли, 1960.— *Bailey F. G.* Tribe, Caste and Nation. Bombay, 1960.
- Бэрриер, 1971.— *Barrier N. G.* Muslim Politics in the Punjab, 1870—1890.— The Punjab Past and Present. Patiala, 1971, vol. V, № 1.
- Бэрриер, 1974.— *Barrier N. G.* Banned Controversial Literature and Political Control in British India. University of Missouri Press, 1974.
- Ван ден Берге, 1982.— *Van den Bergh P. L.* The Ethnic Phenomenon. N. Y., 1982.
- Варма, 1980.— *Varma V. P.* Modern Indian Political Thought. Agra, 1980.
- Вафа, 1973.— *Вафа А. Х.* Проблемы философии истории в трудах Джавахарлала Неру.— Мировоззрение Джавахарлала Неру. М., 1973.
- Вейнер, 1973.— *Weiner M.* Assam and its Migrants.— Demography India. Delhi, 1973, vol. II, № 2.
- Вейнер, 1978.— *Weiner M.* Sons of the Soil, Migration and Ethnic Conflict in India. Princeton, 1978.
- Вейнер, Катценштейн, 1981.— *Weiner M., Katzenstein M. F.* India's Preferential Policies: Migrants, the Middle Classes and Ethnic Equality. Chicago, 1981.
- Венката Рао, Хазарика, 1983.— *Venkata Rao V., Hazarika N.* A Century of Government and Politics in North East India. New Delhi, 1983.
- Венкатарангайя, Шивайя, 1975.— *Venkatarangaya M., Shiviah M.* Indian Federalism. New Delhi, 1975.
- Вецлер, 1985.— *Wezler A.* Dharma und Desadharma.— см. Кульке, Потермунд, 1985б.
- Вивекананда, 1933.— *Life of Swami Vivekananda.* Almora, 1933.
- Вивекананда, 1964.— *Talks with Swami Vivekananda.* Calcutta, 1964.
- Витцель, 1985.— *Witzel M.* Regionale und überregionale Faktoren in der Entwicklung vedischer Brahmanengruppen in Mittelalter.— см. Кульке, Потермунд, 1985б.
- ВКГЛ, 1974.— *APHLIC Souvenir 1961—1974.* Shillong, 1974.
- Володин, 1982.— *Володин А. Г.* Буржуазная оппозиция в социально-политической структуре Индии. М., 1982.

- Володин, 1987.— *Володин А. Г.* Буржуазные партии Индии в 70-х — начале 80-х годов: перегруппировка сил.— Буржуазные партии и политическая борьба в странах Востока. М., 1987.
- Вудрафф, 1963.— *Woodruff P.* The Men Who Ruled India. Vol. 2: The Guardians. L., 1963.
- Гадгил, 1947.— *Gadgil D. R.* Federal Problem in India. Poona, 1947.
- Ганди К. Л., 1982.— *Ганди К. Л.* Языковая политика в современной Индии. М., 1982.
- Ганди М. К., 1922.— *Gandhi M. K.* Speeches and Writings. Madras, 1922.
- Ганди М. К., 1944.— *Gandhi M. K.* Non-violence in Peace and War. Ahmedabad, 1944.
- Ганди М. К., 1954.— *Gandhi M. K.* Linguistic Provinces. Ahmedabad, 1954.
- Ганди М. К., 1963.— *Gandhi M. K.* The Way to Communal Harmony. Ahmedabad, 1963.
- Ганковский, 1964.— *Ганковский Ю. В.* Народы Пакистана (основные этапы этнической истории). М., 1964.
- Ганковский, 1967.— *Ганковский Ю. В.* Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане. М., 1967.
- Гаррисон, 1960.— *Harrison S. S.* India. The Most Dangerous Decades. Oxford University Press, 1960.
- Гойял, 1974.— *Goyal O. P.* India. Government and Politics. New Delhi — Roh-tak — Jammu, 1979.
- Гопал, 1977.— *Gopal M.* Sir Chhotu Ram. A Political Biography. New Delhi, 1977.
- Гордон-Полонская, 1970.— *Гордон-Полонская Л. Р.* О некоторых особенностях буржуазного просветительства в колониальных условиях (на примере Индии).— Идеологические проблемы современной Индии. М., 1970.
- Горовиц, 1985.— *Horowitz D. L.* Ethnic Groups in Conflict. Berkeley etc., 1985.
- Госвами, 1979.— *Goswami B. B.* The Mizo Unrest: A Study of Politicization of Culture. Jaipur, 1979.
- Государство.— Государство в странах капиталистической ориентации. М., 1982.
- Грановский, Широков, 1987.— *Грановский Н. Е., Широков Г. К.* Экономическое развитие Индии в 80-х годах.— Индия 1985—1986. Ежегодник. М., 1987.
- Графский, Страшун, 1968.— *Графский В. Г., Страшун Б. А.* Федерализм в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1968.
- Григорьева, 1982.— *Григорьева Г. М.* Индийский штат Нагаленд. Политика и этносоциальные проблемы. М., 1982.
- Григорьева, 1983.— *Григорьева Г. М.* К вопросу о роли религии в политической жизни Северо-Восточной Индии.— Религия и общественная жизнь в Индии. М., 1983.
- Гриффитс, 1952.— *Griffiths P., Jr.* British Impact on India. L., 1952.
- Гулати, 1974.— *Gulati K. C.* The Akalis. Past and Present. New Delhi, 1974.
- Гундевиа, 1975.— *Gundevia V. D.* War and Peace in Nagaland. New Delhi, 1975.
- Гупта Д. Ч., 1978.— *Gupta D. C.* Indian Government and Politics. New Delhi etc., 1978.
- Гупта С. К., 1975.— *Gupta S. K.* Citizen in the Making. Socialization for the Citizenship Role in a Democratic Society. Delhi, 1975.
- Гуревич, 1983.— *Гуревич П. С.* Социальная мифология. М., 1983.
- Гуха А., 1982.— *Guha A.* The Indian National Question: A Conceptual Frame.— Economic and Political Weekly. Review of Political Economy. 1982, July.
- Гуха А. Ч., 1982.— *Guha A. C.* India's Struggle Quarter of a Century 1921—1946. Pt. 1. New Delhi, 1982.
- Дас А. К., 1982.— *Das A. K.* Assam's Agony: A Socio-economic and Political Analysis. New Delhi, 1982.
- Дас М., 1981.— *Das M.* From Nation to Nation. A Case Study of Bengali Independence. Columbia (Mass.), 1981.
- Дас М. Н., 1978.— *Das M. N.* Indian National Congress versus the British Delhi, 1978.

- Датт, 1943.— *Dutt R. P.* The Problem of India. N. Y., 1943.
- Датта, 1965.— *Datta K. K.* Renaissance, Nationalism and Social Changes in Modern India. Calcutta etc., 1965.
- Де, 1974.— *De A.* Roots of Separatism in Nineteenth Century Bengal. Calcutta, 1974.
- Девахути, 1982.— *Devahuti.* Historical and Political Perspectives. New Delhi, 1982.
- Девяткина, 1961.— *Девяткина Т. Ф.* Ликвидация княжеств в современной Индии. М., 1961.
- Девяткина, 1970.— *Девяткина Т. Ф.* Индийский национальный конгресс (1947—1964). М., 1970.
- Дегаонкар, 1980.— *Deogaonkar S. G.* (ed.). Problems of Development of Tribal Areas. Delhi, 1980.
- Десаи, 1954.— *Desai A. R.* Social Background of Indian Nationalism. Bombay, 1954.
- Десаи, 1960.— *Desai A. R.* Tribes in Transition.— см. Тхапар, 1977.
- Джена, 1967.— *Jena B. B.* Political Parties in Orissa.— State Politics in India. Meerut, 1967.
- Джинна, 1964.— *Jinnah M. A.* Speeches and Writings of Mr. Jinnah. Vol. 2. Lahore, 1964.
- Джоунс Дж., 1948.— *Jones G.* Tumult in India. N. Y., 1948.
- Джоунс К. У., 1977.— *Jones K. W.* Ham Hindu Nahin. The Arya—Sikh Relations, 1877—1905.— The Punjab Past and Present. Patiala, 1977, vol. XI, pt. 2.
- Джургенсмайер, 1981.— *Juergensmeyer M.* Political Origins of a Punjabi Lower Caste Religion.— The Punjab Past and Present. Patiala, 1981, vol. XV, № 1.
- Д'Круз, 1967.— *D'Cruz E.* India. The Quest for Nationhood. Bombay, 1967.
- Доши, 1978.— *Doshi S. L.* Processes of Tribal Unification and Integration (A Case Study of the Bhils). Delhi, 1978.
- Д'Соуза, 1982.— *D'Souza V.* Economy, Caste, Religion and Population Distribution. An Analysis of Communal Tension in Punjab.— Economic and Political Weekly. 08.05.1982.
- Дуррани, 1946.— *Durrani F. Khan.* The Meaning of Pakistan. Lahore, 1946.
- Дхами, 1975.— *Dhami M. S.* Minority Leaders Image of the Indian Political System. Delhi — Jullundhur, 1975.
- Дхиллон, 1976.— *Dhillon G. S.* Sikh Politics in the Punjab (1910—1920).— Journal of Sikh Studies. Amritsar, 1976, vol. III, № 1.
- Дхиллон, 1979.— *Dhillon G. S.* Sikh Politics in the Later Half of the 19th Century.— Journal of Sikh Studies. Amritsar, 1979, vol. VI, № 2.
- Дхиллон, 1980.— *Dhillon G. S.* Sikh Politics in the Punjab (1900—1910).— Journal of Sikh Studies. Amritsar, 1980, vol. VII, № 1—2.
- Дьяков, 1948.— *Дьяков А. М.* Национальный вопрос и английский империализм в Индии. М., 1948.
- Дьяков, 1963.— *Дьяков А. М.* Национальный вопрос в современной Индии. М., 1963.
- Дэвис, 1972.— *Дэвис Д. Э.* Социология установки.— Американская социология. М., 1972.
- Дюбе, 1977.— *Dube S. C.* Tribal Heritage of India. Vol. 1. Ethnicity, Identity and Interaction. New Delhi, 1977.
- Ерасов, 1982.— *Ерасов Б. С.* Социально-культурные традиции и общественное сознание в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1982.
- Ермошкин, Сучков, 1971.— *Ермошкин Н., Сучков И.* Печать, радио, телевидение Республики Индии. М., 1971.
- Иббетсон, 1883.— *Ibbetson D.* Punjab Castes. (Reprint). Patiala, 1970.
- Измирлян, 1979.— *Izmirlian H.* Structure and Strategy in Sikh Society. The Politics of Passion. New Delhi, 1979.
- Израэль, 1983.— *Izrael M.* (ed.). National Unity. The South Asian Experience. New Delhi, 1983.
- Индия 1977/78.— *India 1977/78.* A Reference Annual. New Delhi, 1978.
- Индия, Пакистан, 1948.— *The Indian and Pakistan Year Book and Who's Who.*

- A Statistical and Historical Annual of the Dominion of India and Pakistan. Bombay — Calcutta, 1948—1949.
- Иршик, 1969.— *Irschick E.* Politics and Social Conflict in South India. Berkeley, 1969.
- История Индии, 1968.— История Индии в средние века. М., 1968.
- Иербук, 1944—1945.— *The Indian Year Book*. Vol. XXXI, 1944-45. New Delhi, 1945.
- Кабирадж, 1956.— *Кабирадж Н.* Национально-освободительное движение в Бенгалии. М., 1956.
- Казаков, 1967.— *Казаков В. И.* Борьба за создание национальных штатов в независимой Индии. М., 1967.
- Камат, 1981.— *Kamat A. R.* Education and Social Change among the Scheduled Castes and Scheduled Tribes.— *Economic and Political Weekly*. 01.08.1981.
- Каннингхэм, 1849.— *Cunningham J.* History of the Sikhs. L., 1849.
- Катценштейн, 1979.— *Katzenstein M. F.* Ethnicity and Equality: The Shiv Sena Party and Preferential Policies in Bombay. Ithaca — London, 1979.
- Кауль, 1963.— *Kaul J. M.* Problems of National Integration. New Delhi, 1963.
- Каушик, 1964.— *Kaushik P. D.* The Congress Ideology and Programme 1920—47. Ideological Foundations of Indian Nationalism. Bombay etc., 1964.
- Ким, 1986.— *Ким Г. Ф.* От национального освобождения к социальному. Социально-политические аспекты современных национально-освободительных революций. М., 1986.
- Кинкейд, Параснис, 1931.— *Kincaid C. A., Parasnis D. B.* A History of the Maratha People. L., 1931.
- Клюев, 1978.— *Клюев Б. И.* Национально-языковые проблемы независимой Индии. М., 1978.
- Клюев, 1982.— *Клюев Б. И.* Религиозно-общинная ситуация.— Индия 1980. Ежегодник. М., 1982.
- Клюев, 1983.— *Клюев Б. И.* Община сикхов (70-е годы).— Религия и общественная жизнь Индии. М., 1983.
- Клюев, 1985.— *Клюев Б. И.* Проблемы национальной интеграции.— Индия 1983. Ежегодник. М., 1985.
- Клюев, 1987.— *Клюев Б. И.* «Шив сена»: коммунизм в Махараштре.— Индия 1985—1986. Ежегодник. М., 1987.
- Колеватов, 1984.— *Колеватов В. А.* Социальная память и познание. М., 1984.
- Комаров, 1965.— *Комаров Э. Н.* Зарождение критики буржуазного общества в Индии конца XIX в.— Идеологические течения современной Индии. М., 1965.
- Комаров, 1973.— *Комаров Э. Н.* Джавахарлал Неру: социально-политические воззрения и историческая роль.— Мировоззрение Джавахарлала Неру. М., 1973.
- Комаров, 1982.— *Комаров Э. Н.* Политическая эволюция независимой Индии.— Индия 1980. Ежегодник. М., 1982.
- Комаров, Литман, 1969.— *Комаров Э. Н., Литман А. Д.* Мировоззрение Мохандаса Карамчанда Ганди. М., 1969.
- Комаров, Чичеров, 1970.— *Комаров Э. Н., Чичеров А. И.* Тенденции политического развития современной Индии.— Идеологические проблемы современной Индии. М., 1970.
- Комиссия, 1948.— *Report of the Linguistic Provinces Commission*. New Delhi, 1948.
- Комиссия, 1955.— *States Reorganization Commission. Report*. New Delhi, 1955.
- Комитет, 1949.— *Report of the Linguistic Provinces Committee*. New Delhi, 1949.
- Конгресс.— *Congress Presidential Addresses, 1911 to 1934*. Madras, 1935.
- Конституция, 1956.— Конституция Индии. М., 1956.
- Конституция, 1979.— *Constitution of India. As Amended up to the Constitution (Forty-fourth Amendment) Act, 1979, with Short Notes*. Lucknow, 1979.
- Копф, 1969.— *Kopf D.* (ed.). Bengal Regional Identity. East Lansing (Mich.), 1969.
- Костюченко, 1977.— *Костюченко В. С.* Вивекананда. М., 1977.

- Коул, Самбхи, 1978.— *Cole O., Sambhi P. S. The Sikhs. Their Religious Beliefs and Practices.* New Delhi etc., 1978.
- Кочнев, 1968.— *Кочнев В. И.* Государство сикхов и Англия. М., 1968.
- Кочнев, 1975.— *Кочнев В. И.* Этнополитическая обстановка на Индостанском полуострове.— *Расы и народы.* Вып. 5. М., 1975.
- Крузе, 1975.— *Kruse H. S. Regionalismus in Südindien.* Die drawidische Bewegung. Hamburg, 1975.
- Крюков, 1986а.— *Крюков М. В.* Еще раз об исторических типах этнических общностей.— *Советская этнография.* 1986, № 3.
- Крюков, 1986б.— *Крюков М. В.* Главной задачей по-прежнему остается проникновение в сущность этнических связей.— *Советская этнография.* 1986, № 5.
- Кудрявцев, 1971.— *Кудрявцев М. К.* Община и каста в Хиндустане. М., 1971.
- Кулкарни В. Б., 1964.— *Kulkarni V. B. British Dominion and After.* Bombay, 1964.
- Кулкарни Ш., 1980.— *Kulkarni S. Tribal Education and Development.*— см. Деогаонкар, 1980.
- Кульке Г., 1985.— *Kulke H. Die frühmittelalterlichen Regionalreiche. Ihre Struktur und Rolle im Prozess staatlicher Entwicklung Indiens.*— см. Кульке, Потермунд, 1985б.
- Кульке, Потермунд, 1985а.— *Kulke H., Rothermund D. Region Regionale Tradition und Regionalismus in Südasien. Versuch einer Einleitung in die Thematik.*— см. Кульке, Потермунд, 1985б.
- Кульке, Потермунд, 1985б.— *Regionale Tradition in Südasien.* Hrsg. Kulke H. u. Rothermund D. Stuttgart, 1985.
- Кульке Е., 1978.— *Kulke E. The Parsees in India.* New Delhi, 1978.
- Куплэнд, 1943.— *Coupland R. Indian Politics 1936—1942. Report on the Constitutional Problem of India.* Pt. 2. Oxford University Press, 1943.
- Куппурам, 1982.— *Kuppuram G. Centralization and Regional Autonomy — The Chola State.*— см. Девахути, 1982.
- Куценков, 1983.— *Куценков А. А.* Эволюция индийской касты. М., 1983.
- Куцобин, 1971.— *Куцобин П. В.* Проблемы единого фронта в политике Компартии Индии в период 1947—1963 гг.— *Проблемы коммунистического движения в Индии.* М., 1971.
- Куцобин, Чичеров, 1977.— *Куцобин П. В., Чичеров А. И.* Современная Индия: достижения, проблемы, перспективы. М., 1977.
- Кэмпбелл, 1852.— *Campbell G. Modern India: A Sketch of the System of Civil Government. To Which Is Prefixed Some Account of the Natives and Native Institutions.* L., 1852.
- Левин, Мамаев, 1957.— *Левин И. Д., Мамаев В. А.* Государственный строй Индии. М., 1957.
- Левковский, 1978.— *Левковский А. И.* Социальная структура развивающихся стран. М., 1978.
- Лейг, 1922.— *Leigh M. S. The Punjab and the War.* Lahore, 1922.
- Лёйе, 1981.— *Leue H.-J. Britische Indien — Politik 1926—1932. Motive, Methoden und Misserfolg imperialer Politik am Vorabend der Dekolonisation.* Wiesbaden, 1981.
- Лемерсинье, 1983.— *Lemercinier G. Religion and Ideology in Kerala.* Louvain-la-Neuve, 1983.
- Лепчани, 1980.— *Lepchani R. K. Development Problems and the Lepchas.*— см. Деогаонкар, 1980.
- Литен, 1984.— *Lieten G. K. Colonialism, Class and Nation: The Confrontation in Bombay around 1930.* Calcutta, 1984.
- Литман, 1983.— *Литман А. Д.* Секуляризм в Индии: мировоззренческие аспекты.— *Религия и общественная жизнь в Индии.* М., 1983.
- Лок сабха, 1985.— *Lok Sabha Secretariat. President's Rule in the States.* New Delhi, 1985, January.
- Лэмб, 1966.— *Lamb B. P. India: A World in Transition.* N. Y., 1966.
- Лютт, 1970.— *Lütt J. Hindu-Nationalismus in Uttar-Prades 1867—1900.* Stuttgart, 1970.

- Мадан, 1966.— *Madan G. R.* Indian Social Problems. Vol. I. Social Disorganization. Bombay etc., 1966.
- Маджумдар Р. Ч., 1969.— *Majumdar R. C.* Struggle for Freedom. Bombay, 1969.
- Маджумдар Р. Ч., 1978.— *Majumdar R. C.* History of Modern Bengal. Pt. 1. 1765 to 1905. Calcutta, 1978.
- Маджумдар Р. Ч., 1981.— *Majumdar R. C.* History of Modern Bengal. Pt. 2. 1905—1947. Calcutta, 1981.
- Маджумдар С. К., 1966.— *Majumdar S. K.* Jinnah and Gandhi: Their Role in India's Quest for Freedom. Calcutta, 1966.
- Малик, 1963.— *Malik H.* Muslim Nationalism in India and Pakistan. Washington, 1963.
- Маммен, 1981.— *Mammen P. M.* Communalism vs Communism: A Study of the Socio-Religious Communities and Political Parties in Kerala, 1892—1970. Calcutta, 1981.
- Мангутов, 1971.— *Мангутов Р. Н.* Индийские коммунисты в борьбе за единый национальный фронт в 1946—1970 гг.—Проблемы коммунистического движения в Индии. М., 1971.
- Мандельбаум, 1970.— *Mandelbaum D. C.* Society in India. Vol. 1—2. Berkeley, 1970.
- Мануилова, 1975.— *Мануилова Д. Е.* Социальные функции религии. М., 1975.
- Маретина, 1980.— *Маретина С. А.* Эволюция общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии. М., 1980.
- Мартышин, 1970.— *Мартышин О. В.* Политические взгляды Мохандаса Карамчанда Ганди. М., 1970.
- Мартышин, 1981.— *Мартышин О. В.* Политические взгляды Джавахарлала Неру. М., 1981.
- Махаджан, 1979.— *Mahajan V. D.* The Nationalist Movement in India. New Delhi, 1979.
- Махешвари, 1979.— *Maheshwari S.* Indian Administration. New Delhi etc., 1979.
- Мезенцева, 1985.— *Мезенцева О. В.* Роль индуизма в идеологической борьбе современной Индии. М., 1985.
- Мерриам, 1980.— *Merriam A. H.* Gandhi vs Jinnah. The Debate Over the Partition of India. Calcutta, 1980.
- Мировоззрение Неру, 1973.— Мировоззрение Джавахарлала Неру. М., 1973.
- Миронова, 1983.— *Миронова Е. И.* Этапы «зеленой революции». — Индия 1981—1982. Ежегодник. М., 1983.
- Мисра, 1980.— *Misra T.* Assam: A Colonial Hinterland.— Economic and Political Weekly. 09.08.1980.
- Мисра, 1982.— *Misra T.* Assam and the National Question.— Nationality Question in India. Hyderabad, 1982.
- Миттельштен, 1970.— *Mittelsten S. J.* Die Teilung Indiens. Zur Zwei-Nationen Theorie. Köln, 1970.
- Мишра, 1985.— *Mishra R. N.* The Problem of Regionalism in Orissa Politics.— см. Падхи, 1985.
- Мозли, 1971.— *Mosley L.* The Last Days of the British Raj. Bombay, 1971.
- Мозолин, 1979.— *Мозолин В. П.* Личность, право, экономика современной Индии. М., 1979.
- Мораес, 1956.— *Moraes F. R.* Jawaharlal Nehru. A Biography. N. Y., 1956.
- Мукерджи, 1914.— *Mookerji R.* The Fundamental Unity of India (From Hindu Sources). N. Y. etc., 1914.
- Мукхерджи Х., Мукхерджи У., 1957.— *Mukherjee H., Mukherjee U.* Bande Mataram and Indian Nationalism 1906—1908. Calcutta, 1957.
- Мун, 1962.— *Moon P.* Divide and Quit. Berkeley, 1962.
- Мунши, 1967.— *Munshi K. M.* The President Under the Indian Constitution. Bombay, 1967.
- Мутханна, 1980.— *Muthanna I. M.* History of Modern Karnataka. New Delhi etc., 1980.
- Мэйнон, 1977.— *Manor J.* Political Change in an Indian State: Mysore 1917—1955. New Delhi, 1977.

- Найяр, 1966.— *Nayar B. R. Minority Politics in the Punjab*. Princeton, 1966.
- Намбудирипад, 1952.— *Namboodiripad E. M. S. The National Question in Kerala*. Bombay, 1952.
- Намбудирипад, 1960.— *Намбудирипад Е. М. Ш. Махатма Ганди и гандизм*. М., 1960.
- Нарайян.— *Narayan J. Nation-Building in India*. Varanasi, [6. г.].
- Наранг, 1983.— *Narang A. S. Storm over the Sutlej. The Akali Politics*. New Delhi, 1983.
- Национальный вопрос, 1982.— *Nationality Question in India. Seminar Papers*. Hyderabad, 1982.
- Неру, 1948.— *Nehru J. The Unity of India*. L., 1948.
- Неру, 1955а.— *Неру Дж. Автобиография*. М., 1955.
- Неру, 1955б.— *Неру Дж. Открытие Индии*. М., 1955.
- Неру, 1967—1968.— *Nehru J. Speeches*. Vol. 4. Delhi, 1967—1968.
- Неру, 1973.— *Nehru J. Unity of India*. New Delhi, 1973.
- Неру, 1975.— *Неру Дж. Взгляд на всемирную историю*. Т. 2. М., 1975.
- Нилов, 1972.— *Нилов Ф. Н. Западная Бенгалия: политические проблемы*. М., 1972.
- Нилов, 1982.— *Нилов Ф. Н. Опыт деятельности правительств леводемократических сил в Керале и Западной Бенгалии*.— *Индия 1980. Ежегодник*. М., 1982.
- Новая история.— *Новая история Индии*. М., 1961.
- Новейшая история.— *Новейшая история Индии*. М., 1959.
- Ожегов, 1981.— *Ожегов С. И. Словарь русского языка*. М., 1981.
- Оранс, 1965.— *Orans M. The Santhal: A Tribe in Search of a Great Tradition*. Detroit, 1965.
- Основы.— *Основы теории политической системы*. М., 1985.
- Остин, 1966.— *Austin G. Indian Constitution: A Cornerstone of a Nation*. Oxford, 1966.
- Павате, 1974.— *Pavate D. C. My Days as Governor*. Delhi etc., 1974.
- Павлов, 1958.— *Павлов В. И. Формирование индийской буржуазии*. М., 1958.
- Падхи, 1985.— *Padhi A. P. (ed.). Indian State Politics: A Case Study of Orissa*. New Delhi, 1985.
- Пайли, 1979.— *Pylee M. V. India's Constitution*. Bombay etc. 1979.
- Пакистан, 1961.— *Pakistan Historical Society. A History of the Freedom Movement*. Vol. II, pt. 2. 1831—1905. Karachi, 1961.
- Пал, 1910.— *Pal B. C. The Spirit of Indian Nationalism*. L., 1910.
- Пал, 1911.— *Pal B. C. The Soul of India*. Calcutta, 1911.
- Пандей, 1979.— *Pandey B. N. (ed.). The Indian Nationalist Movement, 1885—1947. Selected Documents*. London—Basingstoke, 1979.
- Паникар, 1980.— *Panikar P. G. K. Inter-Regional Variation in Calorie Intake*.— *Economic and Political Weekly*. Special Number. 1980, October.
- Паниккар, 1943.— *Panikkar K. M. Indian States*. Oxford University Press, 1943.
- Паркин, 1946.— *Parkin R. India Today*. N. Y., 1946.
- Патиль, 1985.— *Patil V. T. Gandhi, Nehru and the Quit India Movement: A Study in the Dynamics of a Mass Movement*. New Delhi, 1985.
- Патра, 1979.— *Patra S. C. Formation of the Province of Orissa: The Success of the First Linguistic Movement in India*. Calcutta, 1979.
- Перепись 1931, Ассам.— *Census of India 1931*. Vol. 3. Assam. Pt. 1. Shillong, 1932.
- Пилат, 1964.— *Pilat J. Mahátma Gándhí*. Praha, 1964.
- Пилат, 1967.— *Pilat J. Džaváharlál Nėhru*. Praha, 1967.
- Поддар, 1977.— *Poddar A. Renaissance in Bengal. Search for Identity*. Simla, 1977.
- Потабенко, 1973.— *Потабенко С. И. Джавахарлал Неру и некоторые вопросы индийской культуры*.— *Мировоззрение Джавахарлала Неру*. М., 1973.
- Полонская, Девяткина, 1984.— *Полонская Л. Р., Девяткина Т. Ф. Индия*.— *Идеология национально-освободительного движения в странах зарубежного Востока*. 1917—1947. М., 1984.
- Полонская, Паевская, 1973.— *Полонская Л. Р., Паевская Е. М. Индия*.— *За-*

- рождение идеологии национально-освободительного движения (XIX — начало XX в.). М., 1973.
- Празаускас, 1980а.— *Празаускас А.* Племена и малые народности Индии: два варианта интеграции.— Азия и Африка сегодня. 1980. № 3.
- Празаускас, 1980б.— *Празаускас А.* Сикким — 22-й штат Индии. М., 1980.
- Празаускас, 1981.— *Празаускас А. А.* Северо-Восточная Индия. Этническая ситуация и политика. М., 1981.
- Празаускас, 1982а.— *Празаускас А. А.* Опыт и эволюция индийского федерализма.— Национальный вопрос в странах Востока. М., 1982.
- Празаускас, 1982б.— *Празаускас А. А.* Федерализм и этнонациональные проблемы Индии.— Индия 1980. Ежегодник. М., 1982.
- Празаускас, 1984.— *Празаускас А. А.* Этносоциальные конфликты и политический процесс в современной Индии.— Рабочий класс и современный мир. 1984, № 3.
- Празаускас, 1985.— *Празаускас А. А.* Борьба за укрепление единства Индии, против сепаратистских тенденций.— Индия 1983. Ежегодник. М., 1985.
- Празаускас, 1986.— *Празаускас А. А.* Актуальные проблемы этнонационального развития стран Востока.— Национальный вопрос в освободившихся странах Востока. М., 1986.
- Пруссакова, 1983.— *Пруссакова Н. Г.* Алигархский мусульманский университет и политическая борьба в современной Индии.— Религия и общественная жизнь в Индии. М., 1983.
- Пури, 1981.— *Puri H.* Akali Politics: Emerging Compulsions.— Punjab Journal of Politics. 1981, vol. 5, № 1.
- Пхукон, 1984.— *Phukon G.* Assam's Attitude to Federalism. New Delhi — Jalandhar — Bangalore, 1984.
- Радж, 1981.— *Raj H.* Indian Political System. Delhi, 1981.
- Радикальный союз, 1982.— Radical Students Union (Andhra Pradesh). Nationality Question in the Concrete Conditions of India.— см. Национальный вопрос, 1982.
- Развивающиеся страны, 1986.— Развивающиеся страны в современном мире. Пути революционного процесса. М., 1986.
- Рай, 1978.— *Rai S.* Punjabi Heroic Tradition 1900—1947. Patiala, 1978.
- Райков, 1968.— *Райков А. В.* Пробуждение Индии. М., 1968.
- Ранадиве, 1950.— *Ranadive R. K.* The Legal Rights of the Indian States and Their Subjects, or the Truth about Indian States. Baroda, 1950.
- Рандхава, 1975.— *Randhawa M. S.* Green Revolution in Punjab. Ludhiana, 1975.
- Рао К. В. Н., 1978.— *Rao K. V. N.* The Emergence of Andhra Pradesh. Bombay, 1973.
- Рао П. Р., 1978.— *Rao P. R.* History of Modern Andhra. New Delhi, 1978.
- Регинин, 1978.— *Регинин А. И.* Индийский национальный конгресс: очерки идеологии и политики. М., 1978.
- Редди, Шарма, 1979.— *Reddy G. R., Sharma B. A. V.* State Government and Politics: Andhra Pradesh. New Delhi etc., 1979.
- Рейснер, Широков, 1966.— *Рейснер Л. И., Широков Г. К.* Современная индийская буржуазия. М., 1966.
- Рёзель, 1985.— *Rösel J.* Sakralstädte als Kristallisatoren regionaler Tradition — das Beispiel der indischen Tempel- und Pilgerstadt Puri.— см. Кульке, Потермунд, 1985б.
- Резолюшенс.— Indian National Congress Resolutions on States Reorganization 1920—1960. New Delhi, 1960.
- Рой, 1928.— *Roy R.* Collected Works. Rombay, 1928.
- Рой Бёрман, 1977.— *Рой Бёрман Б. К.* Динамическая классификация зарегистрированных племен и принципы культурной политики по отношению к этой группе населения Индии.— Страны и народы Востока. Вып. XIX. М., 1977.
- Рыбаков, 1981.— *Рыбаков Р. Б.* Буржуазная реформация индуизма. М., 1981.
- Сайид, 1968.— *Sayeed K. B.* Pakistan: The Formative Phase 1857—1948. L., 1968.
- Сайфуллин, 1978.— *Сайфуллин М. М.* Индийский федерализм.— Современный буржуазный федерализм. М., 1978.

- Саркар, 1973.— *Sarkar S.* The Swadeshi Movement in Bengal. 1903—1908. New Delhi, 1973.
- Сартори, 1966.— *Sartori G.* European Political Parties: The Case of Polarized Pluralism.— *Political Parties and Political Development*. Princeton, 1966.
- Сархад, 1970.— *Sarhadi A. S.* Punjabi Suba: The Story of the Struggle. Delhi, 1970.
- Сархад, 1973.— *Sarhadi A. S.* Nationalisms in India. The Problem. Delhi, 1973.
- Сахаров, 1977.— *Сахаров И. В.* Западная Бенгалия. Этнодемографический и этнографический очерк. Л., 1977.
- Сдасюк, 1981.— *Сдасюк Г. В.* Штаты Индии. М., 1981.
- Седловская, 1976.— *Седловская А. Н.* Малые народы Бихара. М., 1976.
- Семашко, 1975.— *Семашко И. М.* Бхилы. Историко-этнографическое исследование. М., 1975.
- Семашко, 1986.— *Семашко И. М.* Этнополитическая ситуация в Индии.— *Расы и народы*. 1986. Ежегодник. М., 1986.
- Семенова, 1963.— *Семенова Н. И.* История сикхского движения в Индии. М., 1963.
- Семенова, 1981.— *Семенова Н. И.* Изменения в структуре Индийского Союза в 60—70-е годы.— *Индия — союз штатов*. М., 1981.
- Сен, 1960.— *Сен Д.* От подчинения к независимости. М., 1960.
- Сеталвад, 1946.— *Setalvad C. H.* Recollections and Reflections. Bombay, 1946.
- Симония, 1972.— *Симония Н. А.* Национализм и политическая борьба в освободившихся странах.— *Мировая экономика и международные отношения* (далее: МЭМО). 1972, № 1—2.
- Симония, 1975.— *Симония Н. А.* Страны Востока: пути развития. М., 1975.
- Симония, 1977.— *Симония Н. А.* Национализм, национальный вопрос и классовая борьба в странах Азии.— *Национализм и классовая борьба в странах Азии*. Прага, 1977.
- Симония, 1983.— *Симония Н. А.* Национально-государственная консолидация и политическая дифференциация развивающихся стран Востока.— *МЭМО*. 1983, № 1.
- Сингх Б. Д., 1984.— *Singh B. D.* Punjab Problem: A Perspective Viewpoint.— *Mainstream*. 1984, vol. 22, № 36.
- Сингх Г., 1977.— *Singh, Ganda.* The Origins of the Hindu-Sikh Tension.— *The Punjab Past and Present*. Patiala, 1977, vol. XI.
- Сингх Д., 1981.— *Singh, Dalip.* Dynamics of Punjab Politics. New Delhi, 1981.
- Сингх Дж. Д., 1983.— *Singh J. D.* Troubled Punjab.— *Times of India*. 23.07.1983—28.07.1983.
- Сингх К., 1972.— *Singh, Kirpal.* The Partition of the Punjab. Patiala, 1972.
- Сингх К. С., 1979.— *Singh K. S.* Tribal Ethnicity in a Multi-Ethnic Society: Conflict and Integration in a Colonial and Post-Colonial Chota Nagpur.— *Trends in Ethnic Group Relations in Asia and Oceania*. Paris, 1979.
- Сингх Кх., 1962.— *Singh, Khushwant.* The Fall of the Kingdom of the Punjab. Bombay etc., 1962.
- Сингх Кх., 1977.— *Singh, Khushwant.* A History of the Sikhs. Vol. 1—2. Delhi etc., 1977.
- Сингх М., 1978.— *Singh, Mohinder.* Akali Movement. Delhi, 1978.
- Сингх С., 1982.— *Singh, Satinder.* Khalistan. An Academic Analysis. New Delhi, 1982.
- Сингх Т., 1978.— *Singh, Teja.* Are There Sects in Sikhism? — *The Punjab Past and Present*. Patiala, 1978, vol. XXI, № 1.
- Сингх Ч., 1981.— *Singh, Chandika.* Political Evolution of Nagaland. New Delhi, 1981.
- Сингхви, 1969.— *Singhvi L. M.* (ed.). Union-State Relations in India. New Delhi, 1969.
- Синха, 1970.— *Sinha K.* Meghalaya. Triumph of the Tribal Genius. Delhi, 1970.
- СИС.— *Словарь иностранных слов*. М., 1980.
- Смит, 1947.— *Smith R. A.* Divided India. N. Y., 1947.
- Современное революционное движение.— *Современное революционное движение и национализм*. М., 1973.

- Современный национализм.— Современный национализм и общественное развитие зарубежного Востока. М., 1977.
- Сорсиз.— *Sources of Indian Tradition*. Compiled by Wm. T. de Barry, S. Hay, R. Weiler, A. Yarrow. N. Y., 1958.
- Социальная психология.— Социальная психология. История. Теория. Эмпирические исследования. Л., 1979.
- Спрэтт, 1970.— *Spratt P.* DMK in Power. Bombay, 1970.
- Сринивас, 1952.— *Srinivas M. N.* Religion and Society among the Coorgs of South India. Oxford, 1952.
- Сринивас, 1955.— *Srinivas M. N.* India's Villages. A Collection of Articles. Calcutta, 1955.
- Сринивас, 1976.— *Srinivas M. N.* Nation-Building in Independent India. Delhi, 1976.
- Старушенко, 1967.— *Старушенко Г. Б.* Нация и государство в освободившихся странах. М., 1967.
- Стефенс, 1964.— *Stephens I.* Pakistan. Old Country, New Nation. Penguin Books, 1964.
- Стрэчи, 1888.— *Strachey J.* India. L., 1888.
- Супрунович, 1980.— *Супрунович Б. П.* Выборы 1977 г. и региональные особенности политической жизни Индии.— Индия: проблемы истории национально-освободительного движения и современное политическое развитие. М., 1980.
- СЭС.— Советский энциклопедический словарь. М., 1980.
- Тальвар, 1968.— *Talwar K. S.* The Anand Marriage Act.— The Punjab Past and Present. Patiala, 1968, vol. II, pt 2.
- Тендулкар, 1951.— *Tendulkar D. G.* Mahatma. Life of Mohandas Karamchand Gandhi. Vol. 4. Bombay, 1951.
- Тернер, 1985.— *Тернер Дж.* Структура социологической теории. М., 1985.
- Тихонов, 1979.— *Тихонов А. А.* Федерализм в странах Латинской Америки. М., 1979.
- Трайбл ситуэйшн.— Tribal Situation in India. Proceedings of a Seminar, ed. by K. Suresh Singh. Simla, 1972.
- Тутеджа, 1981.— *Tuteja K. L.* Sikhs and the Congress: 1930-40.— Punjab Journal of Politics. Amritsar, 1981, vol. V, № 2.
- Тхапар, 1977.— *Thapar R.* (ed.). Tribe, Caste and Religion in India. Delhi etc., 1977.
- Тхапар, Мукхиа, Чандра, 1969.— *Thapar R., Mukhia H., Chandra B.* Communalism and the Writing of Indian History. New Delhi, 1969.
- Уайт пэйпер.— White Paper on the Punjab Agitation. New Delhi, 1984.
- Ульциферов, 1987.— *Ульциферов О. Г.* Язык хинди или диалекты хинди? — Актуальные проблемы изучения языков Южной Азии. М., 1987.
- Ульянова, 1970.— *Ульянова Л. П.* Индия: правовое положение штатов. М., 1970.
- Уоллбэнк, 1965.— *Wallbank T. W.* A Short History of India and Pakistan. N. Y., etc., 1965.
- Уоллес, 1981.— *Wallace P.* Religion and Secular Politics in Punjab: The Sikh Dilemma in Competing Political Systems.— Punjab Journal of Politics. Amritsar, 1981, vol. V, № 1.
- Фишер, 1954.— *Fischer L.* Gandhi: His Life and Message for the World. N. Y. 1954.
- Фукс, 1971.— *Fuchs S.* The Aboriginal Tribes of India. Delhi etc., 1971.
- Фюрер-Хаймендорф, 1979.— *Fürer-Haimendorf C. von.* The Gonds of Andhra Pradesh: Tradition and Change in an Indian Tribe. New Delhi, 1979.
- Фюрер-Хаймендорф, 1980.— *Fürer-Haimendorf C. von.* Recent Developments in the Pisiton of Indian Tribal Population.— Problems of Development of Tribal Areas. Delhi, 1980.
- Ханда, 1983.— *Handa M. L.* National Unity, Social Justice and Education: The Indian Experience.— National Unity: The South Asian Experience. New Delhi, 1983.
- Хантер, 1872.— *Hunter W. W.* The Indian Musulmans. L., 1872.

- Хеймсаг, 1964.— *Heimsath C.* Indian Nationalism and Hindu Social Reform. Princeton, 1964.
- Хорос, 1980.— *Хорос В. Г.* Идеиные течения народнического типа в развивающихся странах. М., 1980.
- Хэндбук.— *Handbook of Scheduled Castes and Scheduled Tribes.* New Delhi, 1968.
- Ценсус, 1981.— *Census of India 1981. Series I, paper 2. Provisional Population Totals. Rural-Urban Distribution.* New Delhi, 1981.
- Чанд, 1961—1972.— *Chand T.* History of the Freedom Movement in India. Vol. 1—4. New Delhi, 1961—1972.
- Чандра Б., 1966.— *Chandra B.* The Rise and Growth of Economic Nationalism in India. Economic Policies of Indian National Leadership. New Delhi, 1966.
- Чандра Б., 1969.— *Chandra B.* Historians of Modern India and Communalism.— см. Тхапар, Мукхия, Чандра, 1969.
- Чандра Б., 1979.— *Chandra B.* Nationalism and Colonialism in Modern India. New Delhi, 1979.
- Чандра С., 1975.— *Chandra S.* Dependence and Disillusionment. Emergence of National Consciousness in Late 19th Century India. New Delhi, 1975.
- Чаттерджи, 1957.— Report of the Official Language Commission. New Delhi, 1957.
- Чаубе, 1973.— *Chaube S.* Hill Politics in North-Eastern India, Bombay etc., 1973.
- Чаудхари, 1973.— *Choudhari S.* Growth of Nationalism in India. Vol. 1—2. New Delhi, 1973.
- Чаудхри, 1978.— *Chaudhry K. C.* Role of Religion in Indian Politics (1900—1925). Delhi, 1978.
- Чаудхури, 1973.— *Chaudhuri N. C.* The Autobiography of an Unknown Indian. Bombay, 1973.
- Чернышев, 1978.— *Чернышев В. А.* Динамика языковой ситуации в Северной Индии (Хиндиязычный ареал после 1947 г.). М., 1978.
- Черчилль, 1974.— *Churchill E. D., Jr.* Muslim Societies of the Punjab, 1860—1890.— *The Punjab Past and Present.* Patiala, 1974, vol. VIII, № 1.
- Чирол, 1926.— *Chirol V.* India Old and New. L., 1926.
- Чичеров, 1985.— *Чичеров А. И.* Индийский национальный конгресс в 60-е годы: политико-идеологические и социально-классовые черты.— *Индия 1983.* Ежегодник. М., 1985.
- Шакир, 1970.— *Shakir M.* Khilafat to Partition. A Survey of Major Political Trends among Indian Muslims during 1919—1947. New Delhi, 1970.
- Шарма К. И., 1976.— *Sharma K. I.* Jharkhand Movement in Bihar.— *Economic and Political Weekly.* 10.01.1976.
- Шарма М. П., 1958.— *Шарма М. П.* Государственный строй Индийской Республики. М., 1958.
- Шарма П. К., 1969.— *Sharma P. K.* Political Aspects of States Reorganization in India. New Delhi, 1969.
- Шарма Х., 1978.— *Sharma H.* Princes and Paramountcy. New Delhi, 1978.
- Швыркова, 1987.— *Швыркова О. В.* Факторы, влияющие на социально-экономическое развитие штатов.— *Индия 1985—1986.* Ежегодник. М., 1987.
- Шелванкар, 1940.— *Shelvankar K. S.* The Problem of India. L., 1940.
- Широв, 1981.— *Широв Г. К.* Промышленная революция в странах Востока. М., 1981.
- Штитенкрон, 1985.— *Stietencron H. von.* Brahmanen als Integratoren und Interpreten von Regionaltradition.— см. Кульке, Ротермунд, 19856.
- Эволюция.— Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984.
- Элвин, 1943.— *Elwin V.* The Aborigines. Oxford University Press, 1943.
- Эндрьюс, 1912.— *Andrews C. F.* The Renaissance in India. L., 1912.
- Этнические процессы.— Этнические процессы в странах Южной Азии. М., 1976.
- Яблоков, 1979.— *Яблоков И. Н.* Социология религии. М., 1979.
- Языковая ситуация.— Зарубежный Восток. Языковая ситуация и языковая политика. Справочник. М., 1986.
- Амрита базар патрика.— *Amrita Bazaar Patrika.* Calcutta.
- Блитц.— *Blitz.* Bombay.

Деккан геральд.— The Deccan Herald. Hyderabad.
Иллюстрейтид уикли оф Индиа.— The Illustrated Weekly of India. Bombay.
Индиа тудэй.— India Today. New Delhi.
Индиан экспресс.— Indian Express. New Delhi.
Йоджана.— Yojana. New Delhi.
Каррент.— Current. New Delhi.
Линк.— Link. New Delhi.
Мэйнстрим.— Mainstream. New Delhi.
Нью эйдж.— New Age. New Delhi.
Органайзер.— Organizer. New Delhi.
Пэтриот.— Patriot. New Delhi.
Рэйдианс.— Radiance. New Delhi.
Сандэй.— Sunday. Calcutta.
Стэйтсмен.— The Statesman. Calcutta — New Delhi.
Таймс оф Индиа.— The Times of India. New Delhi.
Телеграф.— The Telegraph. Calcutta.
Трибьюн.— The Tribune. Chandigarh.
Хинду.— The Hindu. Madras.
Хиндустан таймс.— The Hindustan Times. New Delhi.

A. Prazauskas. *Ethnicity, Politics and State in Modern India*. The subject of this study is the interaction between heterogeneous multiethnic social basis and political system in India.

Part I treats the interplay between ethnic processes and political development during the colonial period. Prior to the British rule India was not politically integrated, yet it constituted a distinct socio-cultural entity bound together principally by common, i. e. Hindu civilization. The spread of Islam introduced a trend of socio-cultural divergence on the greater part of the subcontinent and slowed down the process of ethnic consolidation and formation of macrocommunities bound by common language, culture, and conscious of their identity.

Political unification by the British opened a new stage of development in India. Subjected to the aims of economic exploitation, colonial model of integration contained inner contradictions. Economic interests called for a Pax Britannica, an end to medieval fragmentation, creation of a single market, modernization of the society, uniform and centralized government. However, the principal political objective of fostering the British rule implied the need to preserve a certain degree of fragmentation and controllable conflicts, "Divide and rule" policies. The colonial integration was thus incomplete and hence the need for the presence of external force (i. e. colonial power) to maintain the achieved degree of unity of India.

The rise of Indian elite whose interests gradually clashed with those of the British Raj, was an inevitable consequence of colonial rule, fragmentary social modernization and development of capitalism. These groups of bourgeoisie and intellectuals were unified by their subordinate position within the political system, common set of values, similar way of life that set off ethnic distinctions and fostered alliance of diverse ethnii on the platform of a new ideology, i. e. of emerging Indian nationalism. Its hallmark since the late 19th century has been a distinct religious slant, a blend of religion and politics (Vivekananda, B. G. Tilak, L. L. Rai, Aurobindo Ghosh), shaped by civilization and confessional distinctions between colonizers and Indians and the latter's preoccupation with religion, as well as by the need of expanding of the social base of the liberation movement following the emergence of M. K. Gandhi.

In India, this religious (i. e. Hindu) nationalism was the only viable ideological force holding together a multiethnic, segmented and semi-traditional society. An untoward spin-off of this stronger religious bent was a conflict developing between the Hindu and Muslim brands of nationalism and an idea of two nations, Hindu and Muslim, gaining currency. While spurring on ethnic integration along confessional lines, this tendency extensively split the liberation movement and even reversed ethnic consolidation in some regions, particularly in the Punjab and Bengal. The failings of secular nationalism, concessions to communalism, as in the case of the Khilafat movement and the Lakhnau pact, as well as misguided policies by the Indian National Congress — its har-

dline policy in the late 1930s, its "Quit India movement" campaign, and its refusal to commit itself to a federal system of government—ultimately led to the partition of India.

Despite this, the shaping of a single democratic state in the larger part of the sub-continent was a milestone in the liberation movement. Moreover, the resolution of the Hindu-Muslim conflict with the founding of Pakistan substantially eased inter-communal strife and set the scene for a centralized federation and a fairly durable capitalist democratic regime.

The post-independence political set-up built around the Congress, a coalition of dominant socio-political elements, was far more bourgeois and "modern" than the antiquated and volatile structure of a basically traditional society. The regime's concern with building its social base to reach key objectives, for one thing, and the desire of the local elites for redistributing power, for another, were jointly at work to eradicate this opposition and its actual forms. Half-baked reforms, like abolition of the principalities and zamindaris, among other things, and attempts to keep the polyethnic provinces intact clashed with a general political upsurge to bolster moves to reorganize the states.

The movement for autonomy and distressing election setbacks for the INC in the early 1950s forced the authorities into concessions: the creation of the state of Andhra in 1953, a reform of 1956, and later division of the states of Bombay, Punjab, and Assam. Reorganizing the states, which dragged on until 1987 and brought on the scene Mizoram, Arunachal-Pradesh, and Goa, gave self-rule to most consolidated ethnii, making India the first ever federation in Asia using the principles of national-territorial autonomy. The reforms of the federal system markedly met ethnosocial concerns of the common people and demands by local dominant factions for redistributing power, and spurred their integration within a nationwide socio-political system. This helped expand the authorities' social backing and remove the dichotomy between the political system and the regime's heterogeneous social base, an indication of the former's capacity for self-regulation and resolution of enduring conflicts constitutionally, without military intervention.

Nonetheless the decentralization of power led to more friction between the one-party, or centralized, rule, and the federal system. By the late 1960s this conflict emerged as a major contradiction of the political system and a crucial influence on its subsequent evolution. Authoritarian tendencies within the INC and the government's clampdown on the rights of the states alienated some of the Congress electorate, brought the opposition closer together on the grounds of local nationalism, or "subnationalism", and set the stage for either regional or left democratic parties gaining in strength. This resulted in their posing a tangible alternative to Congress rule in most states outside the Hindu belt: the INC, which dominated all the states in the early 1950s, went into opposition in half of them by the late 1980s.

The evolution of federalism and the rise of a viable multiparty system in the states, with the INC still dominant at federal level, have resulted from ethnosocial factors and have profoundly affected India's political system. Still the crisis in Punjab, developments in Assam and Tripura, and unrest among scheduled tribes have shown this mechanism for settling ethnosocial conflicts stalling now and then. 'Building a nation' has proved an enduring political challenge.

Введение	3
Часть I	
Этнонациональное развитие колонияльной Индии	
Глава 1. Социокультурная интеграция и колонияльная политика . .	10
Пути и формы общендияской интеграции в доколонияльный период	10
Противоречия колонияльной интеграции	24
Глава 2. Зарождение и основные направления индияского национа-	45
лизма	
Зарождение индияского национализма	45
Индусский национализм	60
Мусульманский национализм	71
Секуляристский национализм и гандизм	78
Глава 3. Национализм, конфессионализм, политика	87
Освободительное движение как фактор общендияской интеграции	87
Основные направления этнонационального развития: региональные особенности	113
Часть II	
Этнополитический процесс в независимой Индии	
Глава 4. Этносоциальные движения и эволюция политической си-	143
стемы	
Индия как федеративное государство	143
Автономистские движения и реорганизация штатов	153
Национально-территориальная автономия и эволюция партийно-по-	169
литической системы	
Субэтнические противоречия, локальный национализм и политика в Андрха-Прадеше	185
Глава 5. Пути социально-политической интеграции малых народов .	199
Положение адиваси внутренних районов	202
Реорганизация северо-восточных штатов и ее последствия	213
Глава 6. Этноконфессиональные противоречия и политика в Пенд-	227
жабе	
Движение за образование Пенджабской субы	227
ИНК и Акали дал: секуляризм и коммунизм в Пенджабе	238
Этноконфессиональные противоречия и политический кризис 80-х го-	251
дов	
Глава 7. Этнодемографические изменения и межэтнические конфликты	265
Межэтнические конфликты в Ассаме	265
Экстремизм и сепаратизм в Трипуре	277
Заключение	284
Библиография	289
Summary	302

А. А. Празиускас

Этнос, политика и государство в современной ИНДИИ

Что объединяет и что разделяет народы многонационального государства? Неизбежны ли межэтнические трения и конфликты? Как они влияют на политический процесс, политическую систему общества? Как и в какой мере государство может регулировать межэтнические отношения?

Опыт Индии — крупнейшей многонациональной страны мира — дает неоднозначные ответы на эти универсальные вопросы. Самобытность Индии, разнообразие ее народов и культур, во многом уникальный опыт исторического развития определяют конкретные особенности этнополитического процесса и пути решения национальных проблем.